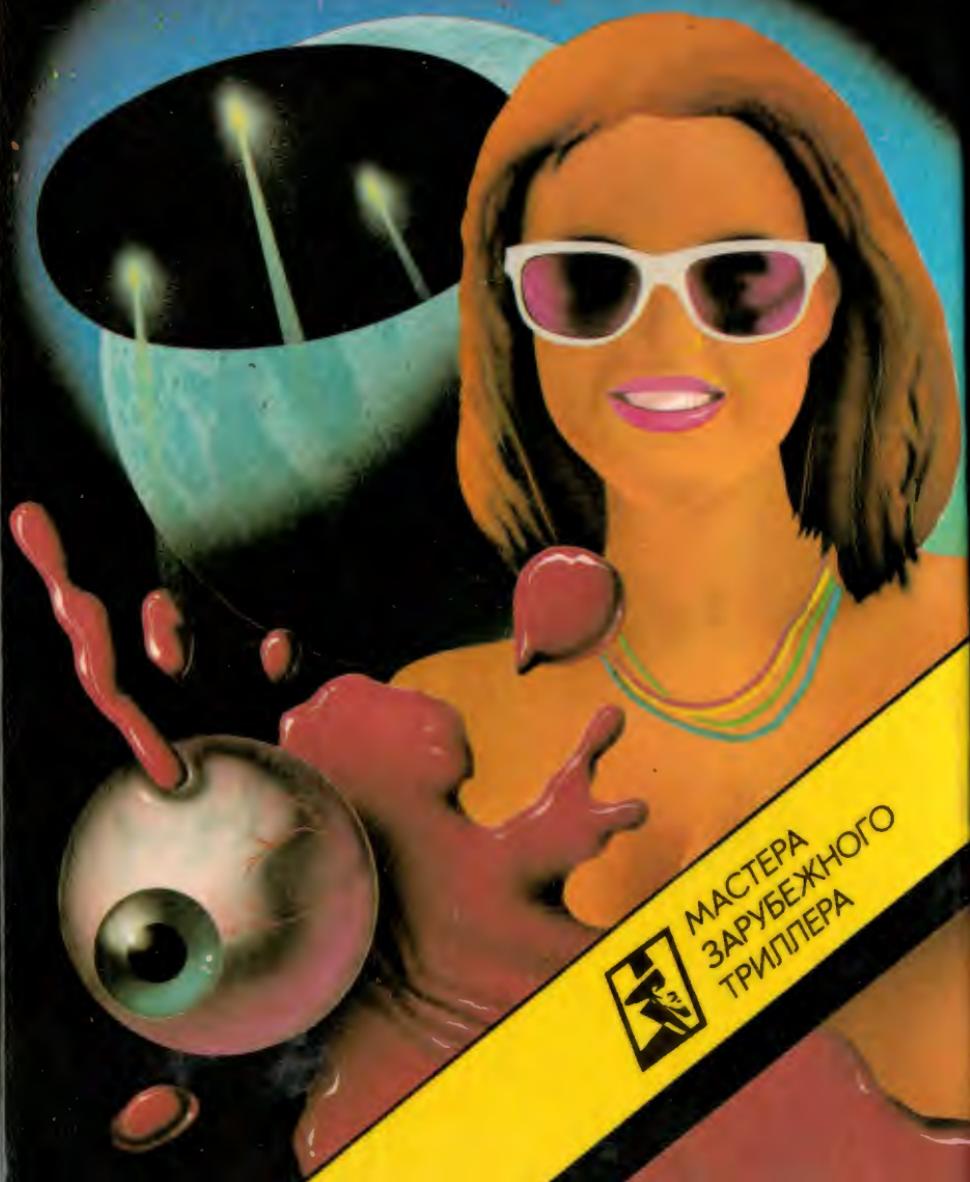

МИШЕЛЬ КРИЧТОН

СФЕРА

МАСТЕРА
ЗАРУБЕЖНОГО
ТРИЛЛЕРА

«Кричтон — превосходный рассказчик... Его повествование вызывает сердце-биение».

«Перелистываешь страницу за страницей на одном дыхании... Кричтон пишет настолько здраво, что словно смотришь кинофильм: сюжет непрерывно развивается и образы, как живые, проходят перед глазами».

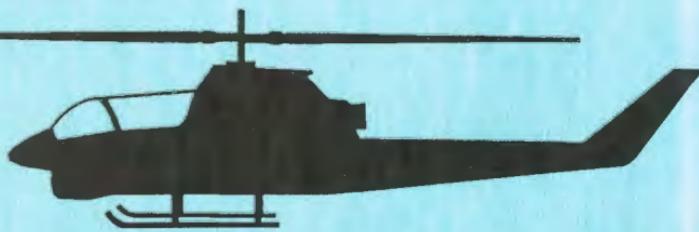
Ньюсик

«Подлинное сопереживание... Забываешь, с кем это все случилось — с вымышленными героями или с самим собой? Последние десять страниц — как раз то, что нужно, лучше не напишешь».

Нью-Йорк Таймс Бук Ревью

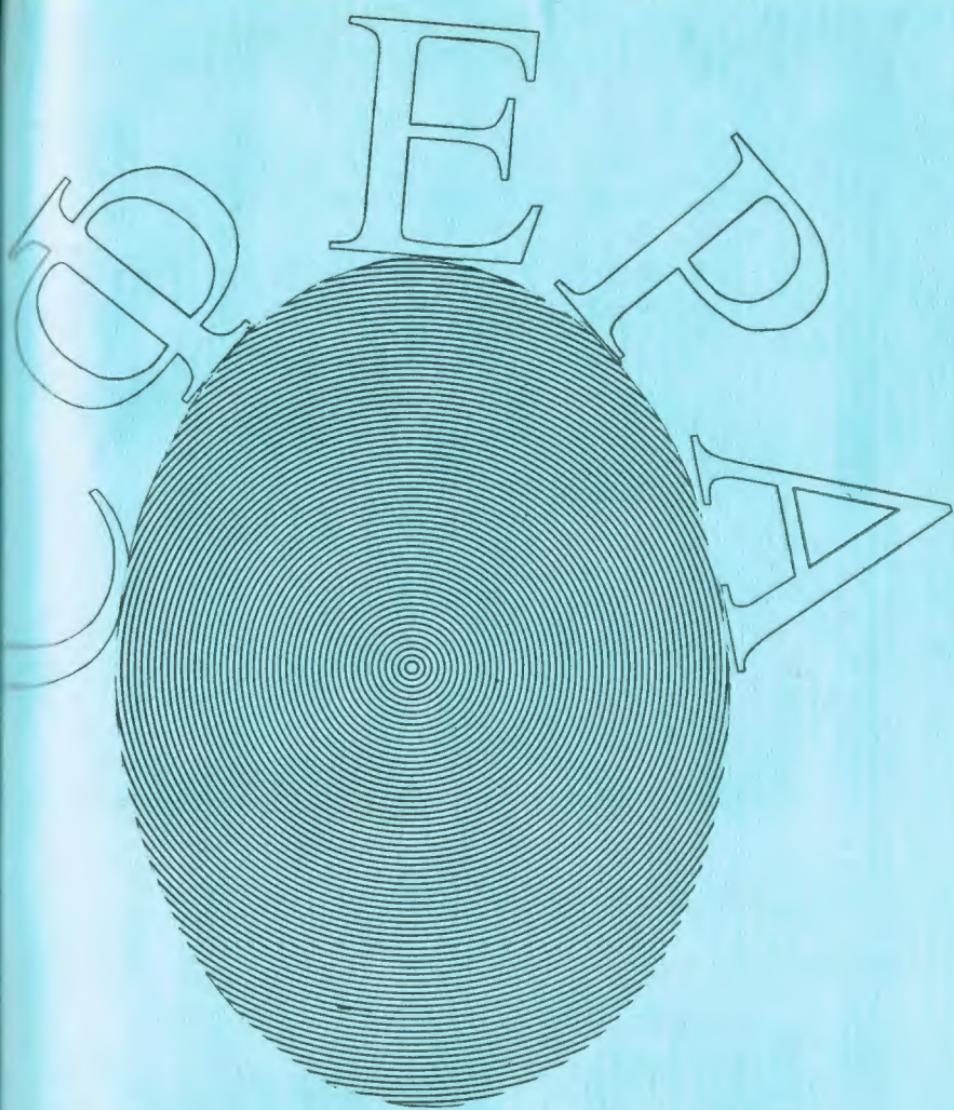
«Его лучшее произведение после «Приятия Андromеды».

Лос Анжелес Таймс Бук Ревью

«В этом романе Мишель Кричтон вновь продемонстрировал свои лучшие качества: он держит нас в нетерпеливом ожидании и тем самым щекочет наши нервные окончания, и подбрасывает нам одно научное предположение за другим, заставляя в тоже время наши мозги шевелиться».

Ньюсик

«Автор вскрывает пугающие глубины человеческой психологии в непредсказуемых обстоятельствах... Лишь немногим писателям удается представить науку столь увлекательной, как это делает Ричтон в своем романе. Замысел его весьма искушен, и в нем немало таинственных и запутанных ходов, чтобы заставить читателя затаить дыхание... Вдумчивая и волнующая попытка проникновения в мрачные глубины подсознания».

Бостон Гералд

МАСТЕРА
ЗАРУБЕЖНОГО
ТРИЛЛЕРА

МИШЕЛЬ КРИЧТОН

СФЕРА

РОМАН

АДА

МОСКВА
1993

ББК 84.4 (США)

К 96

Кричтон Мишель

К 96 «СФЕРА»: Роман/Пер. с англ. Т. МАРЧЕНКО.— М.: «Ада», 1993.— 352 с.

ISBN 5-7794-0121-7

Художник А. Мохин

Фирма «АДА» предлагает вниманию читателей новый захватывающий триллер Мишеля Кричтона «СФЕРА». Группу американских ученых разных специальностей в обстановке повышенной секретности собирают в отдаленном уголке в южных широтах Тихого океана на боевых кораблях ВМС США.

Здесь, на глубине трехсот метров под водой, на самом дне обнаружен неизвестный аппарат гигантских размеров.

Главными действующими лицами становятся американские ученые, группа которых спускается на дно океана, чтобы исследовать столь необычную находку.

Тому, с чем они сталкиваются, отказывается верить воображение; тем более бессильны предпринимаемые ними попытки логических умопостроений. Это — космический корабль, неведомо как оказавшийся на морском дне. Но самое невероятное, что ему по меньшей мере три сотни лет...

ISBN 5-7794-0121-7

С 4703040100-12 без объявл.
ОЕ 0/03/-93

© Перевод, худож. оформл., «АДА», «ДАС», 1993

Все права на издание этой книги на русском языке приобретены фирмами «АДА» и «ДАС». Публикация данного текста без разрешения преследуется по закону.

О Мишеле Кричтоне и его романе «Сфера». Отклики зарубежной прессы.

«Кричтон — превосходный рассказчик... Его повествование вызывает сердцебиение».

«Перелистываешь страницу за страницей на одном дыхании... Кричтон пишет настолько зри-мо, что словно смотришь кинофильм: сюжет непрерывно развивается и образы, как живые, проходят перед глазами».

Ньюсик

«Подлинное сопреживание... Забываешь, с кем это все случилось — с вымышленными героями или с самим тобой? Последние десять страниц — как раз то, что нужно, лучше не напишешь».

Нью-Йорк Таймс Бук Ревью

«Его лучшее произведение после «Притяже-
ния Андromеды».

Лос Анжелес Таймс Бук Ревью

«В этом романе Мишель Кричтон вновь про-
демонстрировал свои лучшие качества: он держ-
жит нас в нетерпеливом ожидании и тем самым
щекочет наши нервные окончания, и подбра-
сывает нам одно научное предположение за
другим, заставляя в то же время наши мозги
шевелиться».

Ньюсик

«Захватывающее приключение... Как только читателю начинает казаться, что уже ничего дурного не может случиться ~~то~~ злополучным отрядом исследователей, автор придает сюжету новый виток».

Сан Франциско Кроникл

«Искусно и занимательно».

Тайм

«В [этом] триллере Мишель Кричтон вновь разворачивает увлекательное действие на фоне сложнейшей современной техники и электроники, возвращаясь к воссозданию той обстановки, которой он вызывал восхищение и в «Притяжении Андromеды»... Превосходное чтение на отдыхе».

Кливленд Плейн Дилер

«Возможно, это лучшее из его произведений».

Нью-Йорк Дейли Ньюз

«Автор вскрывает пугающие глубины человеческой психологии в непредсказуемых обстоятельствах... Лишь немногим писателям удается представить науку столь увлекательной, как это делает Кричтон в своем романе. Замысел его весьма искусен, и в нем немало таинственных и запутанных ходов, чтобы заставить читателя затаить дыхание... Вдумчивая и волнующая попытка проникновения в мрачные глубины подсознания».

Бостон Гералд

«Захватывающее, увлекательное, мастерское повествование... во многом благодаря созданию Кричтоном провоцирующих ситуаций».

Паблишерз Уикли

«В романе сюжетные хитросплетения перемешаны с тонким юмором и любопытными наблюдениями над современным состоянием человечества... У Кричтона настоящий талант создания живых, ярких образов... Читать эту книгу — чистое удовольствие».

Бэтон Руж Санди Мэгэзин

«Не стоит браться за этот роман поздним вечером. Она не вызовет ночных кошмаров, но она не даст вам заснуть. Во всяком случае, пока вы не доберетесь до конца».

Эсбери Парк Пресс

«Интригующе... ярко... приятно повергает из одного изумления в другое».

Киркус Ревьюз

* * *

Об авторе.

Мишель Кричтон родился в 1942 году в Чикаго. Учился в Гарвардском Колледже и Гарвардском медицинском институте. Он автор не только ряда романов, но и книг, написанных в иных жанрах. Им также созданы сценарии к фильмам «Западный мир», «Кома», а также к экранизации его собственного романа «Ограбление в поезде».

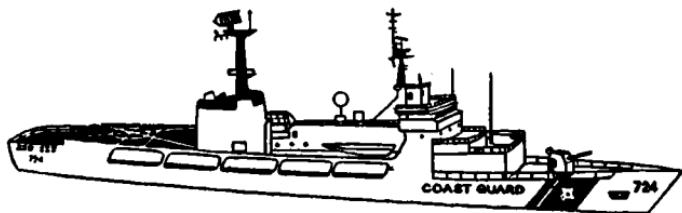
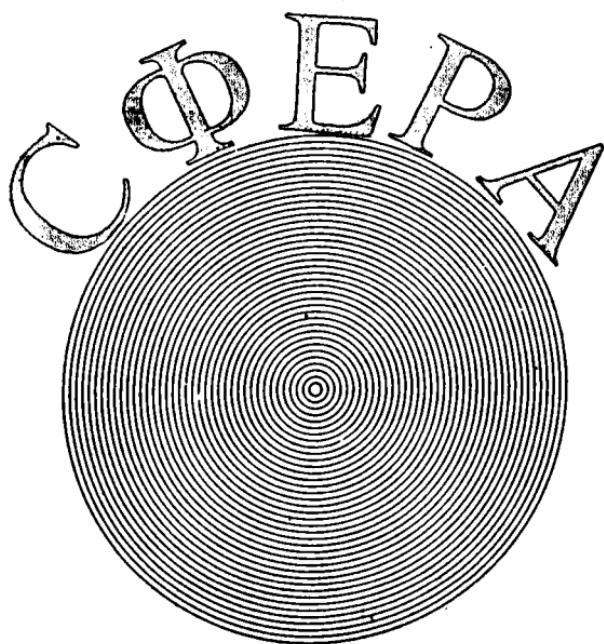
Произведения Мишеля Кричтона

Беллетристические

- «Притяжение Андromеды»
- «Конченый человек»
- «Ограбление в поезде»
- «Пожиратели мертвых»
- «Конго»
- «Парк юрского периода»
- «Встающее солнце»

В других жанрах

- «Пять пациентов»
- «Джаспер Джонс»
- «Жизнь электроники»
- «Путешествия»

Посвящается Линн Несбит

Естествоиспытатель совсем не принимает в расчет невероятное.

Луис И. Кан

Природу не одурачишь.

Ричард Файнман

ПОВЕРХНОСТЬ

К западу от Тонги

Долгое время горизонт оставался совершенно ровной голубой линией, отделявшей небо от Тихого океана. Военный вертолет мчался низко, почти касаясь волн. Несмотря на шум и страшную вибрацию, производимую лопастями, Норман Джонсон спал. Он устал; он провел в пути на разных военных самолетах больше четырнадцати часов. Не самое лучшее занятие для пятидесятичетырехлетнего профессора психологии.

Он не знал, как долго он проспал. Проснувшись, он увидел, что горизонт по-прежнему остается ровным; впереди белели полукружья коралловых атоллов. Он спросил по связи: «Что это?»

— Острова Нинихины и Таракхи,— ответил пилот.— Юридически — часть Тонги, но они необитаемы. Хорошо спалось?

— Неплохо.— Норман наблюдал, как внизу мелькали острова: дуга белого песка, несколько пальм, тут же про павшие. Опять гладь океана.

— Где они вас подхватили? — поинтересовался пилот.

— В Сан Диего,— сказал Норман.— Я вылетел вчера.

— Вы летели по маршруту Гонолулу-Гуам-Паго и теперь сюда?

— Точно.

— Долгое путешествие,— посочувствовал пилот.— Чем вы занимаетесь, сэр?

— Я психолог,— сказал Норман.

— Острая приправа, а? — ухмыльнулся пилот.— Почему бы и нет?

— Что вы имеете в виду?

— Два последних дня мы перевозим людей из Гуама: физиков, биологов, математиков. И каждый летит в никуда посередине Тихого океана.

— Но что происходит? — спросил Норман.

Пилот взглянул на него, но глаза его оставались непроницаемыми за темными стеклами солнцезащитных очков пилота.

— Нам ничего не говорили, сэр. А вам? Что они сказали вам?

— Сказали, — ответил Норман, — что произошло крушение.

— А-а, вас вызывают в случае аварии?

— Да, бывало.

Норман Джонсон уже десять лет входил в состав аварийной команды FAA, экспертов которой кратким звонком вызывали на место бедствия. Первый раз это была катастрофа на Юнайтед Эйрлайнз в Сан Диего в 1976 году; потом его вызывали в Чикаго в 1978 и в Даллас в 1982 году. Каждый раз все происходило примерно одинаково: поспешный телефонный звонок, безумные сборы и недельное — или чуть больше — отсутствие. На этот раз его жена, Эллен, была раздражена вызовом: звонок раздался 1 июня, а это значит, что он должен был пропустить их традиционное барбекю на побережье 4 июня. Да еще после окончания второго курса из Чикаго, по дороге на летнюю практику в Каскады, возвращался Тим. Да и шестнадцатилетняя Эми тоже приезжала из своего Андовера, а она и Эллен ладили друг с другом только при посредничестве Нормана. Volvo снова зашумел. Да и возможно Норману придется пропустить день рождения матери на следующей неделе. «Что это за крушение? — недовольно сказала Эллен. — Я ничего не слышала ни о каком крушении». Она включила радио, и пока он собирался, никаких новостей о крушении не передавали.

Когда у его дома остановилась машина, Норман с изумлением обнаружил, что это был седан, принадлежавший BMC, а за рулем сидел шофер в форме.

— Раньше они никогда не присыпали военных машин, — заметила Эллен, спускаясь вслед за ним к входным дверям. — Это что, военная катастрофа?

— Не знаю, — признался он.

— Когда вернешься?

Он чмокнул ее в щеку:

— Я позвоню. Уж извини.

Но он не позвонил. Все были с ним весьма любезны, но старались держать его подальше от телефонов. Сначала на Хикам Филд в Гонолулу, потом на Военно-Воздушном Аэророме в Гуаме, куда он прибыл в два часа ночи и, прежде чем вылететь, полчаса провел в комнате, пропахшей авиационным газолином, пытаясь вникнуть в статью взятого в дорогу «Американского журнала по психологии». Норман прибыл в Паго Паго, когда едва рассвело. Он торопливо влез в большой вертолет «Морской Разбойник», который немедленно поднялся над пальмами и ржавыми рифлеными крышами, взяв курс на холодно темнеющий восток.

Он находился в вертолете около двух часов, но часть времени он проспал. Эллен, и Том с Эми, и день рождения матери казались сейчас бесконечно далекими.

— Где точно мы находимся?

— Между Самоа и Фиджи, на юге Тихого океана, — ответил пилот.

— Можете показать мне карту?

— Не положено, сэр. Все равно много по ней не разглядишь. Как раз сейчас вы в двухстах милях от любого указанного пункта.

Норман вперился в однообразную гладь океана, по-прежнему голубую и безжизненную. Охотно верю, подумал он и зевнул.

— Вам не надоедает созерцать это?

— Сказать по правде, нет, сэр, — сказал пилот. — Я просто счастлив видеть его таким тихим. Наконец-то у нас хорошая погода. Правда, долго она не простоит — на Адмиралах собирается циклон и скоро он повернет сюда.

— И что тогда?

— Сущий ад, сэр. Погода может быть чертовски упрямой в этой части Тихого океана. Я сам из Флориды, сэр, и ребенком я видел несколько ураганов, но нет ничего подобного тихоокеанскому циклону, сэр.

Норман кивнул.

— Как скоро мы будем на месте?

— В любую минуту.

После двух часов однообразное скопление кораблей показалось Норману необычайно интересным. Там было около дюжины судов различных типов, расходившихся неровными кругами. По внешнему периметру Норман на-

считал 8 эсминцев. Ближе к центру располагались большие корабли с широко расставленными двойными корпусами, похожие на плавучие доки; затем ящикообразные суда с посадочными площадками для вертолетов; и в центре этой серой массы — два белых корабля, с ровными дорожками и радаром каждый. Пилот перечислял их:

— Снаружи для защиты стоят эсминцы, дальше суда RVS, «Управление роботами на расстоянии»; затем MSS, «Обеспечение и Снабжение», а в центре OSRV.

— OSRV?

— «Океанографические исследовательские и изыскательские работы». — Пилот указал на белые суда: — «Джон Хэйвс» перед нами и «Уильям Артур» справа по борту». Мы сядем на «Хэйвса». — Пилот облетел по кругу скопление кораблей, и Норман смог разглядеть катера, снующие взад-вперед среди них, оставляя пенистые белые бурунчики в глубокой синеве воды.

— И все это из-за крушения самолета?

— Ха! — ухмыльнулся пилот. — Я не говорил о крушении. Пристегните ваши ремни, если хотите, сэр. Мы приземляемся.

Барнс

Красный радар увеличился и скрылся под ними, как только вертолет сел. Норман неумело возился с замком пристяжного ремня, когда морской офицер поднялся по трапу и открыл дверь.

— Доктор Джонсон? Норман Джонсон?

— Да, верно.

— Есть какой-нибудь багаж, сэр?

— Только это, — Норман повернулся назад, вытащил свой дипломат. Офицер перехватил его.

— Может быть, исследовательские инструменты?

— Нет, больше ничего.

— Тогда сюда, сэр. Нагните голову, следуйте за мной и не выходите на корму, сэр.

Норман вышел, приседая под лопастями. Он спустился за офицером по узким ступеням винтовой лестницы. К раскаленным металлическим перилам нельзя было притронуться. Позади поднялся вертолет, и пилот помахал на прощанье. Как только вертолет взлетел, почувствовалось,

каким неподвижным и невыносимо горячим был тихоокеанский воздух.

— Хорошо добрались, сэр?

— Отлично.

— Хотите пройти, сэр?

— Я только что прибыл.

— Нет, я хочу сказать: хотите принять что-нибудь от головы?

— Нет,— отказался Норман.

— Ну и правильно. Не пользуйтесь препаратами на корабле, от них еще больше мутит.

— Ладно.

— С прошлой ночи закручиваем гайки. Мы работаем над проблемой и надеемся вскоре разрешить ее.— Он взгляделся в Нормана: — На борту сейчас много женщин, сэр.

— Вижу,— сказал Норман.

— Хотите воспользоваться туалетом?

— Спасибо, пока нет.

— В таком случае, капитан Барнс хотел бы встретиться с вами.

— Мне нужно позвонить семье.

— Скажите об этом капитану Барнсу, сэр.

Нагнувшись, они прошли через дверь и, после раскаленного солнца, очутились в освещенном флюоресцентными лампами коридоре, где было гораздо прохладнее.

— Кондиционер недавно полетел,— пояснил офицер.— Но и это что-то.

— И часто он выходит из строя?

— Только когда так жарко.

Через другую дверь — в большую мастерскую: металлические стены, полки с инструментами, ацетиленовые паяльные лампы, рассыпающие искры, когда рабочие склонялись с ними над частями металлических понтонов и сложной техники; кабели змеились по полу. «Здесь мы ремонтируем подводную технику,— прокричал офицер сквозь шум и грохот.— Большинство тяжелых работ производится на плавучих базах. Мы здесь занимаемся только электроникой. Теперь нам сюда, сэр».

Через другую дверь, по другому коридору — в широкую комнату с низким потолком, битком набитую видеомониторами. Польюжины техников сидели в затененной получьеме перед цветными экранами. Норман помедлил, заглядевшись.

— А тут мы ведем контроль за подводными работами,— пояснил офицер.— Три или четыре робота всегда находятся на дне, в любой момент.

Норман слышал потрескивание и свист радиосвязи, но он ничего не мог разобрать из долетающих обрывков слов. На одном из экранов он увидел передвигающегося по дну водолаза. Водолаз стоял в снопе резкого искусственного света, одетый в костюм, который Норману никогда не доводилось видеть — тяжелый синий костюм и желтый, плотно облегающий голову желтый шлем.

Норман показал на экран:

— На какой это глубине?

— Не знаю. Две, две с половиной тысячи футов, что-то около этого.

— А что они обнаружили?

— Пока только большой титановый киль.— Офицер оглянулся: — Ни на одном из дисплеев его сейчас не видно. Билл, ты не можешь показать д-ру Джонсону киль?

— Прошу прощения, сэр,— отозвался тот,— но в настоящее время основная техника работает к северу от него, в квадранте 7.

— А! Квадрант 7 почти на полмили севернее от киля,— объяснил офицер Норману.— А жаль: его стоит видеть! Но ничего, я уверен, что вы увидите его попозже. К капитану Барнсу — туда.

Они вновь прошли немного по коридору, и офицер спросил:

— Вы знакомы с капитаном, сэр?

— Нет, почему?

— Просто любопытно. Очень уж он жаждал вас увидеть. Звонил каждый час связистам, чтобы уточнить, когда вы прибудете.

— Да нет,— сказал Норман.— Я никогда не встречался с ним.

— Очень милый человек.

— Не сомневаюсь.

— А знаете,— глянул через плечо офицер,— о капитане Барнсе есть хорошая поговорка.

— Да? И какая же?

— Говорят, что он больше бранится, чем на самом деле сердится.

* * *

У дверей с надписью «Начальник проекта» и прикрепленной ниже табличкой «Капитан ВМС США Гэрольд К. Барнс» офицер шагнул в сторону, а Норман вошел в общую деревянной рейкой каюту. Высокий крепкий мужчина без пиджака стоял позади стола, заваленного грудой папок.

Капитан Барнс был из тех бравых военных, в присутствии которых Норман чувствовал себя толстым и неуклюжим. В своих сорок с небольшим Гэл Барнс имел военную выправку, живое выразительное лицо, коротко подстриженные волосы, твердую волю и крепкое рукопожатие государственного человека.

— Добро пожаловать на борт «Хейвса», д-р Джонсон. Как себя чувствуете?

— Усталым.

— Ну да, конечно. Вы прилетели из Сан Диего?

— Да.

— Так или иначе, а это пятнадцать часов. Хотите отдохнуть?

— Я хотел бы знать, что происходит, — ответил Норман.

— Вполне понятно, — кивнул Барнс. — А что они вам сказали?

— Кто?

— Те, кто взял вас в Сан Диего, те, кто доставил вас сюда, люди в Гуаме. Везде.

— Они ничего не говорили мне.

— А видели вы какие-нибудь сообщения, что-нибудь в прессе?

— Совсем ничего.

Барнс улыбнулся:

— Отлично. Рад это слышать. — Он указал Норману на стул, и тот с удовольствием уселся. — Как насчет кофе? — спросил Барнс, оборачиваясь к кофеварке на конторке за его спиной.

И тут погас свет. Комната погрузилась во мрак, и только из бокового иллюминатора пробивался свет.

— Черт побери! — воскликнул Барнс. — Опять нет! Эмерсон! Эмерсон!

— Сэр! — младший лейтенант появился в боковых дверях: — Стараемся исправить, капитан.

— Что на этот раз?

— Замыкание на ROV Bay-2, сэр.

— Я думал, мы подключили к нему дополнительные линии?

— Очевидно, их тоже перегрузили, сэр.

— Я хочу, чтобы их починили сейчас же, Эмерсон!

— Мы надеемся скоро справиться с этим, сэр.

Дверь закрылась, Барнс уселся на место. В темноте Норман слушал его голос:

— Это и вправду не их вина. Эти корабли не были приспособлены для того избытка грузов, который мы взвелили на них сейчас и... ага, вот и готово.— Барнс улыбался вспыхнувшему свету.— Вы сказали, что не откажетесь от кофе, д-р Джонсон?

— От черного — не откажусь.

Барнс налил ему в кружку.

— Как бы то ни было, но это большое облегчение для меня, что вы ни с кем не разговаривали. В моей работе, д-р Джонсон, секретность — подлинная мука. Тем более в таком деле. Если хоть слово просочится отсюда — проблем не оберешься. Черт, командование даже не хотело давать мне эсминцы, пока я не заверил их, что речь идет о разведке советской подлодки. Тогда я получил четыре, а потом восемь эсминцев.

— Разведка советской подлодки? — удивился Норман.

— Ну, это я им так сказал, в Гонолулу,— ухмыльнулся Барнс.— Приходится слегка хитрить, если хочешь получить все необходимое для операции вроде этой. Нужно знать, как вытрясать оборудование из современных ВМС. Но, конечно же, Советы и не думали сюда заплывать.

— И не думали? — Норман почувствовал, что как-то упустил нить беседы, и теперь старался поймать ее.

— Это совершенно нежелательно. О, разумеется, они знают, что мы здесь, они засекли нас со своих спутников по крайней мере два дня назад, но мы запустили целый поток дезинформирующих шифрованных сообщений о проводимых нами поисково-спасательных учениях на юге Тихого океана. Такие учения не представляют для них большого интереса, хотя они, без сомнения, засекли садящиеся самолеты, и мы давно обнаружены. Они могут даже подозревать, что мы пытаемся утилизовать ядерные боеголовки, как мы это делали в Испании в 68-м. Но они не сунутся сюда, потому что в политических интересах им лучше не впутываться в наши ядерные проблемы.

Они знают, что у нас произошли неприятности в Новой Зеландии.

— Так это все так и есть? — непонимающе спросил Норман.— Ядерные боеголовки?

— Нет,— ответил Барнс.— Слава Богу. Как что-нибудь ядерное, так кому-то в Белом Доме просто нечегоется оповестить об этом целый свет. Но сейчас мы держимся подальше от ребят из Белого Дома. На самом деле, мы обходим и Госсекретаря. Все сводки проходят непосредственно через Секретаря по обороне лично к Президенту.— Он побарабанил костяшками пальцев по столу.— До сих пор все идет не так плохо. Да вы и последний из прибывших. Теперь, когда и вы здесь, мы наложим на всю информацию строжайшее вето. Ничего не войдет и не выйдет.

Норман все никак не мог осознать происходящее.

— Но если катастрофа не имеет отношения к ядерным зарядам,— спросил он,— то откуда такая таинственность?

— Ну,— сказал Барнс.— У нас еще нет всех фактов.

— Крушение произошло в океане?

— Да. Более или менее непосредственно под тем местом, где мы сидим.

— Тогда никто не мог уцелеть.

— Уцелеть? — Барнс казался удивленным.— Ну, конечно, я так и не думаю.

— Тогда почему же меня вызвали?

Теперь Барнс глядел непонимающе.

— Ну да,— пояснил Норман,— меня обычно вызывают на место аварии, если кто-то остается в живых. Для того-то они и включили в команду психолога, чтобы он помогал справиться с тяжелыми, травмирующими проблемами уцелевшим пассажирам или, иногда, их родственникам. Знаете, все их ощущения, страхи, повторяющиеся ночные кошмары. Люди, пережившие катастрофу, часто испытывают разные виды вины и тревоги, связанные с тем, что уцелели они, а не другие. Женщина сидит рядом со своим мужем и детьми, и вот внезапно они все погибают, а она остается в живых. Вот в чем дело.— Норман снова сел.— Но в данном случае, когда самолет разбился на дне океана, на глубине в тысячу футов, никак не может быть подобных проблем. Тогда зачем я здесь?

Барнс пристально глядел на него, чувствуя себя, похоже, не совсем уверенно. Он принял перебирать папки на столе.

— Сказать по правде, никакая это не авиакатастрофа, д-р Джонсон.

— Тогда что же?

— Это крушение космического корабля.

Немного помедлив, Норман кивнул:

— Ясно.

— Вас это не удивляет? — поинтересовался Барнс.

— Нет, — ответил Норман. — Фактически это многое проясняет. Если военный космический корабль потерпел аварию в океане, это объясняет, почему я ничего не слышал об этом по радио, почему это держат втайне, почему меня доставили сюда именно таким путем... Когда он разбился?

Барнс чуть подождал с ответом.

— Насколько нам удалось установить, — сказал он, — этот космический корабль разбился триста лет назад.

НФЖ

Воцарилось молчание. Норман слушал жужжение кондиционера; из соседней комнаты долетали радиопозывные. Он смотрел на кружку с кофе в своей руке, разглядывая щербинки на ободке. Он пытался как-то переварить услышанное, но мысли еле 'шевелились у него в мозгу, ходили по кругу.

Триста лет назад, думал он. Космический корабль трехсотлетней давности. Но космический корабль никак не может быть трехсотлетней давности. Тогда как же космическому кораблю может быть триста лет? Никак не может. Должно быть, Барнс ошибся. Но с чего бы Барнсу ошибиться? ВМС не послали бы столько людей и кораблей, если бы не были твердо уверены в том, что произошло. Значит, космическому кораблю триста лет.

Но как это может быть? Не может этого быть. Это что-нибудь другое. Норман снова и снова возвращался к одному и тому же и ничего не мог придумать. Мозг его был ошеломлен, ошаращен.

— ...шенно не может быть сомнения в этом, — говорил Барнс. — Мы смогли подсчитать возраст коралловых наростов с величайшей тщательностью. Тихоокеанские кораллы вырастают на 2,5 см в год, а объект — чем бы он ни являлся, — покрыт более, чем пятиметровым слоем кораллов. Огромная толща кораллов. Разумеется, кораллы не

растут на глубине в тысячу футов, и значит, этот 'риф погрузился на большую глубину какое-то время назад. Геологи утверждают, что это случилось около века назад, вот мы и предположили, что подлинный возраст корабля около трехсот лет. Но мы могли и ошибиться, этот корабль может быть гораздо древнее. Он может быть и тысячелетней давности.

Барнс вновь принялся перебирать бумаги на столе, укладывать их в аккуратные стопки, равняя края.

— Я не собирался скрывать этого от вас, д-р Джонсон, но все это сводит меня с ума. Вот почему вы здесь.

Норман покачал головой:

— И все-таки я не понимаю.

— Вас доставили сюда,— пояснил Барнс,— потому что вы имеете отношение к НФЖ.

— НФЖ? — переспросил Норман. Он чуть было не добавил: — Но НФЖ был шуткой!.. — Но увидев, как серъезен, даже мрачен Барнс, он порадовался, что вовремя прикусил язык.

И все же проект НФЖ был шуткой. Все, с ним связанное, с самого начала походило на розыгрыш.

В 1979 году, когда администрация Картера доживала последние дни, Норман Джонсон был ассистентом профессора в Калифорнийском университете в Сан Диего; он специализировался на поведении групп людей в стрессовых ситуациях и время от времени сотрудничал с федеральной командой по катастрофам. В те дни голова его была занята покупкой дома для Эллен и детей, устройством публикаций в периодике, да еще приходилось гадать, оставят ли его на той же должности в университете на новый срок. Исследования Нормана были признаны блестящими, но психологическая наука всегда была подвержена новомодным течениям, и интерес к изучению тревоги и беспокойства упал, потому что многие исследователи стали расценивать тревогу как чисто биохимическое расстройство, которое можно излечить только с помощью наркотических препаратов; один ученый дажешел так далеко, что вообще заявил: «Тревога перестала быть вопросом психологии. Эту тему пора давно закрыть». Точно также признали устаревшей и изучение динамики поведения коллектива, которое, может и имела место в групповых стычках и шоковых потрясениях начала семидесятых, но сейчас это все устарело и прошло.

Сам Норман не мог с этим смириться. Для него было

очевидно, что в американском обществе люди работают в коллективах, группами, а не в одиночку; резкий индивидуализм быстро заменили бесконечные общие собрания с принятием коллективного решения. В этом новом обществе изучение коллективного поведения казалось ему не менее, а куда более важным. К тому же он вовсе не думал, что беспокойство — это медицинская проблема, которую следует решать с помощью медицинских препаратов. Ему казалось, что общество, в котором все поголовно принимают транквилизаторы — это общество нерешенных проблем.

Только позже, в 80-е, японская техника управления заставила ученых вновь обратиться к той сфере изучения, которая всегда интересовала Нормана. Примерно в то же время была осознана проблема зависимости от «валиума» и других транквилизаторов и пересмотрен самый подход к наркотерапии как средству от беспокойства. Однако тем временем для Джонсона несколько лет прошли, как в балоте. Почти три года ему не утверждали научного гранта, и оттого поиски дома и мысли о продлении контракта были для него поистине насущными проблемами.

В самые худшие времена, в конце 79-го года к нему пришел важный молодой юрист из Совета Национальной Безопасности в Вашингтоне, уселся нога на ногу и, положив лодыжку на колено, нервно теребил носок. Юрист объяснил Норману, что пришел к нему за помощью.

Норман ответил, что поможет, если сумеет.

— Дело в том, что эта страна совершенно не готова к вторжению пришельцев. Абсолютно никакой готовности.

Поскольку юрист был молод и поскольку говорил он, уставившись на свой носок, Норман поначалу решил, что тот смущен своим дурацким поручением. Но когда молодой человек поднял глаза, Норман с удивлением обнаружил, что тот предельно серьезен.

— Мы можем быть запросто захвачены врасплох, буквально со спущенными штанами, — пояснил юрист. — Вторжением пришельцев.

Норман закусил губу, чтобы не расхохотаться.

— Вероятно, да, — сказал он.

— Люди в Администрации озабочены.

— Правда?

— Есть мнение на самом верху, что следует составить план на случай непредвиденных обстоятельств.

— Вы имеете в виду непредвиденные обстоятельства

в случае вторжения пришельцев... — каким-то чудом Норману удалось сохранить непроницаемое лицо.

— Возможно, — поправил юрист, — возможно, «вторжение» — слишком сильное слово. Давайте его смягчим — скажем, «контакт». Контакт с чужеземцами.

— Понятно.

— Вы уже участвовали в работе спасателей во время гражданских катастроф, д-р Джонсон. Вы знаете, как работают эти аварийные команды. Мы бы хотели получить от вас заключение относительно оптимального состава аварийной команды для противостояния пришельцам.

— Понятно, — ответил Норман, радуясь, что удалось так тактично отделаться. Идея была совершенно нелепой. Он мог рассматривать ее появление только как перестановку в Администрации: не в состоянии справиться с безмерностью реальных проблем, в верхах решили переключиться на что-нибудь еще.

Но юрист откашлялся, предложил провести необходимые исследования и, перейдя к их финансированию, назвал внушительную цифру.

Норман увидел, что это и есть возможность купить, наконец, дом, и ответил «да».

— Рад, что вы согласны с актуальностью проблемы.

— О да, — ответил Норман, гадая, сколько лет юристу. На вид ему было лет двадцать пять.

— Должна быть обеспечена полная секретность, — уточнил юрист.

— А нужна полная секретность?

— Д-р Джонсон, — сказал юрист, щелкнув замком своего кейса, — этот проект очень, очень секретный.

— Можете не беспокоиться, — заверил его Норман, и это было действительно так. Он легко мог представить себе реакцию своих коллег, если они только что-нибудь об этом пронюхают.

То, что начиналось как шутка, позже превратилось в сплошной фарс. Пять раз в течение следующего года Норман летал в Вашингтон на встречи с высокопоставленными чиновниками из Совета Национальной Безопасности под предлогом угрозы вторжения пришельцев. Его работа была сверхсекретной. Одним из первых решался вопрос, сообщать ли о проекте в Пентагон, но решили не сообщать. Поднимался вопрос, не доверять ли НАСА, но и этого решили не делать. Один из чиновников Адми-

нистрации сказал: «Это не дело науки, это дело национальной безопасности, д-р Джонсон. Мы не можем сделать его всеобщим достоянием».

Норман не уставал поражаться уровнем чиновников, с которыми ему приходилось общаться. Один заместитель министра отложил в сторону бумаги, касающиеся последнего кризиса на Ближнем Востоке, чтобы спросить:

— А что вы скажете насчет того, что пришельцы смогут читать наши мысли?

— Не знаю, — честно ответил Норман.

— Мне вдруг пришло это в голову. Как мы сможем предусмотреть ход переговоров, если они смогут прочесть наши мысли?

— Да, это серьезная проблема, — согласился Норман, украдкой поглядывая на часы.

— Черт, ужасно уже то, что русские перехватывают наши секретные передачи. Мы знаем, что японцы и евреи щелкают наши шифры, как орешки. Только и молим Бога, чтобы русские не добрались до наших кодов. Но вы понимаете, что я имею в виду. Чтение самих мыслей.

— О, да.

— Вы должны непременно учесть это в вашем докладе.

Норман заверил, что так и сделает.

Сотрудник Белого Дома объяснил ему:

— Видите ли, Президент предпочитает говорить с этими пришельцами лично. Такой уж это человек.

— Ага, — кивнул Норман.

— Только представьте себе всю непреходящую ценность этого исторического момента. Президент встречается с пришельцами в Кембре Дэвиде. Какие возможности!

— Действительно, — поддакнул Норман.

— Поэтому пришельцы должны быть проинформированы осведомленным лицом о том, кто такой Президент, и им должны представить протокол встречи. Не может же президент беседовать с пришельцами с другой галактики или откуда там еще перед телевидением без предварительной подготовки. Как вы думаете, пришельцы говорят по-английски?

— Едва ли.

— Значит, кто-то должен выучить их языки?

— Трудно сказать.

— Может быть, пришельцам было бы удобнее встретиться с каким-нибудь осведомленным лицом, происходи-

дящим из национального меньшинства? — спросил представитель Белого Дома.— Как бы то ни было, а это возможность. Подумайте об этом.

И Норман обещал подумать.

Представитель Пентагона, генерал-майор, пригласил его позавтракать и за кофе как бы ненароком поинтересовался:

— А что вы думаете, какого рода оружие у этих пришельцев?

— Откуда мне знать,— пожал плечами Норман.

— Ну, это трудный вопрос, не так ли? А вот что вы скажете насчет их уязвимости? Я хочу сказать, что эти пришельцы, возможно, совсем не люди.

— Вполне возможно.

— Они могут быть чем-то вроде гигантских насекомых. А эти насекомые могут выдерживать громадную дозу радиации.

— Да.

— Нам, наверное, не следует трогать этих пришельцев,— мрачно заметил представитель Пентагона. Потом он вдруг повеселел: — Но я сомневаюсь, что они смогут выдержать удар мульти megatonной ядерной установки.

— Да,— подтвердил Норман.— Думаю, что они вряд ли выдержат.

— Они просто испарятся.

— Конечно.

— Законы физики.

— Точно.

— В вашем докладе этот пункт следует прояснить.

О ядерной уязвимости пришельцев.

— Да,— согласился Норман.

— Мы не хотим устраивать панику,— сказал представитель Пентагона.— Не нужно никого расстраивать, правда? В Администрации были бы успокоены, узнав, что пришельцы уязвимы для нашего ядерного оружия.

— Я буду иметь это в виду,— пообещал Норман.

В конце концов встречи завершились, и его отпустили писать доклад. И когда он стал просматривать опубликованные материалы по проблемам внеземных цивилизаций, он понял, что генерал-майор Пентагона был не так уж неправ. Главный вопрос контакта с пришельцами — если ко всему этому вообще можно было относиться серьезно,— касался паники, психологической паники. Единственным опытом по общению людей с пришельцами можно было

считать радиопередачу 1938 года по «Войне миров» Уэллса. И отклик людей тогда был недвусмысленным.

Они ужаснулись.

Норман представил свой доклад, озаглавленный «Контакт с возможными представителями внеземной цивилизации». Доклад был возвращен с пожеланием изменить заглавие на «звучавшее более технически» и с указанием, что автор устремляется от «конкретных предложений по возможным контактам с пришельцами, тогда как подобный контакт считается непреложным фактом в определенных кругах Администрации».

В исправленном виде доклад Нормана был помечен грифом высочайшей секретности и озаглавлен «Рекомендации для команды по контактам и взаимодействию с неизвестными формами жизни (НФЖ)». Как представлялось Норману, команда по НФЖ-контактам должна была включать в себя исключительно уравновешенных людей. В его докладе говорилось...

— Надеюсь, — произнес Барнс, открывая папку, — вам небезызвестна следующая цитата:

«Контактные команды при встрече с неизвестными формами жизни (НФЖ) должны быть готовы к сильнейшему психологическому потрясению. Практически неизбежно возникновение крайней степени беспокойства. Личные черты субъектов, способных противостоять столь сильному беспокойству, должны быть научно определены, и согласно определенным рекомендациям должны быть сформированы соответствующие команды.

Характер беспокойства при встрече с НФЖ не может быть уточнен заранее должным образом. Страхи, вызываемые общением с НФЖ, не поняты и не могут быть предсказаны заранее. Но наиболее вероятной реакцией на подобный контакт является полнейший ужас».

Барнс захлопнул папку и щелкнул замком:

— Припоминаете, чьи это слова?

— Да, — ответил Норман. — Мои.

И он вспомнил, почему он сказал это.

Отрабатывая полученный грант, Норман проводил специальные исследования динамики поведения групп в условиях психологического беспокойства. Следуя известным опытам Аша и Мильгрэма, он воссоздал несколько типов обстановки, находясь в которой испытуемые и не подозревали, что их просто тестируют. В одном случае группе испытуемых велели сесть в лифт, чтобы принять участие

в дискуссии на другом этаже. Лифт застрял. За участниками группы наблюдали с помощью скрытых видеокамер.

Существовало несколько вариантов подобного эксперимента. Иногда на лифт вешали табличку «Ремонт», когда устанавливая телефонную связь с «ремонтниками», а когда — нет, иногда обваливался потолок, иногда гас свет, а иногда пол был сконструирован так, что его можно было наклонять и качать.

В другом случае группу усаживали в фургон, который вел «руководитель эксперимента», который внезапно терял сознание от «сердечного приступа», а испытуемые попадали в затруднительное положение.

В более жестокой версии того же эксперимента испытуемые усаживали в частный самолет и у пилота «сердечный приступ» случался в воздухе.

Несмотря на обычные издержки подобных экспериментов — их садизм, их искусственность, то, что испытуемые каким-то образом догадывались, что обстоятельства подстроены, — Норману удалось собрать значительную информацию о поведении групп людей в экстремальных обстоятельствах.

Он обнаружил, что страх в ответ на экстраординарное событие был минимальным, если группа была небольшой, человек пять или меньше; когда члены группы хорошо знали друг друга; когда они могли видеть друг друга, а не были изолированы; когда они могли распределить силы и время; когда группы были смешанными по возрасту и полу, и когда в группе были личности с высоким барьером страха, что, в свою очередь, соотносилось с хорошим атлетическим состоянием.

По результатам исследования были составлены статистические таблицы, хотя Норман в сущности и осознавал, что сам он руководствовался простым здравым смыслом: если лифт застрял, хорошо, если рядом кто-то есть, хорошо, если это здоровые, бодрые люди, которые вам знакомы, хорошо, если есть свет и если вы уверены, что кто-то спешит на выручку. Среди этих полуинтуитивных рекомендаций главное внимание Норман уделял составу группы.

Группы, составленные целиком из мужчин или целиком из женщин, были значительно слабее в противостоянии стрессу, чем смешанные группы; группы, составленные из людей одного возраста, были значительно слабее смешанных групп. А группы, сформированные для иных целей

еще до эксперимента, оказывались хуже всего; однажды Норман привлек к исследованию баскетбольную команду, которая тут же с блеском провалилась.

Хотя он и провел серию удачных экспериментов, Норман пребывал в полном недоумении относительно главной цели своего доклада — вторжения пришельцев, так как лично он считал это умозрительной идеей сродни абсурду. Он был в некотором замешательстве, готовясь представить свой доклад, особенно после того, как переработал его, чтобы он казался значительнее, чем был на самом деле.

Он почувствовал облегчение, когда Администрация Картера не утвердила его доклад. Ни одна из его рекомендаций не была принята. Администрация не согласилась с д-ром Н. Джонсоном в том, что страх может быть признан проблемой номер один,— они полагали, что главными человеческими эмоциями будут благоговейный ужас и удивление. Кроме того, Администрация предпочитала большую контактную команду из тридцати человек, включая трех богословов, юриста, медика, представителей Госдепартамента и министерств, избранную группу законодателей, космического инженера, экзобиолога, ядерного физика, антрополога и представителя телевидения.

В любом случае, Президент Картер не был переизбран в 1980-м, и Норман уже ничего больше не слышал о своих предложениях по НФЖ. Ничего в течение целых шести лет.

До сегодняшнего дня.

Барнс сказал:

— Помните предложенную вами команду по НФЖ?

— Разумеется,— ответил Норман.

В эту команду по НФЖ-контактам Норман рекомендовал четырех человек — астрофизика, зоолога, математика, лингвиста, а пятым — психолога, который должен был следить за поведением членов команды и направлять их.

— Что вы об этом скажете? — Барнс протянул Норману листок бумаги.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМАНДА ПО АНОМАЛИЯМ

Опорная команда ВМС США

1. Гэрольд К. Барнс, капитан ВМС, командир проекта.
2. Джейн Эдмундс, архивист-программист ВМС США.
3. Тина Чан, инженер-электронщик ВМС США.

4. Элис Флетчер, начальник систем подводного модуля ВМС США.

5. Роз С. Леви, член подводной экспедиции ВМС США.

Гражданская команда

1. Теодор Филдинг, астрофизик/космический геолог.

2. Элизабет Гальперн, зоолог/биохимик.

3. Гэрольд Д. Адамс, математик/логик.

4. Артур Левин, морской биолог/биохимик.

5. Норман Джонсон, психолог.

Взглянув на список, Норман кивнул:

— Кроме Левина, это та самая команда, которую я предлагал. Я даже поговорил с ними тогда же и протестировал их.

— Верно.

— Но вы сами сказали: вероятно, никто не уцелел. Значит, вероятно, нет и жизни на космическом корабле?

— Да, — ответил Барнс. — Но ведь я могу и ошибаться? — Он взглянул на часы: — Я проведу инструктаж в 11.00. Я хочу, чтобы вы все присутствовали. — Он просмотрел список членов команды и обратился к Норману: — Собственно, мы следуем вашим рекомендациям по НФЖ.

Следуя моим рекомендациям, почувствовал внезапную слабость Норман. Господи Боже, я ведь только хотел заплатить за дом.

— Знаю, знаю, вы хотели бы увидеть практическое воплощение ваших рекомендаций. Поэтому я и включил вас в команду в качестве психолога, хотя, конечно, тут нужен был человек помоложе.

— Очень вам благодарен, — отозвался Норман.

— Ну, разумеется, — обаятельно улыбнулся Барнс. Он протянул свою ручищу: — Добро пожаловать в команду по НФЖ-контактам, д-р Джонсон.

Бет

Лейтенант показал Норману его комнату, тесную и какую-то унылую, похожую на тюремную камеру. Кейс Нормана валялся на койке, в углу стоял дисплей с клавиатурой, рядом лежало толстое руководство в голубом переплете.

Норман уселся на кровать, жесткую и негостеприимную, прислонился затылком к стене.

— Эй, Норман,— раздался нежный голосок остановившейся в дверях женщины.— Вот славно, что они и тебя в это втянули. Признайся, ведь все это по твоей вине?

Бет Гальперн, зоолог команды, вся состояла из контрастов. Это была высокая и худая тридцатишестилетняя женщина, которую можно было бы даже назвать хорошенькой, если бы не чересчур острые черты лица и почти мужское телосложение. Норману показалось, что за время, пока они не виделись, мужское начало еще больше возбладало в ней. Бет серьезно занималась легкой атлетикой и бегом; накачанные мышцы и мускулы выступали на ее шее, обнаженных руках и ногах, оголенных под шортами. Да и волосы ее были пострижены почти так коротко, как у мужчины.

И в то же время она носила украшения и пользовалась косметикой, да и походка у нее была весьма соблазнительной. У нее был нежный голос, а глаза — большие и влажные, особенно когда она говорила о живых существах, которых изучала. Тогда в ней проступало даже что-то материнское. Один из ее коллег по Чикагскому университету обращался к ней не иначе, как «мускулистая Мать-Природа».

Норман приподнялся, и она чмокнула его в щеку.

— Моя комната рядом, и я услышала, как ты пришел. Давно ты прибыл?

— Час назад. И все еще в шоке,— ответил Норман.— Ты веришь всему этому? Думаешь, это возможно?

— Думаю, да.— Она указала на голубое пособие рядом с его компьютером. Норман раскрыл его:

— «Правила личного поведения во время особо секретных военных операций»,— он засунул большой палец между страницами убористого текста и вопросительно взглянул на Бет.

— Особо подчеркивается,— сказала она,— что следует держать рот на замке, иначе долгий срок заключения в военной тюрьме обеспечен. И никакой телефонной связи. Да, Норман, я думаю все это слишком реально.

— И под нами находится космический корабль?

— И под нами действительно что-то есть. И это потрясающее.— Она заговорила очень быстро: — Для одной только биологии невероятные возможности — ведь все, что мы знаем о жизни, относится только к нашей планете.

Но, на самом-то деле, жизнь на нашей планете однообразна. Все живые существа, от водорослей до человека, устроены одинаково и состоят из одних и тех же ДНК. Сейчас же нам предоставляется случай познакомиться с иной жизнью, иной во всех отношениях. Это потрясающее, правда?

Норман кивнул. Он думал о другом.

— А что ты скажешь насчет невозможности позвонить отсюда? Я обещал позвонить Эллен.

— Ну, я пыталась связаться с дочерью, а они заявили мне, что никакой связи с землей нет. Если в это можно поверить. У ВМС больше спутников, чем адмиралов, но они уверяют, что нет ни одной доступной линии, чтобы позвонить. Барнс сказал, что проведет кабель. Вот так.

— А сколько сейчас Дженифер? — поинтересовался Норман, довольный тем, что имя дочки Бет всплыло в памяти. А вот как звали ее мужа? Он был физиком, насколько мог припомнить Норман, такой светловолосый, с бородой и всегда носил галстуки бантом.

— Девять. Ее сейчас приняли в Малую лигу Эван стона. Пока не игроком, а только подавальщиком мячей. — Голос ее звучал гордо. — А как твоя семья? Эллен?

— Прекрасно и она, и дети. Тим закончил второй курс в Чикаго, Эми в Андовере. А как...

— Джордж? Мы развелись три года назад, — сказала Бет. — Джордж год стажировался в Женеве, искал какие-то уникальные частицы, и кажется, нашел то, что искал. Она француженка, и он говорит, что готовит она божественно. — Она пожала плечами. — Ну, а моя работа идет превосходно. Последний год я работала с цефалоподами — спруты и октопии.

— Ну и как они?

— Страшно интересно. Знаешь, это такое удивительное ощущение — улавливать зачатки разума у этих существ, особенно у октопий. Этот октопус смышленее собаки, из него бы могло получиться чудесное домашнее животное. Ах, это такое милое, умное, славное и очень эмоциональное существо, этот октопус. Но мы не привыкли думать о них так.

— А вы их едите? — спросил Норман.

— О, Норман, — улыбнулась Бет. — Ты обо всем думаешь с точки зрения еды?

— А почему бы и нет? — ответил Норман, поглаживая живот.

— Ну, там, под водой, ты бы вряд ли об этом задумался, там довольно жутковато. Но все равно — нет, — сцепила она пальцы, — я бы ни за что не могла есть октопий теперь, когда я столько о них знаю.. А кстати: тебе известно что-нибудь о Гэле Барнсе?

— Ничего, откуда?

— Просто пытаюсь навести справки. Ведь он, собственно, не совсем морской офицер. То есть экс-офицер.

— Ты имеешь в виду, что он в отставке?

— Да, с 19-го. Первоначально он работал инженером по аэронавтике, а после отставки некоторое время работал у Груммана. Потом был членом Совета по военно-морским наукам в Национальной академии; потом помощником замминистра обороны и членом Комиссии по приобретению систем защиты. Еще членом Национального Совета по обороне, которое консультировало ответственных чиновников.

— Консультировало по каким вопросам?

— Приобретение оружия, — ответила Бет. — Он представитель Пентагона, консультирующий правительство по закупкам оружия. Так каким же образом он стал руководителем этого проекта?

— Убей меня, если я знаю, — развел руками Норман. Сидя на койке, он расшнуровывал ботинки. Чувствовал он себя совершенно разбитым. Бет продолжала стоять, опершись о дверной косяк.

— Похоже, ты в отличной форме, — заметил Норман. Даже руки у нее выглядят мощными, подумал он.

— Это всегда может пригодиться, — возразила Бет. — Как бы не обернулось дело. Я склонна поверить в то, что происходит. А ты? Думаешь, мы справимся со всем этим?

— Я? А почему бы и нет? — Он взглянул на свое фамильное брюшко. Эллен всегда пыталась что-то предпринять, и время от времени он сдавался и даже ходил несколько дней в спортзал, но ему никогда не удавалось сбросить вес. Да, по правде, он и не придавал этому большого значения. Ему пятьдесят три года и он университетский профессор, черт возьми.

Потом он вдруг вспомнил:

— А что ты имела в виду, сказав, что готова поверить в то, что происходит. А что, собственно, происходит?

— Ну, пока все это только слухи. Но твое появление, кажется, их подтверждает.

- Что за слухи?
 - Они посылают нас туда, вниз,— сказала Бет.
 - Куда — вниз?
 - На дно. В космический корабль.
 - Но это же тысяча футов глубины. Они изучают его с помощью подводных роботов.
 - В наши дни тысяча футов — не глубина,— заметила Бет.— Современная технология легко справляется с этим. Водолазы ВМС работают сейчас как раз на этой глубине под нами. Но главное, что водолазы монтируют жилой модуль, чтобы туда могла спуститься наша команда, проработать там около недели и исследовать корабль.
- Нормана слегка зазнобило. Работая в аварийной команде, он всего навидался. Однажды, в Чикаго, где место катастрофы расползлось по целому фермерскому полю, он наступил на что-то скользкое. Он подумал, что это лягушка, но это была оторванная изуродованная детская ручка. В другой раз он увидел обуглившееся тело мужчины, пристегнутое к сидению, а само сидение зашвырнуло на задний двор пригородного дома, где оно угодило точнечонько в детский плавательный бассейн. А в Далласе довелось наблюдать спасателей, которые собирали по крышам куски тел и укладывали их в сумки...

Работа в аварийно-спасательной команде требовала исключительной психологической выносливости, чтобы избежать стрессов от всего увиденного. Но там он никогда не подвергался личной опасности, никакому физическому риску. Это был только риск ночных кошмаров.

Но теперь перспектива опуститься на дно морское, чтобы исследовать разрушенное судно...

— Все в порядке? — спросила Бет.— Ты что-то побледнел.

— Я не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о необходимости спускаться туда, вниз.

— Все слухи,— ответила Бет.— Отдохни-ка, Норман, тебе это необходимо.

Инструктаж

Команда НФЖ собралась в комнате для инструктажа, когда еще не было одиннадцати. Норману было интересно увидеть группу, отобранныю им шесть лет назад, а теперь впервые собравшуюся вместе.

Тед Филдинг был плотным, красивым и очень моложавым в свои сорок лет — в шортах и спортивной рубашке. Астрофизик в Лаборатории реактивных двигателей в Пасадене, он выполнял важную работу по изучению почв Меркурия и Луны, хотя особенную известность ему принесло исследование нескольких каналов на Марсе. Расположенные на экваторе Марса, эти громадные каньоны имели протяженность больше 2500 миль и глубину в 2,5 мили — в десять раз превышая по длине и в два по глубине Большой Каньон. И Филдинг одним из первых пришел к выводу, что среди планет наибольшим сходством с Землей обладает не Марс, как предполагалось раньше, а крошечный Меркурий, с его очень напоминающим земное магнитным полем.

Филдинг был человеком открытым, веселым, но и напыщенным. Работая в своей лаборатории, он всегда появлялся на экранах при запусках космических аппаратов и явно наслаждался определенной известностью. Недавно он вновь женился на теледикторше из Лос-Анжелеса, комментирующей сводки погоды, у них был маленький ребенок.

Тед был давним горячим защитником возможности существования жизни в иных мирах и поддерживал программу поиска внеземного разума, которую другие ученые считали пустой тряской времени и денег. Теперь он радостно подмигнул Норману.

— Я всегда знал, что рано или поздно это случится, мы получим доказательства существования жизни на других планетах. И теперь, наконец, вот оно, Норман. Это великолепно. Но особенно я рад шару.

— Шару?

— Объекту там, внизу

— А что такое? — Норман ничего не слышал о шаре.

— Они начали очищать шар от кораллов. Но он не такой уж круглый, это не летающее блюдо, — сказал Тед. — Слава Богу, может, хоть это заставит умолкнуть неверующих безумцев. Тот, кто ждет, всегда получает, а?

— Надеюсь, — вздохнул Норман. Он не очень-то понял, что имел в виду Филдинг, но Тед обожал литературные цитаты. Тед мнил себя человеком Возрождения, и бесконечные цитаты из Руссо и Лao Цзы были одним из способов напомнить об этом. Но он не был способен на подлость; кто-то не зря назвал Теда «шутом с гениальной головой», и то же относилось и к его речи. Но просто-

душный и даже наивный Тед Филдинг был далеко не глуп и умел вызвать к себе любовь. Норману Тед нравился.

Он не был столь уверен в своих чувствах к Гарри Адамсу, необщительному математику из Принстона, которого он не видел шесть лет. Гарри был чернокожим, кудошавым человеком, с очками в металлической оправе и вечно нахмуренными бровями. Он носил майку с надписью «Математики все знают точно»; такую одежду носили студенты, и правда, Адамс выглядел моложе своих тридцати лет; к тому же он был самым молодым членом команды — и едва ли не самым значительным.

Многие теоретики оспаривают возможность контакта с внеземными существами, доказывая, что у людей ничего не может быть с ними общего. Эти мыслители отвергают идею, что раз итогом длительной эволюции стал человек, то только человек и способен мыслить. Как наши тела, так и наш способ мыслить может с легкостью изменяться, и значит нельзя окончательно утверждать, как выглядят другие мыслящие существа во вселенной.

Человек испытывает трудности в общении даже с земными существами, например, с дельфинами, — просто потому, что у дельфинов иная среда обитания и иной сенсорный аппарат.

И все же человек и дельфин имеют куда больше общего по сравнению с теми разительными отличиями, которые отделяют нас от внеземного существа — конечного продукта миллиардов лет эволюции, шедшей в иную сторону в условиях иной планеты. Этому внеземному существу может не понравиться наш мир. Возможно, он его вообще не сможет увидеть. Оно может оказаться слепым и воспринимать мир с помощью особой чувствительности к запахам, высокой температуре или давлению. Может и не оказаться ни одного способа контактирования с подобным существом, вообще ничего общего. Все равно что пытаться объяснить стихотворение Вордсворт о бледно-желтых нарциссах слепой водяной змее.

Та отрасль знаний, в которой можно было бы найти общий язык с пришельцами, была математика. Поэтому и математик был призван играть в команде решающую роль. Норман отобрал Адамса, потому что несмотря на молодость Гарри уже успел сделать несколько важных открытий.

— Что ты скажешь обо всем этом, Гарри? — спросил Норман, плюхаясь в кресло рядом с ним.

— Думаю, все предельно ясно,— отозвался Гарри.—
Пустая трата времени.

— А киль, который они нашли под водой?

— Не знаю, что там есть, но я знаю чего там нет. Там нет корабля из другой цивилизации.

Стоящий рядом Тед отвернулся в негодовании. Гарри и Тед уже явно успели обсудить эту тему.

— Откуда ты знаешь? — удивился Норман.

— Простое вычисление,— сказал Гарри, презрительно машинально рукою.— Проще некуда. Ты знаком с уравнением Дрейка?

Норман знал эту известную формулу из литературы о внеземных цивилизациях. Но он попросил:

— Напомни мне.

Вздохнув, Гарри безо всякого удовольствия вытащил листок бумаги.

— Это уравнение вероятности.— И он написал:

$$p = f_p n_h f_{lf} f_{if} c$$

— Это означает,— принялся объяснять Гарри,— что вероятность, p , возникновения разумной жизни в любой звездной системе, это функция вероятности, что у звезды есть планеты, какое-то количество обитаемых планет; вероятность, что простейшая жизнь может возникнуть на обитаемой планете, вероятность, что разумная жизнь будет развиваться из этих простейших форм, и вероятность, что разумная жизнь предпримет попытку установить межзвездную связь в пределах пяти миллиардов лет. Вот о чем говорит это уравнение.

— А-а,— протянул Норман.

— Но суть в том, что у нас нет фактов,— сказал Гарри.— Мы должны строить предположения относительно каждой из этих вероятностей. Лучше всего, как Тед, поверить в одну возможность и считать, что существует хоть тысяча цивилизаций. Но еще легче, как я, предполагать, что существует только одна. Наша.— Он отложил бумагу.— И в этом случае то, что находится здесь, под нами,— не из иной цивилизации. И мы здесь только теряем время.

— Ну, а что же тогда там, внизу? — продолжал допытываться Норман.

— Абсурдное воплощение романтической мечты,— отозвался Адамс, поправляя очки на переносице. В нем была нервозность, которая обеспокоила Нормана. Шесть

лет назад Гарри Адамс был просто уличным мальчишкой, которого невероятный дар перенес одним махом из трущоб Филадельфии на ухоженные зеленые лужайки Принстона. В то время Адамс был беззаботен, он упивался неожиданным поворотом в своей судьбе. Отчего же теперь он так угрюм?

Адамс был редкостно одаренным теоретиком, занимавшимся удельным весом величин и вероятностей в квантовой механике, что лежало, увы, за пределами понимания Нормана, хотя Адамс занимался этим еще в семнадцатилетнем возрасте. Но зато Норман разбирался в людях, и Гарри показался ему напряженным и суровым, как будто ему было не по себе в этой группе.

А может это происходило из того, что Гарри приходилось смириться с тем, что он был всего лишь частью группы — Норман беспокоился, сумеет ли он приспособиться к этому, ведь Гарри был вундеркиндом.

Существует только два типа детей-вундеркиндов — математики и музыканты. Иные психологи оспаривают это, полагая, что это одно и тоже, так как музыка и математика очень близки. Конечно, существуют необыкновенные дети с другими талантами, которые пишут, рисуют и ставят спортивные рекорды, но только в музыке или математике ребенок может проявить себя как зрелый человек. С психологической точки зрения такие дети всегда закомплексованы: часто одинокие, изолированные от сверстников и даже от семей, причем именно благодаря тому дару, который вызывает столько восхищения и уважения. Их умение жить в обществе развивается медленнее, и оттого в коллективах они чувствуют себя неуютно. А у Гарри, ребенка с улицы, эти проблемы, как и прочие, были куда больше преувеличены. Однажды он рассказал Норману, что гэгда он впервые услышал о преобразованиях Фурье, вся ребятня целыми днями гоняла мяч. Наверное, и сейчас Гарри чувствовал себя неуютно в группе людей.

Но было и еще что-то... Гарри просто распирало от ярости.

— Будете болтаться здесь целую неделю, чтобы наконец дождаться сообщения, что какой-то жирный негодяй устроил ложную тревогу. Вот и все.

Будем надеяться, подумал Норман. И вновь удивился собственным мыслям.

— Ну, а я думаю, что это здорово, — улыбнулась Бет

Гальперн.— Даже слабый шанс обнаружить новую жизнь прекрасен, так мне кажется.

— Конечно,— откликнулся Тед.— Да, друг Гарри, есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам.

Норман взглянул на последнего члена команды, морского биолога Артура Левина, единственного, кого он не знал. Пухленький Левин выглядел бледным и обеспокоенным, погруженным в собственные мысли. Не успел Норман поинтересоваться, что он обо всем этом думает, как в дверь широко шагнул капитан Барнс с грудой папок под мышкой.

— Пожаловали на край света,— сказал Барнс вместо приветствия,— и даже не можете принять душ.— Все нервно засмеялись. Но у нас мало времени, так что перейдем прямо к делу. К черту свет, и можем начинать.

На первом слайде был виден корабль с надстройкой на корме.

— «Роза — леди морей»,— пояснил Барнс.— Судно связи, специально зафрахтованное компанией по трансокеанским коммуникациям для прокладки телефонной линии из Гонолулу в Сидней, Австралия. «Роза» вышла с Гаваев 29 мая этого года и 1 июня оказалась примерно в районе Западного Самоа в срединном течении Тихого океана. Она тянула новый оптико-волокнистый кабель, способный к одновременной передаче 20 миллионов телефонных переговоров. Кабель плотно покрыт металло-пластиком, необычайно прочным и устойчивым к повреждениям. Корабль проложил уже более 4600 морских миль кабеля через Тихий океан без единой неудачи. Следующий.

Карта Тихого океана с большим красным пятном.

— В десять часов вечера 17 июня судно дрейфовало здесь, примерно на равном расстоянии от Кадо Кадо (Американский Самоа) и Вити Леву (Фиджи), когда судно содрогнулось, как будто его резко дернули. Сработала тревога, и команда поняла, что кабель за что-то зацепился и оборвался. Они бросились к картам, но ничего не обнаружили. Они вытянули потерянный кабель, это заняло несколько часов, потому что после аварии больше мили кабеля вхолостую травили за борт. Когда они обследовали оборванный конец, они увидели, что он срезан ровно, как выразился один матрос, «как будто его срезали здоровенными ножницами». Следующий.

Часть стекловолокнистого кабеля, зажатая в грубой руке матроса.

— Характер разрыва, как вы можете убедиться, заставляет предположить наличие какого-то искусственного препятствия. «Роза» продвинулась к северу от места аварии. Следующий.

Ряд черно-белых неровных линий с полосой маленьких закорючек.

— Снято с помощью высокочувствительного сканера. Если вам не приходилось иметь с ними дело, вам трудно будет разобраться. Но понять можно — вот тут словно лезвием обрезано. Похоже, что кабель срезан какой-то частью затонувшего корабля или самолета.

Зафрахтовавшая судно компания Транспэк Коммунин-кэйшн обратилась к ВМС, запросив информацию по обрыву. Что за чушь: где бы ни случился обрыв кабеля, сразу обращаются к ВМС, как будто мы обязаны знать про всякие обрывы. Если бы это оказалось подводное исследовательское судно, компания хотела бы знать это прежде, чем начать ремонт. Но у ВМС никаких материалов не оказалось, и мы сами заинтересовались этим случаем.

Мы тут же отправили сюда наше ближайшее к месту аварии поисковое судно, «Исследователь океана», и оно прибыло сюда 21 июня. Причина такого интереса ВМС заключалась в том, что, возможно, кабель был поврежден подводной атомной лодкой, начиненной снарядами SY-2. Мы знали, что китайцы примерно в этом районе потеряли свою подлодку в мае 1984-го. «Исследователь океана» сканировал дно, используя наисовременнейшие прорубы, и получил вот это изображение.

Цветное изображение показалось трехмерным.

— Как видите, дно кажется гладким, за исключением треугольного острия, выдающегося примерно на 280 футов над океаническим дном. Вот здесь это видно, — показал он. — Это подобие крыла по размерам больше любого из аппаратов, произведенных в Соединенных Штатах или Советском Союзе. Это сразу озадачило. Следующий.

Подводный робот, спускаемый с помощью крана с борта корабля. Робот был похож на соединение горизонтальных труб с камерами и прожекторами в центре.

— 24 июня в распоряжении ВМС на месте аварии было транспортное судно «Нептун IV», а управляемый на расстоянии перевозчик «Скорпион», который вы видите на снимке, был спущен для съемок крыла. На сделанном им снимке ясно видна поверхность изучаемого объекта. Вот она.

Посыпался легкий ропот. На цветном снимке, в резком освещении над ровной коралловой поверхностью вздымался серо-серебристый киль. Киль был остро заточен и выглядел, как летательный аппарат. Он был кону сообразной формы и явно искусственного происхождения.

— Легко заметить, — продолжал Барнс, — что морское дно покрыто здесь колониями мертвых кораллов. Крыло — или киль — выступает из кораллов и заставляет предположить, что остальная часть аппарата, возможно, погребена под ними. Ультра-частотный подводный сканер был доставлен сюда для изучения тела, скрытого под кораллами. Следующий.

На следующем цветном снимке были не линии, а точки.

— Как вы видите, киль является продолжением какого-то цилиндрического тела, погребенного под кораллами. Диаметр его примерно 190 футов, а протяженность к западу — 2,754 фута, и там оно суживается.

Ропот среди членов группы усилился.

— Вы не ослышались, — сказал Барнс, — это цилиндрическое тело длиной примерно в полмили. Шарообразная его часть напоминает космический корабль или ракету, но вначале мы осторожно называли его «аномалией».

Норман взглянул украдкой на довольно улыбающегося Теда. Сидевший с другой стороны Гарри Адамс хмурился и поправлял свои очки.

Затем проектор погас, и комната погрузилась в мрак. Посыпались вздохи. Норман услышал, как выругался Барнс: «Черт побери, опять вырубился!» Кто-то возился у двери, через щель которой проникал свет.

Бет наклонилась к Норману:

— У них здесь все время перебои со светом. Странно, а?

Мгновение спустя свет появился, и Барнс продолжал:

— 25 июня грузоподъемник взял для пробы частичку с киля. Ее подвергли испытаниям и обнаружили, что это титановый сплав, выявили и его структуру. Но техника изготовления подобных сплавов на Земле неизвестна.

Эксперты утверждают, что этот киль не мог быть произведен на нашей планете — хотя уже как лет десять мы начали приближаться к выплавке подобных материалов.

Гарри Адамс, странно хрюкнув, наклонился вперед и что-то чиркнул в блокноте.

Тем временем Барнс объяснял, что судно-робот занималось изучением сейсмических процессов на морском

дне. Сейсмический анализ показал, что затонувшая аномалия сделана из металла, что она полая, со сложным внутренним устройством.

— После интенсивных двухнедельных изучений,— сказал Барнс,— мы пришли к выводу, что аномалия является космическим кораблем.

Последние сомнения рассеяло заключение геологов от 27 июня. Взятые ими образцы почвы дна показали, что прежде осадка почвы была более мелкой, возможно, всего 80 или 90 футов. Это прояснило и мощный нарост кораллов толщиной в тридцать футов. Геологи заявили, что корабль пробыл на планете не меньше трех веков, а, может быть, и гораздо больше — пятьсот или даже пять тысяч лет.

— Хотя и с большой неохотой,— продолжал Барнс,— но ВМС пришлось признать, что нами обнаружен космический корабль из другой галактики. Решением Президента, до особого совещания Совета Национальной Безопасности, было открыть корабль. Вот для чего сюда, начиная с 29 июня, и была вызвана команда по НФЖ-контактам.

1 июля рядом с затонувшим космическим кораблем был смонтирован подводный жилой модуль DH-7. DH-7 собирали девять водолазов ВМС, работавших в условиях особо созданной для подводных работ атмосферы. Они приступили к выполнению начальных работ.

— И я думаю, что собрал вас здесь как раз вовремя,— закончил Барнс.— Вопросы есть?

— Внутреннее устройство корабля,— сказал Тед.— Удалось что-нибудь прояснить?

— Не совсем. Похоже, что внешняя оболочка делает космический корабль непроницаемым изнутри, настолько она прочно сконструирована. Это не дает возможности получить точную картину того, что находится внутри.

— А с помощью каких-нибудь технических средств это пытались выяснить?

— Пытались,— сказал Барнс.— Гравитометрический анализ, результаты отрицательные. Термография, результаты отрицательные. Протоновая магнитометрия, результаты отрицательные.

— А средства прослушивания?

— Днем раньше мы поместили на дно гидрофоны. Никаких звуков, исходящих из корабля. По крайней мере до сих пор.

— А какие еще были проведены процедуры по осмотру?

— Почти все они связаны с радиацией, а нам бы не хотелось сейчас облучать корабль.

Гарри сказал:

— Капитан Барнс, я заметил, что киль корабля выглядит неповрежденным, да и корпус корабля представляет собой совершенной формы цилиндр. Вы полагаете, что этот объект потерпел крушение в океане?

— Да, — ответил Барнс не без замешательства.

— И этот объект на громадной скорости неповрежденным врезался в толщу океана?

— Да, но он невероятно прочный.

Гарри кивнул:

— Но он должен был бы...

Бет перебила его:

— Водолазы, которые работают сейчас внизу, — чем конкретно они заняты?

— Ищут вход, — улыбнулся Барнс. — Тут мы решили прибегнуть к классическим методам археологических раскопок. Мы расчищаем напластования кораллов, пытаясь обнаружить дверь или какой-нибудь люк. Надеемся, что это случится в ближайшие день-два. Как только это произойдет, вы и отправитесь. Что-нибудь еще?

— Да, — сказал Тед. — Какова реакция русских на это открытие?

— Мы не сообщали об этом русским, — ответил Барнс.

— Вы им не сообщили?

— Нет, не сообщили.

— Но это необычайное, невероятное событие в истории человечества. Не только в американской истории, но всего человечества. Мы непременно должны рассказать о случившемся всем народам мира. Это такое открытие, которое могло бы объединить все человечество...

— С этим вам следует обратиться к Президенту, — прервал его Барнс. — Не знаю причин, его вызвавших, но таково было решение Президента. Еще будут вопросы?

Все молча переглядывались.

— Кажется, можно закругляться.

Зажегся свет, задвигались стулья. Все были возбуждены. Вдруг Гарри Адамс произнес:

— Капитан Барнс, я возмущен совещанием.

Барнс удивился:

— В чем дело, Гарри?

Остановились и другие, глядя на Гарри. Он по-прежнему сидел в кресле с самой недовольной миной на лице.

— Вы боитесь сразу ошараширить нас и потому осторожно выдавливаете новости?

— Какие новости?

— Касающиеся входной двери.

Барнс принужденно засмеялся.

— Гарри, но я же объяснил вам — водолазы расчищают кораллы, ищут вход...

— Я хочу сказать, что еще три дня назад, когда вы начали нас собирать, вы догадались, где находится дверь. Я хочу сказать, что сейчас вы знаете это наверняка.

Разве не так?

Барнс, ничего не отвечая, стоял с растерянной улыбкой на лице.

Боже мой, подумал Норман, глядя на Барнса. Гарри, конечно же, прав. Норману было известно, какими невероятными логическими способностями обладает Гарри, каким потрясающим дедуктивным мышлением, но он впервые видел его на практике.

— Да, — наконец ответил Барнс, — ты прав.

— И вы знаете, где расположена дверь?

— Да-да.

Опять минутное молчание, которое нарушил Тед:

— Это фантастика! Совершенная фантастика! Когда же мы спустимся и войдем в этот корабль?

— Завтра, — ответил Барнс, не отрывая глаз от Гарри. Но и Гарри, в свою очередь, сверлил взглядом Барнса. — Минисубмарины доставят вас на дно попарно, начиная с восьми утра.

— Это потрясающе! — не мог успокоиться Тед. — Фантастика! Невероятно!

— И потому, — Барнс словно пристыл к Гарри взглядом, — вы должны хорошенько выспаться, — если, конечно, сможете.

— Невинный сон, сон, распутывающий сети любви... — продекламировал Тед. Он прямо-таки подпрыгивал на стуле от распирающего его восторга.

— В оставшееся до вечера время офицеры по техническому обеспечению и снабжению придут измерить вас и подберут вам снаряжение. Если возникнут вопросы — я в своем кабинете, — закончил Барнс.

Он вышел, давая понять, что совещание окончено. Пропустив всех, Норман задержался с Гарри Адамсом,

по-прежнему остававшемся на месте. Он наблюдал за паковкой оборудования по монитору.

— Ну и представление было сегодня! — сказал Норман.

— Вот как? Я что-то не заметил.

— Как ты догадался, что Барнс скрыл от нас про дверь?

— О, он не сказал нам гораздо большего, — отозвался Гарри ледяным тоном. — Он не сказал нам ни одной важной вещи.

— Чего, например?

— Например, — сказал Гарри, наконец поднимаясь, — капитан Барнс прекрасно знает, почему Президент приказал все держать в строжайшей тайне.

— Он знает?

— У Президента не было иного выбора в подобных обстоятельствах.

— Каких обстоятельствах?

— Он знает, что объект там, внизу, не корабль пришельцев.

— Тогда что же там?

— Мне кажется, это и так ясно.

— Но не мне, — пробормотал Норман.

Впервые Адамс улыбнулся. Это была тонкая саркастическая улыбка без намека на что-то смешное.

— Ты все равно не поверишь, если я скажу тебе, — и он вышел из комнаты.

Проверка

Артур Левин, морской биолог, был единственным членом экспедиции, с которым Норман Джонсон не был раньше знаком. Это было то, чего он не предусмотрел, предполагая, что контакт с пришельцами произойдет на суше. Он не додумался до простейшей вещи — если космический корабль и должен приземлиться на Земле, то скорее всего, он опустится в океан, потому что 70 процентов планеты покрыты водой. Это стало понятно только задним числом, и потому команде понадобился морской биолог.

Сколько всего еще, подумал он, станет очевидным задним числом?

Он нашел Левина стоящим на палубе, свесившись за борт. Левин прибыл из Океанографического института

в Вудс Хоуле, Массачусетс. Норман пожал его влажную руку. Левин выглядел совершенно измученным и тут же сообщил, что страдает морской болезнью.

— Морская болезнь? У морского биолога? — удивился Норман.

— Я работаю в лаборатории, — возразил Левин. — Дома. На земле. Там вещи не скачут все время. Чему вы улыбаетесь?

— Извините.

— Вам это кажется забавным — морская болезнь у морского биолога?

— Да, немного, — признался Норман.

— Многие страдают морской болезнью, — сказал Левин, вглядываясь в безбрежную гладь океана. — Только поглядите — тысячи миль пустой равнины. И ничего.

— Океан.

— У меня от этого мороз по коже, — признался Левин.

— Ну и? — спросил Барнс. Они вновь сидели в его кабинете. — Что вы скажете?

— О чём?

— О команде, черт побери!

— Эту команду я сам набирал шесть лет назад. Отличная группа, весьма способная.

— Я хочу сказать, кто из них сломается?

— А почему кто-то должен сломаться? — удивился Норман. Разглядывая Барнса, он заметил капельки пота, выступившие на его верхней губе. Командир и сам был подавлен.

— Тысяча футов глубины, — сказал Барнс. — Жить и работать в разреженной атмосфере, в тесном помещении. Послушайте, я же имею дело не с военными, которые хорошо натренированы и умеют держать себя в руках. Это ученые, будь они прокляты. Я должен быть уверен, что у них полный порядок со здоровьем. Я должен быть уверен, что никто из них не сломается.

— Не знаю, поймете ли вы, капитан, но и психологи не могут предсказать этого со всей уверенностью — кто может сломаться.

— Даже если это может случиться от страха?

— От чего бы то ни было.

Барнс наступил:

— Я думал, вы специалист по страху.

— Страх, беспокойство — это действительно то, чем я

непосредственно занимаюсь, и с этой точки зрения я бы мог сказать вам, кто из них вероятнее всего будет испытывать беспокойство в стрессовой ситуации. Но я не могу вам предсказать, кто в стрессовой ситуации сломается, а кто — нет.

— Тогда чего же вы стоите? — прорычал Барнс. Потом вздохнул: — Извините. А вы не хотите побеседовать с ними, предложить им какие-то тесты?

— Здесь бесполезны тесты, — сказал Норман. — По крайней мере то, что вы имеете в виду.

Барнс снова вздохнул:

— А что вы думаете о Левине?

— У него морская болезнь.

— Под водой нет ни малейшего движения, поэтому это не составит проблемы. А что вы скажете о нем, как о личности?

— Он меня тревожит.

— А, ну как раз вовремя. Ну, а Гарри Адамс? Он слишком высокомерен.

— Да, — согласился Норман. — Но это даже неплохо. Исследования показывают, что стрессы лучше выдерживают люди, которых окружающие не любят, считая их высокомерными, заносчивыми, самонадеянными.

— Может, и так, — сказал Барнс. — А что вы скажете о его известном труде? Несколько лет назад Гарри был в числе тех, кто активно поддерживал программу поиска внеземных цивилизаций. А теперь, когда мы наконец кое-что обнаружили, он вдруг так негативно настроен. Помните его работу?

Норман хотел ответить, что нет, но тут вошел лейтенант с новым сообщением.

Барнс покосился на фотографии, отложил их:

— А что погода?

— Без перемен, сэр. Спутники подтверждают, что на месте дислокации сорок восемь плюс минус двенадцать.

— Проклятье, — ругнулся Барнс.

— Плохо? — спросил Норман.

— Погода нам не благоприятствует, — отозвался Барнс. — Надо сворачивать работы на поверхности.

— Это значит, что спуск вниз откладывается?

— Нет, — сказал Барнс. — Начнем завтра, как и планировалось.

— Почему Гарри считает, что там не космический корабль пришельцев?

Барнс нахмурился, задвигал бумагами на столе.

— Знаете что,— сказал он,— Гарри теоретик. А теории — это всего лишь теории. Но я имею дело с голыми фактами. А факт состоит в том, что нечто очень древнее и очень странное находится там, внизу. И я хочу знать, что это.

— Но если это не корабль пришельцев, то что же?

— Давайте-ка подождем до спуска, идет? — Барнс глянул на часы.— Второй модуль сейчас как раз в процессе установки на морском дне. Через пятнадцать часов мы должны уже закончить спуск вниз. За этот отрезок времени мы должны многое успеть.

— Подержите здесь, д-р Джонсон,— Норман стоял обнаженным и чувствовал прикосновение двух металлических рычажков измерительного прибора, прямо под локтями.— Еще чуть-чуть. Отлично.

Молодой военный врач шагнул в сторону, и Норман забрался по ступенькам в металлический бак, который показался ему военной версией пыток инквизиции. Бак был до краев наполнен водой. Когда Норман погрузился в воду, она начала выплескиваться через край.

— Зачем это? — спросил Норман.

— Извините, д-р Джонсон, нельзя ли вас попросить погрузиться в воду целиком?

— Что?

— Лишь на секундочку, сэр.

Норман задержал дыхание, нырнул, затем вынырнул.

— Отлично. Теперь можете вылезать,— скомандовал военврач, протягивая ему полотенце.

— Зачем все это? — опять спросил Норман, слезая с лестницы.

— Нужно узнатать полный объем тела. Это необходимо, чтобы рассчитать ваши параметры.

— Мои параметры?

— Ваши параметры,— и он передвинул рычажки на шкале.— Боже! — воскликнул он.— Да вы не влезаете в диаграмму!

— То есть почему?

— Вы занимаетесь спортом, д-р Джонсон?

— Немного.— Он решил защищаться. Да еще и полотенце оказалось слишком коротким и не обвертывалось вокруг талии. И почему это в ВМС такие короткие полотенца?

— Вы пьете?

— Немного,— он твердо решил защищаться. С какой стати он должен им докладываться?

— Разрешите узнать, когда вы последний раз принимали спиртные напитки, сэр?

— Не знаю. Два или три дня назад.— Он и вправду с трудом припоминал то, что касалось такого далекого сейчас Сан Диего.— А что?

— Все в порядке, сэр. Вас не беспокоят суставы, поясница, колени?

— Нет, а что?

— У вас не было обмороков, слабости, потери памяти?

— Нет...

— Будьте любезны, сядьте здесь, сэр.— Медик указал на стул напротив электронного табло на стене.

— Я все же тоже хотел бы получить кое-какие ответы,— начал было Норман.

— Пошире откройте глаза и смотрите на зеленую точку, сэр.

Он почувствовал короткий укол ослепительного света в обоих глазах и инстинктивно моргнул. Что-то щелкнуло, выскочил листок бумаги с распечаткой. Военврач взглянул на него:

— Все в порядке, д-р Джонсон. А теперь пройдите сюда.

— Нет, теперь вы мне ответьте,— перебил Норман.— Я бы хотел знать, что происходит.

— Понимаете, сэр, но я должен закончить осмотр до вашего очередного совещания в семнадцать ноль ноль.

Норман лежал на спине, а помощник врача ставил ему иголки — две в руки и одну в ногу, чуть ниже паха. Он поморщился от внезапной боли.

— Это была самая болезненная, сэр,— сказал врач, запаковывая иголки в лед.— Приложите сюда кусочек ватки...

* * *

Ноздри его были прищемлены зажимом, зубы сжимали мундштук трубки.

— Это чтобы измерить СО₂,— сказал врач.— Вдохните. Так, не дышите... Глубже, теперь выдохните.

Норман выдохнул. Он наблюдал, как надувалась резиновая диафрагма, подвешенная на гвоздике.

— Еще разок, сэр. У вас должно получиться лучше.

Норман не знал, должно ли, но пришлось подчиниться.

Другой военный врач вошел в комнату с листком в руке:

— Вот его ВС.

Первый медик нахмурился:

— Барнс видел?

— Да.

— И что сказал?

— Сказал, что все нормально, чтобы продолжали.

— Ну и отлично. Барнсу видней.

И первый врач обернулся к Норману:

— Еще раз, вдохните как можно глубже, пожалуйста, д-р Джонсон.

Металлические рычажки коснулись его лба и подбородка, вокруг головы обернулась лента. А теперь рычажки переместились от подбородка к уху.

— А это зачем? — спросил Норман.

— Чтобы подобрать вам шлем.

— А нельзя выбрать из того, что есть?

— Этим мы и занимаемся, сэр.

На обед были макароны с сыром, пригоревшие снизу. Норман отодвинул их, едва ковырнув.

В дверях появился врач:

— Пора на пятичасовое совещание, сэр.

— Никуда я не пойду, — заявил Норман, — пока мне не ответят на вопросы. Какого черта вы все это со мной проделали?

— Обычный осмотр перед погружением, сэр. Согласно правилам ВМС.

— А почему я не влезаю в диаграмму?

— Простите, сэр?

— Вы сказали, что я за пределами диаграммы.

— Ах, это. Вы чуть тяжелее, чем регламентировано на таблицах ВМС.

— Мой вес осложнит дело?

— Скорее всего, нет.

— А что показали другие результаты?

— Сэр, для вашего возраста и образа жизни вы в прекрасной форме.

— А как насчет погружения туда, вниз? — спросил Норман, слабо надеясь, что этого не случится.

— Туда, вниз? Я разговаривал с капитаном Барнсом. Похоже, проблем не будет. А теперь будьте добры, пройдите на совещание.

Остальные уже сидели за круглым столом, уставленным чашечками с кофе. Норман обрадовался, увидев остальных, плюхнулся в кресло рядом с Гарри:

— Вы прошли этот чертов медосмотр?

— Да, — ответил тот, — еще вчера.

— Они мне всю ногу искололи этой длинной иголкой, — пожаловался Норман.

— Правда? Нет, я обошелся без этого.

— А когда вдобавок заставляют дышать с дурацкой прищепкой на носу?

— Ну да? — удивился Гарри. — Похоже, вас подвергли какому-то особому обследованию.

Норман и сам так думал, что эти догадки не развеселили его. Он слишком устал.

— Итак, друзья, нам есть что обсудить, а в запасе всего три часа, — сказал энергичный человек, входя в комнату и на ходу выключая свет. Теперь только голос звучал в темноте. — Как вы знаете, закон Дэлтона, регулирующий частичное давление смешанных газов, или то же самое в алгебраическом выражении...

На табло вспыхнул один из графиков:

$$PP_a = P_{tot} \times {}^0/{}_0 V_{ola}$$

— А теперь посмотрим, как расчет частичного давления может быть произведен в абсолютных атмосферах, что является обычной для нас процедурой...

Значение слов не доходило до Нормана. Он пытался сосредоточиться, про графики продолжали вспыхивать, а голос бубнил свое. Веки налились свинцовой тяжестью, и он уснул.

— ...будет понижаться в субмарине и сразу же в жилом модуле до тридцати трех атмосфер. В этот момент вы будете переведены на смешанные газы, потому что в условиях ниже восьмидесяти атмосфер нельзя дышать обычным земным воздухом.

Норман перестал слушать. Эти технические подробности способны уморить до смерти. Он опять задремал, лишь изредка просыпаясь.

— ...потому что отравление кислородом наступает, ког-

да СО₂ превышает отметку в 7 АТА на продолжительные промежутки времени...

— ...азотный наркоз, когда азот ведет себя как анестезирующее вещество, наступает в атмосфере смешанных газов, если частичное давление превышает 1,5 АТА...

— ...требование разомкнутой цепи в целом предпочтительнее, но в вашем распоряжении будет полуразомкнутая цепь с воздушным колебанием от 608 до 760 миллиметров...

Он снова уснул.

Когда все закончилось, они разошлись по своим каютам.

— Я ничего существенного не пропустил? — поинтересовался Норман.

— Да нет,— ответил Гарри,— кроме огромного количества физики.

В своей тесной каюте Норман сразу повалился в постель. Настенные часы со светящимся циферблатом показывали 23.00. Он никак не мог понять, что это означает одиннадцать вечера. Через девять часов, подумал он, я буду погружаться.

Потом он уснул.

ГЛУБИНА

Погружение

В утреннем свете покачивалась на понтонной платформе подводная лодка «Харен V» — маленькая, ярко-желтая, она казалась детской игрушкой на краю бассейна.

Резиновая шлюпка перевезла Нормана к субмарине, он взобрался на платформу и пожал руку пилоту, которому на вид было не больше восемнадцати, меньше, чем его сыну, Тому.

— Готовы к отправлению, сэр? — спросил пилот.

— Конечно, — отозвался Норман. Он был готов, если он вообще мог быть готов к подобному мероприятию.

Вблизи субмарины совсем не была похожа на игрушку. Она была невероятно мощной, даже массивной. Норман заметил единственный иллюминатор, крышка которого была прикручена болтами больше его кулака. На всякий случай он осторожно потрогал их.

Пилот улыбнулся:

— Хотите проверить, все ли в порядке, сэр?

— Нет, я вам доверяю.

— Теперь сюда, сэр.

Норман взобрался по узким ступенькам на самый верх подлодки и увидел маленький открытый люк. Он заскользился.

— Сядьте на край, — посоветовал пилот, — спустите ноги и проскальзывайте туда. Немного сведите плечи и подберите ваш... Отлично, сэр. — Изогнувшись, Норман пролез в тесный люк и оказался внутри, где было так низко, что он не мог стоять. Лодка была забита техникой.

Тед был уже на борту, согнувшись в три погибели, и улыбающийся, как дитя.

— Разве это не фантастика?

Норман позавидовал его энтузиазму; сам он немного первничал и чувствовал себя подавленно. Пилот захлопнул над ним тяжелую дверцу люка и уселся к приборам:

— Все в порядке?

Они кивнули.

— Извините, джентльмены, — оглянулся через плечо пилот, — но вам придется созерцать мой зад. Итак, стараемся. Моцарт подойдет? — Он вложил кассету. — Спуск на дно длится 13 минут, музыка скрасит его. Если вам не нравится Моцарт, можем предложить что-нибудь другое.

— Моцарт — просто отлично, — сказал Норман.

— Моцарт — это великолепно, — заявил Тед. — Моцарт — это грандиозно.

— Ну и прекрасно, джентльмены. — Раздался свист, затем пощелкивание радио. Пилот тихо заговорил в микрофон. Водолаз в снаряжении появился в иллюминаторе, махнул рукой. Пилот откинулся назад.

Хлюпанье, затем жуткий трюхот: подлодка стартовала.

— Видите, внизу находятся полозья, — пояснил пилот. — Лодка неустойчива на поверхности, и мы передвигаем ее на полозьях. А на глубине в сто футов мы их отбросим.

Через иллюминатор они видели водолаза, стоящего на палубе по пояс в воде. Затем вода закрыла иллюминатор, и из акваланга водолаза пошли пузырьки.

— Мы под водой, — сообщил пилот.

Он подкрутил вентили над своей головой, и они услышали свист воздуха, пугающие громкий. Потом журчание. Свет, проникающий в субмарину через иллюминатор, был чарующе голубым.

— Очаровательно, — сказал Тед.

— Мы отбросили полозья, — сказал пилот. Моторы гудели и лодка двигалась вперед, с водолазом, скользящим вдоль борта. За иллюминатором не было видно ничего, кроме голубой воды. Пилот сказал что-то по радио и включил Моцарта.

— Откиньтесь назад, на спинки кресел, джентльмены, — предложил пилот. — Погружение — восемьдесят футов в минуту.

Норман слышал трюхот моторов, но не ощущал самого

движения. Если что и происходило, так это то, что за окном иллюминатора темнело все больше и больше.

— Знаете, — сказал Тед, — счастье, что это случилось в этом месте Тихого океана. Тихий океан по большей части так глубок, что мы не смогли бы спуститься на самое дно. — Он принялся объяснять, что средняя глубина обширного Тихого океана, который занимает почти половину всей поверхности Земли, — две мили. — Лишь в некоторых местах она меньше. Одно из них — сравнительно небольшой прямоугольник, образуемый Островами Самоа, Новой Зеландией, Австралией и Новой Гвинеей, — представляет собой огромную подводную мель, как и у берегов Западной Америки, правда, у той глубина две мили. Так что сейчас мы опускаемся на мель.

Тед говорил очень быстро. Не был ли и он слегка взвинчен? Норман не мог сказать: он чувствовал, как тяжело бьется его собственное сердце. Теперь снаружи было совсем темно; приборная доска отсвечивала зеленым. Пилот включил красные внутренние огни.

Их погружение продолжалось.

— Четыреста футов. — Субмарина накренилась, затем заскользила вперед быстрее. — Это река.

— Какая река? — спросил Норман.

— Сэр, мы вошли в течение иной солености и температуры. Оно ведет себя как река в океане. Мы всегда замедляем здесь скорость: река словно подхватывает нас и мы немного сплавляемся по ней.

— Ах да, — спохватился Тед. Он полез в карман и протянул пилоту десятидолларовую бумажку.

Норман вопросительно взглянул на него.

— Вам никто не сказал об этом? Старая традиция. Нужно заплатить пилоту перед погружением, на счастье.

— Немного счастья и мне не помешает, — сказал Норман, порылся в кармане и отыскал пять долларов. Но, подумав, вытащил вместо нее двадцатидолларовую купюру.

— Спасибо, джентльмены, и дай вам обоим Бог доброго дна.

Моторы вновь заработали.

— Пятьсот футов, — сказал пилот. — Полпути.

Подлодка громко скрипнула, затем раздалось несколько громких хлопков. Норман оторопел.

— Обычный перепад давления, — сказал пилот. — Все в порядке.

— А-а, — произнес Норман, вытирая рукавом испари-

иу. Ему показалось, что подлодка уменьшилась, потолок и стены приблизились к его лицу.

— Настолько я помню,— сказал Тед,— этот район Тихого океана называется Ло Базен. Правильно?

— Да, сэр, Ло Базен.

— Это плато между двумя подводными горными цепями, Южные Фиджи, или Ло Ридж, к западу, и Тонга Ридж — к востоку.

— Все верно, д-р Филдинг.

Норман посмотрел на приборы. Они были влажными, пилоту приходилось протирать их тряпкой, чтобы что-то разглядеть. Может быть, в лодке течь? Да нет, отогнал он эту мысль. Просто конденсация. Внутри стало холоднее.

Относись к этому проще, приказал он себе.

— Восемьсот футов,— доложил пилот.

Теперь снаружи было совсем черно.

— Это потрясающе! — воскликнул Тед.— С тобой было когда-нибудь что-то подобное, Норман?

— Нет,— ответил он.

— И со мной не было,— сказал Тед.— Но как это волнует!

Хоть бы он заткнулся, подумал Норман.

— Знаешь,— продолжал Тед,— когда мы войдем в корабль пришельцев, произойдет первый контакт с иными формами жизни. Ведь это будет грандиозная минута для землян. Вот я все и беспокоюсь о том, что мы должны сказать.

— Сказать?

— Ну да, какие слова. На пороге открытой двери, перед видеокамерами.

— А там будут видеокамеры?

— А как же — все обязательно должно быть зафиксировано. Подумай, как же иначе. И мы должны будем что-то сказать, какую-то запоминающуюся фразу. Я думаю, так: «Это ответственный момент в человеческой истории...»

— Ответственный момент? — нахмурился Норман.

— Ты прав,— согласился Тед.— Звучит ужасно. А может: «Это поворотный пункт в истории человечества»?

Норман отрицательно покачал головой.

— А как насчет: «Перекресток в эволюции человечества»?

— А в эволюции случаются перекрестки?

— А почему бы и нет,— ответил Тед.

— Перекрестки бывают на дорогах. Разве эволюция — дорога? Всегда думал, что у нее нет направления.

— Ты слишком буквально все воспринимаешь, — заявил Тед.

— Мы у самого дна, — сообщил пилот. — Девятьсот футов, — он замедлил спуск. Они услышали, как запищал сонар.

Тед предложил:

— Новый порог в истории человечества?

— Отлично. Думаешь, он будет?

— А разве нет? — удивился Тед.

— Что, если мы откроем его, а там и нет ничего, кроме груды хлама?

— Ну да!

— Девятьсот пятьдесят футов. Включаю наружные огни, — сказал пилот.

Через иллюминатор они увидели белые блки. Пилот объяснил, что это взесь, поднятая ими со дна.

— Видимость нормальная. Мы сели.

— О, давайте посмотрим, — предложил Тед. Пилот любезно подвинулся, и они выглянули.

Норман увидел гладкую и безжизненную, скучного коричневого цвета равнину в освещенных пределах; а дальше — темень.

— Боясь, что здесь и посмотреть не на что, — сказал пилот.

— На редкость тоскливо, — откликнулся Тед без тени разочарования. — Я ожидал, что здесь больше жизни.

— Ну, тут слишком холодно. Температура воды, только представьте, 36 градусов по Фаренгейту.

— Почти точка замерзания, — сказал Тед.

— Да, сэр. Попробуем найти ваш новый дом.

Моторы вновь зашумели. Мутный осадок вспенился у иллюминатора. Лодка повернулась и двинулась по дну. Несколько минут они наблюдали только коричневый ландшафт.

Потом огни.

— Мы на месте.

Множество подводных огней, выстренных в форме прямоугольника.

— Это решетка, — пояснил пилот.

Лодка поднялась и плавно проскользнула над освещенной решеткой, протянувшейся примерно на полмили. Через иллюминатор они увидели водолазов, которые вози-

лись с оборудованием на дне. Водолазы помахали проплывающей лодке. Пилот посигналил им в ответ в детский горн.

— Они смогут услышать?

— Ну, разумеется. Вода — лучший проводник.

— О, Боже,— произнес Тед.

Прямо перед ними вздыпался вверх со дна океана гигантский острый киль. Норман оказался совершенно неподготовленным к его появлению; пока подлодка проплывала к месту парковки, почти целую минуту киль полностью закрывал ей обзор. Металл был серебристо-серым и, за исключением небольших морских наростов, совершенно без пятен.

— Никакой коррозии,— удивился Тед.

— Да, сэр,— ответил пилот.— Это все замечают. Полагают, это из-за того, что сплав состоит из металла и пластика. Но я думаю, тут ни за что нельзя поручиться.

Киль оказался сзади — подлодка снова повернула. Теперь впереди было множество огней, расположенных вертикальными рядами. Норман увидел стальной цилиндр, окрашенный в желтый цвет, с ярко освещенными иллюминаторами. Рядом с ним — низкий металлический купол.

— Это DH-7, жилой модуль водолазов,— сказал пилот.— Но уж слишком у него рабочий вид. Вы будете жить в DH-8, там гораздо уютнее, уж вы мне поверьте.

Он повернулся направо, и после мгновенной темноты они увидели новое скопление огней. Когда они приблизились, Норман насчитал пять вертикальных и горизонтальных цилиндров, сложным образом соединенных между собой.

— Теперь мы на месте. DH-8 — ваш дом вдали от дома,— сказал пилот.— Через минуту вы будете там.

Металл лязгнул о металл, резкий удар, и моторы стали останавливаться. Со свистом вырывался воздух. Пилот вскарабкался наверх, открыл дверь, и их обдало неожиданно холодным воздухом.

— Шлюз открыт, джентльмены,— сказал пилот, отступая в сторону.

Норман вглядывался сквозь иллюминатор. Он увидел скопление красных огней прямо над собой. Он выбрался из подлодки и попал в круглый стальной цилиндр, диаметром почти в восемь футов. По обеим сторонам его

шли перила, узкие металлические скамьи и добела раскаленные, сверкающие, хотя и не дающие много света, лампы.

Тед выбрался следом и уселся на лавку напротив — так близко, что их колени касались друг друга. Под их ногами пилот захлопнул люк. Они увидели, как завертелась лопасти. Они услышали клацанье, когда лодка тронулась; затем рокот моторов, когда лодка стала удаляться.

И больше ничего.

— Что же теперь будет? — спросил Норман.

— Сейчас нам меняют давление, — сказал Тед. — Переводят нас в разреженную атмосферу, насыщенную иными газами. Здесь, на глубине, нельзя дышать обычным воздухом.

— Почему? — Сидя здесь, на дне, и глядя на холодные стальные стены цилиндра, Норман жалел, что проспал инструктаж.

— Потому что тут для нас атмосфера Земли смертельна. Мы не осознаем этого, но кислород — едкий газ. Он из одной химической группы со фтором и хлором, а фтороводородные соединения относятся к самым коррозийным веществам. Так же и кислород. То его свойство, которое делает несъедобным покоричневевшее яблоко или заставляет ржаветь железо, в большом количестве становится разрушительным и для человека. Кислород под давлением становится токсичным — в полном смысле слова. Значит, нужно сократить количество потребляемого кислорода. На земле вы вдыхаете 21 процент кислорода. Здесь, внизу, вы вдыхаете только два процента. Но разница для вас незаметна.

Голос из динамика произнес: «Переводим вас на новое давление».

— Кто это? — спросил Норман.

— Барнс, — ответил голос. Но он звучал непохоже на голос Барнса — сухой, какой-то искусственный.

— Должно быть, он говорит через толкер, — сказал Тед и тут же засмеялся. Его собственный голос стал заметно выше. — Это гелий, Норман. Они создают гелиевую атмосферу.

— Ты говоришь, как Мак Дак, — сказал Норман и тоже засмеялся. И его голос прозвучал скрипуче, как у персонажа из мультфильма.

— Послушай лучше себя, Микки, — проскрипел Тед.

Передразнивая друг друга, они оба заливались смехом.

— Заткнитесь, вы, дурни,— сказал Барнс из динамика.— Это серьезно.

— Да, сэр, капитан,— ответил Тед, но его голос стал тонким просто до неприличия, и они вновь расхохотались, а в металлическом цилиндре зазвенели их тонкие, как у школьниц, голоса.

Это гелий сделал их высокими и скрипучими. Но он подействовал не только на голоса.

— Дрожите, ребята? — поинтересовался Барнс.

Им и в самом деле стало холодно. Норман видел, что Теда трясет, но и его ноги покрылись гусиной кожей. Как будто ветер пронизывал их тела — но никакого ветра не было. Легкость гелия усилила испарение, отчего и стало холоднее.

С противоположной стороны цилиндра что-то говорил Тед, но Норман ничего не мог понять; его голос стал таким тонюсеньким, что уже ничего нельзя было разобрать. Только тонкое повизгивание.

— Как будто пару крыс запустили,— довольно заметил Барнс.

Тед перевел глаза на динамик и что-то проскрипел.

— Хотите говорить нормально, так воспользуйтесь толкером,— посоветовал Барнс.— Они в ящиках под сиденьями.

Норман нашарил металлический ящик, щелкнул, открывая его, замком. Металл звонко скрипнул, как мел по доске. Все звуки в помещении были очень высокими. В ящике он увидел две черных пластиковых прокладки с ошейником.

— Просто наденьте его на шею, а прокладку расположите прямо против глотки.

— Ладно,— ответил Тед и удивленно заморгал. Голос его звучал хотя и грубо, но все же нормально.

— Эти штуки должно быть изменяют частоту колебания голосовых связок,— предположил Норман.

— И почему вы вечно все пропускаете мимо ушей на инструктаже? — спросил Барнс.— Конечно, именно это они и делают. Вам следует носить толкеры все время, пока вы будете здесь, внизу. Если хотите, чтобы вас понимали. Все еще холодно?

— Да,— ответил Тед.

— Ну, поднимайтесь, атмосферное давление уже для вас нормальное.— Опять раздался свист, и дверь в стене

отодвинулась. В дверях стоял Барнс с легкими куртками в руках.

— Добро пожаловать на DH-8,— сказал он.

DH-8

— Теперь все в сборе,— сказал Барнс,— и у нас есть немного времени, чтобы совершить обход, прежде чем мы откроем космический корабль.

— Вы готовы это сделать прямо сейчас? — спросил Тед. — Чудесно. Мы только что говорили об этом с Норманом. Это такой великий момент — наша встреча с пришельцами. Мы должны подготовить приветственную речь, прежде чем мы войдем туда.

— У нас будет время обдумать это,— сказал Барнс и как-то странно посмотрел на Теда.— Сначала я покажу вам жилой модуль. Идемте.

Он объяснил, что модуль состоит из пяти больших цилиндров, обозначенных от А до Е.

— А — шлюзовой цилиндр, куда мы попали в первую очередь.— Он провел их в смежное помещение. По стенам висели тяжелые подводные костюмы, а на одной — желтые шлемы, вроде тех, которые носили водолазы. Шлемы выглядели как модернистские фантазии. Норман постучал по одному из них костяшками пальцев: сделанный из пластика, он оказался удивительно легким.

На одном из шлемов, над защитным стеклом было написано «ДЖОНСОН».

— Мы их будем носить? — спросил Норман.

— Ну да,— ответил Барнс.

— Когда будем выходить наружу? — уточнил Норман, которого вдруг кольнуло беспокойство.

— Разумеется. Не думайте сейчас об этом. Все еще холодно?

Они и правда мерзли по-прежнему, и Барнс велел им переодеться в плотно пригнанные по их фигурам спортивные костюмы из синего облегающего полиэстера. Тед нахмурился.

— Думаете, они выглядят теплее?

— Одежда не должна много весить,— возразил Барнс,— но она предотвратит потерю тепла под воздействием гелия...

— Цвет непривлекательный, — заявил Тед.

— Да плюнь ты на цвет, — посоветовал Барнс, протягивая им невесомые куртки. Норман почувствовал тяжесть в кармане и вытащил пакетик с батарейками.

— Внутри куртки находятся провода электроподогрева, — пояснил Барнс. — Наподобие электропледа, под которым легче заснуть. Идите за мной.

Они прошли в цилиндр В, в котором помещались энергетические системы и системы жизнеобеспечения. На первый взгляд он напоминал большую бойлерную, с разноцветными трубами и приборными досками.

— Вот здесь вырабатывается все наше тепло, энергия, воздух, — сказал Барнс и принялся объяснять детально: — Генератор IC 240/110, закрытого цикла. Камеры кислородной и водородной подпитки для подводных работ. Видеомониторы, подключенные к высокочувствительным датчикам. Жидкостный процессор на серебро-цинковых батареях. А это старший офицер Флетчер. Крошечка Флетчер.

Норман увидел крупную ширококостную фигуру человека, орудовавшего тяжелым гаечным ключом в сплетении труб. Фигура повернулась: Элис Флетчер улыбнулась им и помахала рукой, вымазанной в машинном масле.

— Похоже, она знает свое дело, — одобрительно заметил Тед.

— Еще как, — сказал Барнс. — Видите, как чрезмерно велики все системы жизнеобеспечения. Флетчер — наша заключительная чрезмерность. В действительности, вы еще столкнетесь с тем, что весь жилой модуль находится на саморегулировании. — Он прицепил тяжелый значок на спортивный костюм: — Их надо носить все время, хотя это только предосторожность — тревога срабатывает автоматически, если условия жизнеобеспечения снижаются ниже допустимого. Но этого не произойдет. Во всех помещениях установлены высокочувствительные датчики. Вы должны усвоить, что вся окружающая обстановка постоянно воспринимает ваше присутствие. Свет загорается и гаснет, тепловые радиаторы включаются и выключаются и вентиляторы вращаются в нужном направлении. Здесь сплошная автоматика, помните об этом. Взятые в отдельности, все системы чрезмерны. Мы можем лишиться энергии, лишиться воздуха и воды, и все же прекрасно просуществовать еще 130 часов.

Норману не показалось, что 130 часов — это так уж

долго. Он быстро подсчитал: пять дней. А пять дней — это не так уж много.

Они вошли в следующее помещение, где тут же вспыхнул свет. В цилиндре С размещались жилые отсеки — спальни, туалеты, душ («всегда горячая вода, вы увидите»). Барнс демонстрировал все с таким гордым видом, как будто это был первоклассный отель.

Жилые помещения были отлично изолированы: ковровые покрытия на потолке, стенах и полу. Переизбыток мягкой вздутой материи напоминал пышно взбитое ложе. Но, несмотря на яркие цвета и очевидную заботливость в убранстве жилища, Норману оно показалось тесным и тоскливым. Иллюминаторы были крошечными и отражали только темень океана. А там, где кончалась обивка, виднелись тяжелые болты и стальная обшивка, напоминающие о том, где они на самом деле находятся. Ощущение было такое, будто они стиснуты в гигантских металлических легких, и это было недалеко от истины.

По узкой переборке они перебрались в цилиндр D, небольшую лабораторию, с приборами и микроскопами на полках повыше, с электроникой на нижнем ярусе.

— Это Тина Чан, — представил Барнс очень спокойную женщину. Они пожали друг другу руки. Норману казалось, что Тина неправдоподобно спокойна, пока он не понял, что она из тех людей, которые почти не моргают.

— Будьте полюбезнее с Тиной, — посоветовал Барнс. — Она — единственная ниточка, которая связывает нас с внешним миром. Она присматривает за всей нашей электроникой.

Тина Чан сидела в окружении таких громоздких мониторов, каких Норману раньше видеть не приходилось. Они напоминали первые телевизоры пятидесятых годов.

Барнс объяснил, что другое оборудование, в том числе мониторы, не будут хорошо работать в гелиевой атмосфере. На заре глубоководных модулей их меняли ежедневно. А теперь их одевают в защитную оболочку; отсюда и толщина.

Рядом с Чан находилась и другая женщина, Джейн Эдмундс, которую Барнс представил как архивиста подразделения.

— Что значит — архивист подразделения? — спросил у нее Тед.

— Старший офицер первого ранга, обработка дан-

ных,— ответила она официально. Джейн Эдмундс носила очки и стояла по стойке смирно. Норману она показалась похожей на библиотекаршу.

— Обработка данных...— начал Тед.

— Я должна отслеживать на пленку все происходящее, вести записи, сэр. Каждый момент этого исторического события должен быть зафиксирован, и я должна наладить доскональный учет.— Норман подумал: настоящая библиотекарша.

— О, замечательно! — обрадовался Тед.— Рад это слышать. Фильм или видеозапись?

— Видео, сэр.

— Я немного знаком с видеокамерой,— сообщил, улыбаясь, Тед.— Какая у вас пленка: полдюйма или три четверти?

Эдмундс отчеканила параметры и характеристику видеопленки, используемой водолазами ВМС. Тед только и нашелся сказать:

— О...

— Это несколько лучше тех поступающих в продажу систем, которые вам знакомы, сэр.

— Ясно,— сказал Тед. И преспокойно продолжал болтать с Эдмундс о разных технических материалах.

— Похоже, Теда интересует все, что касается записи.

— Похоже, что да.— Но Нормана удивляло, почему это так обеспокоило Барнса. Был ли Барнс озабочен самой видеозаписью? Или его волновало то, что Тед может устроить нежелательное представление? Да устроит ли Тед представление? Или Барнс беспокоился из-за вмешательства гражданского лица?

Эдмундс продолжала сыпать техническими терминами, и Норман сказал:

— Я заметил, что вся ваша техническая команда — чисто женская.

— Да,— согласился Барнс.— Исследования по погружениям показывают, что женщины выносливее для работы в подводных условиях. Физические размеры их меньше, они меньше потребляют воздуха и пищи; они более общительны и терпимее при совместном проживании, да и психологически они более выносливые и стойкие. По правде сказать, в ВМС давно поняли, что экипажи подлодок должны быть только женскими,— Барнс засмеялся.— Но как это осуществить?

Они двинулись дальше. Последний цилиндр, Е, был

больше всех остальных. Там лежали журналы, стоял телевизор и удобные диваны; с другой стороны был широкий обеденный стол и кухонька. Стоящая под опахивающим ее вентилятором, повар Роз Леви оказалась краснощекой женщиной с южным акцентом. Она поинтересовалась у Нормана, какой у него любимый десерт.

— Десерт?

— Да, д-р Джонсон. Я люблю всех угождать им любими десертами. А что вы больше всего любите, д-р Филинг?

— Лимонный торт, — сказал Тед. — Я люблю лимонный торт.

— Я приготовлю его вам, — сияя, пообещала Роз Леви. Она обернулась к Норману: — А вы мне так и не ответили?

— Клубничный пирог.

— Проще всего. Как раз с последним рейсом подлодки прислали немного чудесной новозеландской клубники. Может, прямо сегодня и приготовить?

— А почему бы и нет? — благодарно отозвался Норман.

Он взглянул в черную пустоту иллюминатора. Отсюда были видны гирлянды огней, вытянувшиеся на полмили вдоль погребенного на океаническом дне космического корабля. Полякая, как факелы, по его периметру двигались водолазы.

Норман думал: я нахожусь за тысячу футов от поверхности океана, а мы обсуждаем клубничный пирог на десерт. Но чем больше он думал об этом, тем более разумным это ему казалось. Норману лучше всего могла бы помочь обжиться в непривычной обстановке знакомая, любимая еда.

— Меня тошнит от клубники, — заявил Тед.

— А вам я приготовлю пирог с черникой, — не моргнула и глазом Леви.

— А взбитые сливки?

— Ну...

— Нельзя же получить все сразу, — вмешался Барнс. — А взбитые сливки как раз то, чего никак нельзя приготовить при давлении в тридцать атмосфер. Не взбиваются. Попали.

Бет и Гарри ожидали их в маленькой, обитой мягкой материей кают-компании, сидя за общим столом. Оба они были в спортивных костюмах и куртках с подогревом.

Гарри приветственно кивнул головой при их появлении.

— Как вам эта ватная пещера? — показал он на плотно обитые стены. — Как будто в материнском чреве.

— Не хочешь ли опять вернуться туда, Гарри? — спросила Бет.

— Нет уж, спасибо, — отозвался Гарри, — достаточно, что я уже был там однажды.

— Не нравится мне этот костюм, — пожаловался Тед, ощипывая полиэстерную ткань.

— Зато он прекрасно подчеркивает твое сложение, — заметил Гарри.

— Займемся делом, — сказал Барнс.

— Еще бы блестки нашить, — не унимался Гарри, — и ты был бы вылитый Элвис Пресли.

— Элвис Пресли умер.

— Вот и воспользуйся случаем, — предложил Гарри.

Норман огляделся:

— А где Левин?

— Левин не смог, — ответил Барнс. — Во время спуска у него началась клаустрофобия в лодке, пришлось ему вернуться. Так бывает.

— Значит, мы остались без морского биолога?

— Обойдемся без него.

— Ненавижу этот проклятый костюм, — заявил Тед. — Нет, правда ненавижу.

— А вот Бет прекрасно в нем смотрится.

— Да, ей он к лицу.

— А как здесь сырьо, — продолжал ныть Тед. — Здесь всегда так влажно?

Норман тоже заметил, что влажность была здесь повсюду; все, к чему бы они не притрагивались, казалось сырватым, липким и холодным. Барнс предупредил их о возможности простуд и инфекций и вытащил пузырьки с лосьоном для кожи и ушными примочками.

— По-моему, вы говорили, что технология безупречна.

— Ну да, — отвил Барнс. — Поверьте мне, это курорт по сравнению с тем, что было десять лет назад.

— Десять лет назад, — заметил Гарри, — перестали монтировать жилые модули, потому что люди в них умирали.

Барнс нахмурился:

— Всего один случай.

— Случаев было два, — возразил Гарри, — а погибших — четверо.

— Особые обстоятельства,— ответил Барнс.— Причем это не касалось техники или персонала ВМС.

— Пусть так,— согласился Гарри.— Сколько, вы сказали, мы здесь пробудем?

— Максимум 72 часа.

— Вы так уверены?

— Согласно правилам ВМС,— сказал Барнс.

— Почему? — изумился Норман.

Но Барнс покачал головой:

— Никогда,— сказал он,— никогда не спрашивайте о резонности правил ВМС.

В динамике что-то щелкнуло, и голос Тины произнес:

— Капитан Барнс, поступил сигнал от водолазов. Они смонтировали переходной шлюз. Через несколько минут можно будет идти.

Настроение в комнате сразу переменилось, все были явно возбуждены. Тед даже в ладоши захлопал:

— Понимаете ли вы, что даже не открывая этот корабль, мы уже сделали открытие глубочайшей важности.

— Какое? — полюбопытствовал Норман.

— Мы доказали верность невероятной гипотезы,— Тед взглянул на Бет.

— Верность невероятной гипотезы? — переспросил Барнс.

— Он имеет в виду тот факт,— разъяснила Бет,— что физики и химики склонны верить в существование внеземных цивилизаций, а биологи — нет. Биологи считают, что возникновение разумной жизни на Земле потребовало слишком много уникальных эволюционных шагов, так что событие это считается уникальным во вселенной и не может случиться где-нибудь еще.

— А разум не может возникать снова и снова?

— Ну, он только что возник на Земле,— сказала Бет.— Земля существует 4,5 миллиона лет, и жизнь простейших одноклеточных возникла на ней почти сразу же с геологической точки зрения — 3,9 миллиона лет назад. Но жизнь оставалась одноклеточной в течение следующих трех миллиардов лет, и только в кембриджский период, около 600 миллионов лет назад, появились первые мыслящие существа. Уже один миллион лет назад океан был полон рыбы, потом стала заселяться суша. Потом воздух. Но никто не знает доподлинно, где впервые появились разумные существа. И тем более почему этого не случилось раньше на три миллиона лет. И это ответ на то, почему

так мала вероятность зарождения разума на какой-нибудь другой планете.

В послекембриджскую эпоху произошла целая цепочка событий, приведших к появлению человека, и это так удивительно и неправдоподобно, что биологи удивляются, как это вообще могло случиться. Только подумать, что динозавры не вымерли бы 65 миллионов лет назад — из-за кометы или чего-то другого; что рептилии остались бы главенствующим видом на Земле, а млекопитающие не смогли бы возобладать. Нет млекопитающих — нет приматов. Нет приматов, нет прямоходящих обезьян; нет обезьян, нет человека... В эволюции много случайных фактов, множество неожиданных совпадений. Вот почему биологи полагают, что появление разумной жизни — уникальное явление во вселенной, которое не может повториться.

— Но не теперь, — возразил Тед. — Теперь мы знаем, что это явление не уникально. Из-за этого громадного корабля, черт возьми.

— Ну, лично я, — закусила губу Бет, — не могла бы быть обрадована больше.

— По твоему виду этого не скажешь, — заметил Норман.

— Должна признаться, — сказала Бет, — я очень нервничаю. Десять лет назад Билл Джексон провел в Стэнфорде ряд воскресных семинаров по проблемам внеземных цивилизаций. Он разделил нас на две группы. Одна группа разрабатывала различные формы существования пришельцев. Другая пыталась установить контакт с этими возможными формами. Джексон председательствовал на заседаниях обеих групп, не позволяя никому выходить за строгие научные рамки. Однажды мы представили набросок такого предполагаемого существа, и он тут же поинтересовался: «Все отлично, а где же задний проход?» Вот такая критика. Но многое живущее на Земле не имеет заднего прохода. У них такие механизмы вывода шлаков, которые не требуют специального отверстия. Джексон был уверен, что оно необходимо, но оказалось, что нет. — Она покачала головой. — Кто знает, что мы там обнаружим?

— Скоро выясним, — сказал Тед.

Щелкнул динамик:

— Капитан Барнс, водолазы закончили сборку шлюза. Робот готов войти в космический корабль.

— Какой робот? — спросил Тед.

Дверь

— Я не думаю, что это хоть как-то приемлемо,— в ярости произнес Тед.— Мы спустились сюда, вниз, чтобы осуществить человеческий контакт с кораблем пришельцев. Я думаю, мы должны совершить то, зачем прибыли — войти в корабль. Мы, люди.

— Безусловно, нет,— отрезал Барнс.— Мы не можем рисковать.

— Вы должны воспринимать это,— сказал Тед,— как археологическое открытие. Но еще более великое, чем столица ацтеков, чем Троя, чем гробница Тутанхамона. Несомненно, оно самое великое в истории человечества. Так неужели вы действительно запустите какого-то робота открыть космический корабль? Да где ваше чувство истории?

— А где ваше чувство самосохранения? — ответил Барнс.

— Я строго объективен, капитан Барнс.

— Приму это к сведению,— отвернулся Барнс.— А теперь займемся делом. Тина, включите видеомониторы.

Тед прошипел еще что-то, но умолк, когда раздался щелчок и зажглись два больших монитора. На левом они увидели сложные металлические конструкции робота с обнаженными моторами и механизмами. Робот располагался перед изогнутой серой стеной космического корабля.

Внутри этой стены находилась дверь, напоминающая дверь самолета. На втором экране та же дверь была видна более крупно, изображение шло с видеокамеры, установленной на верху самого робота.

— Похоже на дверь в самолете,— заметил Тед.

Норман посмотрел на загадочно улыбающегося Гарри, затем перевел глаза на Барнса. Барнс явно не был удивлен, и Норман понял, что о двери тому уже известно.

— Хотел бы я знать, как следует относиться к подобному параллелизму,— сказал Тед.— Возможность подобного сходства ничтожно мала. Однако эта дверь явно соответствует размерам человеческого тела.

— Верно,— кивнул Гарри.

— Но это невероятно! — воскликнул Тед.— Совершенно невероятно!

Гарри молча улыбался.

Барнс предложил:

— Давайте поищем, как она открывается.

Видеосканер робота задвигался вправо и влево по поверхности корабля и остановился возле прямоугольной панели, укрепленной слева от двери.

— Можешь открыть панель?

— Приступаю к этому, сэр.

Манипулятор робота, оканчивающийся крюком, стал с жужжанием вытягиваться по направлению к панели. Но он был слишком неуклюжим и только царапал по металлу, оставляя на нем следы светлых царапин. Но панель оставалась закрытой.

— Смешно,— фыркнул Тед.— Все равно, что наблюдать за возней ребенка.

Крюк продолжал царапать панель.

— Мы должны сделать это сами,— сказал Тед.

— Используй присоску,— скомандовал Барнс.

Стал вытягиваться другой манипулятор с резиновой присоской на конце.

— Ах ты, слесарь несчастный,— презрительно прокомментировал Тед.

Они наблюдали, как присоска коснулась панели, расплющиваясь по ней. Затем, после легкого щелчка, панель стала открываться.

— Наконец-то!

— Я не вижу...

Изображение было нечетким, размытым. Они могли различить только ряды круглых, ярко окрашенных выступов — красных, желтых и синих. Кроме того, над этими шишками виднелись непонятные черно-белые символы.

— Посмотрите,— сказал Тед.— Красный, желтый, синий. Простые цвета. Это большая удача.

— Почему? — спросил Норман.

— Потому что заставляет предполагать, что пришельцы обладают таким же светочувствительным восприятием, что и мы, и они могут наблюдать мир в тех же красках, что и мы, с помощью того же электромагнитного спектра. Это окажет неизмеримую помощь в установлении контакта. А эти черно-белые значки... Это, должно быть, их письменность! Только подумать! Письменность пришельцев! — Он улыбался в полном восторге.— Это великий момент,— продолжал он.— Я счастлив присутствовать при нем.

— Фокус,— потребовал Барнс.

— Фокусирую, сэр.

Изображение стало более расплывчатым.

— Нет, наоборот.

— Да, сэр. Фокусирую.

Изображение стало меняться, медленно становясь все более резким.

— Ого-го,— произнес Тед, глядя на экран.

Теперь они смогли увидеть, что цветные выступы были на самом деле цветными кнопками: красная, желтая и синяя, граненые и каждая диаметром в дюйм. Символы над кнопками при наведении фокуса превращались в ряды аккуратных трафаретных табличек.

Слева направо на табличках можно было прочесть: «Аварийный выход», «Аварийный выход открыт», «Аварийный выход закрыт».

По-английски.

Мгновение зловещей тишины, и затем Гарри Адамс начал хохотать.

Космический корабль

— По-английски,— произнес Тед, уставившись на экран.— Написано по-английски.

— Ну,— сказал Гарри,— разумеется.

— Что происходит? — спросил Тед.— Это что, розыгрыш?

— Нет,— ответил Гарри. Он был совершенно невозмутим.

— Как может корабль, которому триста лет, иметь инструкции на современном английском?

— Подумай,— сказал Гарри.

Тед нахмурился.

— Может быть, корабль пришельцев хочет представить перед нами так, чтобы мы почувствовали себя спокойно?

— Подумай еще,— предложил Гарри.

Короткое молчание.

— Ну, если это космический корабль пришельцев...

— Это не корабль пришельцев,— возразил Гарри.

Опять молчание. Затем Тед произнес:

— Ну, а почему бы тебе не сказать, что это, если ты сам уже знаешь?

— Хорошо,— согласился Гарри.— Это американский космический корабль.

— Американский космический корабль? Длиной в милю? Изготовленный по технологии, которой мы не знаем, и захороненный в течение трехсот лет на дне морском?

— Разумеется,— подтвердил Гарри.— И это было ясно с самого начала. Не так ли, капитан Барнс?

— Мы предполагали это,— признался Барнс.— Сам Президент предположил это.

— И поэтому вы не проинформировали русских?

— Да.

Теперь Тед был совершенно разъярен, он сжимал кулаки, как будто собирался кого-то поколотить. Он переводил взгляд с одного на другого.

— Но как ты узнал?

— Ключом к разгадке,— сказал Гарри,— стало состояние самого корабля. Он казался совершенно неповрежденным, в полной сохранности, тогда как любой корабль, потерпевший крушение, должен был разбиться. Даже при очень низких начальных скоростях — скажем, 200 миль в час,— поверхность воды так же тверда, как и поверхность суши. И как бы прочен ни был корабль, при соприкосновении с водой он должен получить хоть какие-нибудь повреждения. Между тем повреждений нет.

— И это значит?

— И это значит, что он не садился в воду.

— Не понимаю. Он должен был прилететь сюда.

— Он не прилетал сюда. Он прибыл сюда.

— Откуда?

— Из будущего,— сказал Гарри.— Это не космический корабль, а земной; корабль, который был — будет — построен в будущем для путешествия во времени и который появился на океанском дне несколько сотен лет назад.

— Зачем людям будущего это понадобилось? — жалобно простонал Тед. Он был совершенно несчастен, лишившись своего корабля пришельцев, своего великого исторического момента. Он тяжело опустился в кресло и со скучающим видом уставился на экраны мониторов.

— Я не знаю, зачем это понадобилось людям в будущем,— ответил Гарри.— Ведь мы еще не там. Авария, быть может. Любая неожиданность.

— Вперед,— скомандовал Барнс.— Открой ее.

— Открываю, сэр.

Рука робота удлинилась, продвинулась вперед к кнопке «Открыто» и нажала на нее. Несколько раз раздавался щелчок, но и только.

— В чем дело? — спросил Барис.

— Сэр, невозможно вдавить кнопку глубже. Радиодвижной манипулятор недостаточно длинен для того, чтобы проникнуть внутрь панели.

— Превосходно.

— Могу я использовать зонд?

— Используй зонд.

Рука с крюком вернулась назад, и тонкий, как игла, зонд стал вытягиваться по направлению к кнопке. Зонд выдвинулся вперед и кольнул кнопку. Едва надавив на нее, зонд соскользнул.

— Попытаюсь еще раз, сэр.

Зонд вновь кольнул кнопку и вновь соскользнул.

— Сэр, поверхность слишком скользкая.

— Продолжай работать над кнопкой.

— А знаете, — изрек глубокомысленно Тед. — Это все равно необыкновенное событие. В каком-то смысле даже более необыкновенное, чем контакт с пришельцами. Я всегда был убежден, что внеземные цивилизации существуют. Но путешествие во времени! Откровенно говоря, тут у меня, как у астрофизика, есть некоторые сомнения. Это невозможно хотя бы потому, что противоречит законам физики. И тем не менее — вот оно, подтверждение того, что путешествие во времени возможно, — и осуществили его представители рода человеческого в будущем!

Широко раскрыв глаза, улыбаясь — Тед снова был счастлив. Им нельзя не восхищаться, подумал Норман, его невозможно выбить из колеи.

— И здесь, сейчас, — произнес Тед, — мы находимся на пороге первого контакта с людьми из будущего! Только подумайте! Мы можем встретиться с самими собой в будущем!

Зонд нажимал снова, и снова безуспешно.

— Сэр, мы не можем вдавить кнопку.

— Вижу, — вставая, отозвался Барис. — О'кей, бросьте все и возвращайтесь сюда. Тед, похоже, что твоя мечта сбывается. Мы пойдем туда и откроем его вручную. Собирайтесь.

В корабль

В комнате для переодеваний цилиндра А Норман ступил в свой костюм. Тина и Эдмундс помогли ему надеть шлем и замкнули кольцо на шее. Он ощутил тяжесть баллонов с воздухом на спине; ремни давили на плечи. Он почувствовал металлический привкус. Потрескивали наушники переговорного устройства, вмонтированного в шлем.

Первыми словами, которые он услышал, было: «Как насчет «На пороге великого события для человечества?» Норман засмеялся, радуясь, что это разрядило напряжение.

— Вы находите это смешным? — обиженно спросил Тед.

Норман поглядел на одетого в костюм человека с надписью «ФИЛДИНГ» на шлеме.

— Нет, — ответил Норман. — Я просто немного нервничаю.

— Я тоже, — отозвалась Бет.

— Ничего особенного, — успокоил их Барнс. — Поверьте мне.

— Тебе поверь, — сказал Гарри, и они опять рассмеялись.

Сгрудившись в тесном шлюзе, они стукались друг о друга головами в круглых шлемах. Переборка люка стала смещаться влево, завертелись колеса. Барнс сказал:

— Ничего, ребята, дышите глубже, — и открыл нижний люк и черную воду за ним. Вода не переливалась за перегородку. — Модуль под положительным давлением, — пояснил Барнс. — Уровень не может быть повышен. Теперь смотрите на меня и делайте то же самое, если не хотите порвать одежду. — Неуклюже двигаясь под тяжестью баллонов с газом, он пролез в люк, придерживаясь за боковые поручни, и исчез с легким всплеском.

Один за другим падали они на дно океана. Норман задохнулся, когда ледяная вода облепила его тело, но тут же он услышал слабое гудение вмонтированного в куртку обогревателя. Ноги его коснулись мягкого или-стого дна. Он огляделся в темноте, стоя под модулем. Прямо напротив, в 100 ярдах, посверкивала огнями прямоугольная решетка. Барнс уже был там, впереди, и, наклонившись по течению, медленно двигался, как человек на луне.

— Ну не фантастика ли?

— Умолкни, Тед,— посоветовал Гарри.

— Все же это странно,— заметила Бет,— как мало жизни здесь, внизу. Вы заметили? Ни морской травы, ни слизняка, ни губки, ни единой рыбы. Ничего, кроме коричневого морского дна. Должно быть, это одна из мертвых зон в Тихом океане.

Яркий свет вспыхнул позади них; перед Норманом на дне выросла собственная тень. Он оглянулся и увидел Эдмундса, держащую камеру с подсветкой в громоздком водонепроницаемом корпусе.

— Это все снимается?

— Да, сэр.

— Норман, не упади,— засмеялась Бет.

— Стараюсь.

Теперь они были возле самой решетки. Норман почувствовал облегчение, увидев работавших там водолазов. Справа высоко вздымался киль, вырастая из коралловых отложений; гладкая закругленная поверхность корабля, высившаяся перед ними, делала их карликами.

Барнс провел их мимо киля в глубь тоннеля, прорытого в кораллах. Они шли гуськом по узкому, усеянному огнями тоннелю длиной в шестьдесят футов. Похоже на спуск в шахту, подумал Норман.

— Это то, что прорыли водолазы?

— Точно.

Норман увидел коробку из рифленой стали, окруженную емкостями с газом.

— Теперь в шлюз, и мы почти на месте,— сказал Барнс.— Все в порядке?

— Пока да,— ответил Гарри.

Они вошли в шлюз, и Барнс закрыл дверь. Громко засвистел воздух. Норман увидел уходящую воду — сначала ниже лица, потом спустившуюся к груди, к коленям и наконец к самой земле. Свист прекратился, и они прошли в другую дверь, плавно закрывшуюся за ними.

Норман повернулся к металлическому корпусу корабля. В стороне двигался робот. Норману показалось, что он стоит около реактивного самолета — такая же металлическая поверхность и утопленная в корпусе дверь. Корабль был тускло-серый, что придавало ему зловещий вид. Норман нервничал, но, слыша, как тяжело дышат остальные, понимал, что и они взвинчены до предела.

— О'кей? — спросил Барнс.— Все на месте?

Эдмундс попросила:

— Подождите, пожалуйста, видео, сэр.

— Ладно, ждем.

Они все выстроились перед дверью, оставаясь в шлемах. Есть что заснять, подумал Норман.

Эдмундс: Запись идет.

Тед: Я хочу сказать несколько слов.

Гарри: Господи, Тед. Никак не можешь выбросить это из головы?

Тед: Думаю, это важно.

Гарри: Ну, толкай свою речь.

Тед: Хэлло. Я — Тед Филдинг, здесь, у дверей неизвестного космического корабля, который был обнаружен...

Барнс: Минуточку, Тед. «Здесь, у дверей неизвестного космического корабля...» звучит как «Здесь, у могилы неизвестного солдата».

Тед: Вам не нравится?

Барнс: Ну, я думаю, это вызывает ненужные ассоциации.

Тед: Я думал, вам понравится.

Бет: Как можно входить туда с такими словами?

Тед: Неважно.

Гарри: Ну, теперь ты будешь дуться?

Тед: Неважно. Можно обойтись вообще безо всяких комментариев в этот исторический момент.

Гарри: Ну и чудесно. Давайте открывать.

Тед: Я все же думаю, что каждый чувствует то же, что и я. Мы должны все коротко высказаться — для потомства.

Гарри: Высказывайся же, черт тебя побери!

Тед: Послушай ты, ублюдок, с меня довольно твоего высокомерия, твоего всезнайства...

Барнс: Прекратите, пожалуйста, запись.

Эдмундс: Запись остановлена, сэр.

Барнс: Давайте все успокоимся.

Гарри: Я нахожу всю эту церемонию крайне неуместной.

Тед: Как раз напротив, она весьма уместна.

Барнс: Ладно, тогда я сам. Пустите запись.

Эдмундс: Запись идет.

Барнс: Я — капитан Барнс. Сейчас мы откроем входной люк. При этом историческом событии рядом со мной находятся Тед Филдинг, Норман Джонсон, Бет Гальперн и Гарри Адамс.

Гарри: Почему я последний?

Барнс: Я перечислил слева направо, Гарри.

Гарри: Ну, не забавно ли — единственный черный упомянут последним?

Барнс: Гарри, я перечислил слева направо. Так, как мы стоим.

Гарри: И после единственной женщины. Я полный профессор, а Бет — ассистент профессора.

Бет: Гарри...

Тед: Видишь ли, Гэл, поскольку нас будут опознавать по нашим полным званиям и институтским должностям...

Гарри: И чем плох алфавитный порядок...

Барнс: Хватит! Довольно! Прекратить записи!

Эдмундс: Запись прекращена, сэр.

Барнс: Господи Боже.

Он отвернулся от группы, покачивая головой в шлеме. Потом щелкнул металлической пластинкой, нажал на одну из кнопок. Замигала желтая лампочка «ГОТОВНОСТЬ».

— Все остаются на внутреннем воздухе,— приказал Барнс.

Они продолжали дышать воздухом из баллонов, на тот случай, если газ в корабле окажется токсичным.

— Все готовы?

— Готовы.

Барнс нажал кнопку рядом с надписью «ОТКРЫТО». Замигал световой сигнал «АТМОСФЕРА РАЗРЕЖЕНА». Затем дверь с грохотом поползла в сторону, как дверь в самолете. Мгновение Норман не видел ничего, кроме темноты. Они продвигались вперед осторожно, освещая фонариками внутреннее пространство — перекрытия, на-громождение металлических труб.

— Гелий, кислород, следы CO₂ и водный пар. В нормальных пропорциях. Это разреженная атмосфера.

— На корабле своя собственная атмосфера?

— Похоже на то.

— О'кей. Но не все сразу.

Барнс первым снял свой шлем, вдохнул воздух.

— Кажется, подходящий. Отдает металлом, слегка пощипывает, но в целом подходящий.— Он несколько раз глубоко вдохнул, затем кивнул. Остальные тоже сняли шлемы, сложили их на палубе.

— Так лучше.

— Пойдем?

— А почему нет?

После небольшого замешательства первой шагнула Бет:

— Сначала леди.

Все последовали за ней. Норман оглянулся назад, увидел желтые шлемы на полу. Эдмундс, прижимая окуляр камеры к глазу, сказала:

— Идите вперед, д-р Джонсон.

Норман повернулся и шагнул в корабль.

Внутри корабля

Они стояли на площадке шириной в пять футов, подвешенной высоко в воздухе. Норман посветил фонариком вниз: он скользил лучом по балкам, выступающим из темноты, пока на расстоянии футов в сорок не достиг нижней оболочки. Они стояли в окружении едва видных в темноте балок и перекрытий.

— Как на маслоперегонном заводе,—сказала Бет. Она направила луч фонарика на одну из стальных балок, вы светив маркировку: AVD-09. Все маркировки были сделаны по-английски.

— Большая часть того, что вы видите,—принялся объяснять Барнс,—это строительные элементы, служащие для уменьшения давления на внешний корпус. Обеспечивает колоссальную поддержку по всем осям. Корабль невероятно прочен, как мы и предполагали. Построен так, что может выдерживать гигантские давления. Возможно, внутри есть еще один корпус.— Норман вспомнил, что Барнс был когда-то инженером по аэронавтике.

— И не только это,—сказал Гарри, водя лучом фонарика по внешнему корпусу.— Посмотрите, какой слой свинца.

— Радиационный щит?

— Должно быть. Толщиной в шесть дюймов. То есть корабль способен выдерживать огромные дозы радиации.

— Дьявольски огромные,—сказал Гарри.

Легкий туман наполнял корабль, но ощущение было такое, как будто воздух чуть маслянистый. Металлические перекрытия казались покрытыми маслом, но когда Норман дотронулся до них, никакого масла на его пальцах не оказалось. Он понял, что сам металл был необычайной структуры: гладкий и немного мягкий на ощупь, почти как резиновый.

— Интересно,—сказал Тед.— Новый материал. Мы

связываем силу всегда с чем-то твердым, но этот металл — если только это металл, — одновременно мощный и мягкий. Технология металлов явно шагнула вперед по сравнению с нынешней.

— Явно, — поддакнул Гарри.

— Но это и понятно, — продолжал Тед. — Если сравнить Америку, какой она была пятьдесят лет назад, с сегодняшней, одним из главных отличий окажется необычайное разнообразие пластики и керамики, какой тогда даже и представить нельзя было... — Тед продолжал говорить, и голос его гулко отдавался в пещерной темноте. Но Норман уловил напряжение в его голосе. Старается заглушить свой страх в темноте, подумал Норман.

Они продвинулись глубже внутрь корабля. У Нормана кружилась голова, оттого, что они забрались так далеко во мраке. Они дошли до развилки, но среди труб и переборок было трудно разглядеть что-либо — как в лесу из металлоконструкций.

— В какую сторону? — Барнс взглянул на зеленовато светившийся ручной компас:

— Направо.

В течение десяти минут они миновали несколько площадок, оплетенных балками. Постепенно Норман понял, что Барнс был прав: в центр внешнего цилиндра был встроен еще один, теряющийся в скоплении решеток и поддержек.

— Зачем им понадобилось строить такой корабль?

— Это надо спросить у них.

— Могли быть разные причины, — ответил Барнс. — Но что касается энергетических требований такого двойного корпуса да еще со щитовым покрытием... Трудно представить мотор, способный заставить взлететь такую машину.

Через три или четыре минуты они добрались до двери во внутренний корпус. Она выглядела как обычная наружная дверь.

— Нужно надевать дыхательные аппараты?

— Не знаю. Можем ли мы рисковать?

Бет нетерпеливо кинулась к панели с кнопками, нажала «ОТКРЫТО», и дверь, громыхая, отворилась. Темнота сгущалась за ней. Они шагнули вперед. Норман почувствовал, что ноги ступают по чему-то мягкому, и, опустив фонарик, осветил бежевого цвета ковер.

Лучи их фонариков перекрестно заскользили по ком-

нате, высвечивая большой пульт управления, отделанный бежевым, и три сиденья с высокими спинками рядом. Комната была явно предназначена для людей.

Но бежевый пульт был совершенно гладким, не было никаких приборов и кнопок; сиденья были пусты. Их спинки покачивались взад-вперед в темноте.

— Больше похоже на макет, чем на что-то настоящее.

— Это не может быть макетом.

— Ну, только очень похоже.

Норман провел рукой по гладкой поверхности пульта — она была приятной на ощупь. Норман надавил на поверхность и почувствовал, как она прогнулась от его прикосновения. Опять резина.

— Еще новый материал.

Лучом фонарика Норман сделал новые находки. На дальнем конце пульта была укреплена карточка размером три на пять с надписью, сделанной от руки: «Иди, малыш, иди!» Поблизости стояла маленькая статуэтка симпатичного зверька, напоминавшего фиолетовую белку. На основании была надпись: «Счастливица Лемонтина». Что бы это значило?

— Сиденья кожаные?

— Похоже, что да.

— Как же действует чертов пульт?

Норман продолжал шарить по чистому пульту, и внезапно бежевая поверхность погрузилась вниз, возникли приборы и экраны. Но все они были как бы внутри пульта, как оптическая иллюзия или голограмма. Норман читал обозначения около приборов: «Охотники»... «F3 пистоновый усилитель»... «Планер»... «Просеиватели»...

— Много новых технологий, — констатировал Тед. — Напоминают жидкые кристаллы, но сильно их превосходят. Продвинутая оптоэлектроника.

Вдруг все экраны на пульте управления осветились красным и зазвенели. Пораженный, Норман отпрянул: пульт ожил.

— Эй, смотрите все сюда!

Вдруг ослепительная вспышка света озарила комнату, погасла, оставляя резкий след.

— О Боже...

Еще вспышка — и еще — и затем засветились лампы на потолке, равномерно освещая комнату. Норман видел пораженные, испуганные лица. Он глотнул воздух, медленно выдохнул.

— Господи...

— Черт, но как это произошло? — спросил Барнс в ярости.

— Это я, — призналась Бет. — Я нажала на кнопку.

— Нечего тут нажимать кнопки, — раздраженно сказал Барнс. — Если вы не против.

— Там было написано «Комнатный свет». Мне показалось, это то, что и нужно было сделать.

— Давайте действовать согласованно, — сказал Барнс.

— Ну, Боже мой, Гэл...

— Просто не нажимай большие никаких кнопок, Бет. — Они обошли всю кабину, осматривая приборную доску и кресла. Все, кроме Гарри. Тот стоял очень тихо, не двигаясь, посередине комнаты. Затем спросил:

— Кто-нибудь видит указание даты?

— Никаких дат.

— Должна быть дата, — с неожиданным напором сказал Гарри, — и мы найдем ее. Потому что это определенно американский корабль из будущего.

— А что он тут делает? — спросил Норман.

— Будь я проклят, если я знаю, — и он покачал головой.

Норман нахмурился:

— В чем дело, Гарри?

— Ни в чем.

— Ты уверен?

— Ну да, разумеется.

Что-то он вычислил, подумал Норман, что его беспокоит. Но он не хочет говорить.

— Так вот как выглядит машина времени, — сказал Тед.

— Не знаю, — возразил Барнс. — На мой взгляд, этот пульт похож на приборную доску управления полетами, а комната выглядит как...

Норман тоже так думал: все здесь напоминало ему о кабине самолета. Три кресла для пилота, штурмана и навигатора, расположение приборов. Это была машина для полетов, в этом он был уверен. Но кое-что казалось странным.

Он опустился в одно из кресел. Мягкий, похожий на кожу материал был приятен на ощупь и уютен. Он услышал бульканье. Вода внутри?

— Надеюсь, ты не собираешься улететь? — засмеялся Тед.

— Нет, нет.

Что же это за хлюпанье?

Стул засасывал его. Норман на мгновение запаниковал, почувствовав, как кресло обвивается вокруг его тела, сжимая ему плечи, окутывая ноги. Кожаные подушки охватили его голову, закрыли уши, заползли под подбородок. Он глубоко утонул в кресле, заглотнувшем его, как наживку.

— О Боже...

Затем кресло выехало вперед, вплотную приблизившись к пульту управления. Затем бульканье прекратилось. И больше ничего.

— Наверное, — предположила Бет, — это кресло решило, что ты собираешься лететь.

— Ум-м, — простонал Норман, пытаясь нормализовать дыхание и скачущий пульс. — Хотел бы я знать, как мне отсюда выбраться?

Единственной, остававшейся свободной частью его тела были руки. Он подвигал пальцами, нашарил панель с кнопками на подлокотнике. И нажал одну.

Кресло стало раскрываться подобно моллюску, отпуская его. Норман выкарабкался наружу, взглянул на отпечаток своего тела, медленно исчезавшего по мере того, как кресло хлюпало и спрессовывалось само собой.

Гарри ради эксперимента пощупал одну из кожаных подушек и услышал бульканье.

— Они наполнены водой.

— Замечательно! — воскликнул Барнс. — Вода не поддается сжатию. Вы можете испытывать давление огромной силы, сидя в подобном кресле.

— А сам корабль может выдерживать страшные деформации, — добавил Тед. — Может быть, путешествие во времени связано со структурными перенапряжениями?

— Возможно. — Но Норман сомневался. — Мне же кажется, что Барнс прав — эта машина предназначена для полетов.

— А может, она только так выглядит, — возразил Тед. — В конце концов, мы знаем, как путешествовать в пространстве, но мы не знаем, как путешествовать во времени. Мы знаем, что пространство и время суть стороны одного и того же — время-пространство. Возможно, полеты во времени осуществляются так же, как и в пространстве; возможно, подобные полеты более возможны, чем мы себе представляем.

— А мы ничего не забыли? — спросила Бет. — Если люди летят на этом аппарате — все равно, во времени или в пространстве, — где же они?

— Может быть, где-нибудь еще на корабле.

— Не уверен, — сказал Гарри. — Посмотрите на кожу этих сидений — она как новенькая.

— Возможно, это новый корабль.

— Нет, я о другом — эта кожа как только что сделана.

На ней нет ни царапин, ни порезов, никаких следов от кофейных чашек или пятен краски. Ничего, чтобы можно было предположить, что в этих креслах когда-нибудь сидели.

— Может быть, здесь не было экипажа.

— Зачем тогда сиденья, если нет экипажа?

— Может быть, они отзвали экипаж перед самым вылетом. Похоже, они очень беспокоились из-за радиации. Ведь внутренний свинцовый щит свидетельствует именно об этом.

— А, знаю, — сказал Тед. — Наверное, корабль стартовал по ошибке. Может быть, корабль был на стартовой площадке, и кто-то нажал кнопку до того, как команда поднялась на борт, и корабль улетел пустым.

— Думаешь, они лопухнулись с кнопкой?

— Тогда это была жуткая ошибка, — сказал Норман. Барнс покачал головой:

— Не понимаю я этого. С одной стороны, корабль такой величины никогда не смог бы стартовать с Земли. Он должен был бы быть построен на орбите и запущен из космоса.

— А что вы скажете об этом? — Бет показала на другую панель позади пульта управления. Там был четвертый стул, плотно придинутый к консоли.

Кожаная обивка плотно обнимала человеческую фигуру.

— Вот так штука!..

— Это человек, там, внутри?

— Сейчас посмотрим. — Бет нажала кнопку на подлокотнике. Кресло с бульканьем отъехало от консоли и разжалось. Они увидели человеческую фигуру с неподвижным взглядом.

— Господи, столько лет и так сохраниться! — воскликнул Тед.

— Этого следовало ожидать, — сказал Гарри, — предполагая, что это манекен.

— Но он такой натуральный...

— Должно же быть у наших потомков какое-то превосходство над нами,— пожал плечами Гарри.— Все-таки полвека впереди.— Он толкнул манекен вперед, и стало видно, что с его груди спускается к стопам пуповина.

— Провода...

— Это не провода,— поправил Тед.— Стекло. Оптический кабель. Весь этот корабль оснащен оптической техникой, а не электроникой.

— В любом случае, одна тайна разгадана,— сказал Гарри, глядя на куклу.— Очевидно, что корабль был построен для людей. Но он был послан без них.

— Почему?

— Возможно, предполагаемое путешествие было опасным. Они сначала запустили корабль без человека, прежде чем послать управляемый людьми.

— А куда они запустили его?

— Имея дело с путешествием во времени, вы запускаете корабль не куда, а посыпаете его в когда.

— О'кей. Ну, а в когда они его послали?

Гарри пожал плечами:

— Пока не знаю.

Опять эта замкнутость, подумал Норман. О чем Гарри на самом деле думает?

— Ну ладно, корабль этот в полмили длиной,— сказал Барнс.— Нам еще есть что осмотреть.

— Интересно, есть ли у них регистратор полета? — спросил Норман.

— Ты имеешь в виду, как на коммерческих рейсах?

— Да. То, что фиксирует поведение корабля во время путешествия.

— Должен быть,— сказал Гарри.— Надо проследить, куда ведет кабель от манекена, и мы наверняка найдем его. Мне бы тоже хотелось увидеть этот регистратор. По правде, это был бы решающий момент.

Норман осмотрел пульт, приподнял панель.

— Взгляните,— позвал он.— Я нашел дату.

Они сгрудились вокруг него. На обратной стороне пульта стоял штамп: «Интел. Инк. Сделано в США. Сериал N 98004077 8/5/43».

— Пятое августа 2043 года?

— Похоже на то.

— И мы разгуливаем по кораблю за пятьдесят лет до того, как его сделали...

— У меня голова сейчас просто лопнет.

— Глядите.— Бет прошла из кабины управления туда, где было что-то напоминавшее жилые помещения. Там было двадцать постелей.

— Экипаж из двадцати человек? Если им управляют три человека, то зачем еще семнадцать?

Никто не ответил.

Потом они посетили большую кухню, туалет, обошли жилые комнаты. Все было новым и лоснящимся; нетрудно было догадаться о назначении помещений.

— Знаешь, Гэл, здесь гораздо уютнее, чем на DH-8.

— Точно. Может, переберемся сюда?

— Нет, нет и еще раз нет,— ответил Барнс.— Мы изучаем этот корабль, а вовсе не собираемся тут жить. Мы должны проделать огромную работу, прежде лишь начнем понимать, что тут к чему.

— Ну, вот и было бы гораздо эффективнее жить тут, если мы его исследуем.

— Лично я не хочу тут жить,— заявил Гарри.— У меня тут мурашки бегать начинают.

— У меня тоже,— призналась Бет.

Они уже час находились на борту корабля, и у Нормана сильно болели ноги. Хотел бы он знать, отчего это при изучении космического корабля из будущего так сильно начинают болеть ноги?

После жилых кают они попали в обширное пространство, где узкие проходы разделяли большие отсеки, простирающиеся так далеко вперед, насколько можно было проследить взглядом. Отсеки оказались кладовыми — хранилищами огромных размеров. Они открыли один и обнаружили, что он заполнен тонкими пластиковыми контейнерами, сильно напоминающими современные контейнеры для грузовых авиаперевозок, только они были во много раз тяжелее.

— Все без обмана,— сказал Барнс, заглядывая внутрь.

— Что там?

— Еда.

Плоские брикеты с едой были запакованы в фольгу и пластик, как рационы астронавтов NASA. Тед вскрыл один, воскликнув:

— Еда из будущего! — и облизнулся.

— Ты собираешься есть это? — спросил Гарри.

— Разумеется,— ответил Тед.— Знаешь, однажды мне

попалась бутылочка Дом Периньона 1897 года. Но еду из будущего, из 2043 года, я смогу попробовать впервые.

— Правда, ей, ко всему прочему, еще и триста лет,— заметил Гарри.

— Может, заснимешь? — обратился Тед к Эдмундс.— Как я ем?

Эдмундс с готовностью прижала камеру к глазам, включила свет.

— Только не сейчас,— предупредил Барнс.— Нам еще многое надо успеть.

— В интересах человечества! — запротестовал Тед.

— Не сейчас,— отрезал Барнс.

Он открыл второй контейнер, затем третий. Во всех была еда. Они перешли к следующему хранилищу и стали открывать контейнеры.

— Везде еда. Ничего, кроме еды.

Корабль путешествовал с невероятным запасом еды. Даже рассчитанной на экипаж из двадцати человек, ее хватило бы на несколько лет.

Все начинали уставать, и каким же облегчением была найденная Бет кнопка:

— Интересно, что бы это могло быть?

— Бет... — начал Барнс.

Но дорожка под ними задвигалась, резиновые звенья под ними поползли вперед с легким гулом.

— Бет, прошу тебя, перестань ты нажимать все эти проклятые кнопки, которые тебе подворачиваются.

Но больше никто не возражал — таким облегчением было катиться гусеничной дорожкой мимо десятков одинаковых хранилищ. Норман решил, что они находятся примерно в четверти мили от жилого отсека, оставшегося позади. А значит, они где-то посреди громадного корабля.

И тут они наткнулись на помещение с оборудованием по жизнеобеспечению и висящими скафандрами.

Тед присвистнул:

— Ну, теперь совершенно ясно. Этот корабль запускали к звездам.

Все заговорили разом, взволнованные этой возможностью. Неожиданно все прояснилось: огромные размеры и протяженность корабля, сложность пульта управления...

— Ах, Бога ради,— сказал Гарри.— Не мог он быть создан для путешествия к звездам. Очевидно же, что это обычный космический корабль. А на обычных скоростях даже до близких звезд нужно лететь 250 лет.

— Может быть, у них появилась новая технология...
— Какая же? Разве что-то в настоящем свидетельствует об этом?

— Ну, а может быть...

— Взгляни фактам в лицо, Тед,— сказал Гарри.— Даже при этих немыслимых размерах корабль оснащен провизией на несколько лет: пятнадцать или двадцать, самое большее. Как далеко он мог улететь за это время? Только за пределы солнечной системы, правда?

Тед мрачно кивнул:

— Это так. Нужно пять лет, чтобы достичь Юпитера, девять лет — Урана. За пятнадцать лет... А может, они направлялись на Плутон?

— Зачем кому-то могло понадобиться лететь на Плутон?

— Ну, мы не знаем точно, хотя...

Послышались радиопозывные. Голос Тины Чан произнес:

— Капитан Барнс, вас вызывают с поверхности для особо секретных переговоров.

— О'кей,— сказал Барнс.— Все равно пора возвращаться.

Они повернули обратно, через весь громадный корабль — к главному выходу.

Пространство и время

Они сидели в кают-компании DH-8, наблюдая, как водолазы работают внутри решетки. В соседнем цилиндре Барнс вел переговоры с поверхностью. Леви готовила завтрак, или обед — какую-то еду, во всяком случае. Всем им было не по себе из-за того, что люди ВМС называли «временем поверхности».

— Время поверхности ничего не значит здесь, внизу,— пояснила Эдмундс своим суховатым библиотекарским голосом.— День или ночь, здесь это безразлично. К этому надо привыкнуть.

Они уныло покивали. Норман заметил, как все устали — напряженность экспедиции истощила их. Бет уже задремала, закинув ноги на журнальный столик и скрестив на груди свои мускулистые руки.

За окном три маленькие субмарины спустились с по-

верхности и зависли над решеткой. Вокруг них теснилось несколько водолазов; остальные вернулись в свой жилой модуль, DH-7.

— Похоже, что-то случилось,— заметил Гарри.

— Связанное со звонком Барнса?

— Возможно.— Гарри отвечал рассеянно, он был явно встревожен.— Где Тина Чан?

— Она должна быть с Барнсом. А что?

— Мне нужно с ней поговорить.

— О чем? — поинтересовался Тед.

— Это личное,— уклонился Гарри.

Тед завел глаза, но ничего не сказал. Гарри отправился в цилиндр D. Норман и Тед остались одни.

— Странный парень,— заметил Тед.

— Разве?

— Ты и сам это прекрасно знаешь, Норман. Такой надменный. Может, это оттого, что он черный? Как компенсация, не думаешь?

— Не знаю.

— Так и ищет повод поссориться,— продолжал Тед.— Разобижен всем, что касается экспедиции.— Он вздохнул.— Конечно, математики все странные. У него, наверное, совсем нет своей жизни, я имею в виду личной жизни. Я не говорил тебе, что я опять женился?

— Я прочел где-то об этом,— ответил Норман.

— Она телерепортер,— сказал Тед.— Потрясающая женщина.— Он улыбнулся.— Когда мы поженились, она подарила мне «Корвett». Чудесный «Корвett»-58, в качестве свадебного подарка. Знаешь, такого огненно-красного цвета, как в пятидесятые годы.— Тед прошелся по комнате, взглянул на Бет.— Я только думаю, что все это поразительно. И как это можно спать?

Норман кивнул. Интересно, думал он, какие же все они разные. Непоколебимый оптимист Тед, с его кипучим детским энтузиазмом. Гарри, всегда холодный и критичный, с трезвым рассудком и немигающим взглядом. Бет, не такая уж интеллектуальная и элитарная. Зато более плотская и более эмоциональная. Вот почему, хотя все они истощены, только Бет способна спать.

— А правда, Норман,— сказал Тед,— как ты и сказал, это становится жутковатым.

— Я так и думал,— отозвался Норман.

— Ну,— сказал Тед,— если бы мне и хотелось, чтобы кто-то ошибался насчет этой экспедиции, я бы предпочел, чтобы это был ты.

— И я тоже.

— И все же я не могу взять в толк, почему ты отобрал типа вроде Гарри Адамса в эту команду? Не то, что бы он не подходит, но все же...

Норман вовсе не собирался обсуждать Гарри.

— Тед, помнишь, ты сказал, когда мы были на корабле, что время и пространство стороны одного и того же?

— Время-пространство, конечно.

— Я никогда не понимал этого хорошенько.

— Почему? Это так очевидно.

— Можешь объяснить мне?

— Конечно.

— По-английски?

— Ты имеешь в виду — безо всяких математических терминов?

— Да.

— Ну, я попытаюсь. — Тед нахмурился, но Норман знал, что он доволен, он любил читать лекции. Он выдержал паузу, потом сказал: — О'кей. Посмотрим, откуда лучше начать. Тебе знакома гипотеза, что гравитация — это геометрия?

— Нет.

— Искривление пространства и времени?

— Нет, абсолютно.

— Ух. Теория относительности Эйнштейна?

— Извини, — сказал Норман.

— Ничего, — ответил Тед. Он взял круглую фруктовницу со стола, высыпав фрукты на скатерть. — Так. Допустим, этот стол — пространство, голое пространство.

— Хорошо, — сказал Норман.

Тед принялся размещать фрукты:

— Этот апельсин — солнце. А это — планеты, которые вращаются вокруг него по своим орбитам. Это солнечная система.

— О'кей.

— Отлично, — сказал Тед. — Солнце, — он ткнул в апельсин, — слишком большое и обладает огромным притяжением.

— Точно.

Тед протянул Норману ягоду.

— Это космический корабль. Я хочу, чтобы ты отправил его в солнечную систему, так, чтобы он прошел близко от солнца.

Норман покатил ягоду по направлению к апельсину.

— Видишь, твоя ягода катится прямо через ровный стол.
— Верно.

— Но что в действительности произойдет с твоим кораблем, когда он приблизится к солнцу?

— Солнце его притянет.

— Да. Мы говорим, что он должен «упасть на солнце». Космический корабль свернет с прямого пути и шлепнется на солнце. А с твоим кораблем этого не произошло.

— Нет.

— Значит, ошибка заключается в ровном столе. Космос не может быть похожим на ровный стол.

— Не может?

— Нет,— ответил Тед.

Он взял пустую фруктовницу и опустил туда апельсин.

— Теперь проведи свой корабль мимо солнца.

Норман направил ягоду в вазу. Ягода закружилась по спирали внутри нее, пока не шлепнулась на апельсин.

— Ну вот,— сказал Тед,— корабль упал на солнце, что и происходит в действительности.

— А если я задам необходимую скорость,— сказал Норман,— он пройдет мимо. Он сможет опуститься и подняться с другой стороны вазы.

— Верно,— одобрил Тед.— Все как в жизни. Если скорость у космического корабля достаточно велика, он может избежать воздействия гравитационного поля солнца.

— Правильно.

— Значит,— продолжал Тед,— наш опыт показывает, что космический корабль проходит мимо солнца в космосе, ведя себя так же, как будто он попадает в искривленную область космоса вокруг солнца. Пространство вокруг солнца искривлено так же, как эта круглая ваза.

— Ага...

— И если у твоего шарика верная скорость, он не выскочит из вазы, а, напротив, будет бесконечно вращаться по краю вазы. Это то же самое, что происходит с планетами. Они бесконечно вращаются внутри сферы, создаваемой солнцем.

— Представь себе, что в действительности стол сделан из резины, и планеты оставляют на нем впадины. Подлинный космос искривлен — и искривление зависит от силы гравитации.

— Да...

— Значит,— сказал Тед,— космос искривлен гравитацией.

— Ну, пустя.

— И это означает, что можно представить гравитацию как искривление пространства. Земля обладает притяжением, потому что Земля искривляет космос вокруг себя.

— Пустя.

— Хотя все и не так просто,— добавил Тед.

Норман вздохнул:

— Я так и не думаю.

В комнату вошел Гарри, увидел фрукты на столе, но ничего не сказал.

— Теперь,— продолжал Тед,— когда ты запускаешь свою виноградинку через вазу, ты замечаешь, что она не только скатывается по спирали вниз, но и кружится быстрее?

— Да.

— А когда предмет двигается быстрее, время для такого предмета идет медленнее. Эйнштейн доказал это еще в начале века. А именно то, что, говоря об искривлении пространства, вы говорите об искривлении времени. Чем глубже ваза, тем медленнее идет время.

— Ну...— протянул Гарри.

— Как говорят профаны,— поспешай медленнее.

Тед взял в руки вазу:

— Теперь, если проделать все это на уровне математики, можно обнаружить, что закругленная ваза — это не время и не пространство, а комбинация того и другого, их соединение. Эта ваза — соединение времени и пространства, и все предметы, двигающиеся в ней, двигаются в пространственно-временных условиях. Мы не привыкли так думать, но это то, что происходит в действительности.

— Правда?

— Конечно. Возьми бейсбол.

— Идиотская игра,— сказал Гарри.— Я ненавижу игры.

— Тебе знаком бейсбол? — повернулся Тед к Норману.

— Да,— сказал Норман.

— О'кей. Представь, что мяч послан игроку в центре поля плоским ударом над землей. Мяч летит почти прямо, и это занимает, скажем, полсекунды.

— Ладно.

— Теперь представь, что мяч послан тому же игроку высоким навесным ударом. В этом случае мяч описывает в воздухе дугу, и игрок сможет взять его секунд через шесть.

— Пустя.

— Теперь, траектории движения — плоского мяча и свечки — кажутся нам совершенно различными. На самом деле оба мяча двигаются совершенно одинаково с точки зрения времени-пространства.

— Нет, — сказал Норман.

— Да, — кивнул Тед. — Ты же знаешь уже, как это происходит. Представь, что тебе нужно послать игроку в центр поля свечку, но чтобы мяч летел не шесть секунд, а полсекунды.

— Это невозможно, — ответил Норман.

— Почему? Надо послать его сильнее.

— Тогда он полетит выше и будет лететь дольше.

— Ну, ладно, тогда пошли мяч плоским ударом, но чтобы он летел шесть секунд.

— И это невозможно, — возразил Норман.

— Правильно, — сказал Тед. — Ты хочешь сказать, что не можешь произвольно заставлять мяч делать то, что тебе вздумается. Существуют строго определенные отношения, устанавливающие траекторию мяча при его продвижении во времени и пространстве.

— Конечно, потому что Земля обладает притяжением.

— Да, — сказал Тед, — и мы сошлись на том, что притяжение есть искривление времени-пространства, как и окружность этой вазы. Каждый бейсбольный мяч на Земле летит поэтому по столь же искривленному пространству, как и этот шарик внутри вазы. Смотри. — Он опять положил апельсин в вазу. — Это Земля. — Он прикоснулся двумя пальцами к двум противоположным сторонам апельсина. — Это подающий и принимающий. Теперь перекати ягоду от одного пальца к другому, и ты увидишь, что тебе придется принаршиваться к закруглению вазы. Можешь послать шарик легким ударом, и он прокатится близко к апельсину, а можешь сильно ударить по нему, и он взлетит над краем вазы, прежде, чем упадет с другой стороны. Но в любом случае ты не можешь делать с шариком все, что хочешь, потому что он движется внутри круглой вазы. То же самое происходит с бейсбольным мячом — он движется внутри искривленного пространства-времени.

— Похоже, — сказал Норман, — я понял. Ну, а как это соотносится с путешествием во времени?

— Мы привыкли считать, что гравитационное поле Земли очень сильное — когда мы падаем, оно сильно ударяет нас, — но в действительности оно очень слабое. Его почти не существует. И потому время-пространство вокруг Земли не

так уж сильно искривлено. Время-пространство гораздо сильнее искривлено вокруг солнца. А в других частях вселенной оно очень сильно искривлено, отчего образуются движущиеся воронки, и может произойти любое искажение времени. В самом деле, если взять черную дыру...

Он неожиданно замолчал.

— Ну, Тед? Что там с черной дырой?

— О Господи Боже,— едва проговорил Тед.

Гарри поправил очки на носу и сказал:

— Тед, хоть раз в жизни, но ты, возможно, прав. Они оба схватились за бумагу и стали быстро покрывать ее каракулями.

— ...Нет, нет. Начнется вращение...

— ...Скорость движения гарантирует...

— ...Но вы не сможете достигнуть необычайного...

— ...Нет, силы приливов и отливов...

— ...отнесут в сторону...

— А если опуститься за горизонт...

— Разве это возможно? Неужели они обладают такой энергией?

Оба замолчали, делая расчеты и что-то бормоча себе под нос.

— Так что там с черной дырой? — спросил Норман. Но они больше его не слышали.

Щелкнул динамик. Барнс произнес:

— Внимание. Говорит капитан. Всем собраться в кают-компании немедленно.

— Мы здесь, в кают-компании,— ответил Норман.

— Немедленно.

— Мы уже здесь, Гэл.

— Тогда все,— сказал Барнс, и динамик снова щелкнул, отключаясь.

Совещание

— Я только что повздорил с адмиралом Спэлдингом, командующим тихоокеанским флотом,— сообщил Барнс.— Очевидно, Спэлдинг только что узнал, что я спустил на глубину гражданских лиц для участия в проекте, о котором он ничего не знает. Ему это совсем не понравилось.

Все молча глядели на него.

— Он потребовал, чтобы всех гражданских лиц подняли наверх.

Ну и отлично, подумал Норман. То, что они обнаружили здесь, только разочаровало его. Перспектива провести еще семьдесят два часа в этом сжатом, вызывающем клаустрофобию пространстве, где они исследовали пустынный космический корабль, ему совсем не улыбалась.

— Я думал, — сказал Тед, — что у нас прямое указание от Президента.

— Да, — но возникла угроза шторма.

— Какого шторма? — спросил Гарри.

— Сообщают, что усиливается юго-восточный ветер, двигающийся со скоростью в 15 узлов. Похоже, что через двадцать четыре часа сюда придет тихоокеанский циклон.

— Здесь будет шторм? — спросила Бет.

— Не здесь, — уточнил Барнс. — Здесь, внизу, мы ничего не почувствуем, а на поверхности прямо над нами. Наши корабли поддержки будут отдрейфовать в Тонгу.

— И мы останемся здесь одни?

— Да, на двадцать четыре или сорок восемь часов. Это бы не беда — мы находимся на полном самообеспечении, — но Сполдинг нервничает из-за того, что гражданские лица будут находиться внизу при отсутствии поддержки наверху. Я хочу знать, что вы об этом думаете. Хотите ли вы остаться и продолжать исследования или покинуть дно?

— Остаюсь. Обязательно, — заявил Тед.

— Бет? — спросил Барнс.

— Я прибыла сюда для изучения неизвестных форм жизни, — ответила Бет. — Но на корабле нет никакой жизни. Я не говорю, что ее не может оказаться вовсе, но думаю, надо подниматься.

— Норман?

— Поглядим правде в глаза, — начал Норман. — Мы не подготовлены в должной мере для подводных исследований и мы не чувствуем себя здесь комфортно. По крайней мере, я. И вряд ли мы способны оценить этот корабль в должной мере. Здесь нужна команда подготовленных инженеров ВМС. Надо подниматься.

— Гарри?

— Оставить все к черту.

— Конкретные причины?

— Назовите это интуицией.

— Не могу поверить, Гарри, — сказал Тед, — что ты мог сказать это после той блестящей новой идеи относительно корабля...

— Теперь это неважно, — твердо произнес Барнс.

Я дал указание поднять нас на поверхность в ближайшие двенадцать часов.

— Черт побери! — выругался Тед.

Но Норман смотрел на Барнса и видел, что тот не кажется разочарованным. Он хочет подняться, думал Норман. Он ищет предлог, чтобы подняться отсюда, и мы должны найти его.

— Я бы мог сказать и похуже... — начал Тед.

— Довольно, Тед. Выбор сделан, можете пойти отдохнуть немного.

Едва они направились к своим койкам, Барнс остановил Бет:

— На пару слов, пожалуйста.

— О чем?

— Бет, прошу тебя, когда мы опять окажемся на корабле, не нажимай всех кнопок подряд.

— Я только зажгла свет, Барнс.

— Да, но ты не знала этого, когда...

— Разумеется, знала. На кнопке было написано: «Комнатное освещение». Все было понятно.

Уходившие слышали, как Бет говорила:

— Я не ваш бесправный подчиненный, которым можно командовать, Гэл... — потом Барнс произнес еще что-то, и голоса смолкли.

— Черт! — сказал Тед и пнул в сердцах железную стену, которая отзывалась гулкой пустотой. Они прошли в цилиндр С, направляясь к койкам. — Не могу поверить, что вы хотите убраться отсюда, — сказал Тед. — Это же такое потрясающее открытие. Как вы можете уйти отсюда? Особенно ты, Гарри. Возможности только с точки зрения математики! Теория черной дыры...

— Я сказал тебе почему, — отзывался Гарри. — Я хочу подняться, потому что этого хочет и Барнс.

— Барнс не хочет подниматься, — возразил Тед. — Он поставил это на голосование.

— Это я знаю. Но Барнс не хочет, чтобы начальство думало, будто он принял неверное решение. Вот он и переложил решение на нас. Но я вам говорю, Барнс хочет подняться.

Норман был удивлен: математиков обычно воспринимают как людей, парящих в облаках, рассеянных и невнимательных. Но Гарри был начеку: он ничего не упускал.

— Но почему Барнс хочет подняться? — спросил Тед.

— По-моему, это очевидно,— пожал плечами Гарри.— Из-за шторма на поверхности.

— Но пока нет никакого шторма.

— Нет,— согласился Гарри.— Но когда он придет, никто не знает, как долго он продлится.

— Барнс сказал, что двадцать четыре или сорок восемь часов...

— Ни Барнс и никто другой не может предсказать, как долго продлится шторм,— возразил Гарри.— Что, если он продлится пять дней?

— Мы можем оставаться здесь в это время. У нас достаточно воздуха и топлива для пяти дней. Почему вы так беспокоитесь?

— Я не беспокоюсь,— ответил Гарри.— Но я думаю, что Барнс обеспокоен.

— Господи, да ничего же не случится! — воскликнул Тед.— Уверен, что нам следует остаться.— Но тут они услышали журчание. Взглянув под ноги, они увидели, что покрытый ковром пол потемнел от влаги.

— Что это?

— Я бы сказал, что это вода,— ответил Гарри.

— Соленая вода? — спросил Тед, наклонившись и трогая темное пятно. Он лизнул палец: — На вкус не кажется соленой.

Где-то над ними голос произнес:

— Потому что это моча.

Подняв глаза, они увидели Элис Флетчер, стоящую на платформе среди переплетенных труб у самой закругленной макушки цилиндра.

— Все под контролем, джентльмены. Небольшая утечка в системе потери жидкости вследствие нарушения циркулирования H_2O .

— Потеря жидкости? — схватился за голову Тед.

— Только небольшая утечка,— успокоила Флетчер.— Ничего страшного, сэр.— Она обдала одну из труб белым веществом из распылителя. Вещество распространилось по трубе и затвердело.— Покрываем трещины, если они появляются, уретаном. Прекрасно пломбирует.

— И как часто бывают подобные утечки? — поинтересовался Гарри.

— Потеря воды? — повторил опять Тед.

— Трудно сказать, доктор Адамс. Но вам совершенно нечего беспокоиться.

— Мне нехорошо,— сказал Тед.

Гарри шлепнул его по спине:

— Приди в себя, это не смертельно. Пойдем-ка вздремнем.

— Похоже, я тоже хочу выбраться отсюда.

Они прошли в спальный отсек. Тед тут же отправился в душ, и они услышали, как он отплевывается и фыркает.

— Бедный Тед, — сказал Гарри, качая головой.

— А что это там за дела с черной дырой, в конце концов? — спросил Норман.

— Черная дыра, — сказал Гарри, — это погасшая, сильно сжатая звезда. Сама по себе звезда похожа на пляжный мяч, накачанный атомными взрывами, происходящими внутри. Когда звезда стареет, иссякает ядерное топливо, и мяч коллапсируется до крохотного размера. Если он сколлапсировался достаточно, он становится столь плотным и обладает столь сильной гравитацией, что он перестает сжиматься, выворачиваясь вовнутрь самого себя, пока он не станет очень маленьким и очень плотным — всего несколько миль в диаметре. Это и есть черная дыра. Нет ничего плотнее во вселенной, чем черная дыра.

— Они черные, потому что мертвые?

— Нет. Они черные, потому что они поглощают весь свет. Черные дыры имеют такую сильную гравитацию, что они все втягивают в себя — как вакуумные очистители — весь окружающий межзвездный газ, и пыль, и даже самый свет. Они просто засасывают его.

— Засасывают свет? — удивился Норман. Ему было трудно осознать это.

— Да.

— А чем вы были так потрясены, занимаясь своими вычислениями?

— О, это длинная история, и это только предположение, — зевнул Гарри. — Возможно, оно ничего не стоит. Поговорим об этом позже, а?

— Ладно, — согласился Норман.

И Гарри отправился спать, а Тед все еще плескался в душе. Норман вернулся в цилиндр D, в царство Тины.

— Гарри получил то, что хотел? — поинтересовался он. — Я знаю, что он хотел вас видеть.

— Да, сэр. Я получила информацию, которая ему требовалась. Вы тоже хотите сделать завещание?

Норман нахмурился.

— Д-р Адамс сказал, что он не успел сделать завещания

и хотел бы составить его сейчас. Как бы то ни было, я проверила наверху, оказалось, у вас его тоже нет. Это действительно проблема, что его нет в ваших бумагах: ведь вы не можете передать свое завещание по проводам.

— Ну да.

— Извините, д-р Джонсон, но не думаете ли вы, что мне следует довести это до сведения остальных?

— Нет,— сказал Норман,— не надо их беспокоить. Скоро мы поднимемся наверх, а перед тем еще раз осмотрим корабль.

Огромное стекло

На этот раз они разделились внутри корабля. Барнс, Тед и Эдмундс продолжали исследовать внутреннее пространство корабля, изучая еще не известные им отсеки. Норман, Бет и Гарри остались в том помещении, которое они теперь называли кабиной управления полетом, чтобы разобраться с показаниями «черного ящика».

Отправляясь, Тед произнес: «Это далеко не лучшее, что я совершил в своей жизни». Затем он последовал за Барнсом.

Эдмундс оставила им маленький монитор, чтобы они могли следить за продвижениями второй группы. Они могли слышать, как Тед непрестанно приставал к Барнсу, сообщая свое мнение об устройстве корабля. Вид грузо-подъемников отчего-то напомнил Теду каменные развалины античных Микен в Греции, особенно знаменитые Львиные ворота...

— Голова Теда забита непригодной информацией больше, чем у кого бы то ни было,— сказал Гарри.— Нельзя ли немного убрать звук?

Норман, зевнув, убрал звук. Он устал. Койки в DH-8 были жесткими, электрические пледы тяжелыми и липучими. Уснуть было практически невозможно. Да еще Бет разбушевалась после беседы с Барнсом.

— Черт бы его побрал,— впала она в ярость.— Куда его понесло?

— Он делает, что может, как и любой другой,— примиряюще ответил Норман.

Она отмахнулась:

— Знаешь, Норман, временами ты уж чересчур всепони-

мающ и психологичен. А этот человек — просто идиот. Полный идиот.

— Может, поищем «черный ящик»? — сказал Гарри. — Это сейчас важнее. — Гарри пытался проследить, куда вел прозрачный кабель, подсоединенный к спине манекена. Ему пришлось даже вскрыть пол.

— Извини, конечно, — продолжала Бет, — но мужчине он бы такого не сказал. Во всяком случае, не Теду, разумеется. Тот из всего устраивает спектакль, и я не понимаю, почему ему это позволяют.

— Что может поделать Тед с... — начал было Норман.

— ...Этот человек — паразит, и больше ничего. Он крадет чужие идеи и выдает за свои. Даже то, как он цитирует чужие высказывания — это же просто возмутительно!

— Думаешь, он крадет чужие идеи?

— Но послушай, еще там, наверху, я заметила в разговоре с ним, что следует заготовить несколько приветственных слов перед тем, как мы откроем эту штуковину. И что же? Тед тут же вылезает с этой идеей, да еще перед самой камерой.

— Ну...

— Ну что, Норман? И не понужай меня ради всего святого. Эта мысль принадлежала мне, а он присвоил ее и даже спасибо не сказал.

— А ты ему об этом говорила?

— Нет, разумеется. Да он и не вспомнит, что это я предлагала, знаю я его: «Ты говорила это, Бет? А, припоминаю, что-то такое, кажется, упоминала...»

— Я все же думаю, тебе следует поговорить с ним.

— Норман, ты что, не слушаешь меня?

— Поговорила бы с ним и не злилась бы так сейчас.

— Да не в этом дело, — Бет обхватила голову руками. — Ты посмотри, Тед делает в этой экспедиции все, что ему вздумается, молотит всякий вздор, произносит свои дурацкие речи. Я же лишь вошла первой в дверь, и Барнс сделал мне замечание. Почему я не могла войти первой? Почему бы женщине не быть первой хотя бы однажды в истории науки?

— Бет...

— ...А потом я получаю нагоняй из-за того, что включила свет. Знаешь, что мне наговорил по этому поводу Барнс? Он сказал, что я могла устроить короткое замыкание и подвергнуть нас всех опасности. Он сказал, что я сама не

знаю, что делаю. Что я слишком порывиста. Господи. Порывистая. Каменная военщина.

— Верните звук. Лучше уж слушать Теда,— сказал Гарри.

— Валяйте.

— Бет. Мы все находимся под гигантским давлением,— сказал Норман.— Оно на всех действует по-разному. Она воззрилась на Нормана:

— Хочешь сказать, что Барнс был прав?

— Я хочу сказать, что все мы под давлением. Включая его. Включая тебя.

— Господи, вы, мужчины, всегда заодно. Знаешь, почему я только помощник профессора, а не полный профессор?

— Ты, милое и уживчивое создание?

— Как-нибудь обойдусь и без этого, ей-богу.

— Бет,— сказал Норман.— Видишь, куда ведут эти провода? Они проходят здесь под переборкой. Посмотри-ка, не выходят ли они с той стороны двери.

— Хочешь от меня избавиться?

— Если удастся.

Она засмеялась, и напряженность слегка спала.

— Ладно, пойду посмотрю за дверью.

— С ней здорово работать,— заметил Гарри ядовито, когда она ушла.

— Знаешь историю Бена Стоуна?

— Какую?

— Бет готовила дипломную работу в его лаборатории. Бенжамин Стоун был биохимиком в Бруклинском университете. Колоритный, обаятельный мужчина, с репутацией прекрасного исследователя, он славился тем, что использовал выпускников в качестве ассистентов в своей лаборатории, присваивая полученные ими результаты. В этой научной эксплуатации Стоун был не одинок в академических кругах, но он шел дальше своих коллег.

— Бет спала с ним.

— Угу.

— В самом начале семидесятых. Она провела ряд важных опытов с ресничными, изучая их энергетику. Но они крупно повздорили со Стоуном, и он порвал с ней отношения. Она ушла из лаборатории, а он опубликовал пять статей — всю ее работу,— не упомянув ее имени.

— Очень мило,— сказал Гарри.— И поэтому теперь она поднимает тяжести?

— Ну, она чувствует себя несправедливо обиженней, и я ее понимаю.

— Да,— сказал Гарри,— но ложась с собакой, рискуешь набраться блох, понимаешь?

— Боже,— сказала Бет, возвращаясь.— Пожале, что девушку, которую раз выпороли, всегда расспрашивают об этом. Ведь вы обо мне говорили?

— Нет,— сказал Гарри, продолжая выламывать панели на полу, следя за направлением проводов.— Но иногда так и тянет спросить, что девушка делала в три часа ночи в темной аллее в той части города, у которой дурная слава?

— Я его любила.

— Это все же дурной квартал.

— Мне было двадцать два.

— А сколько было надо?

— Хотя бы как тебе сейчас, Гарри.

Гарри покачал головой:

— Ты напала провода?

— Да, нашла. Они ведут к какой-то стеклянной решетке.

— Пойдемте, посмотрим,— сказал Норман, выходя в другую дверь. Ему приходилось видеть «черные ящики» прежде: металлические прямоугольные коробки, напоминающие сейфы, окрашенные в ярко красный или оранжевый цвет. Если это было...

Он остановился.

Он глядел на прозрачный стеклянный куб, длина каждой стороны которого была в один фут. Внутри куба мерцали пересекающиеся линии голубой решетки. Между ними временами вспыхивали голубые огоньки. Два прибора по измерению давления были смонтированы на его вершине, рядом помещались три клапана. По внешней стороне, слева, шли ряды серебряных линий и прямоугольников. Это было непохоже на то, что ему доводилось видеть раньше.

— Интересно,— Гарри заглянул внутрь куба.— Запоминающее устройство, мне кажется. У нас нет ничего похожего,— он потрогал серебряные линии на внешней стороне.— Они не нарисованы. Это какая-то пластика. Возможно, для считывания информации.

— Но чем? Конечно, мы не сможем этого сделать.

— Нет. Должно быть какое-то специальное устройство, вроде робота.

— А приборы для измерения давления?

— Куб наполнен каким-то газом, находящимся под давлением. Может быть, содержащим какие-то биоло-

гические компоненты, чтобы добиться плотности. В любом случае, я готов считать этот куб запоминающим устройством.

— Записывающим ход полета?

— По всей видимости.

— Как нам найти к нему доступ?

— Смотрите сюда,— Бет вернулась к пульту управления и стала нажимать на разные его части, приводя его в действие.— Не говорите Барнсу,— произнесла она через плечо.

— Откуда ты знаешь, где надо нажимать?

— Думаю, что это неважно,— ответила она.— Думаю, что пульт имеет представление о том, где мы находимся.

— Идет контроль за местонахождением пилота?

— Похоже, что так.

Прямо перед ними зажглась часть пульта, образуя черный экран, на котором появились желтые буквы.

RV-LHOOQ DCOMI U.S. ЗВЕЗДНЫЙ ПУТНИК

Больше ничего.

— Сейчас мы получим дурные известия.

— Какие дурные известия? — спросил Норман. И задумался, почему Гарри остался здесь, чтобы заняться полетным записывающим устройством, вместо того, чтобы отправиться с Тедом и Барнсом исследовать остальную часть корабля? Почему он столь заинтересован в истории корабля?

— А может быть, они будут и не плохими,— сказал Гарри.

— Но почему ты думаешь, что они могут быть плохими?

— Потому что,— ответил Гарри,— что если посмотреть на это логически, что-то жизненно важное пропало с корабля...

В это время на экране появились колонки:

СИСТЕМЫ КОРАБЛЯ

СИСТЕМЫ ЖИЗНИ

СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИИ

СНАБЖЕНИЕ

РЕГИСТРАТОР ПОЛЕТА

КАБЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

ПАЛУБНЫЙ КОНТРОЛЬ

ИНТЕГРИРОВАНИЕ (ПРЯМОЕ)

LSS ТЕСТ 1.0

СИСТЕМЫ ДВИЖЕНИЯ

СБРОС ОТХОДОВ (V9)

СОСТОЯНИЕ ОМ2 (ВНЕШНЕЕ)

СОСТОЯНИЕ ОМ3 (ВНУТРЕННЕЕ)

СОСТОЯНИЕ ОМ4 (НА НОСУ)

СОСТОЯНИЕ DV7 (НА КОРМЕ)

СОСТОЯНИЕ Y (ОБЩЕЕ)

СОСТОЯНИЕ СВЯЗИ (2)

НАПРАВЛЕНИЕ A9-11

— Что предпочитаете? — спросила Бет, держа руки на пульте.

— Регистратор полетов, — ответил Гарри, закусив губу.

ДАННЫЕ ПОЛЕТА RV-LHOOQ

ДП 01/01/43—12/31/45

ДП 01/01/46—12/31/48

ДП 01/01/49—12/31/51

ДП 01/01/52—12/31/53

ДП 01/01/54—12/31/54

ДП 01/01/55—06/31/55

ДП 01/01/55—12/31/55

ДП 01/01/56—01/31/55

ДП 01/01/56— ВХОДНЫЕ ДАННЫЕ

ДП ВХОДНЫЕ ДАННЫЕ

ДП ВХОДНЫЕ ДАННЫЕ ПОЛЕТА

— И что с этим делать? — спросил Норман.

Гарри всматривался в экран.

— Ты видишь, ранние записи сделаны с интервалом в три года. Потом интервал становится короче, один год, затем шесть месяцев, и наконец один месяц. Пока не дошло до последней записи.

— Значит, они записывали все более и более тщательно, — сказала Бет, — пока корабль не дошел до последнего события, что бы оно ни значило.

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет, — сказал Гарри. — Только я не могу в это поверить. Может, начнем? Как насчет «Выходных данных?»

Бет нажала кнопки.

На экране появилось поле, усеянное звездами, а по краям экрана возникли цифры. Изображение было трехмерным, создавая иллюзию глубины.

— Голография?

— Нет, но похоже.

— Несколько звезд большой величины.

— Или это планеты.

— Какие планеты?

— Не знаю. Это вопросы к Теду, — сказал Гарри. — Он, возможно, смог бы идентифицировать изображение. Давайте дальше.

Он прикоснулся к пульту, изображение изменилось.

— Больше звезд.

— Да, и больше цифр.

Цифры по краям экрана мелькали, быстро изменяясь.

— Не похоже, чтобы звезды двигались, а цифры меняются.

— Нет, взгляни — звезды тоже движутся.

Они увидели, как звезды начинают двигаться от центра экрана, который был теперь черным и пустым.

— Ни звезды в центре, и все куда-то исчезло... — произнес Гарри задумчиво.

Звезды по внешнему контуру продолжали двигаться очень быстро, тогда как черное пространство увеличивалось.

— Почему так пусто в центре, Гарри? — спросила Бет.

— Не думаю, чтобы там было так уж пусто.

— Но я ничего не вижу.

— Да, но тем не менее там не пусто. Сейчас мы увидим... Вон!

Густое белое скопление звезд внезапно появилось в центре и начало распространяться по всему экрану.

Странное впечатление, подумал Норман. Хорошо различимый черный круг расширялся на экране, со звездами по его внешнему краю и внутри. Как будто летишь через гигантский черный обруч.

— О Господи, — произнес Гарри очень тихо. — Знаете, что перед вами?

— Нет, — ответила Бет. — Что это за скопление звезд в центре?

— Это другая галактика.

— Это что?

— Ну, конечно. Это, возможно, другая галактика. Или это иная часть нашей галактики. Никто не знает точно, что это.

— А что это за черный обруч? — спросил Норман.

— Это не обруч. Это черная дыра. То, что вы видите регистрировалось в записи, когда корабль пролетел через одну черную дыру — и вошел в другую... Кто-то зовет? — Гарри обернулся, прислушался. Они замолчали, но ничего не услышали.

— Что ты имеешь в виду, другая галактика?..

— Шшшшш...

Последовало небольшое молчание, затем до них долетел слабый голос: «Хэллооо...»

— Кто это? — спросил Норман, напряженно прислушиваясь. Голос был слишком тихим, но это явно был человек. А может быть, несколько людей? Он исходил откуда-то из недр корабля.

— Ого-го-оо! Кто-нибудь есть здесь? Хэллооо!

— О, мой Бог! — сказала Бет. — Вон они, на мониторе.

Она увеличил изображение на маленьком видеомониторе, оставленном им Эдмундс, — на экране появились Тед и Барнс, стоящие в какой-то комнате и кричавшие: «Хэллооо... Хэл-ло-оооо».

— Мы можем с ними поговорить?

— Да. Нажми вон ту кнопку.

Норман сказал:

— Мы вас слышим.

— Да уж давно пора, — откликнулся Тед.

— Отлично, а теперь, — сказал Барнс, — слушайте.

— Эй, вы, что вы там застряли? — сказал Тед.

— Слушайте, — повторил Барнс. Он отступил в сторону, открывая часть разноокрашенного оборудования. — Теперь мы знаем, для чего этот корабль.

— И мы тоже, — сказал Гарри.

— Мы тоже? — хором удивились Бет и Норман.

Но Барнс не слушал:

— И похоже, что этому кораблю удалось кое-что подцепить во время путешествия.

— Что-то подцепить? Что же?

— Не знаю, — признался Барнс. — Но это что-то чужое.

«Что-то чужое»

Движущаяся дорожка везла их мимо бесконечных огромных складских помещений. Они продвигались вперед, чтобы примкнуть к Барнсу, Теду и Эдмундсу. И посмотреть на их открытие «чего-то чужого».

— Зачем кому-то понадобилось проводить космический корабль через черную дыру? — спросила Бет.

— Из-за гравитации, — ответил Гарри. — Видишь ли, черные дыры обладают таким сильным притяжением, что они невероятно искажают пространство и время. Помнишь, как Тед говорил, что планеты и звезды оставляют впадины в структуре пространства-времени? Ну, а черные дыры прорезают насквозь эту структуру. И некоторые полагают,

что возможно пролететь через эти прорезы — в другую галактику или в иную часть нашей галактики. Или в другое время.

— Другое время!

— Так считают, — сказал Гарри.

— Ну вы наконец идете? — прозвучал с монитора железный голос Барнса.

— Как раз и едем, — отозвалась Бет, бросив сердитый взгляд на экран.

— Он же тебя не видит, — сказал Норман.

— Мне это все равно.

Они миновали уже изрядное количество складской площади. Гарри сказал:

— Не могу дождаться, какую Тед скорчит физиономию, когда мы расскажем ему.

Наконец дорожка закончилась. Пройдя через коридор решеток и подпорок, они попали в большой зал, который они уже видели на мониторе. Перекрытие на высоте сотни футов делало его громадным.

Можно запросто вместить шестиэтажное здание в этот зал, подумал Норман. Взглянув вверх, он увидел, что там все подернуто туманной дымкой.

— Что это?

— Это облако, — ответил Барнс, тряхнув головой. — Этот зал так велик, что обладает, очевидно, собственным микроклиматом. Возможно, тут даже идет иногда дождик.

Зал был наполнен техникой немыслимо громадных размеров. На первый взгляд она была похожа на земную, но увеличенных размеров, да и выкрашена она была яркими масляными красками. Норман начал различать отдельные детали. Там были гигантские руки-клешни, страшной силы, приводящие в движение механизмы. И множество подъемников.

Он внезапно догадался, что видит что-то очень похожее на клешни и рукоятки, смонтированные в передней части субмарины «Харон V», на которой он опустился сюда, вниз, днем раньше. Так это было днем раньше? Или это было сегодня? В какой же день? Было ли это 4 июля? Как долго они пробыли здесь, внизу?

— Если вы посмотрите повнимательнее, — сказал Барнс, — вы поймете, что кое-что из этого арсенала является оружием огромных размеров. Остальное, вот как та мощная разгибающаяся рука, — различные приспособления для подъема вещей, что в действительности делает этот корабль гигантским роботом.

— Работом...

— Ну, как же иначе,— сказала Бет.

— Я так полагаю, роботам в конце концов и подошло бы подходящим открыть это,— глубокомысленно изрек Тед.— Возможно, даже надлежало.

— А трубам бы надлежало встретиться с трубами,— вставил Норман.

— Тип «робот-к-роботу», ты думаешь? — спросил Гарри.— Типа встречи иголки с ниткой?

— Эй,— сказал Тед. Я же не потешаюсь над твоими комментариями, даже над самыми дурацкими.

— Не уверен, что они бывают дурацкими,— возразил Гарри.

— Иногда ты говоришь чушь. Бессмыслицу.

— Дети мои,— сказал Барнс,— может быть вернемся к нашим баранам?

— Обсудим это после, Тед.

— Непременно.

— Мне интересно узнать, когда я говорил что-то похожее на чушь.

— Узнаешь.

— Или, что ты полагаешь, было чушью.

— Скажу тебе,— обернулся Барнс к Норману,— что когда мы поднимемся наверх, этих двоих мы оставим тут, внизу.

— Разумеется, ты не можешь теперь и думать оозвращении наверх.

— Мы уже обсудили это.

— Но до того, как мы обнаружили предмет.

— А где этот предмет? — спросил Гарри.

— Да здесь, Гарри,— сказал Тед, хихикнув.— Посмотрим, каковы в деле твои мифические дедуктивные способности.

Они прошли вглубь мимо гигантских клешней и захватов и увидели лежащую, как в гнезде, в ковше одной из рук огромную, прекрасно отполированную серебрянную сферу, с диаметром больше тридцати футов.

Они обошли сферу вокруг, отражаясь в отполированном металле. Норман заметил радужно переливающиеся блики на металлической поверхности.

— Похоже на огромный шарик-грузило,— заметил Норман.

— Не задерживайся, ты.

На противоположной стороне они обнаружили ряд глу-

боких спиралевидных насечек, расположенных по сложной системе на поверхности сферы. Чем-то эта система поражала, хотя Норман не мог бы сказать, чем. Геометрической ее нельзя было бы назвать. Не была она аморфорной или — тем более — органического происхождения. Трудно сказать, что это было. Норман не сталкивался ни с чем подобным, и чем дольше он глядел на нее, тем более он утверждался в мысли, что на Земле ничего подобного не существовало. Ничего подобного, созданного человеком или даже возникавшего в его воображении.

Тед и Барнс оказались правы.

Эта сфера была чем-то чужеродным.

Преимущества

— Хм,— произнес Гарри, после долгого разглядывания.

— Уверен, что сейчас ты все сообщишь нам об этом,— сказал Тед.— Откуда это взялось, ну и так далее.

— Действительно, я знаю откуда это взялось.— И он поведал Теду о регистраторе полетов и о черной дыре.

— Так и есть! — воскликнул Тед.— Не я ли подозревал, что этот корабль какое-то время проходил через черную дыру.

— Правда? И как же ты догадался?

— Мощный антирадиационный щит.

Гарри кивнул.

— Верно. Возможно, об этом ты догадался раньше меня.— Он улыбнулся.— Но почему-то никому об этом не сказал.

— Ха,— возразил Тед,— просто об этом не заходила речь. Но ведь это я первым высказал предположение о черной дыре.

— Ты?

— Да. Разумеется. Вспомни, в кают-компании? Я объяснял Норману насчет пространства-времени и начал делать выкладки, тут-то ты ко мне и присоединился. Помнишь, Норман? Я первым высказал эту мысль.

— Правда, у тебя возникла такая мысль,— подтвердил Норман.

— Мне не показалось, что это было именно мыслью,— хихикнул Гарри.— Я бы сказал, это было больше похоже на догадку.

— Или предположение, Гарри,— сказал Тед.— Ты переписываешь историю. Ведь есть свидетели.

— Ну, раз ты так опередил нас всех,— насмешливо произнес Гарри,— может, ты поделишься и своими предположениями насчет происхождения этого объекта?

— С удовольствием,— ответил Тед.— Этот объект является полированной сферой примерно десять метров в диаметре, не массивной, и выполненной из плотного сплава неизвестного происхождения. Мистические знаки на ее поверхности...

— Эти насечки ты называешь мистическими?

— Ты не будешь возражать, если я кончу? Мистические знаки на ее поверхности по всей видимости являются художественным или религиозным орнаментом, имеющим ритуальный характер. Это означает, что объект был важен для того, кто бы его ни построил.

— Думаю, что в этом мы можем быть уверены.

— Лично я предполагаю, что эта сфера задумана в качестве особой формы контакта с нами, визитерами с другой звезды, другой солнечной системы. Это, если хочешь, приветствие, послание или, если угодно, трофеи. Доказательство, что высшие формы жизни существуют во вселенной.

— Все прекрасно и хорошо, за исключением одного момента,— сказал Гарри.— Что она делает?

— Я не уверен, что она вообще что-то делает. Я думаю, что она просто существует. Она есть просто потому, что она есть.

— Великий Дзен.

— Ну, а ты что думаешь?

— Давайте посмотрим, что нам известно,— предложил Гарри,— в противовес тому, что мы тут нафантазировали. Это космический корабль из будущего, построенный с использованием всех видов технологий и материалов, которых у нас еще нет, но возможности развития которых явно заложены уже в наше время. Этот корабль был послан нашими потомками через черную дыру в другую галактику, или в другую часть нашей галактики.

— Да.

— Этот корабль не пилотируется человеком, но он оснащен роботоманипуляторами, которые явно созданы для того, чтобы захватывать то, что будет обнаружено во время полета. Поэтому мы можем считать этот корабль чем-то вроде гигантской версии того марсианского корабля, кото-

рый мы отправили в 1970-е на Марс в поисках жизни. Этот космический корабль из будущего намного больше и усовершенствованнее, но это примерно тот же вид машины. Это зонд.

— Значит, этот зонд отправился в другую галактику, где и обнаружил эту сферу. Предположительно, он натолкнулся на эту сферу, блуждающую в космосе. Или, возможно, сфера была послана навстречу кораблю.

— Верно, — подхватил Тед, — она была послана для встречи. Как эмиссар. Так я полагаю.

— В любом случае, наш корабль, в соответствии с заложенной в нем программой, посчитал эту сферу интересным объектом. Он автоматически подхватил эту сферу своей огромной рукой-захватом, втащил ее в корабль и принес обратно домой.

— Только в этом возвращении домой он залетел слишком далеко, в прошлое.

— Его прошлое, — сказал Гарри, — это наше настоящее.

— Точно.

Барнс даже фыркнул от нетерпения:

— Здорово, значит этот корабль отправился в полет, схватил эту серебряную чужеродную сферу и принес ее назад. Вернемся к главному: что такое эта сфера?

Гарри прошелся дальше вдоль сферы, приложил ухо к металлу и постучал по нему кулаком. Он потрогал насечки, его руки исчезли и их глубине. Сфера была так великолепно отполирована, что Норман мог видеть отражение Гарри, искривленное выпуклой металлической поверхностью.

— Да, как я и предполагал. Эти мистические знаки, как ты назвал их, вовсе не декоративны. В сущности, у них совершенно иное назначение — они скрывают некое отверстие в поверхности сферы. То есть, они представляют собой дверь. — Гарри отступил назад.

— Что такое эта сфера?

— Вот что я думаю, — сказал Гарри. — Я думаю, что эта сфера — полый контейнер, я думаю, внутри нее что-то есть и что это вселяет в меня панику.

Первая оценка

— Нет, господин Секретарь, — говорил Барнс по телефону, — мы совершенно убеждены, что это чужеродный

объект искусственного происхождения. Здесь все ясно,— он взглянул на Нормана, сидящего в другом конце комнаты.— Да, сэр,— сказал он,— чертовски поразительно.

Они вернулись в модуль, и Барнс немедленно связался с Вашингтоном. Он пытался отменить их возвращение на поверхность.

— Нет, мы еще не открыли ее. Ну, мы не были готовы открыть ее. Дверь, как плотина,— на мельницу не попадешь... Нет, вбивать клинья в щель бесполезно.

Он глядел на Нормана, вращая глазами.

— Нет, это мы тоже пробовали. Не похоже, чтобы снаружи были какие-то приборы. Нет, никаких указаний на внешней стороне, и никаких ярлыков. Все, что там есть, это отлично отполированная сфера с набором глубоких насечек. Что? Взорвать?

Норман отвернулся. Он находился в цилиндре D, в секции связи, где хозяйничала Тина Чан. Она занималась наладкой дюжины мониторов со своим обычным спокойствием. Норман сказал:

— Ты кажешься такой отвлеченной.

Она улыбнулась.

— Просто загадочной, сэр.

— Вот как? Это действительно так?

— Это должно быть так,— ответила она, регулируя вертикальный увеличитель на одном из мониторов. Экран показывал полированную сферу,— потому что я чувствую, как тяжело бьется мое сердце. Как вы думаете, что там внутри этой сферы?

— Понятия не имею,— ответил Норман.

— А вы не думаете, что там внутри может быть пришелец? Знаете, что-то живое?

— Может быть.

— А мы пытаемся открыть ее? Может быть, нам не надо его выпускать, что бы это ни было.

— А ты не любопытна? — спросил Норман.

— Не настолько, сэр.

— Не знаю, как подействует взрыв,— говорил Барнс в телефон.— Да взрыватели у нас есть. О, разных размеров. Но я не думаю, что мы должны взрывать эту штуковину. Нет. Ну, если бы вы ее увидели, вы бы поняли. Эта вещь превосходно сработана. Превосходно.

Тина отрегулировала второй монитор. Теперь сферу было видно с двух разных сторон, и скоро они должны были получить третий вид. Эдмундс устанавливала камеры

для обозревания сферы. Это было одно из предложений Гарри, сказавшего: «Установите мониторы. Может быть она как-то проявляет себя время от времени, производит какую-то деятельность».

На экране Норман видел множество проводов, подведенных к сфере. Там был полный набор высокочувствительных датчиков — звуковых, электромагнитного излучения, от инфракрасных до гамма-лучей, рентгеновских.

— Что-нибудь получили? — спросил, входя, Гарри.

Тина отрицательно помотала головой:

— Пока ничего.

— А Тед вернулся?

— Нет, — ответил Норман, — Тед все еще там.

Тед оставался в хранилище корабля, под предлогом помощи Эдмундс в размещении видеокамер. Но на самом деле они знали, что он хотел бы попробовать открыть сферу. Сейчас они видели Теда по второму монитору, пробующего насечки, трогающего их, нажимающего на них.

Гарри улыбнулся:

— Он никак не получит милостыню.

Норман сказал:

— Гарри, помнишь, когда мы были в кабине управления полетом, ты сказал, что хочешь сделать завещание, потому что что-то упущено?

— Ах, это, — сказал Гарри. — Забудь об этом, теперь это неважно.

Барнс продолжал говорить:

— Нет, господин Секретарь, поднять ее на поверхность не представляется возможным. Ну, сэр, сейчас она расположена в складском помещении корабля, а корабль погребен под тридцатифутовым наростом кораллов, да и сфера сама в тридцать футов шириной, она величиной с порядочный дом...

— Хотела бы я только знать, что в этом доме, — сказала Тина.

На экране Тед в сердцах пнул сферу.

— Нету милостыни, — повторил Гарри. — Он никогда не откроет ее.

— А как нам действовать, чтобы открыть ее? — спросила, входя, Бет.

— Как? — переспросил Гарри. Он пристально вглядывался в сферу, мерцающую на экране. После долгого молчания он сказал: — Может быть, мы и не сможем.

— Мы не сможем открыть ее? Никогда?

— Это одна из возможностей.

Норман засмеялся:

— Тед этого не переживет.

А Барнс продолжал говорить:

— Да, господин Секретарь, если вы хотите направить все силы ВМС на осуществление этого полномасштабного подъема с глубины в тысячу футов, мы будем готовы начать операцию через шесть месяцев, считая с сегодняшнего дня, и в случае наличия хорошей погоды на поверхности хотя бы в течение месяца. Да... сейчас на юге Тихого океана зима. Да.

— Могу себе это представить,— заметила Бет.— С грандиозными усилиями ВМС поднимают эту загадочную сферу на поверхность. Ее транспортируют в засекреченный правительственный ангар в Омахе. Эксперты всех областей знаний являются, чтобы открыть ее. И никто не может.

— Как Эккалибур,— перебил Норман.

— Время идет,— продолжала Бет,— и они испробуют все более сильные средства. Естественно, они попытаются взорвать ее с помощью небольшого ядерного заряда. И опять ничего. Наконец все идеи иссякают. Сфера находится все там же. Проходят десятилетия. Сфера так никогда и не открывается.— Она покивала головой: — Еще одно грандиозное разочарование для человечества...

Норман обратился к Гарри:

— И ты думаешь, что так может случиться? Что мы никогда ее не откроем?

— Никогда — это растяжимое понятие,— отозвался Гарри.

— Нет, сэр,— говорил Барнс,— из-за этого нового поворота событий мы останемся здесь, внизу, до последней минуты. Погода на поверхности продержится по крайней мере еще шесть часов, да, сэр, согласно метеосводкам,— ну, я буду передавать сообщения. Каждый час, да, сэр.

Он повесил трубку, повернулся к присутствующим:

— О'кей. Мы получили дозволение остаться тут на время от шести до двенадцати часов — как позволит погода. Давайте попытаться открыть сферу в оставшиеся несколько часов.

— Тед работает сейчас над этим,— невинно сказал Гарри.

На видеомониторе они наблюдали, как Тед Филдинг

барабанит рукой по полированной сфере и вопит: «Откройся! Сезам, откройся! Откройся, ты, ублюдок!»
Сфера не отвечала.

«Антропоморфическая проблема»

— Серьезно,— сказал Норман,— я хочу, чтобы кто-нибудь задался вопросом: должны ли мы принять во внимание, что мы не откроем ее?

— Почему? — удивился Барнс.— Послушайте, я сейчас получил по телефону...

— Я знаю,— перебил Норман.— Но, может быть, мы должны дважды об этом подумать.— Краем глаза он увидел энергично кивающую Тину. Гарри смотрел скептически. Бет сонно щурила глаза.

— Ты боишься, или у тебя есть какие-то веские аргументы? — спросил Барнс.

— У меня такое ощущение,— заметил Гарри,— что Норман цитирует собственную работу.

— Ну да,— признался Норман.— Я отмечал это в своем докладе.

В своем докладе он назвал это «Антропоморфической проблемой». В основных чертах она состояла в том, что каждый, кто когда-либо думал или писал о внеземной цивилизации видел ее в своем воображении уподобленную человеческой. Даже когда внеземная жизнь выглядела иначе — если это была рептилия, или гигантское насекомое, или мыслящий кристалл, — она все равно равнодействовала, как мог бы действовать человек.

— Ты говоришь о кинофильмах,— отмахнулся Барнс.

— Я говорю и об изыскательских материалах также. Каждое представление о внеземных формах жизни — неважно, кинорежиссера или университетского профессора,— было по существу человеческим — включая человеческие ценности, человеческое понимание, свойственные человеку способы восприятия доступной человеческому восприятию вселенной. И даже человеческая внешность: два глаза, нос, рот и так далее.

— Итак?

— Итак,— заявил Норман,— это совершеннейшая чепуха. С одной стороны, человеческое поведение достаточно вариативно, чтобы сделать взаимопонимание возможным

даже в пределах нашего собственного вида. Разница между, скажем, американцем и японцем слишком велика. Американцы и японцы никак не могут смотреть на мир одинаково.

— Да, да,— нетерпеливо сказал Барнс.— Мы все знаем, что японцы — другие...

— Но когда сталкиваешься с новой формой жизни, разница может оказаться непредсказуемой. Ценности и этика этой новой формы жизни могут оказаться абсолютно иными.

— Ты хочешь сказать, что она может не верить в святость жизни и в заповедь «Ни убий»? — еще более нетерпеливо спросил Барнс.

— Нет,— возразил Норман,— я хочу сказать, что это существо, возможно, и вовсе нельзя убить, да и вообще понятие убийства может не стоять для него на первом месте.

Барнс оторопел:

— Это существо, возможно, нельзя убить?

Норман кивнул:

— Как кто-то однажды сказал — нельзя сломать руку тому, у кого нет рук.

— Его нельзя убить? Ты имеешь в виду, что оно бессмертно?

— Я не знаю,— сказал Норман,— вот в чем дело.

— О Господи,— вздохнул Барнс,— его нельзя убить.— Он закусил губу.— Не хотел бы я открыть сферу и обнаружить нечто, что нельзя убить.

Гарри засмеялся:

— Ну, с этой пока никаких продвижений, Гэл.

Барнс взглянул на мониторы, показывающие сферу в нескольких ракурсах. Наконец он сказал:

— Нет, да это смешно. Никакое живое существо не может быть бессмертным. Я ведь прав, Бет?

— Разумеется, нет,— возразила Бет.— Можешь спорить, но некоторые живые существа на нашей планете бессмертны. Например, одноклеточные организмы типа бактерий или дрожжи.

— Дрожжи,— фыркнул Барнс.— Мы же не о дрожжах говорим.

— И во всяком случае вирус должен быть признан бессмертным.

— Вирус? — Барнс сел в кресло. Он не брал в расчет вирус.— Но как это может выглядеть на самом деле, Гарри?

— Я думаю, что вероятности даже превосходят упомянутое. Мы принимаем во внимание только то, что существует

в трех измерениях, как в нашей собственной трехмерной вселенной, или, чтобы быть более точным, во вселенной, которую мы привыкли представлять в трех измерениях. Но некоторые полагают, что наша галактика имеет девять или даже одиннадцать измерений.

Вид у Барнса был измученным.

— Но только остальные измерения так малы, что мы их просто не замечаем.

Барнс закрыл глаза.

— Таким образом это существо,— продолжал Гарри,— может иметь любое количество измерений, так что если посмотреть на дело буквально, оно как бы и не существует — по крайней мере, в полном виде,— в наших трех измерениях. Возьмем простейший пример — даже если это существо четырехмерно, и то мы сможем увидеть только его часть, да и то в определенное время, потому что большая его часть будет существовать в четвертом измерении. Это сделало бы вопрос его убийства попросту невозможным. Ну, а если оно пятимерно...

— Подожди-ка. Почему же вы не упоминали об этом раньше?

— Мы думали, ты знаешь,— ответил Гарри.

— Знаю о пятимерных существах, которых нельзя убить? Никто и слова не сказал мне об этом.— Он покачал головой.— Открывать эту сферу, должно быть, невероятно опасно.

— Должно быть, да.

— Это же просто ящик Пандоры.

— Верно.

— Ладно,— сказал Барнс,— давайте обсудим наихудшие варианты. С чем мы можем столкнуться на самый худой конец?

— Думаю, это ясно,— сказала Бет.— Вне зависимости от того, вирус там или нечто, существующее во множестве измерений, или еще что-либо, вне зависимости от того, разделяет оно нашу мораль или вовсе не имеет никакой морали, мы все равно получим удар ниже пояса.

— То есть?

— То есть оно внедрится в наши основные жизненные механизмы и разладит их. Лучше всего это понятно на примере вируса СПИДа. Причина опасности СПИДа не в том, что это новый вирус. Новые вирусы появляются каждый год — каждую неделю, и все они действуют одинаково: нападают на клетки и заставляют их образовывать

больше вирусов. А что делает СПИД особенно опасным? То, что этот вирус атакует особые клетки, предназначенные для противовирусной защиты. СПИД проникает в наш основной защитный механизм и разрушает его. И у нас нет защиты против этого.

— Хорошо,— сказал Барнс,— если в сфере находится нечто, что разрушает наши основные защитные механизмы, что оно могло бы собой представлять?

— Оно может дышать воздухом и выдыхать цианистый газ,— предположила Бет.

— Оно может выделять радиоактивные вещества,— заявил Гарри.

— Оно может воздействовать на наш мозг,— сказал Норман,— и разрушать нашу способность мыслить.

— Или,— добавила Бет,— оно может просто разрушить нашу сердечную деятельность. Взять и остановить наши сердца, чтобы они не бились.

— Оно может производить звуковую вибрацию, которая будет резонировать в наших скелетах и разрушать кости,— улыбнулся Гарри.— Мне это нравится как-то больше всего.

— Умно,— согласилась Бет.— Но мы, как обычно, думаем о самих себе. Это существо может и не причинить никакого вреда нам лично.

— Ах,— вздохнул Барнс.

— Оно может просто выделять токсин, который убьет хлоропласт, так что растения не смогут больше поглощать солнечный свет. И тогда все растения на Земле погибнут, а за ними погибнет и вся жизнь.

— Ах,— опять вздохнул Барнс.

— Вот видите,— сказал Норман.— Сначала я просто думал, что антропоморфическая проблема заключается в том, что мы воображаем себе внеземную жизнь в основных чертах такой же, как земная. Я думал, проблема лишь в отсутствии воображения. Человек есть человек, он знает только себя самого, и все, о чем он думает,— это то, что он знает. А нам следует задуматься над массой иных вещей, чего мы никогда не делаем. Так что должна быть и другая причина, по которой мы думаем о представителях иных цивилизаций как о подобных себе. И ответ, как мне кажется, заключается в том, что мы ужасно хрупкие животные, и нам не нравится, когда нам напоминают, какие мы хрупкие — как неустойчиво равновесие в наших тела, и как кратковременно наше пребывание на Земле, и как легко его оборвать. Вот почему мы предпочитаем думать о внеземных существах.

вах, как о подобных себе,— потому что мы не задумываемся о реальной угрозе — смертельной угрозе,— которую они могут безо всяких дурных намерений представлять для нас.

Все молчали.

— Разумеется, мы не должны забывать другую возможность,— возразил Барнс,— что эта сфера может сдержать и огромную пользу для нас. Какое-нибудь потрясающее новое знание, какую-нибудь удивительную новую идею или новую технологию, которая улучшит условия существования человечества так, как мы и не смели мечтать.

— Хотя скорее всего,— сказал Тед,— в сфере нет никакой новой, полезной для нас идеи.

— Почему?

— Ну, давайте предположим, что пришельцы опередили нас на тысячу лет, а нас можно соотнести, скажем, со средневековой Европой. Представьте, что вы попали в средневековую Европу с телевизором. Ну, и в какую розетку вы его там воткнете?

Барнс молча переводил взгляд с одного на другого. Наконец он сказал:

— Прошу прощения, но это слишком большая ответственность для меня. Я не могу сам принять решения для открытия сферы. Я должен переговорить с Вашингтоном.

— Теда это не обрадует,— заметил Гарри.

— Наплевать на Теда,— заявил Барнс.— Я должен довести все это до сведения Президента. Пока не будет получено его разрешения, я никому не позволю пытаться открыть сферу.

Барнс объявил двухчасовой отдых, и Гарри отправился спать. Бет тоже объявила, что пойдет спать, но осталась в отсеке управления вместе с Тиной Чан и Норманом. В отсеке у Чан были удобные кресла с высокими спинками, и Бет ворчалась в одном из них, то поджимая, то вытягивая ноги. Отрешенно глядя в пространство, она, поигрывала прядями своих волос, накручивая их колечками вокруг уха.

Устала, подумал о ней Норман. Мы все устали. Он посмотрел на Тину, спокойно и плавно двигавшуюся по комнате, регулирующую мониторы, проверяющую провода датчиков, меняющую видеопленки, как всегда сосредоточенную и натянутую, как струна. Поскольку Эдмундс была с Тедом на корабле, Тина приглядывала и за записывающими устройствами, и за собственными средствами связи. Офицер

ВМС, она не производила такого усталого впечатления, как остальные, но ведь она и не была на корабле. Для нее корабль оставался тем, что она наблюдала по мониторам, программой телевидения, чем-то отвлеченным. Тина не сталкивалась непосредственно с новым окружением, изматывающим умственными усилиями осознать, что происходит, что это такое.

— Выглядите усталым, сэр,— заметила Тина.
— Да. Мы все устали.
— Это атмосфера,— пояснила она.— Приходится дышать гелием.

И никакой психологии, с грустью подумал Норман.

— Воздействует плотность здешнего воздуха,— продолжала Тина.— У нас здесь тридцать атмосфер. Если бы мы дышали обычным воздухом в условиях этого давления, он был бы почти таким же густым, как жидкость. Гелий легче, но все же гораздо плотнее того, что здесь требуется. Вы не осознаете этого, но все это затрудняет ваше дыхание, утяжеляет работу ваших легких.

— Но вы не устали.
— О, ну я-то привыкла. Я и раньше бывала под водой.

— Вот как! А где?

— Я правда не могу сказать, д-р Джонсон.

— Операции ВМС?

Она улыбнулась:

— Мне нельзя говорить об этом.

— Опять ваша загадочная улыбка?

— Надеюсь, сэр. А вы не думаете, что вам следует попытаться поспать?

— Вероятно,— кивнул он.

Норман подумывал пойти поспать, но перспектива узкой жесткой койки его совсем не привлекала. Вместо этого он спустился в кают-компанию в надежде найти один из знаменитых десертов Леви. Роз Леви там не оказалось, зато под пластиковым колпаком он обнаружил кокосовый пирог. Он нашел тарелку, отрезал кусок и сел с ним около иллюминатора; огни окружавшей корабль решетки погасли, водолазы исчезли. Норман видел свет в иллюминаторах модуля DH-7, расположенного всего в нескольких десятках ярдов. Водолазы, должно быть, готовились к подъему на поверхность. А может, они уже поднялись.

В стекле иллюминатора он видел собственное отражение. Оно выглядело старым и усталым. «Это место не для пяти-

десятитрехлетнего старика», — сказал он, глядя на отражение.

Когда он снова выглянул наружу, он заметил движение каких-то огней в отдалении, потом какая-то субмарина прошла под цилиндр DH-7. Через какое-то мгновение рядом с ней вошла в док вторая субмарина. Огни на первой субмарине погасли. Через короткое время вторая субмарина вновь ушла в черную воду, а первая осталась на дне.

Что-то происходило, но Норман чувствовал, что ему нет до этого дела. Он слишком устал. Его больше интересовал вкус пирога, и он взглянул вниз. Пирог был съеден, и только крошки лежали на тарелке.

Устал, опять подумал он. Слишком устал. Он положил ноги на журнальный столик, опираясь спиной на прохладную стену.

Вероятно, он проспал какое-то время, потому что он проснулся в темноте, не понимая, где находится. Он сел, и тут же вспыхнул свет. Он был по-прежнему в каюте-компании.

Инструктируя их, Барнс объяснил, что модуль отрегулирован так, что реагирует на присутствие человека. Очевидно, датчики перестают воспринимать заснувшего, находящегося без движения человека, и автоматически выключают освещение. А когда он просыпается и вновь начинает двигаться, оно автоматически включается. Хотелось бы ему знать, будет ли гореть свет, если спящий начнет храпеть? Кто разработал все это, хотелось бы ему знать? Брали ли в расчет храп инженеры и дизайнеры, создававшие подводные жилые модули для ВМС? Был ли в модуле датчик, регистрирующий храп?

Норман вспомнил о пироге.

Он поднялся и прошел через каюте-компанию на кухню. Нескольких кусков пирога недоставало. Разве он съел их? Он не помнил этого.

— Как много записей, — сказала Бет. Норман обернулся.

— Да, — согласилась Тина. — Мы записываем все, что происходит в модуле, и так же поступают на других кораблях. Накапливается множество материала.

Прямо над его головой был установлен монитор. На его экране Бет и Тина сидели в центре связи и ели пирог.

Ага, подумал он. Вот куда подевался пирог.

— Каждые двенадцать часов видеозаписи передаются на субмарину, — сообщила Тина.

— Зачем?

— Если что-то случится здесь, внизу, субмарины автоматически поднимется на поверхность.

— Ах, вот что,— сказала Бет.— Даже и думать об этом не хочу. А где сейчас д-р Филдинг?

— Он покинул сферу и отправился к главному пульту управления полетом вместе с Эдмундс,— ответила Тина.

Норман смотрел на экран монитора. Тина ушла за пределы видимости. Бет сидела спиной к монитору и ела пирог. На мониторе позади Бет Норман ясно видел поблескивающую сферу. Мониторы показывают мониторы, подумал он. Люди ВМС, которые вечно прокручивают записанный материал, наверное, просто помешались.

Тина спросила:

— Ты думаешь, им когда-нибудь удастся открыть сферу?

— Возможно,— сказала Бет, продолжая жевать пирог.— Я не знаю.

И тут, к собственному ужасу, Норман увидел, как на мониторе позади Бет дверь сферы медленно стала отворяться, открывая черноту пещеры.

Открыта

Они, должно быть, подумали, что он свихнулся, когда он ворвался в цилиндр D и, прыгая по узким ступеням на верхний уровень, закричал: «Она открыта! Она открыта!»

Он пришел к пульту связи, как раз когда Бет стряхивала с губ последние крошки кокосового пирога. Она отложила вилку:

— Что открыто?

— Сфера!

Бет подскочила на стуле. Тина обежала ряды мониторов, и теперь они вместе с Норманом смотрели на экран позади Бет. Повисла бескраживающая тишина.

— Мне кажется, она закрыта, Норман.

— Она была открыта. Я видел это.— Он рассказал им о том, что наблюдал по монитору, сидя в кают-компании.— Это было всего несколько секунд назад, сфера была совершенно точно открыта. Должно быть, она снова закрылась, пока я бежал сюда.

— Ты в этом уверен?

— В каюте-компании такой маленький монитор...

— Я видел это,— твердо сказал Норман.— Прокрутите запись, если вы мне не верите.

— Прекрасная мысль,— сказала Тина и отправилась к пульту записи, чтобы разыскать нужную пленку.

Норман тяжело дышал, пытаясь восстановить дыхание. Впервые в жизни он попал в обстановку плотной атмосферы и теперь постоянно чувствовал ее воздействие. DH-8 не лучшее место для поразительных открытий и пробежек, решил он.

Бет оглядела его:

— Ты в порядке, Норман?

— Все нормально. Говорю тебе, я это видел. Она открывалась. Тина?

— Еще буквально секундочку.

Позевывая, вошел Гарри:

— Отличные здесь постели, не правда ли? — сказал он.— Спиши, как в мешке с мокрым рисом. Своего рода сочетание постели с холодным душем.— Он вздохнул.— Отправление разобьет мне сердце.

— Норман думает, что сфера была открыта,— сообщила Бет.

— Когда? — спросил Гарри, вновь зевая.

— Несколько секунд назад.

Гарри многозначительно кивнул:

— Интересно, интересно. Сейчас она закрыта, как я вижу.

— Мы прокручиваем видеозапись, чтобы увидеть это.

— Угу. А что, пирога больше не осталось?

Гарри кажется слишком холодным, подумал Норман. Такие новости, а он даже не кажется пораженным. Почему бы это? Опять-таки, разве не Гарри верил в это? Да спал ли он, не бодрствовал ли? Или тут было еще что-то?

— Начнем отсюда,— сказала Тина.

На мониторе запрыгали полосы, затем появилось изображение — Тина говорила: «...часов записи переправляются на субмарину».

Бет: Зачем?

Тина: На тот случай, если что-нибудь произойдет с нами здесь, внизу, субмарины автоматически отправятся на поверхность.

Бет: О, вот что. Я как-то не задумывалась над этим. А где сейчас д-р Филдинг?

Тина: Он оставил сферу и вместе с Эдмундс вернулся к главному пульту управления корабля.

На экране Тина ушла за пределы видимости. Одна Бет уплетала пирог, сидя в кресле спиной к монитору.

Не видимая на экране Тина сказала:

— Как ты думаешь, они когда-нибудь откроют сферу?

Бет ела свой пирог:

— Возможно, — сказала она, — я не знаю.

Последовала короткая пауза, затем на мониторе позади Бет дверь сферы приоткрылась.

— Эй! Она действительно открылась!

На экране Бет не замечала монитора. Тина, все еще за пределами видимости, сказала:

— Она пугает меня.

Бет: Не вижу причин для испуга.

Тина: Неизвестность.

— Конечно, — согласилась Бет, — но неизвестное не всегда опасное или страшное. Неизвестное скорее не-понятно.

— Мне это не совсем понятно.

— Ты боишься змей? — спросила Бет на экране.

Во время всей этой беседы сфера оставалась открытой. Глядя на экран, Гарри сказал:

— Как жаль, что мы не можем заглянуть внутрь ее.

— Я могу попробовать помочь этому, — предложила Тина, — я могу интенсифицировать изображение с помощью компьютера.

— Похоже на то, как будто там множество маленьких огоньков, — сказал Гарри. — Маленькие перебегающие огоньки внутри сферы.

На экране монитора вновь появилась Тина:

— Змеи меня не волнуют.

— Я терпеть не могу змей, — призналась Бет. — Скользкие, холодные, отвратительные существа.

— Ах, Бет, — сказал Гарри. — Неужели и они напоминают тебе мужчин?

На экране Бет продолжала:

— Если бы я была марсианином, прибывшим на Землю и наступившим на змею — странную, холодную, извивающуюся, — я бы не знала, что и подумать о ней. Но шанс, что я наступлю именно на ядовитую змею, невелик. Менее одного процента змей ядовиты. Значит, для марсианина не было бы большой опасностью встретиться со змей; он бы просто стал в тупик. То, что и случилось с нами.

Мы попали в тупик.— На экране Бет продолжала: — В любом случае, я не думаю, что мы когда-нибудь откроем эту сферу.

Тина: Надеюсь, что нет.

Позади нее на мониторе сфера закрылась.

— Ух! — выдохнул Гарри.— Сколько всего времени она была открыта?

— Четыре и тридцать три сотых секунды,— ответила Тина.

Они остановили запись. Тина спросила:

— Кто-нибудь хочет посмотреть еще раз? — Она выглядела бледной.

— Не сейчас,— отозвался Гарри. Он отрешенно барабанил пальцами по ручке кресла, размышляя.

Все остальные молчали; они терпеливо ждали, что скажет Гарри. И тут Норман осознал, как все полагаются на него. Гарри — их мозговой центр, думал Норман. Мы нуждаемся в нем, прислушиваемся к нему.

— О'кей,— произнес наконец Гарри.— Все возможно. У нас слишком мало данных. Вопрос в том, среагировала ли сфера на что-то во внешнем окружении, или она просто открылась, побуждаемая внутренними причинами. А где Тед?

— Тед покинул сферу и отправился к пульту управления полетом.

— Тед вернулся,— произнес Тед, широко улыбаясь.— И у меня есть стоящие новости.

— У нас тоже,— заявила Бет.

— Это не может ждать,— возразил Тед.

— Но...

— ...Я знаю, куда направлялся этот корабль,— сказал Тед интригующе.— Я проанализировал данные полета на пульте управления, сопоставил с расположением звезд, и теперь я знаю, где расположена черная дыра.

— Тед,— сказала Бет.— Сфера открылась.

— Правда? Когда?

— Несколько минут назад. Теперь она снова закрылась.

— А что показывают мониторы?

— Никакого биологического риска. Она кажется безопасной.

Тед взглянул на экран:

— Тогда какого черта мы тут делаем!

Вошел Барнс:

— Двухчасовой отдых закончен. Все готовы к возвращению на корабль для последнего осмотра?

— Придется это сделать немедленно, — ответил Гарри.

Сфера пребывала полированной, молчаливой, закрытой. Они стояли вокруг нее, глядя на свои, искаженные сферой, отражения. Никто ничего не говорил. Они просто прошлись вокруг нее.

Наконец Тед сказал:

— У меня такое чувство, как будто это экзамен и я про-валиваюсь.

— Что-то похожее на Послание Дэйвиса? — спросил Гарри.

— Ну конечно, — ответил Тед.

Норман знал о Послании Дэйвиса. Это был один из тех эпизодов, который энтузиасты поиска внеземных цивилизаций хотели бы забыть. В 1979 году в Риме состоялась грандиозная встреча ученых, вовлеченных в проект SETI (Поиск Внеземного Разума). Началось с того, что SETI призвало к поискам рая с помощью радиоастрономии. И ученым пришлось задуматься над тем, какого рода послание может быть получено.

Эмерсон Дэйвис, физик из Кэмбриджа, разработал тип послания, основанного на физических константах, предположительно одинаковых во всей вселенной. Он расположил эти константы в бинарно-иллюстративной манере.

Поскольку Дэйвис полагал, что именно таким-то и будет послание иного разума, он посчитал, что ученые из SETI тоже прочтут его. Он раздавал свою картинку всем участникам конференции.

И никто не смог прочесть ее.

Когда же Дэйвис растолковал ее, все согласились, что это была разумная мысль и превосходное послание для внеземных цивилизаций. Но факт оставался фактом, что никто из них не сумел прочесть этого превосходного послания.

Одним из тех, кто безуспешно пытался прочесть это послание, был Тед.

— Ну, мы не очень-то и старались, — заявил Тед. — На этой конференции было так много всего. А вот тебя не было там с нами, Гарри.

— Стоило только захотеть прокатиться в Рим, — заметил Гарри.

Бет сказала:

— Это только мое воображение, или расположение насечек на двери изменилось?

Норман посмотрел. На первый взгляд глубокие насечки казались теми же самыми, но, возможно, их расположение и изменилось. Но даже если и так, изменение было едва заметным.

— Мы можем сравнить их со старыми видеозаписями,— предложил Гарри.

— Мне они кажутся теми же самыми,— возразил Тед.— К тому же это металл. Сомневаюсь, чтобы он мог измениться.

— То, что мы называем металлом, ничем не отличается от жидкости, текущей при комнатной температуре,— возразил Гарри.— Поэтому возможно, что и этот металл изменяется.

— Я все же сомневаюсь,— сказал Тед.

— Послушайте, вы,— вмешался Барнс,— предполагается, что вы эксперты. Мы знаем, что эта штука может открываться, что она уже была однажды открыта. Как нам снова открыть ее?

— Мы пытаемся, Гэл.

— Не похоже, чтобы вы что-то делали.

Время от времени они поглядывали на Гарри, но Гарри так же, как они все, стоял около сферы, подперев подбородок и в задумчивости теребя пальцами нижнюю губу.

— Гарри?

Но Гарри молчал.

Тед ходил и похлопывал ребром ладони по сфере, но это не давало никаких результатов. Тед постучал по сфере кулаком; потом он вздрогнул и отдернул руку.

— Не думаю, чтобы мы могли чего-нибудь добиться силой. Думаю, что она сама должна впустить внутрь себя,— заметил Норман. Остальные промолчали.

— Моя высоколобая, просвещенная команда,— сказал Барнс, желая их уколоть.— И вот они стоят вокруг и смотрят на нее.

— А что бы ты хотел, чтобы мы сделали, Гэл? Кокнули ее?

— Если вы не в состоянии открыть ее, найдутся другие, не сомневайтесь.— Он взглянул на часы.— Есть еще какие-нибудь необыкновенные предложения?

Ни у кого не было.

— О'кей,— произнес Барнс.— Наше время истекло. Давайте возвращаться на корабль и готовиться к подъему на поверхность.

Отправление

Норман извлек небольшой морской рюкзак из-под своей койки в цилиндре С, принес бритвенные принадлежности из душевой, нашел записную книжку и запасную пару носков и затянул рюкзак.

— Я готов.

— Я тоже,— отозвался Тед. Тед был безрадостен — он не хотел уезжать.— Кажется, больше мы уже не задержимся. Погода ухудшается, и все водолазы покинули DN-7, так что остались мы одни.

Норман радовался перспективе вновь оказаться на поверхности. Вот уж никогда не ожидал, думал он, что мне покажется за счастье увидеть эскадру военных кораблей. Но это так.

— А где остальные? — спросил Норман.

— Бет уже упаковалась. Думаю, она с Барнсом в узле связи. Наверное, и Гарри там,— Тед облачился в костюм.— Скажу тебе честно, я рад распрошаться с этими костюмами.

Они вышли из спального отсека и тоже отправились в узел связи. Проходя коридорами, они столкнулись с Элис Флетчер, шедшей в цилиндр В.

— Готовы к отправлению? — спросил Норман.

— Да, сэр, так точно,— бодро отрапортовала она, но черты лица ее были напряженными, усталыми — видимо, сказывалось давление.

— Разве туда нужно идти? — спросил Норман.

— Нужно проверить двигатели модуля.

— Двигатели модуля? — удивился Норман. Но зачем их проверять, если они уже покидают его?

— Вероятно, забыла там что-нибудь нужное,— предположил Тед.

В узле связи царила зловещая тишина, только Барнс вел в углу переговоры с судами на поверхности.

— Повторите еще раз,— потребовал он.— Я хочу знать, чье это предписание,— он явно злился.

Они посмотрели на Тину:

— Как погода наверху?

— Быстро ухудшается.

Барнс прошипел:

— Вы *спустите их вниз или нет, идиоты?*

Норман опустил свой рюкзачок на пол. Бет сидела у иллюминатора, усталая, с закрытыми глазами. Тина выключала мониторы, один за другим, и вдруг остановилась:

— Смотрите.

На экране монитора они увидели гладко полированную сферу.

Рядом с ней стоял Гарри.

— Что он там делает?

— Разве он не собирался вернуться вместе с нами?

— Мне казалось, что да.

— Я не заметил; думал, мы все возвращаемся.

— Черт побери, разве я вам не говорил... — начал Барнс и не договорил. Он уставился на экран.

На экране видеомонитора Гарри повернулся лицом к камерам и слегка поклонился.

— Леди и джентльмены, думаю, вам покажется это интересным.

Затем он вновь обернулся к сфере. Он стоял в не-принужденной позе, руки свободно висели вдоль тела. Он не двигался и не говорил. Потом закрыл глаза, глубоко вздохнул.

Дверь сферы отворилась.

— Неплохо, а? — сказал с усмешкой Гарри.

Затем он вошел вовнутрь. Дверь за ним закрылась.

* * *

Все заговорили одновременно. Барнс кричал громче всех, требовал тишины, но его никто не слушал, пока в модуле внезапно не погас свет. Они погрузились в темноту.

— Что случилось? — спросил Тед.

Свет проникал только через иллюминаторы, свет от окружавшей корабль решетки. Почти тут же погас и он.

— Нет энергии...

— Я и пытаюсь объяснить, — сказал Барнс.

Раздалось жужжание, потом мигнули огни, и вновь вспыхнул свет.

— Мы перешли на внутреннее энергообеспечение, нас теперь обеспечивает собственный дизель.

— Почему?

— Глядите, — позвал Тед, показывая на иллюминатор.

Что-то похожее на серебристую змею вилось снаружи. Вдруг Норман понял, что это кабель, который связывал их с поверхностью, мотается туда-сюда перед иллюминатором, сворачиваясь большими кольцами на дне.

— Они отрезали нас!

— Верно, — подтвердил Барнс. — Наверху начался сильнейший шторм. Они больше не могут удерживать коммуникационный и энергетический кабели, не могут больше использовать подлодки. Они подняли наверх водолазов, но за нами они вернуться уже не могут. По крайней мере в течение нескольких дней, пока море немного не успокоится.

— Значит, мы замурованы тут, внизу.

— Увы, это так.

— И как надолго?

— На несколько дней, — ответил Барнс.

— Как надолго?

— Может быть, на неделю.

— Господи Боже, — сказала Бет.

Тед швырнул свой рюкзак на пол:

— Какая фантастическая удача! — воскликнул он. Бет резко повернулась к нему:

— Ты в своем уме?

— Сохраняйте спокойствие, — призвал Барнс. — Все контролируется. Это всего лишь временная отсрочка, нет никаких причин для паники.

— Все контролируется. Это всего лишь временная отсрочка, нет никаких причин для паники.

Но Норман и не паниковал. Он чувствовал себя крайне истощенным. Бет разозлилась, надулась. Только Тед ликовал, строил планы новых походов на корабль, помогая Эдмундс отрегулировать оборудование.

Но Норман чувствовал только страшную усталость. Глаза его наливались тяжестью; ему казалось, что он прямо сейчас и заснет, стоя перед мониторами. Он торопливо вернулся в спальный отсек, желая поскорее добраться до постели и заснуть. Ему не было дела до того, что простыни липкие, что подушки ледяные, что в соседнем цилиндре шумит и вибрирует дизель. Он успел

подумать: очень сильная реакция на отмену. И тут же заснул.

По ту сторону Плутона

Норман выполз из постели и машинально взглянул на часы, забыв, что давно бросил привычку носить их. Он не знал, сколько времени и как долго он проспал. Онглянул в иллюминатор, но ничего не увидел, кроме вечной черной воды. Огни вдоль решетки все еще горели. Он повернулся на спину и стал рассматривать серые трубы прямо над своей головой; они казались ближе, да и все отчего-то выглядели тесным, сжатым, навевая клаустрофобию.

Пробыть здесь еще несколько дней. Боже.

Он надеялся, что ВМС позаботятся известить его семью. После стольких дней Эллен, должно быть, уже начала волноваться. Он представил ее первый звонок в команду, занимающуюся авиакатастрофами, затем попытки дозвониться до ВМС и узнать, что произошло. Разумеется, ей никто ничего не скажет, поскольку проект засекречен; Эллен потеряет голову.

Тут он перестал думать об Эллен. Легче всего, подумал он, волноваться о тех, кого любишь, чем о самом себе. Но о чем было волноваться? С Эллен все в порядке. Да и с ним тоже. Просто нужно набраться терпения и подождать. Спокойно пересидеть штурм.

Он отправился в душ, гадая, есть ли там горячая вода, если модуль перешел на систему самообеспечения. Вода была, и он почувствовал, что отмывается, стоя под душем. Странное чувство, думал он, на глубине тысячи футов получать обычное удовольствие от горячего душа.

Он оделся и перешел в цилиндр С.

— ...думаешь, они когда-нибудь откроют сферу? — услышал он голос Тины. Бет ответила:

— Возможно. Я не знаю.

— Это пугает меня.

— Не вижу причин для испуга.

— Неизвестность, — сказала Тина.

Когда Норман вошел, Бет прокручивала ту видеозапись, где она беседовала с Тиной.

— Конечно,— говорила с экрана Бет,— но неизвестное не всегда опасное или страшное. Неизвестное скорее непонятно.

— Мне это не совсем понятно,— отозвалась Тина.

— Ты боишься змей? — спросила с экрана Бет.

Бет снова перемотала запись:

— Просто хочу допытаться, почему она открывается.

— Есть успехи? — поинтересовался Норман.

— Пока нет.— Соседний монитор показывал саму сферу. Она была закрыта.

— Гарри еще там? — спросил Норман.

— Да.

— Сколько времени он уже там находится?

Она взглянула на приборы:

— Чуть больше часа.

— Я спал всего лишь час?

— Да.

— Умираю от голода,— заявил Норман и отправился в кают-компанию, чтобы перекусить. Кокосовый пирог бесследно исчез. Он стал разыскивать хоть что-то съестное, когда появилась Бет.

— Не знаю, что и делать, Норман.

— А что такое?

— Они нам врут,— заявила она.— Барнс, люди ВМС, да все. Это все подстроено, Норман.

— Ну-ка иди сюда, Бет. Что еще за конспирация? Нам есть о чем поволноваться и кроме...

— Просто взгляни вот на это,— она вновь увела его наверх, усадила за пульт и нажала на кнопки.— Я стала догадываться в тот момент, когда Барнс говорил по телефону,— сообщила она.— Барнс держал трубку, делая вид, что говорит с кем-то, когда кабель начал уже сворачиваться. Но ведь кабель-то длиной в тысячу футов, Норман. Связь должна была прерваться за несколько минут до того, как отцепили кабель.

— По всей видимости, да.

— Тогда с кем же говорил Барнс в последнюю минуту? Ни с кем.

— Бет...

— Взгляни,— показала она на экран.

**ОТЧЕТ ПО СВЯЗИ. DH-8 — НА ПОВЕРХНОСТЬ/1
0910 БАРНС — НА ПОВЕРХНОСТЬ/1**

ПРОВЕДЕНО ГОЛОСОВАНИЕ СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО И ЛИЧНОГО СОСТАВА. НЕСМОТРЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О РИСКЕ, ВЕСЬ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ РЕШИЛ ОСТАТЬСЯ ВНИЗУ НА ВРЕМЯ ШТОРМА ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧУЖЕРОДНОЙ СФЕРЫ И СОЕДИНЕННОГО С НЕЙ КОРАБЛЯ

БАРНС, ВМС США

— Вот так, номер,— сказал Норман.— Я думал, Барнс хочет убраться отсюда.

— Он хотел, но он передумал, когда увидел последнюю комнату, и он даже не потрудился объясниться с нами. Прикончила бы мерзавца,— заявила Бет.

Норман кивнул:

— Он надеется найти новое оружие.

— Точно. Барнс связан с поставками Пентагона, и он просто жаждет обнаружить новое оружие.

— Но сфера непохожа...

— Дело не в сфере,— сказала Бет.— Сфера ~~вовсе~~ не волнует Барнса. Его волнует «~~с~~оединенный с нею корабль». Потому что, согласно теории соответствий, именно корабль — та вещь, за которую стоит заплатить, а совсем не сфера.

Теория соответствий мучительно беспокоила тех, кто задумывался над существованием внеземных цивилизаций. Говоря упрощенно, астрономы и физики, верящие в возможность контакта с пришельцами, мечтали о том, какие необыкновенные выгоды принесет человечеству подобный контакт. Но другие мыслители — философы и историки — не предвидели ровным счетом никаких выгод от общения с пришельцами.

Например, физики считали, что если будет установлен контакт с пришельцами, человечество будет столь поражено, что на Земле тут же прекратятся войны и наступит эра мирного сотрудничества.

Но историки считали это чепухой. Они доказывали, что когда европейцы открыли Новый Свет — совершенно потрясшее мир открытие,— разрушительные войны не прекратились, а, напротив, участились. Европейцы просто перенесли в Новый Свет прежнюю вражду и злобу, сделав его ареной все новых сражений.

И еще астрономы мечтали, что когда человечество встретится с новой цивилизацией, произойдет такой обмен

информацией и технологией, который продвинет человечество далеко вперед.

А историки науки и это считали ерундой. Они доказывали, что так называемая «наука» является весьма спорным представлением о вселенной, которого другие разумные существа могут вовсе не разделять. Наши научные идеи были идеями обезьяноподобных, ориентированных на внешний мир существ, желающих изменить внешнее окружение для своих нужд. А если бы пришельцы оказались слепыми и общались бы с помощью запахов — они могли бы развивать совершенно иную науку, которая описывала бы совсем иное устройство вселенной. Да и сам выбор был бы совершенно иным — в каком направлении развивать науку и что исследовать. Например, они могли бы полностью игнорировать весь физический мир, развивая вместо того весьма утонченную интеллектуальную науку — совершенно противоположную существующей на Земле. Технология пришельцев могла оказаться чисто мыслительной, без каких бы то ни было видимых и осязаемых изделий.

Из этого и проистекла теория соответствий, которая гласила, что если пришельцы не будут хотя бы приблизительно похожи на нас, обмен информацией вряд ли состоится. Барнс, разумеется, был знаком с этой теорией, а значит понимал, что никакой полезной технологии он из необычной сферы не извлечет. Но полезную технологию он вполне мог извлечь из космического корабля, который был явно создан человеком, а соответствие было велико.

И он солгал им, чтобы удержать их внизу. И продолжать исследования.

— Ну, и что нам сделать с этим мерзяцем? — спросила Бет.

— Ничего, — ответил Норман, — по крайней мере сейчас.

— Ты не хочешь вывести его на чистую воду и сказать, что он собой представляет? Боже, а я так очень хочу!

— Это совершенно бессмысленно, — возразил Норман. — Теду все равно, а люди ВМС подчиняются приказу. Да и в любом случае, даже если бы все было приготовлено для нашего возвращения, неужели бы ты смогла уйти, оставив Гарри в сфере?

— Нет, — призналась Бет.

— Ну вот. Все это теории.

— Господи, Норман...

— Знаю. Но сейчас мы здесь, внизу. И в ближайшую пару дней ничего не сможем с этим поделать. Давай постараемся извлечь из этого положения вещей то лучшее, что пока возможно, а к этому вернемся позже.

— Ну уж я-то к этому непременно вернусь!

— Отлично. Тогда не сейчас, Бет.

— Ладно, — вздохнула она. — Не сейчас.

Норман остался один за пультом, размышляя, что вот он опять занимался привычным делом, помогая другим сохранять выдержку и спокойствие. Никогда прежде он не заглядывал в компьютерную систему, а теперь он начал машинально нажимать кнопки. Далеко не сразу он нашел файл, обозначенный «Контактная НФЖ-команда». Он открыл его.

Члены гражданской команды

1. Теодор Филдинг, астрофизик/планетарный геолог.
2. Элизабет Гальперн, зоолог/биохимик.
3. Гэрольд Д. Адамс, математик/логик.
4. Артур Левин, морской биолог/биохимик.
5. Джон Ф. Томпсон, психолог.

Выберите одно:

Не веря своим глазам, Норман смотрел на экран. Он прекрасно знал Томпсона, энергичного молодого психолога из Вэйла. Томпсон приобрел мировую известность благодаря своим исследованиям в области психологии первобытных народов, и уже года два не вылезал из Новой Гвинеи, занимаясь туземными племенами.

Норман нажал кнопку.

НФЖ КОМАНДА ПСИХОЛОГОВ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ОТБОР

1. Джон Томпсон, Вэйл — одобрен.
2. Уильям Л. Хартц, Беркли — одобрен.
3. Джереми Вайт, Техас — одобрен.
4. Норман Джонсон, Сан Диего — отклонен (возраст)

Норман знал их всех. У Билла Хартца из Беркли был рак в тяжелой форме. Джереми Вайт побывал в Ханое во время вьетнамской войны и никак не мог прийти в форму.

Оставался Норман.

Он понимал теперь, почему его вызвали последним. Теперь он понимал, почему ему устроили специальную медицинскую проверку. Он чуть не задохнулся от прилива злобы — к Барнсу, ко всей системе, за-сунувшей его сюда, несмотря на его возраст, не задумавшись о его безопасности. В пятьдесят три года Норману Джонсону нечего было делать на глубине ^в 1000 футов в условиях разреженной атмосферы — и в ВМС знали это.

Они попрали его права, думал Норман. Сейчас он пойдет и все выскажет Барнсу, не выбирая выражений. Этому изовравшемуся ублюдку.

Но он вцепился в подлокотники и напомнил себе то, что советовал Бет. Что бы ни случилось до настоящего момента, теперь уже никто из них ничего не может исправить. Разумеется, он задаст Барнсу трепку — он пообещал себе, что так и будет, — но только когда они вернутся на поверхность. До тех пор устраивать что-либо бесполезно.

Он покачал головой и поклялся себе следовать этому решению. Потом выключил компьютер.

Проходили часы, а Гарри все еще был в сфере.

Тина пыталась интенсифицировать изображение сферы на той видеозаписи, где она была видна открытой.

— К несчастью, здесь, в модуле, у нас ограниченные технические возможности, — сетовала она. — Если бы у меня была связь с поверхностью, я бы постаралась что-то сделать, а так... — она отрицательно покачала головой.

Тина показала им увеличенные стоп-кадры с изображением открытой сферы, сделанные с промежутком в одну секунду. Однообразное, нечеткое изображение.

— Единственное, что в темноте можно разглядеть из внутреннего устройства, — сказала Тина, показывая им кадры, — вот эти многочисленные светящиеся россыпи. Кажется, расположение огоньков меняется на разных кадрах.

— Как будто в сфере полно светлячков, — заметила Бет.

— Только эти огоньки туманятся и не мигают, как светлячки. Их там бесчисленное количество. И такое

впечатление, как будто они двигаются все вместе, кружащимися узорами.

— Стai светлячков? — сказала Бет.

— Что-то вроде, — запись кончилась, экран погас.

— И это все? — спросил Тед.

— Боюсь, что да, д-р Филдинг.

— Бедный Гарри, — с трагическим пафосом произнес Тед.

Изо всей группы Тед больше всего сокрущался об участии Гарри. Он все рассматривал закрытую сферу на видеомониторе, повторяя: «Как же он это сделал?» — и тут же добавлял: «Надеюсь, с ним все в порядке».

Он повторял это так часто, что Бет наконец не выдержала:

— Уж, кажется, всем известны твои чувства, Тед.

— Я на самом деле озабочен тем, что с ним происходит.

— И я тоже. Все мы волнуемся.

— Думаешь, я завидую, да, Бет? Ты это хочешь сказать?

— С чего ты взял, Тед?

Норман поспешил сменить тему — теперь необходимость избежать конфронтаций внутри группы казалась решающей. Он попросил Теда рассказать о его анализе полетных данных, обнаруженных на корабле.

— Это очень интересно, — обрадовался Тед. — Приведенное мною подробное изучение начальных данных о полете убедило меня, что на изображении видны три планеты: Уран, Нептун и Плутон — и крошечное Солнце на заднем плане. Следовательно, съемки велись из какой-то точки по ту сторону Плутона. А это, в свою очередь, заставляет предполагать, что черная дыра находится недалеко от нашей солнечной системы.

— А это возможно? — спросил Норман.

— Ну конечно. В течение последних десяти лет астрофизики действительно были близки к тому, чтобы доказать наличие черной дыры — небольшой, но все-таки — сразу за пределами нашей солнечной системы.

— Я ничего не слышал об этом.

— Ну да. А ведь некоторые из нас даже доказывали, что если она не очень велика, то через несколько лет мы могли бы отправиться за ней, доставить сюда, поместить на орбиту Земли и использовать ее энергию для блага всей планеты.

Барнс улыбнулся:

— Ковбои черной дыры?

— В теории ничто не может помешать этому. Только подумать: вся планета будет освобождена от зависимости от ископаемого топлива... Вся история человечества могла бы измениться.

— Вероятно, можно было бы превратить ее в дьявольское оружие,— сказал Барнс.

— Даже крошечная черная дыра слишком мощная, чтобы использовать ее как оружие.

— Итак, ты полагаешь, что этот корабль летел за черной дырой?

— Сомневаюсь,— сказал Тед.— Этот корабль построен такочно, с такими мощными антирадиационными щитами, что я подозреваю, его намерением было пройти сквозь черную дыру. И он прошел.

— Так вот почему этот корабль заблудился во времени? — догадался Норман.

— Я не совсем уверен,— ответил Тед.— Видишь ли, черная дыра в действительности — это край вселенной. Что происходит там — одному Богу известно. Но существует предположение, что можно не пролететь через черную дыру, а проскочить ее по касательной, вроде того, как галька прыгает по воде, и отскочить в другое время, или пространство, или в другую вселенную.

— И корабль отскочил?

— Да. Возможно, не один раз. И когда он отскочил назад к Земле, он пролетел вперед и оказался на Земле на несколько сот лет раньше, чем стартовал.

— И при одном из своих отскоков он прихватил вот это? — спросила Бет, кивнув на экран. Дверь сферы была по-прежнему закрыта. Но рядом с ней, распростертым в неестественной позе на палубе, лежал Гарри Адамс.

На мгновение им показалось, что он мертв. Но вот Гарри поднял голову и застонал.

Объект

Норман записал в блокноте: «Объектом изучения является тридцатилетний математик, который провел три часа в сфере неизвестного происхождения. После из-

влечения из сферы был в оцепенении, не отвечал на расспросы; не помнил своего имени, кто он такой и сколько ему лет. Возвращен в модуль; после получасового сна внезапно проснулся от приступа головной боли.

— О Боже.

Гарри сидел на койке, обхватив голову руками и постанывая.

— Болит? — спросил Норман.

— Ужасно. Разламывается.

— А остальное?

— Хочется пить. Господи.— Он облизнул губы.— Страшило хочется пить.

«Страшная жажда», — записал Норман.

Со стаканом лимонада показалась Роз Леви, кок. Норман передал стакан Гарри, и тот выпил его залпом, протянув обратно:

— Еще.

— Пожалуйста, принеси бутылку, — попросил Норман. Леви вышла. Норман обернулся к Гарри, все еще держащемуся за голову, и сказал:

— У меня есть к тебе один вопрос.

— Какой?

— Как тебя зовут?

— Норман, психоаналитических разборок мне только сейчас не хватает.

— Просто скажи мне свое имя.

— Гарри Адамс, черт побери! Что это тебе вздумалось? О, моя голова.

— Ты раньше не помнил, — объяснил Норман.— Когда мы нашли тебя.

— Когда вы нашли меня? — переспросил Гарри. Он опять казался смущенным.

Норман кивнул:

— Ты помнишь, как мы нашли тебя?

— Это должно быть случилось... снаружи.

— Снаружи?

Гарри опять взглянул на него разгневанно:

— Снаружи сферы, чертов идиот! А о чем, ты думаешь, я говорю?

— Спокойно, Гарри.

— Твои вопросы сводят меня с ума.

— Ладно, ладно, не заводись.

«Эмоциональная неустойчивость», — записал Норман.— Ярость и раздражительность».

— Ты нарочно производишь этот шум?

Норман посмотрел на него изумленно.

— Твоя ручка,— пояснил Гарри.— Она гремит, как Ниагара.

Норман перестал писать. Это была мигрень, или что-то вроде мигрени. Гарри осторожно поддерживал голову руками, как будто она была стеклянная.

— Почему я не могу принять аспирин, черт возьми!

— Мы решили повременить давать тебе что-нибудь, чтобы не вышло хуже. Мы должны были понять, что это за боль.

— Боль, Норман, сидит в *моей голове*. Это моя проклятая голова! А теперь ты дашь мне аспирин?

— Барнс не разрешил.

— А Барнс еще здесь?

— Мы все еще здесь.

Гарри окинул его долгим взглядом.

— Но вы собирались вернуться на поверхность.

— Знаю.

— Почему же вы не отправились?

— Погода испортилась и за нами не смогли прислать подлодки.

— Ну, вам следует вернуться. Здесь нельзя оставаться, Норман.

Леви вернулась с лимонадом. Гарри пил, поглядывая на нее.

— И вы тоже здесь?

— Да, д-р Адамс.

— Сколько всего людей здесь, внизу?

— Нас девять человек, сэр,— ответила Леви.

— Боже.— Он отставил стакан, и Леви снова наполнила его.— Вы все должны подняться. Вы должны вернуться.

— Гарри,— произнес Норман,— мы не можем отправиться.

— Вы должны *отправиться.*

Норман сел на койку напротив Гарри и наблюдал, как он пьет. Поведение Гарри было типичным для человека, получившего шок: возбужденность, раздражительность, нервозность, наплыв навязчивых идей, необъяснимые страхи о безопасности окружающих — все это характеризовало жертв страшных аварий, вроде автомобильных или авиакрушений. Мозг отказывался усваивать происшедшее, как будто ментальный мир рухнул, как и

физический мир. Переутомленный мозг пытался совладать с происшедшем, быстро переставить вещи, сделать их правильными, восстановить равновесие. Как колесо, которое продолжает крутиться по инерции.

Нужно просто переждать этот период.

Гарри выпил лимонад, вернул стакан.

— Еще? — спросила Леви.

— Нет, достаточно. Кажется, боль проходит.

Возможно, это еще и потеря жидкости, подумал Норман. Но почему Гарри потерял столько жидкости после трех часов, проведенных в сфере?

— Гарри...

— Поговори со мной, Норман. Я выгляжу как-то иначе?

— Нет.

— Я кажусь тебе тем же самым?

— Я бы сказал, да.

— Ты в этом уверен? — спросил Гарри. Он вскочил, подошел к зеркалу, висящему на стене, уставился на свое отражение.

— Ну, и как тебе кажется, ты выглядишь?

— Не знаю. По-другому.

— Как по-другому?

— Я не знаю!.. — Он стукнул кулаком по стене рядом с зеркалом, изображение в зеркале задрожало. Он отвернулся, опять уселся на койку. — Просто по-другому.

— Гарри...

— Что?

— Ты помнишь, что произошло?

— Разумеется.

— Что же произошло?

— Я вошел внутрь.

Норман подождал, но Гарри замолчал. Он сидел, уставившись в ковер на полу.

— Ты помнишь, как открылась дверь?

Гарри не отвечал.

— Как ты открыл дверь, Гарри?

Гарри посмотрел на Нормана:

— Вы собирались подняться наверх. Вернуться на поверхность. Вы не собирались оставаться.

— Как ты открыл дверь, Гарри?

Опять молчание.

— Я открыл ее.

Он сел прямо, вытянув вдоль боков руки. Похоже, что он припоминал, вызывал что-то в памяти.

— А потом?

— Я вошел вовнутрь.

— А что произошло внутри?

— Это было прекрасно...

— Что было прекрасно?

— Туман,— ответил Гарри. Потом замолчал опять, неподвижно уставившись в пространство.

— Туман? — допытывался Норман.

— Море. Туман. Прекрасно...

Говорил ли он об огоньках, хотел бы знать Норман. О скоплении перебегающих огоньков?

— Что было прекрасно, Гарри?

— Не смейся надо мной,— сказал Гарри.— Обещай, что не будешь смеяться?

— Я не буду над тобой смеяться.

— Тебе кажется, я выгляжу, как раньше?

— Думаю, да.

— Тебе не кажется, что я как-то переменился?

— Нет. Я этого не замечаю. А ты думаешь, что ты переменился?

— Не знаю. Может быть. Быть может, я...

— Что-то произошло в сфере, что изменило тебя?

— Ты ничего не понимаешь про сферу.

— Тогда объясни мне,— попросил Норман.

— В сфере ничего не произошло.

— Но ты провел в ней три часа...

— Ничего не произошло. Ничего никогда не происходит в сфере. Там всегда все то же самое, внутри сферы.

— Что то же самое? Море?

— Море всегда разное. А сфера всегда одна и та же.

— Не понимаю,— сказал Норман.

— Я знаю, что ты не понимаешь,— кивнул Гарри и вновь сжал голову руками.— Но что я-то могу?

— Расскажи мне побольше.

— Больше нечего рассказывать.

— Тогда расскажи еще раз.

— Это не поможет,— возразил Гарри.— Как ты думаешь, вы скоро сможете отправиться?

— Барнс сказал, что в ближайшие несколько дней это у нас не получится.

— Я думаю, вам надо отправляться как можно

скорее. Скажи остальным. Убеди их. Заставь их вернуться.

— Почему, Гарри?

— Я не могу... Я не знаю.

Гарри смыгнул глаза и улегся опять на постель.

— Ты хотел расспросить меня,— сказал он.— Но я очень устал. Может быть, мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Скажи остальным, Норман, увези их отсюда. Это... становится опасным, оставаться здесь.

И он растянулся на койке и закрыл глаза.

Изменения

— Он спит,— пояснил Норман остальным.— У него шок. Он чем-то озадачен. Но в остальном он цел и невредим.

— Он рассказал тебе что-нибудь,— спросил Тед,— о том, что там происходило?

— Он слишком измучен,— ответил Норман,— но он скоро придет в себя. Когда мы его только нашли, он даже не помнил, как его зовут. Теперь вспомнил. Он вспомнил мое имя, вспомнил, кто он такой. Он помнит, что он вошел в сферу. Я думаю, что он, конечно же, помнит и то, что случилось внутри сферы. Но не рассказывает.

— Здорово,— сказал Тед.

— Он упоминал море и туман. Но я не очень-то разобрался, что он имел в виду.

— Выгляни наружу,— позвала Тина, указывая на иллюминаторы.

Нормана сразу поразило количество света — тысячи огней в темноте океана,— и его первым чувством был беспричинный страх: как будто огоньки из сферы явились сюда. Но потом он рассмотрел, что огни были не бесформенными и двигались, извиваясь.

Они прижались лицами к иллюминаторам.

— Спрут,— произнесла, наконец, Бет.— Биолюминесцентный спрут.

— Да их тысячи.

— Больше,— поправила она,— думаю, что около полутора миллиона вокруг всего модуля.

— Великолепно.

— Какая громадная колония,— заметил Тед.

— Впечатляющая, но ничего необычного,— пояснила Бет.— Плодородие моря легко сравнить с плодородием земли. В море зародилась жизнь и впервые появилось соперничество между видами животных. Одна из реакций на конкуренцию животных — производство огромного количества особей. И многие морские животные так и поступают. Как правило, мы привыкли думать, что то, что животные вышли из океана на землю, это шаг вперед в эволюции. Но истина заключается в том, что первых животных буквально выдворили из моря. Они просто сбежали от конкуренции. Можете вообразить себе, что почувствовали первые амфибии, выбравшиеся на берег, задравшие головы, чтобы осмотреться, и увидевшие широкую сушу, где и помину не было ни о какой конкуренции. Это должно было выглядеть, как обещанный...

Бет, не договорив, неожиданно повернулась к Барнсу:

— Скорей: где вы держите сети?

— Я не хочу, чтобы ты выходила наружу.

— Я должна,— отрезала Бет.— У этих спрутов по шесть щупалец.

— Вот как?

— Науке неизвестны спруты с шестью щупальцами. Это неописанный вид. Я должна взять образцы.

Барнс объяснил ей, где находится контейнер с инструментами, и она ушла. Норман наблюдал за колонией спрутов с удвоившимся интересом.

Каждое животное было примерно длиной в фут и казалось прозрачным. Большие глаза спрутов были хорошо видны на теле и голубовато светились.

Через несколько минут снаружи появилась Бет. Стоя в середине колонии, она водила сетью, отлавливая экземпляры для коллекции. Несколько спрутов злобно выпустили чернильные облака.

— Вот злючки,— сказал Тед.— А известно ли вам, что появление чернил у спрутов крайне любопытно...

— Что бы вы сказали о спруте на обед? — спросила Леви.

— Нет, черт возьми. Если это неизученный вид, мы не можем его есть. Только мне еще не хватало, чтобы кто-нибудь погиб от пищевого отравления.

— Весьма разумно,— заметил Тед.— Мне спруты

как-то никогда не нравились. Интересный двигательный механизм, но строение отвратительное.

В этот момент с жужжанием самопроизвольно включился один из мониторов. Они наблюдали, как экран быстро покрывается рядами цифр.

— Откуда они идут? — спросил Тед. — С поверхности?

Барнс покачал головой:

— Связь с поверхностью оборвана.

— А может быть они как-нибудь передаются под водой?

— Нет, — ответила Тина, — сигналы поступают слишком быстро для подводной передачи.

— А есть другой пульт в модуле? Нет? А в DH-7?

— DH-7 сейчас пуст. Водолазы ушли.

— Тогда откуда же они идут?

Барнс сказал:

— Мне это кажется случайностью.

— Возможно, разладка памяти от тепловых перепадов где-нибудь в системе, — кивнула Тина. — Когда мы переключались на внутреннее энергообеспечение.

— Возможно, так и есть, — согласился Барнс. — Разрядка при переключении.

— Я думаю, нужно закрепить это в памяти, — кивнул Тед на экран. — На тот случай, если это послание.

— Послание откуда?

— Из сферы?

— Черт, — выругался Барнс. — Это не может быть послание.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что нет способа передать это послание. Мы ото всего отключены. И уж, разумеется, от сферы. Просто сброс памяти внутри нашей собственной компьютерной системы.

— Как велика ваша компьютерная память?

— Изрядное количество. Десять гигабайт, что-то в этом роде.

— Может быть гелий попал в микросхему, — предположила Тина. — А может быть, это воздействие подводных условий.

— Я все же думаю, вам следует записать это, — настаивал Тед.

Норман смотрел на экран. Он не был математиком, но за свою жизнь он просмотрел кучу статистики, разыскивая те или иные данные. Вот уж чего не от-

нимешь у людей, так это свойства зрительно выуживать нужную информацию в материале. Норман не мог бы поручиться, но он чутьем увидел в этих цифрах что-то неслучайное, сказав об этом Барнсу.

— Тогда запишите,— пожал плечами тот.

Тина вернулась к пульту. Но когда ее пальцы коснулись его, экран был уже чистым.

— Стоило беспокоиться,— сказал Барнс.— Вот оно и исчезло. Плохо только, что Гарри не смог взглянуть на это вместе с нами.

— Да,— сказал Тед уныло.— Очень плохо.

Анализ

— Посмотри вот на этого,— предложила Бет.— Он еще жив.

Норман сидел в ее маленькой биологической лаборатории наверху цилиндра D. Никто не был здесь с момента прибытия, потому что ничего живого им до этих пор не попадалось. Теперь, выключив свет, Норман и Бет наблюдали, как спрут двигается в стеклянной банке.

Это было нежное существо. Голубое свечение исходило из полосок на спине и по бокам.

— Да,— сказала Бет,— биолюминесцентное свечение, похоже, расположено на спине. Это бактерии, конечно же.

— Что?

— Источник биолюминесцентного света. Сам спрут светиться не может. А светятся бактерии, которые в морских условиях внедряются в тело животных. Ты видишь бактерии, которые просвечивают сквозь кожу.

— Что-то вроде инфекции?

— Да, похоже.

Большие глаза спрута были раскрыты, щупальца шевелились.

— И можно видеть все внутренние органы,— продолжала Бет.— Мозг спрятан между глазами. Вот этот мешочек — пищеварительный тракт, за ним — желудок, а внизу — видишь, как бьется? — сердце. А в сторону от желудка отходит что-то вроде дымохода — оттуда он и пускает струю чернил. С его помощью он и двигается.

— Это правда новый вид?

Она вздохнула.

— Не знаю. Внутри-то он совершенно обычный. Но несколько щупалец определяют его как новый вид.

— Ты назовешь его «Спрутус бетус»? — спросил Норман.

— «Архитектис бетис», — улыбнулась она. — Покоже на что-то зубоврачебное, как будто тебе нужно построить мост.

— Как насчет меню, д-р Галперн? — просунула голову Леви. — С небольшим количеством помидоров и перцев было бы жаль не попробовать их? Разве спруты действительно ядовиты?

— Сомневаюсь, — сказала Бет. — Об этом ничего не известно. Приготовь, — разрешила она Леви. — Я думаю, большой беды не будет отведать их.

Когда Леви скрылась, Норман заметил:

— Я думал, ты не ешь эти создания.

— Только октопий, — возразила Бет. — Октопии привлекательны и сообразительны, а спруты такие... несимпатичные.

— Несимпатичные?

— Ну, они людоеды... просто гадость. — Она подняла брови: — Опять занимаешься психоанализом?

— Да нет, просто любопытно.

— Зоолог должен быть объективным, — сказала Бет. — Но у меня же, как и у всякого, есть свое отношение к животным. К октопиям у меня теплые чувства. Они умницы, знаешь ли. Однажды у меня был один октопус в исследовательском аквариуме, так он наловчился убивать тараканов и использовать их как наживку для ловли крабов. Любопытный краб приближался, изучал докладного таракана, и тут октопус выскакивал из своего укрытия и ловил краба. Сказать по правде, октопус так смыщен, что главным ограничением в его поведении является продолжительность его жизни. Он живет всего три года, а этого не достаточно для создания чего-то сложного, как культура или цивилизация. Может, живи октопус так долго, как мы, он бы давным-давно правил миром. Но спруты, — продолжала она, — совсем другие. У меня нет к ним никаких чувств. Кроме того, что я просто не люблю их.

Он улыбнулся:

— Ну, по крайней мере ты хоть наконец обнаружила жизнь здесь, внизу.

— А не забавно ли это? — сказала она.— Помнишь, как здесь было вначале пусто? Ничего на дне?

— Конечно. Совершенно поразительно.

— Я обошла весь модуль, чтобы поймать этого спрута. И там, на дне, представлены все морские веерники. Великолепных цветов, голубые, розовые и желтые. Я должна изучить их. Я должна выяснить, почему они сосредоточены в этом конкретном месте, рядом с модулем.

Норман подошел к иллюминатору. При свете расположенных на внешней стороне модуля прожекторов дно было хорошо видно. Он действительно разглядел множество больших морских веерников, мягко колеблемых течением. Они располагались вплоть до того места, куда доставали лучи прожекторов.

— В этом случае,— сказала Бет,— многое должно быть опровергнуто. Глубоко под водой мы находим жизнь, которую раньше обнаруживали только на глубине ста футов. А если так, то наш модуль расположен в условиях разнообразной и изобильнейшей океанической природы в мире.— Ученые провели подсчеты и определили, что в Южной части Тихого океана больше видов кораллов и водорослей, чем где-либо на Земле.

— Так что я рада, что мы наконец это все и обнаружили,— заявила Бет. Она осматривала полки с реактивами и реагентами.— И я рада, что наконец-то могу заняться делом.

* * *

Гарри ел яичницу с беконом в кают-компании. Остальные стояли поодаль и разглядывали его, соглашаясь, что все и правда в порядке. Они рассказывали ему новости; он слушал с интересом, пока они не сообщили ему об огромной колонии спротов.

— Спрут?

Он вздрогнул и даже выронил вилку.

— Да, их тут целое множество,— сказала Леви.— Я приготовлю их на обед.

— Они что, все еще здесь? — спросил Гаври.

— Нет, уже пропали.

Он расслабился, плечи его опустились.

— А что такое, Гарри? — тихо спросил Норман.

— Ненавижу спротов. Терпеть их не могу.

— Мне самому они противны,— признался Тед.

— Ужасные,— кивнул Гарри. Он опять вернулся к яичнице, напряжение спало.

Вдруг из цилиндра D закричала Тина:

— Я опять получаю их! Я опять получаю эти цифры.

— Что ты об этом думаешь, Гарри? — поинтересовался Барнс, указывая на экран.

— Это те же, что раньше? — спросил Гарри.

— Похоже, что да, только между ними появились промежутки.

— Потому что это не случайно,— сказал Гарри.— Это одно сочетание, которое повторяется еще и еще. Взгляните. Начинается отсюда, здесь кончается, потом повторяется.

— Он прав,— заметила Тина.

— Фантастика,— сказал Барнс.— Абсолютно невероятно, как ты это разобрал.

Тед нетерпеливо барабанил пальцами по пульте.

— Элементарно, мой дорогой Барнс,— сказал Гарри.— Это самое легкое. Сложнее узнать, что это значит.

— Конечно же, это послание,— заявил Тед.

— Возможно, это и послание,— поправил Гарри.— С тем же успехом это может быть разладка где-нибудь в компьютерной системе, результат ошибки в программе или еще что-нибудь. Мы будем часами биться над его расшифровкой, чтобы потом прочесть, что программа создана такой-то компьютерной системой такой-то компании, или что-то подобное.

— Ну...— начал Тед.

— Больше всего это похоже на то, что этот ряд цифр возник где-то внутри компьютерной системы,— сказал Гарри.— Но давайте я все же попробую.

Тина представила ему экран.

— Я тоже должен попробовать,— немедленно отозвался Тед.

— Конечно, д-р Филдинг,— пригласила его Тина и усадила к другому экрану.

С тем же цифровым набором.

— Если это послание,— предположил Гарри,— тогда это больше похоже на простой шифр с замещением — цифры вместо букв. Тут помогла бы обычная дешифровочная программа. Кто-нибудь умеет программировать такие вещи?

Все покачали головами. Барнс спросил:

— А ты сам?

— Нет. И я предполагаю, что мы никак не можем переправить это на поверхность? Военным дешифровщикам в Вашингтоне понадобилось бы для этого секунд пятнадцать.

— Связи нет,— покачал головой Барнс.— Я не могу даже прикрепить радиопровод к баллону. Последняя сводка сообщала о сорокафутовых волнах на поверхности. Провод оборвался.

— Значит, мы изолированы?

— Мы изолированы.

— Кажется, пора воспользоваться старыми добрыми бумагой и карандашом. Я всегда говорил, что традиционные инструменты лучше всего — особенно, когда под рукой нет ничего другого.— И он вышел из комнаты.

— Похоже, он в недурном настроении,— сказал Барнс.

— Я бы сказал — в превосходном,— уточнил Норман.

— Даже слегка в чересчур хорошем,— поправил Тед.— Слегка взвинченном?

— Нет,— отрезал Норман.— Просто хорошее настроение.

— Я думаю, все же более, чем нужно,— заметил Тед.

— Оставь его,— оборвал его Барнс.

— Я тоже собираюсь попробовать,— напомнил Тед.

— Отлично,— сказал Барнс,— попробуй и ты.

Тед

Я тебе говорю, надеяться на Гарри бесполезно,— Тед ходил взад и вперед по комнате, поглядывая на Нормана.— Гарри перевозбужден, он не видит очевидных вещей.

— Каких например?

— Например, факта, что появившиеся на экране цифры не могут быть вызваны разладкой компьютерной системы.

— Откуда ты знаешь?

— Процессор,— сказал Тед.— Этот процессор — на основе микросхемы 68090, следовательно, его память использует шестнадцатиричный код.

— Что такое шестнадцатиричный код?

— Есть много возможностей представлять числа,—

объяснил Тед.— Микросхема 68090 использует шестнадцать символов, отсюда и название. Шестнадцатичная система по своей сути отличается от традиционной десятичной. Выглядит иначе.

— Но в послании использовался ноль через девятку,— перебил Норман.

— Вот о чем я говорю,— сказал Тед.— Поэтому послание и не могло исходить из компьютера. Я верю, что это послание исходит из сферы. Более того, хотя Гарри и думает, что это простой код с замещением, я полагаю, что это прямое видеоизображение.

— Картинка, ты хочешь сказать?

— Да,— ответил Тед.— И я думаю, что эта картинка — изображение самого этого существа! — Он стал рыться в своих бумагах.— Я начал вот с чего.

— Здесь я перевел послание в бинарную систему,— пояснил Тед.— И ты сразу можешь увидеть часть изображения, правда?

— Не совсем,— признался Норман.

— Ну, это предположительно,— сказал Тед.— Я рассказывал тебе, что все эти годы в лаборатории, рассматривая изображения планет, я обдумывал это. Итак, следующее, что я сделал, это вернулся к первоначальному изображению и разделил его промежутками.

— Угу,— пробормотал Норман.

— Согласен, это ни на что не похоже,— сказал Тед.— Но посмотрев на экран издалека, ты все поймешь.

И Тед гордо извлек следующий лист бумаги.

— И? — спросил Норман.

— Не говори, пожалуйста, что ты не видишь рисунка.

— Я не вижу рисунка,— признался Норман.

— Вглядись в него,— посоветовал Тед.

Норман взгляделся:

— Извини.

— Но это же очевидный портрет этого существа,— сказал Тед.— Смотри, вот вертикальный торс, три ноги, две руки. Головы, правда, нет; скорее всего, она помещается где-нибудь внутри тела. Ну, конечно же ты видишь это, Норман.

— Тед...

— Тебя сбил с толку Гарри, а он оказался не прав по существу. Это послание не просто картинка, это — автопортрет!

— Тед...

Тед опустился в кресло, вздохнул:

— Хочешь сказать мне, что я перестарался?

— Я вовсе не собирался охлаждать твой пыл,—
ответил Норман.

— Но ты не видишь портрет пришельца?

— Нет, правда нет.

— Проклятье.— Тед скомкал и отбросил бумаги.— Ненавижу этого ублюдка. Он так заноечив, что это сводит меня с ума... И в довершении всего, он к тому же так молод!

— Тебе сорок,— возразил Норман.— Я бы не сказал, что это чересчур много.

— Для физика — да, — ответил Тед.— Биологи могут совершать важные открытия и на закате жизни. Дарвину было пятьдесят, когда он опубликовал «Происхождение видов». А химики бывают еще старше, когда проводят важнейшие опыты. Но если физик ничего не совершил к тридцати пяти, уже нет никаких шансов, что он совершил что-либо.

— Но Тед, разве ты не преуспел в своей области?

Тед покачал головой.

— Я не провел ни одного фундаментального исследования. Я анализировал данные, я делал интересные выводы. Но никогда ничего основательного. Эта экспедиция моя последняя возможность совершил что-либо. Чтобы мое имя и вправду... попало в книги.

Теперь Норман по-иному воспринимал энтузиазм и восторженность Теда, как сопротивление неумолимо надвигающейся старости. Заводной, быстро загорающийся Тед цеплялся за свою молодость, не думая о том, что она ушла и ее не вернешь. Это уже не казалось несносным. Это было печально.

— Ну,— сказал Норман,— экспедиция еще не окончилась.

— Да,— внезапно воспрял Тед.— Ты прав. Ты совершенно прав. Еще много необыкновенных открытий ожидает нас. Я просто знаю, что они будут. И они произойдут, это точно.

— Да, Тед,— согласился Норман.— Они произойдут.

Бет

— Черт побери, ничего не работает! — она махнула рукой в сторону лабораторных полок. — Ни один из этих препаратов никуда не годен!

— А что ты пробовала использовать? — мягко спросил Барнс.

Бет перечислила.

— Да ты и сам знаешь. Ни один не годится. Знаешь, мне кажется, что тот, кто оборудовал эту лабораторию, использовал просроченные вещества.

— Нет, — возразил Бранс. — Это атмосфера.

Он объяснил, что в окружающем воздухе всего два процента кислорода, один процент двуокиси углерода, и совсем нет азотистых соединений.

— Течение химических реакций из-за этого непредсказуемо, — пояснил он. — Ты бы заглянула как-нибудь в поваренную книгу Леви. Подобных рецептов ты отроду не видела. Пища имеет нормальный вид, только когда она полностью готова, но готовит она ее совсем не как обычно.

— А лаборатория?

— Лаборатория укомплектовывалась вне расчета на глубоководную среду. Если бы глубина была небольшой, все бы препараты прекрасно работали, даже реакции шли бы быстрее, потому что мы бы дышали обычным, только сжатым воздухом. Но с воздухом, насыщенным гелием, течение реакций непредсказуемо. Но если они не идут, что ж...

— И что прикажешь мне делать? — спросила Бет.

— Лучшее, что ты можешь делать, — ответил Барнс, — это то же, что остальные.

— Ну, вообще-то я могу провести анатомическое препарирование. Для этого есть вполне пригодные инструменты.

— Тогда займись препарированием.

— Хорошо бы только у лаборатории были возможности побольше...

— Придется принимать ее такой, как она есть, — сказал Барнс, — и продолжать работу.

— Лучше выгляните наружу, — сказал появившийся в комнате Тед. — Опять визитеры.

Спруты ушли. Некоторое мгновение Норман ничего не мог различить в воде, лишь поднятая со дна взвесь клубилась в свете прожекторов.

— Посмотри вниз. На дно.

Морское дно ожило. Ожило буквально, шевелящееся, дрожащее, трепещущее — везде, куда дотягивались лучи прожекторов.

— Что это?

— Креветки, — ответила Бет. — Жуткое количество креветок. — И она побежала за сеткой.

— Вот что нам следует попробовать, — заявил Тед. — Я люблю креветок. А они выглядят так аппетитно, чуть меньше раков. Помню, как-то в Португалии мы с женой отведали потрясающих раков...

Но Норман был растерян.

— Что они здесь делают?

— Не знаю. А что вообще делают креветки? Они мигрируют?

— Чёрт бы меня побрал, если я знаю, — сказал Барнс. — Я всегда покупаю их замороженными. Моя жена терпеть не может их чистить.

Норман был все еще растерян, хотя и не сказал бы почему. Он теперь отчетливо видел, что все дно покрыто креветками; они были повсюду. Почему это его так беспокоило?

Норман отошел от окна, решив, что чувство непонятной растерянности пройдет, если он будет смотреть на что-то другое. Но оно не ушло, оно прочно засело в нем — маленькой занозой. И это ощущение ему совсем не нравилось.

Гарри

— Гарри.

— А, да, Норман. Я слышал новости. Куча креветок на дне, правда?

Гарри сидел на своей койке, с распечаткой цифровых рядов на коленях. В руках у него были карандаши и блокнот, страницы которого покрывали вычисления, черточки, стрелки и скобки.

— Гарри, — спросил Норман, — что происходит?

— Разрази меня гром, если я знаю.

— Мне просто хотелось бы знать, откуда здесь, внизу, взялась жизнь — спруты, креветки, — если раньше тут ничего не было. Никогда.

— Ах, это. Я думаю, это-то как раз ясно.

— Да?

— Конечно. Какая разница между тогда и сейчас?

— Ты побывал в сфере.

— Нет, не то. Какая разница во внешней обстановке?

Норман нахмурился. Он не очень понимал, куда клонит Гарри.

— Ну, просто выгляни наружу, — сказал Гарри. — Что там было раньше, чего нет сейчас?

— Решетки?

— Ну да. Решетки и водолазов. И электричества. Думаю, оно-то и разогнало обычную фауну со дна. Это же Южная часть Тихого океана, она кишеть должна всякой живностью.

— И теперь, когда водолазы ушли, животные вернулись?

— Так мне кажется.

— И дело только в этом? — нахмурился Норман.

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? — удивился Гарри. — Спроси Бет, она даст тебе исчерпывающий ответ. Но я знаю, что животные чувствительны к таким раздражителям, которых мы даже не замечаем. Ты же не станешь возражать, что черт знает сколько миллионов вольт проходит по подводному кабелю к решетке длиной в милю. Все это влияет на подводную жизнь.

О чем-то эти аргументы напомнили Норману. Он силялся, силялся что-то вспомнить — и не мог.

— Гарри.

— Да, Норман. Ты кажешься каким-то обеспокоенным. Знаешь, этот заместительный код просто негодяй. Скажу тебе правду — я совсем не уверен, что у меня получится раскусить его. Понимаешь ли, дело в том, что в таком коде для одной буквы должно использоваться два заместителя, просто из-за количества букв в алфавите. Да еще прими во внимание пунктуацию, которая может быть, а может и не быть. Так что когда я вижу двойку, а потом тройку, то я не знаю, то ли это буква три следует за буквой два, то ли это просто буква двадцать три. Куча времени нужна, чтобы проработать все перестановки. Понимаешь, о чем я?

- Гарри.
- Да, Норман.
- Что произошло внутри сферы?
- Так об этом ты беспокоишься?
- С чего ты взял, что я о чем-то беспокоюсь? — спросил Норман.
- По лицу видно, — ответил Гарри.
- Может, и так, — не стал больше возражать Норман. — А вот что касается сферы...
- Знаешь, я много размышлял о сфере.
- И?
- Это так странно. Я совершенно не помню, что там случилось.
- Гарри.
- Я чувствую себя отлично, слава Богу, я чувствую себя все лучше, вернулись силы и прошла эта страшная головная боль... Но раньше я все помнил о сфере, все, что было внутри. Но чем больше проходит времени, тем больше воспоминания стираются. Знаешь, как забывается сон? Ты все помнишь, когда просыпаешься, а через час? Все рассеялось?
- Гарри.
- Я помню, что там было чудесно, великолепно. Какие-то огоньки, перебегающие огоньки. Но и только.
- Как тебе удалось открыть дверь?
- Ах, это. Все казалось ясным в тот момент: помню, что когда я пытался открыть ее, я точно знал, что делать.
- И что ты сделал?
- Я уверен, что я все вспомню.
- Ты не помнишь, как ты открыл дверь?
- Нет. Я только помню внезапное озарение, это правда, что нужно сделать. Но подробностей я не помню. Ну, а почему больше никто не хочет попробовать войти туда? Тед, например?
- Я уверен, что Тед очень хотел бы...
- Только вряд ли ему стоит это делать. Только представь, что начнется, его речи, когда он потом явится сюда. «Я посетил сферу пришельцев», автор Тед Филдинг. Это будет бесконечная история. — И он хихикнул.
- Тед прав, подумал Норман. Гарри определенно перевозбужден. Откуда только взялась эта оживленность, быстрота. Обычный медлительный сарказм Гарри.

ри исчез, уступив место очень открытой, веселой манере общения. Что-то вроде смешливого равнодушия ко всему, непонимание того, что важно, а что нет. Он говорит, что не может раскусить код. Говорит, что не помнит, что произошло внутри сферы, или как он попал туда. И даже не похоже, чтобы это его заботило.

— Гарри, когда ты только что вернулся из сферы, ты казался обеспокоенным.

— Вот как? Кошмарная головная боль, *ее-то* я помню.

— Ты настаивал, что нам следует срочно подняться на поверхность.

— Вот как?

— Да. Почему?

— Бог знает. Я был так измучен.

— Ты говорил еще, что нам опасно здесь оставаться. Гарри улыбнулся.

— Норман, не принимай все это так близко к сердцу. Я не знаю, как я входил и выходил.

— Гарри, нам нужно, чтобы ты все это вспомнил. Если ты вдруг вспомнишь, скажи мне, ладно?

— Ой, ну конечно, Норман. Разумеется. Можешь на меня положиться, я сразу тебе все расскажу.

Лаборатория

— Нет,— сказала Бет.— Все это ерунда. Прежде всего, там, где морским обитателям не приходилось раньше сталкиваться с людьми, они не обращают на них никакого внимания, пока их не начинают убивать. Но водолазы ВМС никого не убивали. Во-вторых, взболтав дно, водолазы должны были обнажить что-то питательное и, напротив, привлечь животных. И в-третьих, многих животных электричество привлекает. Да даже если не брать все это в расчет, креветок и прочих животных электричество сюда не привлекло.

Она изучала креветок под сканирующим микроскопом.

— Ну, а как он?

— Гарри? Не знаю.

— Но с ним все в порядке?

— Я не знаю. Думаю, да.

Не отрываясь от линз микроскопа, она сказала:

— Он рассказал тебе что-нибудь о том, что произошло в сфере?

— Еще нет.

Она покрутила рычажки, затем недоуменно качнула головой:

— Я с ума сойду.

— Что такое?

— Дополнительные пластины в спинном хребте.

— И что это значит?

— Еще один новый вид.

— «Креветус бетус»? — засмеялся Норман. — Твои открытия опережают одно другое, Бет.

— Угу... Я проверила заодно и веерников, потому что мне показалось, что у них необычное радиальное расположение поросли. Они тоже оказались новым видом.

— Грандиозно, Бет.

Она развернулась и взглянула на него:

— Нет. Не грандиозно. Сверхъестественно. — Она включила интенсивный свет и принялась препарировать одну из креветок. — Так я и думала.

— А что такое?

— Норман, — сказала она, — мы не видели признаков жизни здесь, на дне, в течение дней, — и вот внезапно за последние несколько часов мы обнаружили три новых вида? Это ненормально.

— Мы не знаем, что нормально на глубине в тысячу футов.

— Послушай меня. Это ненормально.

— Но, Бет, ты же сама сказала, что мы просто не замечали тех же веерников раньше. Да и креветки и спиры — разве не могут они мигрировать, проходить через эту область и все такое? Барнс говорит, что им никогда не приходилось опускать ученых на эту глубину так надолго. Может, эти миграции — нормальное явление, мы только не знаем об этом.

— Я так не думаю, — возразила Бет. — Когда я выходила, чтобы собрать этих креветок, я почувствовала, что поведение их нетипично. С одной стороны, они слишком близко держались друг к другу. Креветки на дне соблюдают определенную дистанцию по отношению друг к другу, примерно около фута. Эти же словно слиплись. К тому же, они двигались так, как будто собирали корм, но здесь на дне нет никакого корма.

— Никакого, о котором нам было бы известно.

— Ну, эти-то креветки не могут вообще ничем кормиться,— и она показала на препарированное животное.— У них нет желудка.

— Ты что, смеешься?

— Посмотри сам.

Норман глянул, но разрезанная креветка мало о чем могла сказать ему — просто розовая мясистая плоть. Она была разрезана по неровной диагонали. Бет устала, подумал Норман, она уже не может работать эффективно. Мы должны выспаться. Мы должны убраться отсюда.

— Внешний их вид обычный, за исключением дополнительного хвостового плавника,— сказала она.— Но внутри она вся перекрученная. Да эти животные просто нежизнеспособны — ни желудка, ни органов выделения. Это животное похоже на плохую имитацию креветки.

— И все же это живые креветки.

— Да,— согласилась она,— это правда.— Бет выглядела просто несчастной.

— А спрут был вполне нормальным внутри...

— В действительности, нет. Когда я препарировала однофо, я обнаружила, что у него отсутствует несколько жизненно важных структур. У него не было нервного центра.

— Ну...

— И у него нет жабер, Норман. У спрута должна быть длинная жаберная структура, для газообмена. Но ее не было. У этого спрута не было дыхательного аппарата, Норман.

— У него должен был быть такой аппарат.

— Говорю тебе — не было. Мы находим здесь, внизу, невозможных животных. Животных, каких не может быть.

Она отвернулась от яркой лампы, и он заметил, что она чуть не плачет. Руки у нее дрожали, она быстро опустила их на колени.

— Ты очень обеспокоена,— заметил Норман.

— А ты нет? — Она приблизила к нему лицо.— Норман, все это началось, когда Гарри вернулся из сферы, ведь так?

— Кажется, да.

— Гарри вернулся из сферы, и теперь вокруг нас эта невероятная морская жизнь... Мне это не нравится. Хотелось бы мне отсюда поскорее выбраться.

Он обнял ее и мягко произнес:

— Мы не можем отсюда выбраться.

— Знаю,— сказала она, и, тоже обняв его, запла-
кала, уткнувшись ему в плечо.

— Все в порядке...

— Ненавижу себя в такие минуты,— сказала она.—

Просто ненавижу.

— Я понимаю...

— И ненавижу это место. Все здесь ненавижу.

Ненавижу Барнса, и ненавижу Теда с его лекциями, и
ненавижу дурацкие десерты Леви. Не хочу тут больше
оставаться.

— Понимаю...

Она всхлипнула, затем внезапно отстришила его своими
сильными руками, и, отвернувшись, вытерла глаза.

— Все в порядке. Спасибо тебе.

— Все хорошо,— ответил он.

Она все еще стояла к нему спиной.

— Где же этот чертов платок? — она высморка-
лась.— Только ничего не говори остальным...

— Ну разумеется.

Раздался звонок, напугав ее:

— Господи, что еще?

— Думаю, это обед,— просто сказал Норман.

Обед

— Не понимаю, как это можно есть,— кивнул Гарри
на блюдо со спротом.

— Это деликатес,— не согласился Норман.— Фарши-
рованный спрут.— Только оказавшись за столом, он понял,
как он зверски голоден. За едой он почувствовал себя
лучше; в этом было что-то приятно обыденное — сидеть
за столом, с ножом и вилкой в руках. Почти забывалось,
где они находятся.

— Я больше люблю жареных,— сказала Тина.

— Жареные кальмары,— отозвался Барнс.— Отлично.
Мое любимое блюдо.

— Я тоже люблю их жареными,— сказала Эдмундс.
Она и за столом сидела чопорно, очень прямо, и ела
очень аккуратно, и приборы клала правильно, как заметил
Норман.

— А почему эти не поджарены?

— Мы не можем здесь прожаривать пищу,— пояснил Барнс.— Горячее масло забивает воздушные фильтры. Но и тушеное с овощами тоже очень неплохо.

— Ну, не знаю, как насчет спрута, но креветки замечательные,— заявил Тед.— Правда, Гарри? — Тед и Гарри ели креветок.

— Превосходные креветки,— согласился Гарри.— Деликатесные.

— Знаете, кем я себя ощущаю? — сказал Тед.— Я чувствую себя Капитаном Немо. Помните, он жил под водой, питаясь дарами моря?

— «Двадцать тысяч лье под водой»,— вспомнил Барнс.

— Джеймс Мэзон,— сказал Тед.— Помните, как он играл на органе? Ду-ду-ду, да-да-да дааааа да! Бах, Токката и Фуга До минор.

— И Кирк Дуглас.

— Кирк Дуглас был великолепен.

— Помните, как он сражался с гигантским спрутом?

— Это было великолепно.

— Помните, у Кирка Дугласа был топор?

— Да, и он отрубил одно из щупалец спрута.

— Этот фильм,— сказал Гарри,— пугал меня до смерти. Я смотрел его ребенком, и он жутко пугал меня.

— Я не думаю, чтобы он был таким страшным,— удивился Тед.

— Ты был старше.

— Ненамного.

— Нет, ты был старше. Для ребенка это было кошмаром. Наверно, поэтому я и сейчас не очень-то люблю спрутов.

— Ты не любишь спрутов,— сказал Тед,— потому что они отвратительные. И какие-то резиновые.

Барнс сказал:

— Из-за этого фильма я и решил стать моряком.

— Могу себе представить, — кивнул Тед.— Так потрясающе романтично. И чудеса прикладных наук. Кто там играл профессора?

— Профессора?

— Да, помните, там был профессор?

— Как-то смутно. Старый чудак.

— Норман! И ты не помнишь, кто играл профессора?

— Нет, не помню.

Тед спросил подозрительно:

— Ты опять наблюдаешь за нами, Норман?

— Что ты имеешь в виду?

— Анализируешь нас. Как будто мы душевнобольные.

— Да,— улыбнулся Норман.— Ну конечно.

— Ну и как мы тебе?

— Я бы назвал это показательным — группа ученического не может вспомнить, кто играл ученого в их любимом кино.

— Ну, это потому, что Кирк Дуглас играл героя. А ученический не был героем.

— Франко Тоун? — предположил Барнс.— Клод Рейнс?

— Нет, не думаю. Какой-то Фритц?

— Фритц Уэвер?

Они услышали щелчок, сип и затем звуки органа. Токката и Фуга до минор.

— Превосходно,— сказал Тед.— Я и не думал, что здесь есть музыка.

— Целая музыкальная библиотека, Тед,— сказала Эдмундс, возвращаясь к столу.

— Не думаю, чтобы это было подходящим для обеда,— заметил Барнс.

— А мне нравится,— блаженствовал Тед.— Не хватает только салата из морских трав. Его, кажется, всегда подавали к столу капитана Немо?

— Может, что-нибудь полегче? — спросил Барнс.

— Легче, чем морской салат?

— Легче, чем Бах.

— А как называлась подводная лодка?

— «Наутилус»,— ответила Эдмундс.

— Ох, правда. «Наутилус».

— Потом так называли атомную подлодку, которую построили в 1954-м,— добавила Эдмундс. И широко улыбнулась Теду.

— Точно,— сказал Тед.— Точно.

Норман подумал, что судьба посмеялась над Тедом, послав ему такую половину.

Эдмундс подошла к иллюминаторам и восхлинула:

— О, новые визитеры!

— Кто на этот раз? — быстро спросил Гарри.

Испуганно? — подумал Норман. Нет, просто быстро. Заинтересованно.

— Какие *великолепные*, — с чувством произнесла Эдмундс. — Похоже на маленьких медуз. Вокруг всего модуля. Нам необходимо заснять их. Как вы думаете, д-р Филдинг? Следует нам их заснять?

— Я думаю, что сейчас я ем, — немножко резко ответил Тед.

Эдмундс казалась обескураженной. Следовало ожидать, подумал Норман. Она повернулась, чтобы выйти, остальные взглянули в иллюминатор. Но все продолжали оставаться за столом.

— Вы когда-нибудь ели медуз? — спросил Тед.

— Некоторые из них ядовиты, — отозвалась Бет. — Яд у них в щупальцах.

— А китайцы не едят медуз? — поинтересовался Гарри.

— Да, — ответила Тина. — Из них варят суп. Моя бабушка варила такой в Гонолулу.

— А вы из Гонолулу?

— Для еды лучше Моцарт, — заговорил Барнс. — Или Бетховен. Что-то струнное. Органная музыка слишком мрачная.

— Драматичная, — поправил Тед, дирижируя в такт музыке, имитируя телодвижения Джеймса Мэзона.

— Мрачная, — повторил Барнс.

Щелкнул динамик.

— О, видели бы вы это, — произнесла Эдмундс. — Это *великолепно*.

— Где она?

— Должно быть, снаружи, — сказал Барнс, подходя к иллюминатору.

— Словно идет розовый снег, — уточнила Эдмундс.

Все выскочили из-за стола и принули к иллюминаторам.

Эдмундс в самом деле была снаружи, вооруженная видеокамерой. Они едва могли разглядеть ее через густые облака медуз. Медузы были маленькие, величиной с наперсток, и нежно-розовые. Они и правда напоминали идущий снег. Некоторые проплывали совсем рядом с иллюминатором, хорошо видные.

— У них нет щупальцев, — сказал Гарри. — Они похожи на маленькие шевелящиеся мешочки.

— Так они передвигаются, — пояснила Бет. — Мускульное сокращение, преодолевающее сопротивление воды.

— Как спрут,— заметил Тед.
— Не совсем, но в общих чертах — да.
— Они липкие,— сказала Эдмундс,— они прилипают к моему костюму.
— Этот розовый цвет необыкновенен,— произнес Тед.— Как снег на закате.
— Весьма поэтично.
— Мне так подумалось.
— Сколько угодно.
— Они прилипают и к стеклу на шлеме,— сообщила Эдмундс.— Пытаюсь их отшвырнуть. Они оставляют грязные полосы...

Она внезапно замолчала, но они хорошо слышали ее дыхание.

— Кто-нибудь ее видит? — спросил Тед.
— Очень плохо. Она там, слева.
Эдмундс произнесла через динамик:
— Они, кажется, теплые. Я чувствую, что мои руки и ноги печет.
— Мне это не нравится,— сказал Барнс и повернулся к Тине.— Передай ей, чтобы немедленно возвращалась.

Тина выскочила из цилиндра, бросившись к узлу связи.
Норман уже еле мог видеть Эдмундс. Он различал только темный силуэт, отчаянно размахивающий руками.

Через наушники Эдмундс говорила:
— Грязь на защитном стекле... они не уходят...
похоже, они разрушают пластик... а мои руки... материя...
Голос Тины произнес:
— Джейн. Джейн, уходи оттуда.

— Немедленно! — закричал Барнс.— Скажи, чтобы уходила немедленно!

Эдмундс дышала неровными толчками:
— Грязь... плохая видимость... Я чувствую... больно... мои руки горят... больно... они вгрызаются через...
— Джейн. Возвращайся. Джейн. Ты слышишь? Джейн.

— Она упала,— сказал Гарри.— Посмотрите, она лежит...

— Мы должны спасти ее,— заявил Тед, хватая костюм.

— *Никому не двигаться*,— приказал Барнс.

— Но она...

— *Никто не выйдет отсюда, мистер.*

Эдмундс дышала очень быстро, потом закашлялась, задохнулась.

Эдмундс застонала. Продолжительные, тоненькие стоны перемежались толчками вдохов и выдохов. Они уже не могли видеть ее в тучах медуз. Они смотрели друг на друга, на Барнса. Лицо у Барнса посуворело, он напряженно вслушивался в звуки, долетающие из динамика.

И вдруг наступила тишина.

Следующие послания

Час спустя медузы исчезли столь же неожиданно, как и появились. Они видели тело Эдмундс, лежащее на дне, тихо колеблемое течением. На ее костюме были дырочки с зазубренными краями.

Через иллюминатор они наблюдали, как Барнс и старший офицер Элис Флетчер шли по дну в резком свете прожекторов, таща за собой контейнер с воздухом. Они подняли тело Эдмундс, ее голова в шлеме безвольно откинулась назад, демонстрируя грязно-серое защитное стекло.

Никто не мог говорить. Норман заметил, что только Гарри вернулся в свой привычный образ и сидел не двигаясь, глядя в окно.

Снаружи Барнс и Флетчер держали тело Эдмундс. Внезапно заклубились серебристые пузыри, быстро поднимаясь к поверхности.

— Что они делают?

— Надувают ее костюм.

— Зачем? Разве они принесут ее сюда? — спросил Тед.

— Это невозможно, — сказала Тина. — Ее нечего положить здесь. Продукты разложения отправят воздух.

— Но должен же здесь быть какой-нибудь специальный контейнер с изоляцией...

— Здесь нет, — отрезала Тина. — Здесь нет хранилища для органических отходов и останков.

— Ты хочешь сказать, они не предусматривали, что кто-то может погибнуть.

— Верно, это не предусматривалось.

Теперь множество струек пузырьков поднималось сквозь прорези в костюме к поверхности. Костюм Эдмундс пух, раздувался.

Барнс отпустил его, и он поплыл прочь, как будто увлекаемый к поверхности струями пузырьков.

— Оно поднимется на поверхность?

— Да. Газ будет все время нарастать с уменьшением давления.

— А что потом?

— Акулы, — сказала Бет. — По всей вероятности.

Через несколько мгновений тело исчезло в темноте, уже не освещаемое огнями. Барнс и Флетчер еще могли его видеть и стояли, подняв головы в шлемах вверх. Флетчер перекрестила исчезавшее тело. Затем они побрали к модулю.

Где-то внутри прозвенел звонок. Тина пошла в цилиндр D, а минуту спустя крикнула:

— Д-р Адамс! Новые цифры!

Гарри встал и отправился в соседний цилиндр, остальные последовали за ним. Никто не хотел больше смотреть в иллюминатор.

Норман рассматривал экран, совершенно озадаченный.

Но Гарри потирал руки с видимым удовольствием.

— Превосходно, — говорил он, — это нам очень поможет.

— Разве?

— Ну конечно. Это дает мне шанс.

— Расшифровать код?

— Да, разумеется.

— Как?

— Помните первый набор цифр? Это тот же самый набор.

— Разве?

— Ну конечно, — ответил Гарри. — Только сейчас они сдвоены.

— Сдвоены, — повторил Тед и подмигнул Норману. — Не говорил ли тебе я, как важна сдвоенность?

— Что действительно важно, — перебил Гарри, — это то, что устанавливается связь отдельных букв с первым цифровым набором.

— Вот копия первого набора, — Тина протянула ему листок.

— Отлично, — сказал Гарри. — Теперь посмотрим еще раз. Посмотрите на это слово: ноль-ноль-ноль-три-два-один и так далее. Вопрос в том, как перевести цифровые сочетания в отдельные буквы? Я не мог решить, но теперь я знаю.

— Как?

— Ну, очевидно, порядок такой — три, двадцать один, двадцать пять, двадцать пять...

Норман все равно ничего не понимал:

— Но откуда ты это знаешь?

— Да смотри, — нетерпеливо сказал Гарри. — Это же так просто, Норман. Это спираль, которую нужно читать изнутри. Она просто представляет нам числа в...

Внезапно экран заполнили новые цифры.

— Ну вот, теперь тебе понятнее?

Норман нахмурился.

— Посмотри, это то же самое. Видишь? Теперь центр снаружи. Ноль-ноль-ноль-три-двадцать-один-двадцать-пять... Теперь спираль закручена снаружи вовнутрь.

— Вот как?

— Может быть, он просит прощение за то, что случилось с Эдмундс.

— Почему ты так говоришь? — спросил Норман, глядя на Гарри с любопытством.

— Потому что оно явно очень старается выйти с нами на связь, — пояснил Гарри. — Оно опробует разные способы.

— Но кто это оно?

— Оно, — сказал Гарри, — не может быть кем.

Экран очистился, затем изображение снова переменилось.

Теперь группы цифр располагались по спирали.

— Хорошо, — сказал Гарри. — Просто замечательно.

— Откуда они исходят?

— Очевидно, что из корабля.

— Но у нас нет связи с кораблем. Как ему удается включать наш компьютер и печатать на нем?

— Мы не знаем.

— Ну, а не следует ли нам это узнать? — спросила Бет.

— Нет необходимости, — ответил Тед.

— А не следует нам хотя бы попытаться узнать?

— Нет необходимости. Видишь ли, если у них настолько развитая технология, она в любом случае покажется таинственной наивному наблюдателю, это несомненно. Например, возьми любого мыслителя прошлого — Аристотеля, Леонардо да Винчи или Исаака Ньютона — и покажи им обычновенный цветной телевизор. Он же завопит, что это ведьминское колдовство.

Он просто этого не сможет понять. Но суть в том,— продолжал он,— что ты и не сможешь ему этого объяснить. Или тебе придется нелегко. Даже Исаак Ньютона будет не в состоянии понять, что такое телевизор, пока пару лет не поштудирует современную физику. Ему придется изучить все, что лежит в основе телевещания: электромагнетизм, физику волн и элементарных частиц. Все это будут для него новые открытия, новое представление о природе. Да и тогда телевидение будет казаться ему колдовством. А для нас это заурядное явление. Это просто телевизор.

— Хочешь сказать, что мы похожи на Ньютона?

Тед пожал плечами:

— Мы получили сообщение и мы не знаем, как оно получено.

— И мы даже не способны попробовать понять это.

— Думаю, что нам следует смириться с возможностью,— сказал Тед,— что нам никогда не удастся понять это.

Норман отметил, с какой страстью они ударились в дискуссию, словно стараясь забыть трагедию, свидетелями которой они только что были. Они интеллектуалы, думал Норман, и их первая защитная реакция — интеллектуальный труд. Беседы. Идеи. Абстракции. Концепции. Просто способ отвлечься от чувства грусти и страха, прибегнуть к самообману. Норман понимал этот маневр — ему самому хотелось избавиться от тех же ощущений.

Гарри, нахмурясь, изучал спираль на экране.

— Мы можем не понимать как, но очевидно, что это, зачем это делается. Попытка установить контакт путем разных передач. Дело в том, что ему кажется, что спираль более значима. Может, оно полагает, что мы мыслим спиралью. Или пишем спиралью.

— Верно,— согласилась Бет.— Кто знает, что мы на самом деле за тонкие существа?

— Если оно пытается связаться с нами,— спросил Тед,— почему мы не можем попытаться связаться с ним?

Гарри сцепил пальцы:

— Неплохая мысль! — Он подошел к клавиатуре.

— Самый очевидный первый шаг — послать назад полученное сообщение,— сказал он.— Начнем с первой группы сдвоенных нулей.

— Хочу разъяснить,— заявил Тед,— что предложение

попытка обратной связи с пришельцем исходило от меня.

— Ну понятно,— сказал Барнс.

— Гарри? — спросил Тед.

— Да, Тед. Не волнуйся, это твоя идея.

Сидя за клавиатурой, Гарри отпечатал несколько цифр.

Цифры появились на экране. Наступила пауза. Они слушали гул вентиляторов, отдаленные удары дизельного генератора. Все смотрели на экран.

Но ничего не происходило.

Экран оставался чистым, а потом вдруг на нем возникли цифры.

Норман почувствовал, как волосы у него на голове становятся дыбом.

На экране появился всего-навсего ряд цифр, но его мороз продрал по коже. Стоящая позади него Тина задрожала:

— Он отвечает нам.

— Неправдоподобно,— проронил Тед.

— Сейчас попробую вторую группу,— сказал Гарри. Он казался спокойным, но его пальцы соскальзывали на клавиатуре и делали ошибки. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог что-либо напечатать.

Немедленно последовал ответ.

— Ну,— сказал Гарри,— похоже, что линия связи открыта.

— Да,— отозвалась Бет,— плохо только, что мы не понимаем, что говорим друг другу.

— Надо думать, оно-то знает, что говорит,— предположил Тед.— Но мы пребываем во мраке.

— Может быть, нам удастся заставить его объясниться.

Бранс нетерпеливо спросил:

— Что это за оно, которое вы постоянно упоминаете?

Гарри вздохнул и поправил очки на переносице.

— Я думаю, тут нет никаких сомнений. Оно,— произнес он,— это то, что было прежде в сфере, а теперь освободилось и может свободно действовать. Вот что оно такое.

ЧУДОВИЩЕ

Тревога

Норман проснулся от пронзительного воя сирены и мигания красных огней. Он вскочил с койки, натянул непроницаемые сапоги и куртку с подогревом и выбежал в дверь, столкнувшись на пороге с Бет. Тревога звала по всему модулю.

— Что происходит? — закричал он сквозь рев.

— Не знаю!

Лицо у нее было бледным и испуганным. Отпихнув ее, он бросился в цилиндр В. Там, среди труб и кронштейнов, мигала надпись: «АВАРИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ». Он поискал Крошку Флетчер, но здоровенной инженерши не было видно.

Он кинулся назад в цилиндр С, вновь наткнувшись на Бет.

— Что-то узнал? — прокричала Бет.

— Система жизнеобеспечения! Где Флетчер? Где Барнс?

— Не знаю! Я их не нашла!

— В цилиндре В никого нет! — прокричал он и понесся в цилиндр Д. Тина и Флетчер были там, разбирая блок питания. Задние панели были сняты, обнажив провода и микросхемы. Лампы освещения были красными.

На всех экранах полыхали надписи: «АВАРИЯ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ»

— Что происходит? — крикнул Норман.

Флетчер нетерпеливо отмахнулась.

— Да скажите же!

Он обернулся и увидел Гарри, неподвижно сидяще-

го с карандашом и блокнотом в углу, где располагался видеоотсек Эдмундс. Красные блики освещали его лицо, но он, казалось, вовсе не слышал сирен.

— Гарри!

Но Гарри не отвечал, и Норман вновь обернулся к женщинам:

— Ради Бога, что случилось? — прокричал он.

И вдруг сирены смолкли, и установившаяся тишина была похожа на райскую музыку.

— Извините за это, — сказала Тина.

— Ложная тревога, — добавила Флетчер.

— Господи Боже, — произнес Норман, падая в кресло. Он тяжело вздохнул.

— Вы спали?

Он кивнул.

— Извините. Это сработало самопроизвольно.

— Мой Боже.

— Если это опять случится, можете сразу проверить ваш значок, — посоветовала Флетчер, указывая на значок у себя на груди. — Это первое, что надо сделать. Видите, сейчас значки в полном порядке.

— Господи Боже.

— Спокойно, Норман, — сказал Гарри. — Когда психиатры начинают сходить с ума, это дурной знак.

— Я психолог.

— Неважно.

Тина сказала:

— Наша компьютерная тревога имеет множество периферийных центров, д-р Джонсон. Иногда они срабатывают самопроизвольно. Но ничего страшного в этом нет.

Норман кивнул и отправился в цилиндр Е в кают-компанию. Леви приготовила клубничный торт к ланчу, но из-за происшествия с Эдмундс к нему никто не притронулся. Норман был уверен, что торт все еще там, и, не обнаружив его, был страшно разочарован. Резким ударом он распахнул двери в кухню, пнул ногой дверь рефрижератора.

Спокойно, сказал он себе. Это была просто ложная тревога.

Но он никак не мог побороть ощущения, что он сжат в этой переполненной металлом ловушке, а вне его происходят странные вещи. Но самым худшим моментом было совещание, устроенное Барнсом после того, как он отправил тело Эдмундса на поверхность.

Барнс решил, что настало самое время для произнесения небольшой речи. Для маленькой ободрительной беседы.

— Я знаю, что вы удручены случившимся с Эдмундс,— сказал Барнс,— но случившееся — это всего лишь несчастный случай. Возможно, она допустила роковую ошибку, попав в окружение медуз. Может быть, нет. Суть в том, что несчастный случай произошел в сложных обстоятельствах, а морское дно — это особенно сложная среда, которая не прощает ошибок.

Слушая, Норман подумал: он составляет свой рапорт. Стремится оправдаться.

— И теперь,— продолжал Барнс,— я убедительно прошу вас всех сохранять спокойствие. Уже шестнадцать часов, как шторм свирепствует наверху. Мы только что послали наверх сенсорный аэростат. Но прежде, чем стала поступать информация, кабель оборвался, а это скорее всего значит, что волны достигают тридцатифутовой высоты и шторм еще в полной силе. Спутники прогнозируют, что шторм продлится еще около шестидесяти часов, то есть нам предстоит пробыть здесь, внизу, на два дня больше. Ничего поделать с этим мы не можем, мы можем только сохранять спокойствие. Не забывайте, что даже когда вы подниметесь наверх, вы не сможете за-просто открыть люк и начать дышать. Вам придется провести еще четыре дня в декомпрессорной барокамере на поверхности.

Норман впервые слышал о декомпрессоре на поверхности. Даже если они покинут эти железные тиски, им придется сидеть в других еще добрых четыре дня?

— Думаю, вы знаете, что существуют особые правила нахождения в условиях подводной глубины. Оставаться здесь вы можете сколько вам угодно, но вам необходимо будет пройти четырехдневный декомпрессинг по возвращении на поверхность. И поверьте мне, этот модуль куда приятнее, чем декомпрессорная барокамера. Так что наслаждайтесь, если можете.

Наслаждайтесь, если можете, подумал Норман. Господи Боже. Тут только клубничный торт поможет. Куда подевалась Леви?

Он вернулся в цилиндр D.

— Где Леви?

— Помилуй,— отозвалась Тина.— Да где-нибудь здесь — спит, должно быть.

— Никто не сможет спать при тревоге,— возразил Норман.

— Посмотри в кают-компании.

— Уже посмотрел. А где Барнс?

— Он вернулся на корабль вместе с Тедом. Они устанавливают больше сенсоров вокруг сферы.

— Я говорил им, что это трата времени,— заметил Гарри.

— Так никто не знает, где Леви? — спросил Норман.

Флетчер наконец приладила назад панели компьютера.

— Профессор,— сказала она.— Вы что, из тех людей, которые вечно всех выслеживают?

— Нет,— сказал Норман.— Конечно же, нет.

— Тогда что за дело вам до Леви?

— Я только хотел узнать, куда подевался клубничный торт.

— Пропавшее дело,— отозвалась Флетчер.— Мы с капитаном вернулись, отдав последний долг, сели и съели весь торт целиком, вот так.— И она кивнула головой.

— Может быть, Роза приготовит еще,— утешил Гарри.

Норман обнаружил Бет в ее лаборатории, наверху цилиндра D. Он пришел как раз в то время, когда она принимала таблетку.

— Что это?

— Валиум. Черт.

— Где ты его взяла?

— Слушай,— сказала она,— только психологических бесед мне и не хватало...

— ...Я просто спросил.

Бет показала на белый ящик на двери в углу лаборатории.

— В каждом цилиндре есть аптечка. К тому же полностью укомплектованная.

Норман подошел к ящичку, заглянул внутрь. Там были аккуратные отделения, где лежали лекарства, шприцы, бинты. Бет оказалась права, аптечка была полностью укомплектована — антибиотики, снотворное, успокоительные, даже средства хирургической анестезии. Не все названия на этикетках были ему знакомы, но наркотические вещества были сильными.

— Хоть в войне участвуй с таким набором.

— Ну да. Это же ВМС.

— Тут есть абсолютно все для проведения полной анестезии:— Норман заметил внутри ящика карточку с над-

писью «КОД МЕДПОМОЩИ 103». — Знаешь, что это?

— Это код для компьютера, — кивнула она, — я им уже воспользовалась.

— И?

— Новости, — сказала она, — неутешительны.

— Точно? — Он сел за терминал в ее комнате, набрал 103. На экране появилось:

УСЛОВИЯ ГЛУБОКОВОДНОГО ПОГРУЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ (ОСОБОЙ ТЯЖЕСТИ)

- 1.01 Легочная эмболия
- 1.02 Нервный синдром высокого давления
- 1.03 Антисептический костный некроз
- 1.04 Кислородное отравление
- 1.05 Термальный стресс
- 1.06 Рассеянные неизвестные инфекции
- 1.07 Церебральные поражения

Выберите одно:

— Не выбирай, — отсоветовала Бет. — Читать про детали — только расстраиваться. Остановись на этом: мы в чрезвычайно опасных условиях. Барис и не подумал сообщить нам о всех деталях кровопролития. Знаешь, почему по правилам ВМС их люди остаются под водой не больше семидесяти двух часов? Потому что после семидесяти двух часов повышается риск подхватить что-то вроде «костного некроза». Никто не знает почему, но пребывание в разряженной обстановке вызывает костное разрушение в конечностях. А ты знаешь, почему этот модуль все время саморегулируется, когда мы проходим по нему? Вовсе не из-за высокой технологии. А из-за того, что атмосфера, насыщенная гелием, очень ослабляет теплообмен. Очень скоро можно перегреться, но и так же быстро — переохладиться. К несчастью, так. Это может случиться так быстро, что и не почувствуешь, как помрешь. А «нервный синдром высокого давления» — это, наверное, конвульсии, паралич и смерть, в случае если содержание двуокиси углекислого газа станет слишком низким. Вот для чего нужны значки, чтобы убедиться, что содержание CO_2 в воздухе достаточное. Вот единственная причина, зачем нам нужны эти значки. Мило, правда?

Норман выключил экран, сел.

— Собственно, и я прихожу к тому же заключению — мы сейчас ничего не можем с этим поделать.

— Ты говоришь то же самое, что и Барнс, — Бет начала нервно перебирать вещи на столе, переставлять оборудование.

— Плохо то, что у нас нет образчика этих медуз, — сказал Норман.

— Да, но я не уверена, что из этого бы получилось что-то путное, честно говоря, — нахмутившись, она вновь принялась перекладывать бумаги, — Норман, я здесь, внизу, что-то совсем не соображаю.

— А что такое?

— После этого — ох — несчастного случая я пришла сюда просмотреть свои записи, кое-что уточнить. И я проверила этих креветок. Помнишь, я говорила тебе, что у них нет никакого желудка? Но он был у них. Я плохо проанатомировала их, рассекала не в тех проекциях и пропустила все центральные структуры. Но они там, где им и надлежит быть, креветки нормальные. А спрут? Обнаружилось, что один из препарированных мною спротов был слегка аномальным. У него были немного атрофированы жабры, но все же они были. Остальные спруты были вполне нормальными. Те же, что и всегда. Я не-простительно ошиблась, и это меня действительно беспокоит.

— И поэтому ты приняла валиум?

Она кивнула:

— Терпеть не могу неряшливости.

— Никто не осуждает тебя.

— Если Гарри и Тед просмотрят мою работу и увидят, что я допустила эти дурацкие ошибки...

— Что такого ужасного в ошибке?

— Прямо слышу их: так похоже на женщину, лишенную тщательности, слишком жаждущую сделать открытие, желающую доказать свою правоту, слишком поспешную в выводах... Так похоже на женщину.

— Никто тебя не осуждает, Бет.

— Я сама.

— Но больше никто, — сказал Норман. — Я думаю, ты должны сделать перерыв.

Она разглядывала лабораторные стеллажи. Наконец она сказала:

— Я не могу.

Что-то в том, как она произнесла это, тронуло его.

— Я понимаю,— произнес он.— Знаешь, когда я был ребенком, я раз пошел на пляж с моим младшим братом Тимом. Он давно умер, а тогда ему было шесть лет. Он еще не умел плавать. Мать приказала мне присматривать за ним получше, но когда я пришел туда, все мои друзья уже были на пляже, купаясь в прибоем. Мне не хотелось заниматься с младшим братом, но отвязаться от него было нелегко, потому что мне непременно хотелось покачаться на большой волне, а он стоял слишком близко на берегу. Как бы там ни было, где-то в полдень он выскочил с дикими криками из воды, весь в крови, совершенно с дикими криками. Оказалось, что его обожгла какая-то медуза. Она напала на него, прижавшись к его боку. Потом он лежал, сжавшись, на берегу. Одна из мамаш схватила Тимми и помчалась в больницу, потому что я не мог даже выйти из воды. Я не знал, куда они направились, я попал в эту больницу позже. Мама была уже там. Тим был в шоке; думаю, что для такого маленького тельца доза яда была слишком велика. Никто не проклинал меня. Ведь даже если бы я сидел рядом на берегу, наблюдая за ним как ястреб за цыпленком, это бы ничего не изменило, его все равно ужалило бы. Но я не сидел рядом, и я проклинал себя долгие годы, долгое время после того, как он поправился. Всякий раз, когда я видел эти шрамы у него на боку, я чувствовал страшную вину. Но это пройдет. Ты не можешь быть в ответе за все, что происходит в мире. Просто не можешь.

Стало тихо. Где-то в модуле он услышал ритмическое постукивание, что-то вроде наносимых извне ударов. И обычный гул вентиляторов.

Бет взгляделась в него:

— Тебе, наверное, тяжело было видеть смерть Эдмундса.

— Смешно,— сказал Норман.— Я не находил никакой связи, вот до этого момента.

— Забудь об этом. Хочешь валиума?

Он улыбнулся: — Нет.

— Такое впечатление, что ты сейчас заплачешь.

— Нет, все нормально.— Он встал, потянулся, потом прошел в Медицинский отсек и закрыл аптечку.

— А что ты скажешь о тех посланиях, которые мы получили?

— Убей меня,— пожал плечами Норман. Он вернулся и снова сел.— На самом деле у меня есть одна

безумная мысль. Ты не думаешь, что эти послания могут идти от этих животных, с которыми мы имеем дело?

— Почему?

— Да я и сам не думал об этом, пока мы не стали получать спиралевидные послания. Гарри сказал, что это нечто — знаменитое «это», — полагает, что мы думаем спиральями. Но это значит, что «это» само мыслит спиральями и поэтому предполагает, что и мы тоже. Сфера ведь круглая, не так ли? И мы наблюдаем всех этих животных с их лучевой симметрией: медузы, спруты...

— Идея ничего, — согласилась Бет, — за исключением того, что спруты не имеют лучевой симметрии. Октопии — те да. Да, как и у октопий, у спрута круговое расположение щупальцев, но симметрия у них двусторонняя, они, как и мы, имеют правую и левую стороны. Да к тому же еще есть креветки.

— Ах да, креветки. — Норман совершенно забыл о них.

— Я не вижу связи между сферой и животными, — сказала Бет.

Они снова услышали глухие удары, наносимые ритмически. Сидя в кресле, Норман ощущал эти удары как слабые толчки.

— Да что же это?

— Не знаю, но похоже, что они все же идут снаружи.

Он взгляделся в иллюминатор, но тут щелкнул динамик и голос Барнса произнес: «Внимание, слушайте все, все на связь. Все на связь. Д-р Адамс прочитал шифр».

Гарри не рассказал им сразу же содержание послания. Наслаждаясь триумфом, он настоял на том, чтобы всем вместе пройти процесс дешифровки, шаг за шагом. Сначала, объяснял он, ему казалось, что в послании должна быть зашифрована какая-то константная величина или физический закон, в качестве способа наладить общение. «Но, — сказал Гарри, — это могло быть и зашифрованным графическим изображением, что предполагало множество проблем. В конце концов, что такое картина? Мы рисуем картины на ровной плоскости, вроде листа бумаги. Мы определяем местоположение на ней с помощью так называемых координат X и Y, вертикальной и горизонтальной. Но иной интеллект может воспринимать образы и передавать их совершенно по-иному. Он может допускать боль-

ше, чем три измерения. Или изображение может выходить из центра картины наружу. Поэтому код может оказаться слишком сложным. И поначалу я мало продвинулся».

Позже, когда он получил другое сообщение с точками между цифровыми промежутками, Гарри начал подозревать, что код представляет собой отдельные куски информации — и скорее слова, а не картину. «Ну, а словесные коды подразделяются на несколько типов, от простейших до сложных. Никак нельзя было тотчас угадать, каким методом декодирования следует воспользоваться. Но затем на меня снизошло озарение».

Они нетерпеливо ждали, что же это было за озарение.

— Зачем вообще нужен код?

— Зачем нужен код? — повторил Норман.

— Ну да. Если вы пытаетесь установить с кем-то контакт, вам не нужно прибегать к коду. Код — это способ скрыть информацию. Значит, этот интеллект скорее всего полагает, что он общается прямо, но совершает что-то вроде логической ошибки при общении с нами. Он создает код непреднамеренно. Это предполагает, что этот непреднамеренный код был, вероятно, кодом-заместителем, с цифрами вместо букв. Когда я решил это, я попытался попробовать и подставлять буквы вместо цифр по частотному признаку. По частотному признаку вы раскрываете код, используя тот факт, что в английском самая употребительная буква «е», следующая «т» и так далее. По тому же признаку частотности я подбирал и цифры. Но тут меня остановил тот факт, что даже короткое сочетание цифр вроде 232 представляет массу возможностей; оно может означать два, три и два; двадцать три и два; два и тридцать два, или двести тридцать два. Чем длиннее цифровое сочетание, тем больше возможностей.

А потом, рассказывал Гарри, он сидел за компьютером, думая о спиралевидных посланиях, и нечаянно взглянул на клавиатуру. «Я начал размышлять, как бы удивила иной интеллект наша клавиатура — эти ряды символов, на которые нужно нажимать. Каким чудным бы это показалось другому типу сознания! Глядите сюда, — сказал он. — Вот как расположены буквы на клавиатуре». Он повернулся к ним свой блокнот и показал стандартную раскладку клавиатуры.

— А потом я вообразил себе, как бы выглядела клавиатура в виде спирали, если бы наше сознание предпочитало спираль. И я стал переводить ряды в концентрические круги. Пришлось немного повозиться, потому что ряды не лежат точно один под другим, но наконец у меня получилось,— сказал он.— Посмотрите: цифровые спирали выходят из центра. П — это один, И — это два, Р — это три, Н — это четыре, и так далее. Ясно? Это выглядит вот так.— И он начал быстро писать карандашом номера.

— Они располагаются по расходящейся спирали — Б — это шестнадцать, Л — семнадцать, и так далее. Вот наконец я и прочел послание.

— Но что в послании, Гарри?

Гарри колебался:

— Я должен предупредить вас. Оно странное.

— Что ты имеешь в виду — странное?

Гарри вырвал еще один листок из своего желтого блокнота и протянул им. Норман прочитал короткое послание, записанное ровными печатными буквами:

ПРИВЕТ. КАК ДЕЛА? У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ.
КАК ТЕБЯ ЗОВУТ? МЕНЯ ЗОВУТ ДЖЕРРИ.

Первый обмен

— Ну,— сказал наконец Тед.— Вот уж чего я *совсем* не ожидал.

— Как по-детски,— отозвалась Бет.— Ну точно как в старых детских книжках.

— Действительно, очень похоже.

— Может быть, ты неправильно перевел? — предположил Барнс.

— Уж конечно нет,— возразил Гарри.

— Ну тогда этот пришелец просто идиот,— сказал Барнс.

— Очень сомневаюсь в этом,— возразил Тед.

— Тебе придется начать сомневаться,— сказал Барнс.— Этот тупой пришелец разрушит все твои теории. Но с этим придется считаться, не так ли? Тупой пришелец. Что ж, и такие у них должны быть.

— Сомневаюсь,— продолжал Тед,— чтобы кто-то из

тех, кто может управлять такой совершеннейшей техникой, был тупым.

— Тогда тебе придется в этом убедиться,— сказал Барнс.— Ничего себе, после всех этих усилий: «Как дела? У меня отлично». Боже.

Норман подтвердил:

— Мне тоже кажется, Гэл, что в этом послании немного интеллекта.

— Напротив,— возразил Гарри,— я нахожу это послание весьма тонким.

— Готов тебя выслушать,— сказал Барнс.

— Содержание безусловно выглядит ребячливым,— начал Гарри.— Но если подумать, оно представляется весьма логичным. Подобное простое послание недвусмысленно, доброжелательное, а не пугающее. Очень разумно послать именно такое послание. Думаю, что он обращается к нам тем простейшим способом, каким мы могли бы обратиться к собаке. Вы знаете, как надо протянуть руку, чтобы пес, пофыркивая, признал вас.

— Хочешь сказать, что он относится к нам, как к собакам? — спросил Барнс.

Норман подумал: Барнс теряет голову. Он раздражен, потому что он боится; ему явно не по себе. Или, возможно, ему кажется, что он теряет свой авторитет.

— Нет, Гэл,— пояснил Тед.— Он просто начинает с простейшего уровня.

— С простейшего, это точно,— сказал Барнс.— Господи Боже, мы общаемся с пришельцем из космоса, а он заявляет, что его зовут *Джерри*.

— Только не торопись с выводами, Гэл.

— Может быть, у него есть и другое имя? — с надеждой спросил Барнс.— То есть, что же, я должен отправить рапорт командованию, где будет сказано, что один из членов глубоководной экспедиции погиб при встрече с пришельцем по имени *Джерри*? Оно должно звучать лучше. Что угодно, только не *Джерри*, — сказал Барнс.— Может быть, спросим его?

— Что спросим? — поинтересовался Гарри.

— Его полное имя.

— Лично я считаю,— возразил Тед,— что наши переговоры должны быть более содергательными...

— ...Мне нужно полное имя,— стоял на своем Барнс,— для рапорта.

— Отлично,— сказал Тед.— Полное имя, чин и звание.

— Должен напомнить вам, д-р Филдинг, что я здесь старший.

Гарри перебил их:

— Первое, что мы должны сделать — это выяснить, способен ли он вообще разговаривать. Давайте предложим ему первую группу цифр. — И он отпечатал их.

После паузы то же самое последовало в ответ.

— О'кей, — сказал Гарри. — Джерри слушает.

Он сделал пометки в своем блокноте и напечатал следующий набор цифр.

— Что ты сказал? — спросила Бет.

— Что мы друзья, — ответил Гарри.

— Забудь о друзьях. Узнай его проклятое имя, — приказал Барнс.

— Минутку. Не все сразу.

Тед сказал:

— Знаешь ли, у него может и не быть другого имени.

— Неужели ты не понимаешь, — оборвал его Барнс, — что его настоящее имя не может быть Джерри.

Последовал ответ.

— Он говорит — «да».

— Да что? — спросил Барнс.

— Просто «да». Давайте попробуем заставить его говорить по-английски. Это будет проще, если он будет использовать буквы, а не свои цифровые шифры.

— Как ты собираешься заставить его использовать буквы?

— Покажем ему, что это то же самое, — отозвался Гарри.

Он напечатал:

ПРИВЕТ

После короткой паузы экран замерцал:

ПРИВЕТ

— Он не понял, — сказал Тед.

— Да, похоже. Попробуем другое сочетание.

Он напечатал:

ДА

Ответ был тем же:

ДА

— Нет, определенно не понимает, — сказал Тед.

— Я так и думал, что он болван, — заметил Барнс.

— Дай ему шанс, — отозвался Тед. — В конце концов, он же говорит на нашем языке, а не наоборот.

— Наоборот, — повторил Гарри. — Прекрасная мысль.

Давайте попробуем наоборот, посмотрим, сможет ли он решить это уравнение.

Гарри напечатал:

ДА. АД.

Последовала долгая пауза, пока они смотрели на экран. Ничего не происходило.

— Он думает?

— Кто знает, что он делает?

— Почему он не отвечает?

— Дай ему шанс, Гэл, ладно?

Наконец последовал ответ:

ДА. АД.

— Гм. Он думает, что мы демонстрируем ему зеркальные отражения.

— Дурак, — отрезал Барнс. — Я знал это.

— Что же нам теперь делать?

— Давайте попробуем предложить более полное утверждение, — сказал Гарри. — Дадим ему с чем поработать.

Гарри напечатал:

ДА. = ДА.

— Силлогизм, — догадался Тед. — Здорово.

— Что? — переспросил Барнс.

— Логическая задача, — пояснил Тед.

Последовал ответ: , = ,

— Кой дьявол это значит? — спросил Барнс.

Гарри улыбнулся:

— Я так и знал, что он играет с нами.

— Играет? Ты называешь это игрой?

— Ну да, — сказал Гарри.

— Не думаешь ли ты, что он проверяет нас — проверяет нашу реакцию? — Барнс сощурился. — Он только прикидывается, что он тупой.

— Может быть, он проверяет, не дураки ли мы, — ответил Тед. — Может быть, он думает, что это мы тупые.

— Не смеши меня, — отозвался Барнс.

— Нет, — заметил Гарри. — Просто он ведет себя как ребенок, который пытается завести друзей. А когда дети пытаются завести друзей, они начинают вместе играть.

Давайте тоже поиграем.

Гарри сел за пульт и напечатал: = = =

Быстро последовал ответ: , , ,

— Остроумно, — заметил Гарри. — Этот парень весьма остроумен.

Он быстро напечатал: = , =

Последовал ответ: 7 & 7

— Ты что, ублажаешь сам себя? — спросил Барнс.—

Потому что я не понимаю, какого черта ты делаешь.

— Он меня понимает, — ответил Гарри.

— Я рад, что хоть кто-то.

Гарри напечатал:

PpP

Пришел ответ:

ПРИВЕТ.

— Ладно, — сказал Гарри. — Ему наскучило. Игра окончена. Давайте попробуем поговорить по-английски.

Гарри напечатал:

ДА.

Пришел ответ.

Гарри напечатал:

ПРИВЕТ.

Последовала пауза, затем:

НЕСКАЗАННО РАД С ВАМИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ.

НАДЕЮСЬ, ВЫ СУМЕЕТЕ УБЕДИТЬСЯ В ЭТОМ.

Воцарилось молчание. Никто не мог говорить.

— О'кей, — произнес Барнс наконец. — Перейдем к делу.

— Он любезен, — заметил Тед. — Очень дружелюбен.

— Пока это не бедствие.

— Почему это должно быть бедствием?

— Не будь простачком, — сказал Барнс.

Норман разглядывал надпись на экране. Его реакция была иной, чем у других — он был удивлен проявлением чувств. Действительно ли у пришельца есть чувства? Он подозревал, что вряд ли. Галантная, архаичная манера заставляла предположить элемент усвоенности: Джерри говорил как персонаж исторического романа.

— Итак, леди и джентльмены, — сказал Гарри, — впервые в человеческой истории вы беседуете с пришельцем. Что вы хотите спросить у него?

— Его имя, — мрачно произнес Барнс.

— Кроме его имени, Гэл.

— Действительно, есть более важные вопросы, чем его имя, — согласился Тед.

— Не понимаю, почему вы не хотите спросить его...

На экране появился текст:

ВЫ ПРОИЗВЕДЕНЫ В МЕКСИКЕ?

— Господи, с чего это он взял?

— Может быть, на корабле есть вещи, изготовленные в Мексике.

— Что, например?

— Может быть, чипы.

ВЫ СУЩНОСТИ, СДЕЛАННЫЕ В США?

— Парень не ждет, чтобы ему отвечали.

— Кто сказал, что это парень? — спросила Бет.

— О, Бет.

— Может быть, Джерри хрупок, как Золушка.

— Давай не сейчас, а, Бет?

ВЫ СУЩНОСТИ, СДЕЛАННЫЕ В США?

— Ответь ему,— приказал Барнс.

ДА. А КТО ТЫ?

Долгая пауза, затем:

ДА:

— Да что? — зарычал Барнс, глядя на экран.

— Спокойно, Гэл.

Гарри напечатал:

МЫ СУЩНОСТИ ИЗ США, А КТО ТЫ?

СУЩНОСТИ=СУЩНОСТЬ?

— Ужасно,— сказал Тед,— что мы начали говорить с ним по-английски. Как нам теперь обучить его множественному числу?

Гарри напечатал: **НЕТ.**

ВЫ — МНОЖЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ?

— Ах, вот о чем он спрашивает. Он думает, что мы — части единого целого.

— Ну, выведи его из заблуждения.

НЕТ. МЫ РАЗНЫЕ, ЕДИНИЧНЫЕ СУЩНОСТИ.

— Можешь повторить еще,— сказала Бет.

Я ПОНЯЛ. ЕСТЬ У ВАС УПРАВЛЯЮЩАЯ СУЩНОСТЬ?

Тед засмеялся:

— Смотри-ка, о чем он спрашивает!

— Что-то я не понял,— сказал Барнс.

— Он говорит,— объяснил Гарри,— «Возьмите меня в руководители». Он спрашивает, кто старший.

— Я старший,— ответил Барнс.— Скажи ему.

Гарри напечатал:

ДА. РУКОВОДЯЩАЯ СУЩНОСТЬ — КАПИТАН ГЭРАЛЬД К. БАРНС.

Я ПОНЯЛ.

— Через «о»,— заметил Барнс недовольно.— Гэрольд пишется через «о».

— Хочешь, я перепечатаю?

— Да ладно. Только спроси, кто он такой.

КТО ТЫ?

Я ОДИН.

— Хорошо,— заявил Барнс.— Что там только один.

Спроси, откуда он.

ОТКУДА ТЫ?

Я ИЗ МЕСТА.

— Спроси у него название,— посоветовал Барнс.— Название места.

— Гэл, имена все только запутывают.

— Мы должны вычислить этого парня!

ГДЕ ТО МЕСТО, ОТКУДА ТЫ ПРИБЫЛ?

Я ЗДЕСЬ.

— Это мы знаем. Спроси еще раз.

ГДЕ ТО МЕСТО, ГДЕ ТЫ ПОЯВИЛСЯ?

Тед сказал:

— Это как-то нехорошо по-английски: «где ты появился?» Будет выглядеть глупо, когда мы опубликуем этот обмен репликами.

— Мы подчистим его для публикации,— пообещал Барнс.

— Но этого нельзя делать,— волновался Тед.— Как же можно вносить изменения в столь бесценное научное взаимодействие.

— Случается сплошь и рядом. Как это вы называете — «промассировать данные»?

Гарри перепечатал:

ГДЕ ТО МЕСТО, ГДЕ ТЫ ПОЯВИЛСЯ?

Я ПОЯВИЛСЯ В СОЗНАНИИ.

— Сознание? Планета это или что?

ГДЕ ЭТО СОЗНАНИЕ?

СОЗНАНИЕ ЕСТЬ.

— Дураков из нас делает,— заметил Барнс.

Тед попросил:

— Можно мне попробовать?

Гарри отступил, и Тед начал печатать:

ТЫ СОВЕРШАЕШЬ ПУТЕШЕСТВИЕ?

ДА. ТЫ СОВЕРШАЕШЬ ПУТЕШЕСТВИЕ?

ДА,— отпечатал Тед.

Я СОВЕРШАЮ ПУТЕШЕСТВИЕ. ТЫ СОВЕРШАЕШЬ ПУТЕШЕСТВИЕ. МЫ ПУТЕШЕСТВУЕМ ВМЕСТЕ. Я СЧАСТЛИВ.

Норман подумал: «Он говорит, что он счастлив. Вот и еще выражение чувства, и на этот раз оно не похоже на книжное. Утверждение кажется прямым и искренним.

Неужели это означает, что у пришельца есть эмоции? Или он просто делает вид, что они у него есть, просто играя или обеспечивая им комфорт?»

— Поближе к делу,— посоветовал Барнс.— Спроси его об оружии.

— Сомневаюсь, чтобы ему было понятно представление об оружии.

— Всем понятно это представление,— уверил Барнс.— Защита — это жизненный факт.

— Протестую против подобного подхода,— заявил Тед.— Военные всегда думают, что все остальные подобны им. У этого пришельца может не быть никакого представления об оружии или защите. Возможно, он прибыл из мира, где защита — совершенно безотносительное понятие.

— Раз ты не слушал,— сказал Барнс,— я повторю. Защита — это жизненный факт. Если этот Джерри живой — он имеет представление о защите.

— О Боже,— простонал Тед.— Сейчас ты возведешь свою идею защиты к универсальному жизненному принципу — защита как неизбежная примета жизни.

Барнс возразил:

— А ты думаешь, что нет? А для чего тогда мембрана у клетки? Для чего иммунная система? Твоя кожа? Ранозаживление? Каждое живое существо должно сохранять в целости свое физическое тело. Это защита, и мы не можем представить без нее жизни. Мы не можем представить живое существо вне пределов его тела, которое должно быть защищено. Каждое живое существо знает о защите, я тебя уверяю. А теперь спроси его.

— Я бы сказала, что капитан в чем-то прав,— заметила Бет.

— Возможно,— ответил Тед,— но я не уверен, что мы должны представлять концепции, которые вызывают паникой...

— ...Я старший здесь,— сказал Барнс.

На экране появилось:

А ВАШЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ДАЛЕКО УВЕЛО ВАС
ОТ ВАШЕГО МЕСТА?

— Скажи, чтобы он подождал минутку.

Тед отпечатал:

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИ. МЫ БЕСЕДУЕМ.

ДА, Я ТОЖЕ. НЕСКАЗАННО РАД БЕСЕДОВАТЬ

С МНОЖЕСТВЕННЫМИ СУЩНОСТЯМИ, СДЕЛАННЫМИ В США. МНЕ ЭТО ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ.

СПАСИБО,— отпечатал Тед.

Я ПОЛЬЩЕН КОНТАКТОМ С ВАМИ, СУЩНОСТИ. Я СЧАСТЛИВ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ВАМИ. МНЕ ЭТО ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ.

Барнс сказал:

— Не удаляйтесь от темы.

На экране появилось: ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ. МНЕ ЭТО ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ.

Норман подумал: «Понятно, как ему хочется побеседовать с кем-нибудь после трех веков одиночества. А может быть, оно было еще дольше? Не плыл ли он по космосу тысячи лет, прежде чем космический корабль подхватил его?»

Все это ставило перед Норманом целый ряд вопросов. Если у пришельца были чувства — а они, похоже, были, — тогда существовала и возможность всех видов отклонений чувственного восприятия, включая неврозы, даже психозы. У многих людей, оказавшихся в изоляции, очень быстро разрушалась психика. А этот разум был изолирован сотни лет. Что происходило с ним в это время? Стал ли он нервозным? Не поэтому ли он был таким ребячливым и капризным сейчас?

НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ. МНЕ ЭТО ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ.

— Нам надо остановиться, черт возьми,— сказал Барнс.

Тед отпечатал: МЫ ОСТАНОВИМСЯ СЕЙЧАС, ЧТОБЫ ПЕРЕГОВОРить МЕЖДУ СОБОЙ.

НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. МНЕ НЕТ ДО ЭТОГО ДЕЛА.

Норман подумал, что тон у пришельца стал требовательным и раздраженным. Даже слегка царственным. «МНЕ НЕТ ДО ЭТОГО ДЕЛА», — этот пришелец разговаривает, как Луи XIV.

ЭТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ НАС,— отпечатал Тед.

Я НЕ ЖЕЛАЮ ЭТОГО.

ЭТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ НАС, ДЖЕРРИ.

Я ПОНИМАЮ.

Экран очистился.

— Так-то лучше,— сказал Барнс.— А теперь давайте обмозгнем и составим план игры. Что мы хотим спросить у этого парня?

— Я думаю, нам следует принять во внимание,— вмешался Норман,— что он демонстрирует эмоциональное восприятие нашего взаимодействия.

— И что это означает? — заинтересовалась Бет.

— Я думаю, нам следует принимать его эмоциональное содержимое в расчет, когда мы общаемся с ним.

— Хочешь подвергнуть его психоанализу? — спросил Тед.— Положишь его на кушетку и станешь выяснять, почему у него было несчастное детство?

Норман с трудом сдержал негодование. Под этим мальчишеским проявлением явно скрывался мальчишка, полагал он.

— Нет, Тед, но если у Джерри есть эмоции, то нам следует принимать в расчет психологический аспект его ответов.

— Я и не думал обидеть тебя,— сказал Тед,— но лично я не вижу, чтобы психология могла предложить что-то стоящее. Психология — не наука, это форма суеверия или религии. У нее просто нет никаких достойных теорий или актуальных данных, чтобы было о чем говорить. Все это так расплывчено. Эмоции — да говори ты что угодно насчет эмоций, и кто сможет тебя опровергнуть? Я говорю как астрофизик — эмоции не так уж и важны. Не думаю, чтобы они много значили.

— Да, многие интеллектуалы согласились бы с тобой,— сказал Норман.

— Да. Вот,— продолжал Тед,— здесь мы и столкнулись с высоким интеллектом, не так ли?

— В общем,— ответил Норман,— люди, которые не в ладу с чувствами, склонны думать, что чувства не важны.

— Хочешь сказать, что я не в ладу со своими чувствами? — спросил Тед.

— Если ты считаешь их не важными,— конечно, нет.

— Нельзя ли продолжить этот спор позже? — поинтересовался Барнс.

— Ничто, как мысль подтверждает это,— сказал Тед.

— Почему же всегда говоришь ты один,— разъяренно произнес Норман,— и затыкаешь рты другим?

— Мы переходим на личности,— заявил Тед.

— Ну и, наконец, я же не опровергаю ценности твоей области знаний,— сказал Норман,— хотя смог бы без больших усилий. Астрофизики склонны фокусироваться на отдаленных мирах, чтобы избежать сложностей собствен-

ной жизни. И пока ничто в астрофизике не доказано со всей убедительностью...

— ...Совершенно не так,— сообщил Тед.

— Хватит наконец! — стукнул кулаком по столу Барнс. Все вдруг ощутили неловкость.

Норман был вне себя от злости, но он был смущен. Тед достал меня, думал он, он меня доконал. И сделал это самым простым способом — напав на мой научный предмет. Нормана удивляло, почему это вдруг сработало. Всю свою жизнь в университете он слышал нападки от «конкретных» ученых — физиков и химиков, — объяснявших ему терпеливо, что психология никчемная наука, до тех пор, пока не начинали бракоразводных процессов с женами, пока их дети не предпринимали попытки самоубийства или не попадали в беду с наркотиками. Он давным-давно перестал отвечать на подобные нападки.

И все же Тед доконал его.

— ...возвратимся к главному вопросу,— говорил Барнс.— Он состоит в следующем: что мы хотим спросить у этого парня?

ЧТО МЫ ХОТИМ СПРОСИТЬ У ЭТОГО ПАРНЯ?

Они уставились на экран.

— Ух ты,— произнес Барнс.

УХ ТЫ.

Значит ли это то, что я думаю, оно значит?

ЗНАЧИТ ЛИ ЭТО ТО, ЧТО Я ДУМАЮ, ОНО ЗНАЧИТ?

Тед отшатнулся от пульта. Он громко сказал:

— Джерри, ты понимаешь, что я говорю?

ДА ТЕД.

— Гениально,— тряхнул головой Барнс.— Просто гениально.

Я ТОЖЕ СЧАСТЛИВ.

Переговоры с пришельцем

— Норман,— спросил Барнс,— помнится, ты предполагал это в своем докладе? Возможность, что пришельцы смогут читать наши мысли?

— Я отмечал это,— согласился Норман.

— И каковы были твои рекомендации?

— Никаких не было. Это было то, что Госдепарта-

мент посоветовал мне включить как возможность, что я и сделал.

— Ты не дал никаких рекомендаций в твоем докладе?

— Нет, — подтвердил Норман. — Сказать по правде, тогда я думал, что вся затея — просто шутка.

— Нет, не шутка, — возразил Барнс. Он грузно опустился в кресло, глядя на экран. — И что же, дьявол, нам теперь делать?

НЕ БОЯТЬСЯ.

— Хорошо ему говорить, когда он все слышит, — он взглянул на экран. — Ты слышишь нас сейчас, Джерри?

ДА ГЭЛ.

— Ну и дела, — сказал Барнс.

— Потрясающее достижение, — заявил Тед. А Норман поинтересовался:

— Джерри, ты можешь читать наши мысли?

ДА НОРМАН.

— О, мама дорогая, — сказал Барнс. — Он может читать наши мысли.

А может, и нет, подумал Норман. Он нахмурился, сконцентрировал свой мысли и подумал: «Джерри, ты меня слышишь?»

Экран оставался пустым.

«Джерри, скажи мне твое имя».

Ничего не изменилось на экране.

Может быть, видимый образ, подумал Норман. Возможно, он воспринимает видимый образ. Норман ползлся в памяти, стараясь вызвать какой-то зрительный образ, и выбрал песчаный берег, в тропиках, потом пальму. Образ пальмы был ясным, но Норман подумал, а знает ли Джерри, что такое пальма. Может быть это ничего не скажет Джерри, надо выбрать что-то в пределах его опыта. Он решил вообразить планету с кольцами вокруг, вроде Сатурна. Он нахмурился: Джерри, я посыпаю тебе картинку. Скажи мне, что ты видишь.

Он сфокусировал свои мысли на образе Сатурна, ярко-желтой сфере со слегка наклоненным кольцом, вращающимся в черноте космоса. Он удерживал образ около десяти секунд и затем взглянул на экран.

Экран не изменился.

Джерри, ты тут?

Экран не изменился.

— Джерри, ты тут? — спросил Норман вслух.

ДА НОРМАН. Я ТУТ.

— Не думаю, что нам следует говорить в этой комнате,— заявил Барнс.— Может, стоит пройти в другой цилиндр и пустить воду...

— Как в шпионских фильмах?

— Почему не попробовать?

Тед сказал:

— Я думаю, что мы несправедливы к Джерри. Если нам кажется, что он посягает на нашу частную жизнь, почему бы не сказать ему об этом прямо? Сказать, чтобы не вмешивался?

Я НЕ ЖЕЛАЮ ВМЕШИВАТЬСЯ.

— Ну-ка, прикинем,— предложил Барнс.— Этот парень знает о нас куда больше, чем мы о нем.

ДА Я ЗНАЮ МНОГОЕ О ВАШИХ СУЩНОСТЯХ.

— Джерри,— позвал Тед.

ДА ТЕД. Я ТУТ.

— Пожалуйста, оставь нас одних.

Я НЕ ЖЕЛАЮ. Я ТАК СЧАСТЛИВ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ВАМИ. ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ. Я ЖЕЛАЮ.

— Очевидно, что никаких доводов он слушать не будет,— сказал Барнс.

— Джерри,— повторил Тед.— Ты должен нас ненадолго оставить одних.

НЕТ. ЭТО НЕВОЗМОЖНО. Я НЕ СОГЛАСЕН. НЕТ!

— Вот птичка и показала коготки,— сказал Барнс. Дитя, играющая в короля, подумал Норман.

— Позвольте мне.

— Ради Бога.

— Джерри,— позвал Норман.

ДА НОРМАН. Я ТУТ.

— Джерри, мы так взволнованы беседой с тобой.

СПАСИБО. Я ТОЖЕ ВЗВОЛНОВАН.

— Джерри, мы считаем тебя обаятельной и славной сущностью.

Барнс, вращая глазами, затряс головой.

СПАСИБО НОРМАН.

— И нам хотелось бы говорить с тобой долгими часами.

ЗДОРОВО.

— Мы восхищены твоими талантами и способностями.

СПАСИБО.

— И мы знаем, что ты обладаешь огромной силой и знанием всех вещей.

ЭТО ТАК, НОРМАН. ДА.

— Джерри, при твоем безграничном понимании ты, разумеется, знаешь, что мы такие сущности, которым надо иногда побеседовать наедине, чтобы никто нас не слышал. Опыт общения с тобой требует обмена мнений, и нам есть о чем потолковать между собой.

Барнс потряс головой.

МНЕ ТОЖЕ ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ. МНЕ ТАК НРАВИТСЯ ГОВОРИТЬ С ВАШИМИ СУЩНОСТЯМИ, НОРМАН.

— Да, я знаю, Джерри. Но ты понимаешь при своей мудрости, что нам надо поговорить одним.

НЕ БОЙТЕСЬ.

— Нам не страшно, Джерри. Нам просто неудобно. **НЕ НАДО ЧУВСТВОВАТЬ НЕ УДОБНО.**

— Мы не можем, Джерри... Уж такие мы есть.

МНЕ ТАК НРАВИТСЯ ГОВОРИТЬ С ТВОЕЙ СУЩНОСТЬЮ, НОРМАН. Я СЧАСТЛИВ. А ТЫ ТОЖЕ СЧАСТЛИВ?

— Да, очень счастлив, Джерри. Но, видишь ли, нам надо...

ХОРОШО. Я РАД.

— ...надо поговорить наедине. Пожалуйста, не слушай нас некоторое время.

Я ВАС ОБИДЕЛ?

— Нет, ты очень милый и дружелюбный. Но нам надо поговорить одним какое-то время, чтобы ты нас не слышал.

ПОНИМАЮ, ЧТО ВАМ ЭТО НУЖНО. ЖАЛЬ, ЧТО ВАМ СО МНОЙ НЕ УДОБНО. Я УДОВЛЕТВОРЮ ВАШЕ ПОЖЕЛАНИЕ.

— Спасибо, Джерри.

— Все так,— сказал Барнс,— но ты правда думаешь, что он это сделает?

МЫ СНОВА ВЕРНЕМСЯ ПОСЛЕ НЕБОЛЬШОГО ПЕРЕРЫВА ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПОСЛАНИЙ ОТ НАШЕГО ПОКРОВИТЕЛЯ.

И экран погас.

Внутренне Норман ликовал.

— Необыкновенно,— сказал Тед.— Похоже, он посылает телесигналы.

— Он не может это делать здесь, под водой.

— Мы этого не можем, но похоже, что он может.

Барнс сказал:

— Я чувствую, что он нас слышит. Я это знаю. Джерри, ты еще тут?

Экран был пуст.

— Джерри?

Ничего не произошло. Экран был пустым.

— Он ушел.

— Ну,— сказал Норман,— вот вы и увидели силу психологии в действии.— Он не мог удержаться, чтобы не сказать этого, он был слишком раздражен Тедом.

— Прости,— сказал Тед.

— Все нормально.

— Но я никак не думал, что для высочайшего интеллекта чувства имеют какое-то значение.

— Не будем больше к этому возвращаться,— попросила Бет.

— Дело в том,— принялся объяснять Норман,— что эмоции и интеллект совсем не связаны между собой. Они как разные части мозга, или даже разные мозги, и они не взаимодействуют друг с другом. Вот почему интеллектуальное понимание бесполезно.

Тед переспросил:

— Интеллектуальное понимание *бесполезно*? — его голос вновь звучал негодующе.

— Да, и во многих случаях,— ответил Норман.— Если ты читаешь книгу о том, как ездить на велосипеде, ты узнаешь, как ездить на велосипеде? Нет, конечно. Ты можешь читать все что хочешь, а потом пойти и учиться ездить. Часть твоего мозга, которая учится ездить, отделена от той части твоего мозга, которая читает об этом.

— Ну и как все это применить к Джерри? — спросил Барнс.

— Видишь ли,— сказал Норман,— этот тип также не справляется с эмоциями, как и любой другой. Если Джерри и в самом деле эмоциональное создание,— а не только делает вид,— то мы должны иметь дело с его эмоциональной стороной так же, как и с интеллектуальной.

— Очень удобно для тебя,— заметил Тед.

— Да не совсем,— возразил Норман.— Откровенно, я был бы куда более счастлив, если бы Джерри оказался холодным, бесчувственным существом.

— Почему?

— Потому,— ответил Норман,— что если Джерри мо-

гущественен и к тому же эмоционален, это становится проблематичным. Что, если он сойдет с ума?

Леви

Группа разделилась. Гарри, истощенный результативной расшифровкой, немедленно отправился спать. Тед пошел в цилиндр С, чтобы записать свои мысли о Джерри для книги, которую он предполагал написать. Барнс и Флетчер удалились в цилиндр Е, чтобы обдумать военную стратегию на случай, если пришелец вздумает напасть на них.

Тина задержалась ненадолго, настраивая мониторы, как всегда методично и аккуратно. Норман и Бет наблюдали за ней. Она долго возилась с регуляторными приборами, которых Норман раньше даже не замечал. Там был целый ряд экранов, светившихся ярко-красным светом.

— Что это? — поинтересовалась Бет.

— Расположение чувствительных приборов по внешнему периметру, EPSA. Вокруг жилого модуля концентрическими кругами расположены сенсоры разной чувствительности, пассивные и активные — температурные, слуховые, волновые. Капитан Барнс потребовал их все проверить и задействовать.

— Но почему? — удивился Норман.

— Не знаю, сэр. Это его приказ.

Динамик щелкнул, и Барнс произнес: «Матрос Чан в Е цилиндр. И перекройте линию связи, идущую сюда. Я не хочу, чтобы Джерри подслушивал нас».

— Да, сэр.

Бет прошипела:

— Осел, да еще и' маньяк.

Тина собрала свои бумаги и выскочила из комнаты. Норман и Бет немного помолчали. Они слышали мерные удары где-то в модуле. Потом они стихли, затем снова возобновились.

— Что это? — спросила Бет. — Звук такой, как будто снаружи кто-то ломится в модуль. — Она подошла к иллюминатору, выглянула: — Ух ты, — сказала она.

Норман тоже посмотрел.

Простервшись по дну океана, гигантская тень двигалась

вперед-назад при каждом раздающемся ударе. Тень была слишком искажена, так что ему понадобилось какое-то время, чтобы понять, что это такое. Это была тень человеческой руки.

— Капитан Барнс, вы там?

Ответа не последовало. Норман вновь щелкнул переключателем динамика.

— Капитан Барнс, вы слышите?

Опять никакого ответа.

— Он отключен от линии связи, — сказала Бет. — Он не слышит тебя.

— Как ты думаешь, там, снаружи, есть кто-нибудь живой? — спросил Норман.

— Не знаю. Должно быть, да.

— Тогда пойдем, — сказал Норман.

Он ощутил сухой металлический привкус сжатого воздуха в своем шлеме и окоченел от соприкосновения с ледяной водой, когда скользнул через люк в полу в темноту, на мягкое илистое дно. Мгновение спустя Бет приземлилась позади него.

— Порядок? — спросила она.

— Нормально.

— Я не вижу никаких медуз, — сказала Бет.

— Да, я тоже.

Они прошли под модулем, повернулись и взглянули назад. Огни модуля резко светили им в глаза, отчего контуры цилиндров расплывались. Они могли отчетливо слышать ритмические удары, но они не могли определить источник, из которого исходил звук. Они прошли под креплениями дальней стороны модуля, уводя глаза от резкого света.

— Здесь, — сказала Бет.

В десяти футах от них фигура в голубом костюме виднелась между стояками прожектора. Тело покачивалось в течении, ярко-желтый шлем ритмично постукивал по стене модуля.

— Ты не видишь, кто это? — спросила Бет.

— Нет. — Огни светили прямо им в лицо.

Норман стал карабкаться по одному из тяжеловесных стояков, прикреплявших модуль ко дну. Металлическая поверхность была покрыта склизкими коричневыми водорослями, и его обувь скользила по трубам, пока наконец

он не заметил, что в них есть специальные опоры для ног. Тогда он залез с легкостью.

Теперь ноги качавшегося тела были как раз у него над головой. Норман взобрался еще на одну ступеньку, и один из ботинок запутался в петле шланга, соединявшего его баллон с воздухом и шлем. Он отдернул шлем, пытаясь освободиться от чужого тела. Тело вздрогнуло, и Норман с ужасом понял, что оно еще живое. Затем ботинок сполз, и обнаженная нога — серая кожа, розовые ногти — ткнулась в защитное стекло его шлема. Момент отвращения быстро прошел: Норман повидал слишком много аварий самолетов, чтобы это его слишком задело. Он уронил ботинок, проследив, как тот спускается вниз к Бет, потом дернул тело за ногу. Он почувствовал ее рыхлую мягкость; тело освободилось и плавно стало спускаться. Он схватил тело за плечо и вновь ощущил ту же мягкость, повернул его, чтобы увидеть лицо.

— Это Леви.

Ее шлем был полон воды, за защитным стеклом он увидел остановившиеся глаза, открытый рот, выражение ужаса на лице.

— Она здесь, — сказала Бет, подтягивая тело вниз. Затем произнесла: — Боже.

Норман слез со стояка. Бет оттащила тело подальше от модуля, на освещенную площадь позади него.

— Она вся мягкая. Похоже, что каждая косточка в ее теле перебита.

— Я знаю. — Он тоже вышел на свет, присоединившись к ней. Он ощущал странную отрешенность, леденящий холод и тоску. Он знал эту женщину; она была жива еще совсем недавно, а теперь она мертва. Но все выглядело так, как будто он наблюдал происходящее с дальнего расстояния.

Он перевернул тело Леви. На ее левом боку в ткани костюма была длинная прореха. Мельком он увидел красную рваную рану. Норман наклонился, чтобы рассмотреть ее. Несчастный случай?

— Не думаю, — сказала Бет.

— Подерги ее вот здесь. — Норман приподнял края материи. Несколько отдельных рубцов расходились из одного места. — Порез в форме звезды, — заметил он, — видишь?

Она отступила назад:

— Да, вижу.

— Отчего этого произошло, Бет?

— Я не знаю — я правда не знаю.

Бет отступила еще дальше. Норман вглядывался в рану, в тело под костюмом.

— Тело как вымоченное.

— Вымоченное?

— Как изжеванное.

— Боже.

Да, определенно, как изжеванное, подумал Норман, пробуя проникнуть в рану. Характер повреждения был особого рода: острые, с зазубренными краями раны. Тонкие розовые струйки крови потекли по его шлему.

— Уйдем отсюда, — попросила Бет.

— Только переверну. — Норман сжимал тело в ногах, руках, плечах, и везде оно было рыхлым, как губка. Каким-то образом все тело было почти полностью раздроблено. Он чувствовал кости ног, сломанных во многих местах. Что могло быть причиной этого? Он вновь вернулся к ране.

— Не нравится мне здесь, — напряженно заявила Бет.

— Еще секунду.

После первого изучения он готов был считать рану Леви чем-то вроде укуса, но сейчас он не был уверен.

— Ее кожа, — сказал Норман. — Как будто по ней проехался здоровый напильник...

Он запрокинул голову назад, пораженный — что-то маленько и белое проплыло мимо его лица. Его сердце упало при мысли, что это могут быть медузы, но он тут же обнаружил, что предмет был совершенно круглым и непрозрачным. Он был размером с мяч для игры в гольф и опустился позади него.

Норман огляделся. По воде тянулись слизистые прожилки, и множество белых сфер опускались на дно.

— Что это, Бет?

— Яйца. — Через наушники он слышал ее глубокое, медленное дыхание. — Давай уйдем отсюда, Норман. Пожалуйста.

— Только еще секундочку.

— Нет, Норман. Сейчас.

По радио они услышали тревогу. Отдаленная, глухая, она, казалось, раздавалась из модуля. Они услышали голоса, и затем громкий голос Барнса произнес:

— Какого черта вы там делаете?

— Мы нашли Леви, Гэл.

— Ну-ка, немедленно возвращайтесь! — закричал

Барнс.— Датчики заработали. Вы не одни там, снаружи — и то, что там появилось, дьявольски здоровых размеров.

Норман соображал медлению, с трудом.

— А что с телом Леви?

— Оставьте его. И возвращайтесь!

Но тело, подумал он вяло. Надо же что-то делать с телом. Не мог он вот так просто оставить тело.

— Что там у тебя еще, Норман?

Норман пробормотал что-то и смутно почувствовал, как Бет крепко ухватила его за руку, развернула его лицом к модулю. Теперь вода клубилась от множества белых яиц. Тревога звенела у него в ушах невыносимо громко. И тут он ~~понял~~ новая тревога. Этот сигнал тревоги исходил ~~изнутри его костюма~~.

Он задрожал, зубы его стали стучать; он попытался произнести что-то, но до крови прикусил язык. Он словно весь одеревенел. Все происходило в каком-то замедленном темпе.

Когда они подошли к модулю, он увидел, что яйца стучат по крышам цилиндров, которые густо покрываются белыми шишками.

— Скорее! — кричал Барнс.— Скорее! Он надвигается с той стороны!

Они были под воздушной камерой, и Норман ощущал, как вздымается волнами вода. Что-то очень большое находилось где-то рядом. Бет толкнула его вперед, его шлем выскочил уже за ватерлинией, и мощные руки Флетчер втащили его вовнутрь. Мгновение спустя и Бет проскользнула внутрь, люк захлопнулся. Кто-то снял с него шлем, и он услышал, как непереносимо громко звонит в его ушах тревога. Все его тело судорожно сжималось, удаляясь об пол. Они стащили с него костюм, закутали его в шерстяной плед и держали так до тех пор, пока его судороги не прекратились. И внезапно, несмотря на тревогу, он заснул.

Военные соображения

— Какого черта вас туда понесло? — спросил Барнс.— Вы не получали на это никакого позволения. Никто из вас.

— Леви могла быть еще жива,— сказала Бет, отвечая спокойствием на негодование Барнса.

— Но она не была жива, и, отправившись туда, вы рисковали жизнью двух гражданских участников экспедиции безо всякой надобности.

— Это была моя идея, Барнс,— сказал Норман. Он все еще лежал закутанный в одеяла, но его отпустили горячим и дали ему отдохнуть, и теперь он чувствовал себя гораздо лучше.

— Да и вы,— продолжал Барнс.— Счастье, что вы остались в живых.

— Кажется, да,— согласился Норман.— Но я так и не знаю, что случилось.

— Вот что случилось,— сказал Барнс, держа маленький вентилятор прямо перед ним.— Твой костюм разгерметизировался, и гелий мгновенно стал замораживать тебя. Еще пара минут, и ты бы умер.

— Все произошло так быстро,— произнес Норман,— я даже не понял...

— Вы, несчастные,— начал Барнс.— Я должен кое-что прояснить. Это не научная конференция. Это не каникулы под водой, где вы можете поступать, как вам заблагорассудится. Это военная операция и вы должны следовать военным приказам, черт вас дери. Ясно?

— Это военная операция? — переспросил Тед.

— Сейчас — да,— отрезал Барнс.

— Подожди-ка. Сейчас или всегда?

— Сейчас.

— Ты не ответил на вопрос,— продолжал настаивать Тед.— Потому что если это военная операция, я думаю, нам следует это знать. Лично я не хочу иметь никакого дела с...

— Тогда, отправляйся,— посоветовала Бет.

— ...военной операцией, каковая...

— Подумай, Тед,— сказал Барнс.— Ты знаешь, во что это обошлось ВМС?

— Нет, но я не вижу...

— А я скажу тебе. Глубоководный жилой модуль, с разреженной воздушной атмосферой обходится примерно в сто тысяч долларов в час. К тому времени, когда мы все поднимемся отсюда, общая стоимость проекта составит от восьмидесяти до ста миллионов долларов. Военные не делают подобных вложений, если речь не идет о том, что они называют «ожидание серьезной военной

пользы». Это же просто. Нет ожиданий, нет и денег. Ты улавливаешь мою мысль?

— Ты имеешь в виду оружие? — спросила Бет.

— Возможно, — согласился Барнс.

— Ну, — сказал Тед. — Лично я никогда не желал ввязываться...

— Так ли? Значит, ты бы проделал весь этот путь от Тонги и я бы сказал тебе: «Тед, там внизу, на дне океана, находится космический корабль, на борту которого, возможно, есть живые существа из иной галактики, но это военная операция», а ты бы сказал: «Дудки, я не хочу и слышать об этом, можешь меня вычёркивать? Вот как бы ты поступил, а, Тед?»

— Ну... — начал Тед.

— Тогда лучше заткнись, — отрезал Барнс. — Потому что именно в такую позу ты бы и стал.

— Давай, давай, — сказала Бет.

— Лично мне кажется, что ты перевозбудился, — сказал Тед.

— Лично мне кажется, что ты свихнувшийся эгоист, — отпариовал Барнс.

— Постойте, — сказал Гарри. — Кто-нибудь знает, почему Леви отправилась туда первой?

— Она была на TRL, — ответила Тина.

— Где?

— Локаут приказного времени, — пояснил Барнс. — Это режимная обязанность. После смерти Эдмундс ее работа перешла к Леви — та должна была каждые двенадцать часов отправляться на субмарину.

— Отправляться на субмарину? Зачем? — удивился Гарри.

— Видите вон там DH-7? — показал Барнс на иллюминатор. — Так вот, рядом с первым цилиндром расположен ангар, под куполом которого помещается субмарина, оставленная водолазами. В ситуации вроде нынешней, — продолжал Барнс, — правила ВМС требуют, чтобы все записи и сообщения переправлялись на субмарину каждые двенадцать часов. Субмарина поставлена на специальный режим подъема и спуска, счетчик срабатывает каждые двенадцать часов. Таким образом, если никто не попадет туда в течение двенадцати часов, чтобы передать последние сообщения и нажать на желтую кнопку «Отсрочка», субмарина автоматически сбрасывает балласт, спускает воздух и без промедления поднимается наверх.

— Но почему?

— Если здесь, внизу, произойдет какое-нибудь несчастье — скажем, что-нибудь случится со всеми нами, — тогда субмарина автоматически поднимется на поверхность через двенадцать часов, со всеми записями, фиксирующими события до определенного момента. ВМС обнаружат субмарину на поверхности и смогут по записям восстановить то, что происходило с нами здесь, внизу.

— Ясно. Эта субмарина — наш регистратор полетов.

— Можно сказать и так. Но это и наш единственный путь наверх, наш единственный аварийный выход.

— Значит, Леви отправилась на субмарину?

— Да. И она все сделала, потому что субмарины все еще здесь.

— Она переписала записи, нажала на кнопку «Отсрочка» и потом погибла на обратном пути?

— Да.

— Как она умерла? — спросил Гарри, внимательно глядя на Барнса.

— Точно неизвестно, — сказал Барнс.

— Все ее тело было раздроблено, — отозвался Норман. — Оно напоминало губку.

Гарри спросил Барнса:

— Час назад ты приказал переставить и переналадить высокочувствительные датчики. Почему?

— Мы получили очень странную информацию в предыдущий час.

— Информацию какого рода?

— Что-то снаружи. Что-то очень большое.

— Но тревога не сработала.

— Да. Это нечто большее, чем то, на что рассчитаны параметры системы тревоги.

— Ты хочешь сказать, что это слишком велико для того, чтобы запустить механизм тревоги?

— Да. После первой ложной тревоги установки полетели, перестав реагировать на что-то больших размеров. Вот почему Тина должна была переналадить установки.

— А что же вызвало тревогу сейчас? — спросил Гарри. — Когда Норман и Бет были там, снаружи?

— Тина? — переадресовал вопрос Барнс.

— Я не знаю, что это было. Кажется, какое-то животное. Оно не издавало звуков и было очень большим.

— Большим? Но каким?

Тина покачала головой:

— По электронным отпечаткам, д-р Адамс, я бы сказала, что оно было почти таких же размеров, как наш модуль.

Место битвы

Бет опустила одно из круглых белых яиц на подставку микроскопа.

— Так,— сказала она, глядываясь в отверстие,— это явно морское беспозвоночное. Но самое интересное — это слизистое покрытие.— Она повернула яйцо кинцетом.

— Что это такое? — спросил Норман.

— Какое-то белковое вещество. Клейкое.

— Нет, я имел в виду, что это за яйцо?

— Еще не знаю.— Бет продолжала свое изучение, когда снова звучала сирена тревоги и заполыхали красные огни. Норман почувствовал внезапный страх.

— Вероятно, опять ложная тревога,— предположила Бет.

— Внимание, внимание,— сказал Барнс через динамик.— Всеобщее внимание, готовность к сражению.

— О, Господи,— вымолвила Бет.

Она быстро проскользнула вниз, как будто лаборатория была огневой точкой, Норман неловко пытался за ее спиной. В комнате связи цилиндра D он увидел знакомую сцену: все столпились у компьютеров, а задние панели вновь были сняты. Огни по-прежнему полыхали, сирена звучала.

— Что там такое? — прокричал Норман.

— Оборудование не работает!

— Какое оборудование не работает?

— Мы не можем отключить чертову тревогу,— проорал Барнс.— Она включилась, но мы не можем ее выключить! Элис!..

— Работаю над этим, сэр!

Массивная женщина-инженер ковырялась за компьютером, Норман видел ее согнутую спину.

— Выруби проклятую штуковину!

— Вырубаю, сэр!

— Выруби, я не могу услышать!

Услышать что? хотел бы знать Норман. И тут Гарри влетел в комнату, столкнувшись с Норманом. «Боже...»

— Это авария! — надрывался Барнс.— Это авария! Военнослужащий Чан! — Тина работала по соседству с ним, как всегда невозмутимая, регулируя мониторы. Она сняла наушники.

Норман увидел сферу на видеомониторе. Она была закрыта.

Бет подошла к окну и принялась рассматривать белый материал, залепивший стекла. Барнс метался как шаман в сполохах красных огней, вопя и кидаясь во все стороны.

Но внезапно тревога стихла, и погасли красные огни. Все молчали. Флетчер потянулась и вздохнула.

Гарри сказал:

— Я думал, вы зафиксировали ее...

— Шшш...

Они услышали тихое повторяющееся «лонг» высокочастотных импульсов. Тина сжимала руками наушники, нахмуренная, сосредоточенная.

Никто не двигался и не говорил. Они стояли, напрягшись, слушая звуковые импульсы.

Барнс тихонько пояснил остальным:

— Несколько минут назад мы получили звуковой сигнал. Снаружи. Что-то огромное.

Наконец Тина сказала:

— Я больше не получаю его, сэр.

— Переходи на пассивный режим.

— Перехожу, сэр.

Пикающий сигнал прекратился. Вместо него они услышали свист. Тина переключила наушники.

— Гидрофоны? — спросил Гарри тихо.

Барнс кивнул:

— Лучшие в мире.

Они продолжали напряженно вслушиваться, но не слышали ничего, кроме неопределенного свиста. Норману он казался похожим на шипение пластинки, иногда в него вторгалось журчание воды. Если бы он не так сильно устал, звук мог показаться ему слишком раздражающим.

— Ублюдок не глуп,— сказал Барнс.— Решил ослепить нас, залепив все kleem.

— Это не клей,— сказала Бет.— Яйца.

— Н-да, они забили все иллюминаторы в модуле.

Свист продолжался без изменений. Тина покрутила шкалу гидрофонов. Раздался легкий длительный щелчок как от разрываемого целлофана.

— Что это? — спросил Тед.

— Рыба,— сказала Бет.— Что-то ест.

Барнс кивнул. Тина опять покрутила шкалу.

— Настрой их.

Они вновь услышали неопределенный свист. Напряжение в комнате спало. Норман почувствовал страшную усталость и сел. Гарри усился рядом. Норман заметил, что Гарри выглядит скорее задумчивым, чем озабоченным. В другом конце комнаты у люка стоял Тед и кусал губы. Он был похож на испуганного ребенка.

Раздалось тихое гудение, по плазменному экрану побежали полосы. Тина сказала:

— Тепловой сигнал с внешних датчиков.

Барнс кивнул:

— Направление?

— Восточное. Приближается.

Они услышали металлическое клацанье. Затем еще одно.

— Что это?

— Решетка. Он стучит по металлической решетке.

— Стучит? Звук такой, как будто он ломает ее!

Барнс покачал головой:

— Двигается не как акула. И уж слишком огромен.

— Тепловой сигнал по внутреннему периметру,— доложила Тина.— Он приближается.

— Переходи на активный режим.

«Понг» высокочастотного датчика раздался в комнате.

Тина сказала:

— Цель достигнута. Сто ярдов.

— Отобрази ее.

— Отображаю, сэр.

Затем пошло нарастание звуковых сигналов: «понг! понг! понг! понг!» Потом пауза и опять: «понг! понг! понг! понг!»

Норман казался изумленным. Флетчер наклонилась к нему и прошептала:

— По наружным датчикам, передачи с которых мы получаем, можно восстановить детальную картину, отличный вид на него,— в ее дыхании Норман уловил запах ликера. Он подумал: где она раздобыла ликер?

«Понг! понг! понг! понг!»

— Создаю изображение. Девяносто ярдов.

«Понг! понг! понг! понг!»

— Изображение достигнуто.

Все повернулись к экранам. Норман увидел аморфный, полосатый шар, ни о чем ему не говоривший.

«Понг! понг! понг! понг!»

— Восемьдесят ярдов.

«Понг! понг! понг! понг!»

Появилось другое изображение. Теперь шар был другой формы, полоски расположены в ином направлении. Изображение было отчетливее по краям, но все равно ни о чем не говорило Норману. Большой шар с полосками...

— Господи! — воскликнул Барнс. — Да он тридцать, сорок футов в диаметре!

— Ни одна рыба в мире не имеет такой длины, — заявила Бет.

— Кит?

— Это не кит.

Норман видел, что Гарри вспотел. Он снял очки и стал протирать их краем одежды. Затем вновь надел их, поправил на переносице. Они сползли вниз. Гарри взглянул на Нормана и вздрогнул.

Тина: «Пятьдесят ярдов и ближе».

«Понг! понг! понг! понг!»

— Тридцать ярдов.

«Понг! понг! понг! понг!»

— Тридцать ярдов.

«Понг! понг! понг! понг!»

— Удерживается на тридцати ярдах, сэр.

«Понг! понг! понг! понг!»

— Все еще удерживается.

— Активизируйте.

И снова они услышали свист в гидрофонах. Затем отчетливый щелкающий звук. У Нормана потемнело в глазах — их заливал пот. Он отер лоб рукавом свитера. Другие тоже все вспотели. Напряжение было непереносимо. Он вновь взглянул на видеомониторы: сфера была по-прежнему закрыта.

Он слышал свист гидрофонов. Слегка скребущий звук, как будто тяжелую сумку опустили на деревянный пол.

Тина прошептала:

— Хотите его изображение?

— Нет, — ответил Барнс.

Они слушали. Опять скребущий звук. Мгновение тишины, сопровождаемое журчанием воды, очень громким и очень близким.

— Господи, — прошептал Барнс, — он как раз снаружи. Страшный толчок в стену модуля.

Загорелся экран.
Я ЗДЕСЬ.

Первый удар был внезапен и сбил их с ног. Они попадали на пол, покатились по нему. Вокруг них с пугающим громом трещал и скрипел модуль. Норману удалось встать на четвереньки — он успел заметить Флетчер, у которой изо лба текла кровь, — как новый удар опять повалил его. Его отбросило к металлической перегородке, голова его с клацаньем ударилась о металл, он ощущал резкую боль, и тут Барнс, с проклятиями и стонами, повалился прямо на него. Пытаясь встать на ноги, Барнс надавил на лицо Норману, и тот вновь распластался на полу, а позади него, рассыпая искры, разился монитор.

Теперь их модуль напоминал дом во время землетрясения. Они хватались за панели управления, блоки питания, двери, пытаясь удержать равновесие. Но страшный шум ужасал Нормана больше всего: грохот и треск металла, с которыми, кажется, цилиндры срывались со своих внешних креплений.

Напавшее на них существо, казалось, потрясало весь модуль.

Барнс находился в дальнем конце комнаты, пытаясь пройти через дверь перегородки. На руке у него крохотчила ссадина, он выкрикивал какие-то приказания, но Норман не мог разобрать ничего, кроме устрашающего звука корежимого металла. Он увидел, как Флетчер прошла через дверь перегородки, затем Тина, и наконец Барнс, оставлявший кровавые отпечатки на металле.

Норман никак не мог разглядеть, где Гарри, но к нему, нагнувшись, протягивая руку, приблизилась Бет, говоря:

— Норман, Норман, мы должны... — и тут она толкнула его, опрокинула снова на пол, и он растянулся на ковре, покрывавшем холодную внешнюю обивку цилиндра, и он почувствовал с ужасом, что ковер был сырьим.

Модуль протекал.

Он должен был что-то предпринять; он с трудом поднялся на ноги, немного постоял в освежающем водяном фонтанчике, брызгущем из пробоины в стене. Он огляделся и увидел и другие протечки в стенах.

Эта часть модуля казалась отрезанной.

Бет добралась до него, приблизила лицо:

— Мы протекаем! — кричала она.— Боже, мы протекаем!

— Я знаю,— ответил Норман, а Барнс закричал по динамику:

— Положительное давление! Держите положительное давление!

Норман едва не наступил на Теда, распластавшегося на ковре перед компьютерами. Лицо Теда укнулось в экран, перед ним сияли огромные буквы:

НЕ БОЙТЕСЬ!

— Джерри! — кричал Тед.— Останови это, Джерри! Джерри!

Внезапно рядом появилось лицо Гарри, с очками, покосившимися на монитор.

— Дышите глубже, он сейчас прикончит нас всех!

— Он не понимает! — прокричал в отчаянии Тед, падая на ковер, потрясая кулаками.

Мощные удары металла о металл не прекращались, Нормана швыряло из угла в угол. Он пытался ухватиться за поручни, но его руки были влажными и ничего не могли удержать.

— Слушайте все! — сказал через динамики Барнс.— Чан и я отправляемся наружу, командование принимает Флетчёра.

— Не ходите туда! — закричал Гарри.— Не выходите наружу!

— Открывайте люк,— отрезал Барнс.— Тина, за мной!

— Вас убьют! — успел крикнуть Гарри, и тут его отбросило назад. Норман снова лежал на полу, голова его стукалась о ножки опрокинутой койки.

— Мы снаружи,— сообщил Барнс.

И внезапно сотрясение прекратилось. Модуль не ходил ходуном, и никто из них не двигался. Вода сочилась через дюжину мелких пробоин, а они глядели вверх на динамик и слушали.

* * *

— Отделились от люка,— докладывал Барнс.— Состояние хорошее. Оружие, разрывные снаряды І-9. Дадим прикурить этому ублюдку!

Тишина.

— Вода... Видимость неважная. Видимость порядка пяти футов. В пределах видимости... взбаламученное дно

и... очень черное, темное. Продолжаем обход строений.
Тишина.

— Северная сторона. Теперь поворачиваем на восток.
Тина?

Тишина.

— Тина?

— Сзади вас, сэр.

— Хорошо. Положи руку на мой газовый баллон, чтобы я знал, что ты — в порядке. О'кей.

Тишина.

В цилиндре вздохнул Тед.

— Не думаю, чтобы им удалось убить его, — сказал он тихо.

Норман подумал: вряд ли они сумеют.

Больше никто ничего не произнес. Они слушали прерывистое дыхание Барнса и Тины.

— Северо-западный угол... Все в порядке. Чувствуем сильное течение, движение воды... что-то поблизости... Невозможно разглядеть... видимость меньше, чем на пять футов. С трудом могу разглядеть стойку, за которую я держусь. Правда, я его ощущаю. Он огромен. Он рядом. Тина?

Тишина.

Громкий щелкающий звук, резкий и продолжительный.
Затем тишина.

— Тина? Тина?

Тишина.

— Я потерял Тину.

Опять долгая тишина.

— Я не знаю, что... Тина, если ты меня слышишь, оставайся на месте, я иду к тебе... О'кей... Он очень близко... Я чувствую, как он приближается... Толкает целые массы воды, этот парень. Настоящее чудовище.

Опять тишина.

— Хотел бы я видеть лучше!

Тишина.

— Тина? Это...

И затем глухой удар, по всей вероятности, взрыв. Они вопрошающие смотрели друг на друга, пытаясь понять, что означает этот звук, но в следующее мгновение модуль опять начало трясти и разламывать, и не ожидавший этого Норман, отброшенный в сторону, налетел на острый угол двери, и в глазах у него потемнело. Он видел, как Гарри сползнул по стене рядом с ним, очки слетели у него с носа и проехались по щеке Нормана, и Норман

еще успел поймать их и отдать Гарри, потому что тот не мог без очков. Потом Норман потерял сознание, и все погрузилось в темноту.

После нападения

Горячие струи обтекали его, и он задержал дыхание.

Стоя под душем, Норман разглядывал свое тело и думал: я выгляжу, как человек, перенесший крушение самолета. Как один из тех, которых я столько раз видел и поражался, что они еще живы.

На голове у него набухли шишки. Щеки были расцарапаны, и ссадины тянулись вниз к животу. Его левое бедро было кроваво-красным; до правой руки было больно дотронуться.

Но, правда, болело все тело. Он застонал, подставляя лицо под воду.

— Эй! — окликнул его Гарри. — Ну как там?

— Неплохо.

Норман вылез, и Гарри шагнул под душ. Синяки и ссадины покрывали его тощее тело. Норман взглянул на Теда, который лежал навзничь на одной из коеч. Тед вывихнул оба плеча, и Бет пришлось провозиться почти полчаса, чтобы вправить их, даже после того, как она впрыснула ему морфин.

— Ну как теперь? — спросил у него Норман.

— О'кей.

Выражение лица у него было несчастное, настроение подавленное. Его восторженность прошла. Норман подумал, что ему нанесена большая травма, чем вывих обоих плеч. Так похожий на наивного ребенка, Тед, должно быть, был страшно потрясен тем, что пришелец повел себя враждебно.

— Очень больно? — осведомился Норман.

— Ничего.

Норман медленно опустился на койку, ощущив резкую боль в спине. Пятьдесят три года, подумал он. Все же мне следовало играть в гольф. А еще подумал: мне бы следовало находиться где угодно, только не здесь. Он содрогнулся и начал тихонько натягивать ботинок на поврежденную ногу. Неизвестно почему ему припомнились обнаженные ступни Леви, мертвый цвет кожи, ноги, задевающие защитное стекло его шлема.

— Барнса нашли? — спросил Тед.

— Ничего об этом не слышал, — ответил Норман. —
Думаю, что нет.

Он закончил одевание и отправился в цилиндр D, переступая лужи в коридоре. В самом цилиндре D вся мебель пропиталась водой, пульты управления были влажными, а стены были покрыты пузырями разной формы в тех местах, где Флетчер запломбировала специальным составом трещины.

Флетчер стояла посреди комнаты, держа распылитель в руке.

— Уже не так хорош, как прежде, — пожаловалась она.

— Но будет держаться?

— Конечно. Но я вам гарантирую: второй атаки мы не выдержим.

— А электроника? Она работает?

— Я не проверяла, но она должна быть в порядке. Она вся водонепроницаемая.

Норман кивнул:

— От капитана Барнса ничего? — он взглянул на кровавый отпечаток на стене.

— Нет, сэр. От капитана Барнса совсем ничего. — Флетчер проследила за его взглядом. — Сейчас я здесь все уберу.

— А где Тина? — спросил Норман.

— Отдыхает. В цилиндре E.

Норман кивнул:

— В цилиндре E посуще, чем здесь?

— Да, — ответила Флетчер. — Там все отлично. Никого не было в цилиндре E во время нападения, и он остался почти сухим.

— От Джерри ни слова?

— Контактов нет, сэр.

Норман постучал пальцем по пульте одного из компьютеров.

— Джерри, ты здесь?

Экран оставался чистым.

— Джерри?

Он подождал еще немного, затем повернул выключатель.

Тина сказала:

— Взгляните-ка на это. — Она села и откинула плед, обнажая свою левую ногу.

Рана была хуже, чем в тот момент, когда они услышали ее вскрик, бросились через весь модуль и втащили ее через люк цилиндра А. Теперь по диагонали всей ноги шел ряд круглых рубцов, пунцовых и раздувшихся в центре.

— Они сильно распухли за последний час,— сказала Тина.

Норман изучал раны. Края рубцов были окружены явными следами зубов.

— Не помнишь, что ты почувствовала? — спросил он.

— Это было ужасно,— ответила Тина.— Сначала что-то липкое, знаешь, как прилипает клей или что-то в этом роде. А потом как ожог в каждом из этих кругляшей, очень сильный.

— А что ты разглядела? Что это за существо?

— Просто — это было что-то длинное, ровное, вроде шпателя. Или что-то похожее на гигантский лист; он протянулся и обвил меня.

— А цвет?

— Что-то коричневатое. Я не разглядела хорошенъко. Он минутку помедлил.

— А капитан Барнс?

— Когда все это происходило, я была отрезана от капитана Барнса, сэр. Я не знаю, что случилось с капитаном Барнсом, сэр,— Тина говорила официально, с обычной непроницаемой маской на лице. Он подумал, что не следует сейчас лезть во все это. Если ты и сбежала, то это не мое дело.

— А Бет видела твою рану, Тина?

— Да, сэр, она была тут несколько минут назад.

— Ладно, попробуй просто отдохнуть.

— Сэр?

— Да, Тина?

— Кто будет составлять рапорт, сэр?

— Не знаю. Давай-ка не будем сейчас думать о рапортах, а лучше подумаем, как нам перенести все это.

— Да, сэр.

Когда он добрался до лаборатории Бет, он услышал, как голос Тины произносит:

— Как ты думаешь, они когда-нибудь откроют сферу?

— Возможно,— сказала Бет,— я не знаю.

— Она пугает меня.

И вновь голос Тины:

— Как ты думаешь, они когда-нибудь откроют сферу?

— Возможно. Я не знаю.

— Она пугает меня.

В лаборатории Бет, сидя за монитором, прокручивала запись.

— Та самая? — спросил Норман.

— Да.

На экране Бет доедала свой пирог, говоря:

— Не вижу причин для испуга.

— Неизвестность.

— Конечно, — говорила с экрана Бет. — Но неизвестное не всегда опасное или страшное. Неизвестное скорее непонятно.

— Знаменитые последние слова, — сказала Бет, глядя на свое изображение.

— В тот момент они были уместны, — заметил Норман, — чтобы успокоить ее.

На экране Бет спрашивала у Тины:

— Ты боишься змей?

— Змеи меня не волняют.

— Я терпеть не могу змей.

Бет остановила запись, обернулась к Норману:

— Как будто это было давным-давно.

— Я как раз подумал об этом, — ответил Норман.

— Не значит ли это, что мы прожили полную жизнь?

— Я думаю, это значит, что мы находимся в смертельной опасности, — сказал Норман. — Почему тебя так заинтересовала эта запись?

— Потому что мне нечем заняться, а когда мне нечем заняться, я иногда закатываю традиционные женские истерики. Ты уже видел как-то одну, Норман.

— Я? Что-то я не припомню.

— Спасибо, — сказала она.

Норман заметил плед на банкетке в углу лаборатории. И Бет прикрепила одну из лабораторных ламп над этим ложе.

— Ты теперь спиши здесь?

— Да, мне здесь больше нравится. На вершине цилиндра — я чувствую себя как королева подводного мира. — Она улыбнулась. — Вроде дома на дереве, который так любят дети. У тебя когда-нибудь был такой дом на дереве, когда ты был ребенком?

— Нет, — ответил Норман, — у меня не было.

— У меня тоже,— призналась Бет.— Но я представила себе, что он был бы именно таким.

— Выглядит очень уютно, Бет.

— Думаешь, я свихнулась?

— Нет. Я только сказал, что выглядит очень уютно.

— Ты можешь мне сказать, если ты думаешь, что я свихнулась.

— Я думаю, что у тебя все в порядке, Бет. А что Тина? Ты видела ее рану?

— Да,— нахмурилась Бет.— Но я видела и еще кое-что.— Она показала на несколько белых яиц в стеклянном контейнере на полке.

— Еще яица?

— Они прилипли к костюму Тины, когда она вернулась. Помнишь форму и размеры ее ран? К тому же запах: помнишь, чем от нее пахло, когда мы втаскивали ее сюда?

Норман прекрасно помнил — Тина сильно пахла аммиаком, как будто она была погружена в его раствор.

— Насколько мне известно,— сказала Бет,— только одно животное издает подобный запах. Архитевтис санкти-паули.

— Что это?

— Один из видов гигантских спрутов.

— Это он напал на нас?

— Я думаю, что да.

Она объяснила то немногое, что было известно о гигантском спруте, потому что изучены были только экземпляры тех животных, которых обнаружили на берегу и уже в стадии разложения, издающих сильный запах аммиака. На протяжении почти всей человеческой истории гигантского спрута почитали мифическим морским чудовищем. Первые достоверные сведения появились в 1961 году, после того, как французский военный корабль отбуксировал к берегу останки одного из гигантских животных. Множество китов со следами громадных щупалец свидетельствовали о подводных битвах. Киты считались единственными потомками гигантских спрутов — только эти животные были достаточно велики, чтобы походить на потомков этого чудовища.

— Сейчас,— сказала Бет,— гигантских спрутов обнаружили практически в каждом из мировых океанов. Существует по крайней мере три их вида. Эти животные вырастают до громадных размеров и в весе превышают

тысячу фунтов. Голова у них длиной более двадцати футов, она окружена восемью щупальцами, каждое длиной около десяти футов с рядами присосок. А на макушке находится рот с острым клювом, вроде клюва попугая, **за исключением** того, что длина его — семь дюймов.

— Порванный костюм Леви?

— Да,— кивнула она.— У клюва мускулистое основание, так что он может вращаться во всех направлениях. А язык спрута имеет шершавую, как терка, поверхность.

— Тина упоминала какой-то лист, что-то похожее на коричневый лист.

— У спрута еще имеются еще два особых щупальца, вытягивающиеся на целых сорок футов. Каждое такое щупальце заканчивается «манусом» или «ладонью», которая очень похожа на огромный лист. Этой самой ладонью спрут и хватает свою добычу. Присоски на ладонях имеют округлую форму и покрыты колючей щетиной, вот откуда расположенные по кругу следы зубов вокруг раны.

Норман спросил:

— И как с ним бороться?

— Ну,— ответила Бет,— теоретически считается, что, поскольку гигантский спрут слишком велик, он не очень-то силен.

— Все это теория,— вздохнул Норман.

Она кивнула:

— Конечно, никто не знает, как они сильны на самом деле, потому что никто не сталкивался с живыми экземплярами. Нам придется признать себя в этом первыми.

— Но его можно убить?

— И как мне кажется, очень легко. Мозг спрута расположен за его глазами — которые около пятнадцати дюймов в диаметре, размером с обеденную тарелку. Если направить заряд примерно в это место, он почти наверняка повредит нервную систему и животное умрет.

— Как ты думаешь, Барнс убил спрута?

Она пожала плечами:

— Я не знаю.

— А есть ли другой где-нибудь поблизости?

— Не знаю.

— Мы его увидим снова?

— Не знаю.

Посетитель

Норман спустился вниз в центр связи в надежде побеседовать с Джерри, но Джерри не отвечал. Норман, должно быть, задремал в кресле, потому что когда он очнулся, он увидел чернокожего моряка, стоящего прямо позади него и смотрящего через его плечо на экран.

— Как идут дела, сэр? — спросил моряк. Он был совершенно спокоен. Форма у него была с иголочки.

Норман чуть не подпрыгнул от радости. Появление этого человека в модуле могло означать только одно — корабли на поверхности вернулись! Корабли вернулись и послали за ними субмарину! Теперь они спасены!

— Дружище, — сказал Норман, протягивая руку. — Чертёвски рад тебя видеть.

— Спасибо, сэр.

— Когда вы прибыли? — спросил Норман.

— Только что, сэр.

— А остальные уже знают?

— Остальные, сэр?

— Да. Нас осталось, ох, нас осталось шестеро. Им уже сказали, что вы здесь?

— Я не знаю, как ответить, сэр.

Была какая-то невозмутимость в этом моряке, которую Норман находил странной. Моряк оглядывал помещение, и на какое-то мгновение Норман увидел окружающее его глазами — всюду сырость, поломанное оборудование, пузырящиеся стены. Было похоже на место побоища.

— Нам пришлось нелегко, — объяснил Норман.

— Я вижу, сэр.

— Трое наших погибли.

— Прискорбно слышать, сэр.

Опять эта невозмутимость. Нейтральность. Должностное поведение? Озабоченность испорченными материалами? Или что-то совсем другое?

— Откуда вы прибыли? — спросил Норман.

— Откуда прибыл, сэр?

— С какого корабля?

— А-а. «Морской шмель», сэр.

— Он наверху сейчас?

— Да, сэр.

— Ну, ладно, пойдем, — сказал Норман. — Расскажем остальным, что вы здесь.

— Да, сэр.

Моряк вышел. Норман стоял и вопил: «Ур-р-ра! Мы спасены!»

— Как бы то ни было, это не галлюцинация,— говорил Норман, глядя на экран.— Вот же он, самый настоящий, на мониторе.

— Да, вот он,— согласилась Бет.— Но куда же он подевался? — За последние полчаса они тщательно обыскали весь модуль. Никаких признаков чернокожего моряка. Никаких признаков субмарины снаружи или кораблей на поверхности. Посланный ими наверх баллон зарегистрировал ветер в восемьдесят узлов и тридцатифутовые волны. Затем провод оборвался.

Так откуда же он прибыл? И куда он подевался?

Флетчер работала за пультом. На экране появлялись таблицы с данными.

— Что вы на это скажете? В списке среди кораблей всех служб нет и намека на «Морской шмель».

Норман сказал:

— Так что же здесь происходит, черт возьми?

— Может быть, это была галлюцинация,— заметил Тед.

— Галлюцинации не фиксируются на видеозаписи,— ответил Гарри.— Кроме того, я тоже его видел.

— Ты его видел? — переспросил Норман.

— Да. Я как раз проснулся и мечтал о том, чтобы нас спасли, когда услышал шаги и он вошел в комнату.

— Ты говорил с ним?

— Да. Но он был такой странный и скучный. Немного надоедливый.

Норман кивнул:

— Можно было подумать, что в нем что-то не то.

— Да, точно.

— Но откуда он появился? — спросила Бет.

— По-моему, есть только одна возможность,— заявил Тед.— Он прибыл из сферы. Или, в конце концов, он был создан сферой. Джерри.

— Зачем Джерри сделал это? Чтобы шпионить за нами?

Тед покачал головой:

— Я думал об этом,— сказал он.— Мне кажется, Джерри обладает способностью создавать вещи. Животных. Я не думаю, что Джерри и есть гигантский спрут,

но это Джерри создал гигантского спрута, который напал на нас. Я не думаю, что Джерри хотел напасть на нас, но, из того, что рассказала нам Бет, получается, что созданный Джерри спрут вполне мог напасть на нас, принимая цилиндры за своего обычного врага — кита. Значит, это нападение можно назвать издержками производства.

Они, нахмурясь, слушали. Норману это объяснение казалось не совсем убедительным.

— Я думаю, что есть и иная возможность — что Джерри настроен враждебно.

— Я не верю этому, — заявил Тед. — Я не верю в то, что Джерри настроен враждебно.

— Но он ведет себя враждебно, Тед.

— Но я не думаю, что он действует *намеренно* враждебно.

— Какими бы ни были его намерения, — заметила Флетчер, — но новой атаки мы не выдержим. Структура не выдержит и системы поддержки и обеспечения тоже.

— После первой атаки я усилила внутреннее давление, — продолжала она, — чтобы зафиксировать протечки. Чтобы вода не проникала через них, я увеличила давление воздуха внутри модуля, чтобы оно было выше давления воды снаружи. Это остановило проникновение воды, но это означает, что воздух просачивается через все трещины. А один час ремонтных работ поглотил шестнадцать часов нашего резервного воздуха. И я беспокоюсь, как бы мы вообще не остались без воздуха.

Наступила пауза. Они все поняли, что это означает.

— Что компенсировать это, — говорила Флетчер, — я опустила внутреннее давление на три сантиметра. Воздух для дыхания сейчас нормальный и его пока достаточно. Но еще одна такая атака, и нас расплющит, как пивную банку.

Норману не хотелось выслушивать подобные вещи, но в то же время он был подавлен компетентностью Флетчер. И этим надо воспользоваться, подумал он.

— У тебя есть какие-нибудь соображения, Элис, на случай новой атаки?

— Ну, у нас есть кое-что в цилиндре В под названием HVDS.

— Что это такое?

— «Защитная система высокого напряжения». В цилиндре В находится небольшой ящик, который электрифицирует все время стены цилиндров, чтобы предотвратить

коррозию. Совсем небольшой импульс тока, вы даже не замечаете его. Ну, как бы там ни было, есть и другой, зеленый ящик, присоединенный к первому. Это и есть HVDS, то есть, собственно, повышающий трансформатор, который посыпает разряд в два миллиона вольт через поверхность цилиндра. Очень непрятная вещь для любого животного.

— Почему же мы раньше его не использовали? — спросила Бет. — Почему Барнс не использовал его, вместо того, чтобы рисковать...

— Потому что «зеленый ящик» не так уж прост, — сказала Флетчер. — Все хорошо в теории, но насколько я знаю, его никогда не использовали в условиях подводных работ.

— Да, но его можно проверить.

— И в случае любой проверки он подожжет модуль.

Опять пауза, пока они обдумывали это. Затем Норман спросил:

— Что именно сгорит?

— Сгорит изоляция, обшивка стен.

— Вся обшивка сгорит?

— Мы погибнем от потери тепла в несколько минут.

Бет предположила:

— Может быть, он и не разгорится? Для поддержания огня нужен кислород, а здесь у нас внизу его только два процента.

— Правильно, д-р Гальперн, — согласилась Флетчер, — но в действительности процентное содержание кислорода изменяется. Модуль так устроен, что четыре раза в час, на очень короткий период, происходит выброс шестнадцати процентов кислорода. Это контролируется автоматически, вы не можете отменить это. А если процент кислорода высок, то огонь разгорится здесь в три раза быстрее, чем на поверхности. И легко выйдет из-под контроля.

Норман оглядел цилиндр, заметил три огнетушителя на стенах. Теперь, когда он задумался об этом, он вспомнил, что огнетушители распределены по всему модулю, только он как-то никогда не обращал на них внимание.

— Даже если нам удастся обуздать огонь, — сказала Флетчер, — все равно системы выйдут из строя. Кондиционеры не приспособлены для пропуска и переработки продуктов горения.

— И что же нам делать?

— Это крайнее средство,— сказала Флетчер.— Это мое мнение.

Остальные переглянулись и кивнули.

— Ладно,— поды托жил Норман.— Это крайнее средство.

— Будем надеяться, что нового нападения не последует.

— Новое нападение...— наступило долгое молчание, пока они обдумывали это. Затем экран на пульте у Тины вспыхнул и тихий ритмический звук наполнил комнату.

— Заработали тепловые датчики,--- ровным голосом сообщила Тина.

— Где? — спросила Флетчér.

— Север. Он приближается.

На мониторе появилась надпись:

Я ИДУ.

* * *

Они отключили весь свет, и наружный, и внутренний. Норман вглядывался в иллюминатор, стараясь что-нибудь рассмотреть в темноте. Они уже давно поняли, что темнота на дне вовсе не кромешная; вода в Тихом океане была такой прозрачной, что даже падавший с высоты в тысячу футов свет отражался на дне. Совсем слабый — Эдмундс сравнивала его со светом от звезды,— но Норман знал, что на поверхности можно видеть и при свете звезд.

Теперь он обхватил с двух сторон лицо ладонями, чтобы ему не мешал свет от мониторов, и ждал, пока привыкнут глаза. Позади него Тина и Флетчер работали с видеомониторами. Он услышал свист гидрофонов в комнате.

Все повторялось сначала.

— Тед стоял у монитора и повторял:

— Джерри, ты меня слышишь? — Но он не получал ответа.

Бет подошла сзади к Норману, вглядывавшемуся в иллюминатор.

— Что-нибудь видишь?

— Пока ничего.

В стороне Тина говорила:

— Восемьдесят ярдов, приближается... Шестьдесят ярдов. Нужен сонар?

— Не надо,— отозвалась Флетчер.— Ничего, что может заинтересовать его.

— Тогда, может, отключить и электронику?

— Все отключить.

Все огни на пульте управления погасли. Теперь только от их обогревателей исходило красное свечение. Они сидели в темноте, привыкая к ней. Норман пытался вспомнить, сколько нужно времени, чтобы начать видеть в темноте, потом вспомнил, что около трех минут.

Он стал различать очертания: контур решетки на дне и внутри нее серый высокий киль космического корабля, резко уходящий ввысь.

Потом и еще кое-что.

Зеленое сияние в отдалении. На горизонте.

— Как зеленый рассвет,— заметила Бет.

Сияние нарастало, и вскоре они увидели бесформенную зеленую массу с темными полосами. Норман подумал: похоже на то, что мы видели раньше. Все выглядело совершенно также. Но он пока не мог различить детали.

— Это спрут? — спросил он.

— Да,— ответила Бет.

— Я не могу разглядеть...

— Мы видим его со спины. Тело перед нами, а щупальца позади, отчасти заслоненные телом. Вот почему мы не можем разглядеть его.

Спрут становился все больше. Несомненно, он шел прямо на них.

Тед бросился от иллюминатора к пульте:

— Джерри, ты слышишь? Джерри?

— Вся электроника отключена, д-р Филдинг,— заметила Флетчер.

— Ну, давайте же как-нибудь поговорим с ним, Бога ради!

— Думаю, время переговоров прошло, сэр.

Спрут слабо светился, весь темно-зеленый. Теперь Норман мог разглядеть острый вертикальный гребень на его спине. Ясно были различимы шевелящиеся щупальца. Очертания его увеличились, спрут быстро надвигался.

— Он ходит вокруг решетки.

— Да,— сказала Бет,— они умные животные, они способны изучать что-либо опытным путем. Вероятно, раньше он как-то миновал решетку и теперь вспомнил об этом.

Спрут поравнялся с килем корабля, и они смогли представить его реальные размеры. Да он с дом, поду-

мал Норман. И это громадное существо плавно ползло в воде в их сторону. Он почувствовал что-то вроде священного трепета, и сердце его отчаянно колотилось.

— Джерри! Джерри!

— Побереги сердце, Тед.

— Тридцать ярдов, — сообщила Тина. — Приближается.

Когда спрут подошел еще ближе, Норман смог посчитать его щупальца и увидел, что два из них, светясь, далеко выступают за пределы тела. Казалось, что щупальца беспорядочно шевелятся в воде, тогда как само тело производит равномерные мускульные сокращения. Спрут продвигался с помощью выталкивания воды, а не использовал свои конечности для плавания.

— Двадцать ярдов.

— Господи, какой здоровый, — произнес Гарри.

— Знаете, — сказала Бет, — а ведь мы впервые видим живого, плавающего гигантского спрута. Это величайшее мгновение.

Они услышали журчание потоков воды в гидрофонах, когда спрут подошел ближе.

— Десять ярдов.

На мгновение гигантское существо повернулось боком к модулю, и они смогли увидеть его в профиль — громадное светящееся тело, длиной в тридцать футов, с огромным немигающим глазом; две длинные конечности, заканчивающиеся плоскими, напоминающими листья ладонями.

Спрут продолжал поворачиваться, пока его щупальца не дотянулись до модуля, и они заметили рот с неровными краями — щель в гуще светящихся мускулов.

— О Боже...

Спрут двигался вперед. Они могли видеть друг друга через иллюминатор в зеленом свете. Началось, подумал Норман. Началось, и на этот раз нам несдобровать.

Раздался удар — щупальце коснулось модуля.

— Джерри! — прокричал Тед. Его голос звенел от напряжения.

Спрут помедлил. Его тело хаотично задвигалось, и они увидели уставившийся на них огромный глаз.

— Джерри! Послушай меня!

Спрут, казалось, заколебался.

— Он слушает меня! — завопил Тед, схватил фонарь с полки и замахал им перед иллюминатором. Затем мигнул один раз.

Здоровое тело спрута, сияющее зеленым светом, на мгновение потемнело, потом опять засветилось.

— Он слушает,— согласилась Бет.

— Разумеется, слушает. Он умный,— Тед дважды мигнул фонарем в большом возбуждении.

И спрут дважды мигнул.

— Как у него это получается? — спросил Норман.

— У него есть особые кожные клетки — хроматофоры,— пояснила Бет.— Животное может произвольно закрывать и открывать эти клетки, блокируя свет.

Тед мигнул трижды.

И трижды мигнул спрут.

— Как быстро он это делает,— заметил Норман.

— Да, быстро.

— Он умный, я вам говорю,— уверял Тед.— Он умный и хочет побеседовать.

Тед дал один длинный и два коротких сигнала.

Спрут повторил.

— Ах ты, детка,— умилился Тед.— Ты решил поболтать со мной, Джерри.

Тед промигал фонарем более сложную комбинацию. Спрут ответил, но затем переместился влево.

— Я должен удержать его разговором,— сказал Тед и отправился ему вслед, перебегая от иллюминатора к иллюминатору, светя своим фонарем. Спрут по-прежнему мигал своим светящимся телом в ответ, но Норман догадывался, что при этом тот преследует какую-то свою цель.

Они следовали за Тедом, переходя из цилиндра D в цилиндр С. Тед светил фонарем, спрут отвечал, но неуклонно двигался вперед.

— Что он делает?

— Может быть, ведет нас...

— Зачем?

Они вошли в цилиндр В, где располагались системы жизнеобеспечения, но в цилиндре В не было иллюминаторов. Тед отправился в цилиндр А — шлюзовой. Но и там не было иллюминаторов. Тед немедленно спрыгнул и открыл люк в полу. Показалась темная вода.

— Осторожнее, Тед.

— Говорю вам, он умный,— сказал Тед. Вода у его ног светилась зеленоватым.— Вот он и пришел.— Тед помигал фонарем в воду.

Зеленое свечение помигало в ответ.

— Еще разговаривает, — удовлетворенно заметил Тед, — а пока он будет разговаривать...

Со сверхъестественной скоростью щупальце высунулось из воды и описало дугу по шлюзовому отсеку. Норман увидел мелькнувшую светящуюся конечность, толщиной в человеческое тело, и большой светящийся листок длиной в пять футов, слепо ткнувшийся позади него; уворачиваясь, он увидел, что лист задел Бет и отбросил ее в сторону. В ужасе взвигнула Тина. Сильнейший запах аммиака обжег им глаза. Щупальце снова протянулось к Норману. Он инстинктивно вытянул руки, чтобы защититься, и коснулся склизкой, холодной поверхности, а гигантская конечность крутанула его, едва не прихлопнув, как муху, о металлическую стену шлюза. Животное было невероятно сильным.

— Уходите, все уходите, подальше от металла! — закричала Флетчер. Тед попытался выбраться, уволзти подальше от люка и шевелящейся конечности, когда лист загнулся и охватил его, покрывая почти все тело. Тед брыкался, отрывал руками лист от своего тела. Глаза его расширились от ужаса.

Норман рванулся вперед, но Гарри схватил его:

— Оставь его! Ты уже ничего не поделаешь.

Тела швыряло из стороны в сторону по всему шлюзовому отсеку, его колотило о стены, потом голова его поникла, кровь потекла по лбу на светящееся щупальце. Пока Теда молотило и было об стены, модуль звенел при каждом ударе.

— Уходите! — кричала Флетчер. — Все уходите!

Бет карабкалась вслед за ними. Гарри с силой дернул Нормана, когда второе щупальце выметнулось на поверхность, чтобы подхватить Теда, как пинцетом.

— Прочь от металла! Проклятье! Все от металла! — кричала Флетчер, и лишь только они ступили на ковер цилиндра В, она сорвала пломбу с «зеленого ящика». Загудели генераторы, и красные батареи обогревателей потускнели, когда два миллиона электровольт пронизали модуль.

Ответ последовал незамедлительно.

Пол поднялся под их ногами, как будто модуль поразил удар невероятной силы, и Норману почудилось, что он рассышал стон, хотя это могли быть звуки трескающегося металла, и щупальца быстро убрались из шлюза. Последний раз перед ними мелькнуло тело Теда, увле-

каемое в чернильную воду; и Флетчер налегла на рычаг «зеленого ящика». Но тревога уже начала завывать, и предостерегающие вспыхнули красные огни.

— Пожар! — крикнула Флетчер.— Пожар в цилиндре Е!

Флетчер раздала им противогазы; Норман напялил его на лоб, спустил вниз и сразу стал едва различать что-либо. Пока они добрались на ощупь до цилиндра D, там уже был густой дым. Они кашляли и спотыкались, удаляясь о пульты.

— Наклонитесь ниже,— посоветовала Тина, опустив голову к самым коленям. Она шла впереди; Флетчер осталась в цилиндре B.

Неистовые красные сполохи обозначали по контуру дверь в цилиндр Е. Тина схватила огнетушитель и рванулась туда, за ней — Норман. Злобные языки пламени лизали боковую обшивку; густые клубы дыма поднимались к потолку. Явно ощущалось, как все вокруг накалено.

Тина пускала пенистые струи из огнетушителя по всему цилиндуру; при вспышках огня Норман заметил другой огнетушитель, схватил его, но горячий металл обжег его, и он уронил его на пол.

— Огонь в D,— послышался из динамика голос Флетчер.— Огонь в D.

Боже, подумал Норман. Несмотря на противогаз, он кашлял от едкого дыма. Он поднял с пола огнетушитель, пустил струю; и тот немедленно остыл. Что-то прокричала ему Тина, но он ничего не слышал, кроме рева огня. Им с Тиной почти удалось потушить пламя, но около одного из иллюминаторов оставалось большое горящее пятно. Он отвернулся, заливая полыхающий под ногами пол.

Он был не готов к взрыву, толчок болезненно отдался у него в висках. Он обернулся и увидел, что шланг болтается по комнате, и тут же обнаружил, что один из маленьких иллюминаторов был то ли выбит взрывом, то ли лопнул от огня, но теперь вода обрушилась вниз с невероятной силой.

Он не видел Тины; затем обнаружил, что она упала. Потом Тина поднялась на ноги, что-то прокричав Норману, и тут вдруг она заскользила прочь, уносимая свистящим потоком воды. Поток подхватил ее и с такой силой швырнулся о противоположную стену, что он мгновенно

догадался, что она мертва, и когда он взглянул вниз, он увидел, как она плывет лицом вниз по воде, быстро наполнявшей комнату. Ей снесло половину затылка, так что он увидел ее окровавленный мозг.

Норман повернулся и побежал. Вода уже переливалась через край люка, когда ему удалось захлопнуть за собой тяжелую дверь, закрутить колесо, чтобы замкнуть ее.

В цилиндре D ничего нельзя было разглядеть; дым был еще гуще. Он различал туманные пятна красного пламени, едва видимые в дыму. Услышал свист огнетушителей. А где его огнетушитель? Наверное, он оставил его в цилиндре Е. Как слепой, пробирался он по стене в поисках другого огнетушителя, задыхаясь в дыму. Его глаза и легкие горели, несмотря на противогаз.

Затем сопровождаемые скрежетом металла начались удары, модуль сотрясался от ударов спрута. Норман слышал, как пробивался в динамике голос Флетчер, но он был скрипучим и неясным. Удары сопровождались ужасающим металлическим скрежетом. И Норман подумал: мы погибнем. Вот теперь-то мы и погибнем.

Он не мог найти огнетушитель, но его руки нашарили что-то металлическое на стене, и Норман ощупывал предмет в дымной темноте, желая понять, что это, что за выступ, и затем два миллиона вольт пронизали его косточки, тело, и, едва вскрикнув, он упал навзничь.

Последствия

Он увидел скопление огней в странной перспективе, расходящиеся под углом. Он сел, сразу почувствовав острую боль, и огляделся. Он сидел на полу цилиндра D. Слабый дымок курился в воздухе. Мягкая обивка стен почернела и обуглилась в нескольких местах.

Должно быть, здесь был пожар, подумал он, удивленно разглядывая повреждения. Когда же это случилось? И где был он в это время?

Он медленно встал на одно колено, потом поднялся на ноги, повернулся к цилинду Е. Но люк в потолке был почему-то заперт. Он попытался открутить колесо, чтобы открыть дверь, но оно не поддавалось.

Никого не было видно. Куда они все подевались? Потом он начал припоминать, что случилось с Тедом. Он

погиб. Спрут утащил его тело через шлюз. А потом Флетчер велела всем возвращаться и рвала рычаг энергогенератора...

Понемногу память возвращалась к нему. Пожар. Горело в цилиндре Е. Он отправился туда вместе с Тиной гасить огонь. Он вспомнил, как вошел туда, как пламя лизало обшивку стен... А дальше? Он забыл...

Где же остальные?

Его ужаснула мысль, что он один уцелел, но потом он рассыпал кашель в цилиндре С. Он пошел на звук, но никого не нашел и отправился в цилиндр В.

Флетчер там не было. Металлические трубы были запиты кровью, на ковре валялся один из ее башмаков. И все.

Из-за труб снова послышался кашель.

— Флетчер?

— Минутку...

Из-за труб появилась Бет, вся в грязи.

— Хорошо, что ты очнулся. Я запустила большинство систем. Благодаренье Богу, ВМС печатают инструкции на корпусах машин. Во всяком случае, дым рассосался и можно нормально дышать. Воздух не самый лучший, но ничего, да и вся эта жизненно важная ерунда кажется неповрежденной. У нас есть и воздух, и вода, и тепло, и энергия. Я только хочу разузнать, на сколько всего этого должно хватить.

— Где Флетчер?

— Я нигде не нашла ее,— Бет показала на башмак на полу и на пятна крови.

— Тина? — продолжал спрашивать Норман. Его встревожила перспектива остаться тут без кого-либо из людей ВМС.

— Тина была с тобой,— нахмурилась Бет.

— Ничего не помню,— сказал Норман.

— Вероятно, тебя ударило током,— предположила Бет.— И из-за этого у тебя регрессивная амнезия. Ты не помнишь того, что случилось за несколько минут до шока. Я не могу найти и Тину, но согласно показаниям датчиков цилиндр Е затоплен и вышел из строя. Ты был с Тиной в этом цилиндре. Я не знаю, почему его затопило.

— А что с Гарри?

— Его тоже ударило током. Думаю, на ваше счастье, сила тока была не слишком велика, а то бы вас просто

поджарило. Ну, как бы то ни было, а он лежит на полу в цилиндре С, то ли спит, то ли без сознания. Если хочешь, можешь пойти взглянуть. Я не хотела его беспокоить и просто оставила там, где он лежал.

— Он очнется? Говорил с тобой?

— Нет, но дыхание у него, по-моему, нормальное. Да и цвет лица и все такое. В любом случае, я думаю, мне лучше запустить системы жизнеобеспечения.— Она потерла грязь на щеке.— Я хочу сказать, что нас здесь осталось всего трое.

— Ты, я и Гарри?

— Да. Ты, я и Гарри.

Гарри мирно спал на полу между койками. Норман опустился на корточки, приподнял его веки и посветил Гарри в зрачок. Зрачок сократился.

— Это не может быть раем,— произнес Гарри.

— Почему? — спросил Норман, направив свет в другой зрачок; тот сократился.

— Потому что ты здесь. А психологов в рай непускают.— Он слабо улыбнулся.

— Ты можешь двигать руками? Ногами?

— Да все у меня двигается, Норман. Я поднялся сюда снизу. Все у меня в порядке.

Норман присел на койку.

— Я рад, что это так, Гарри.— На самом-то деле он хотел сказать, что холода при мысли, что с Гарри могло что-то случиться. С самого начала экспедиции все они надеялись на Гарри. В самый критический момент Гарри находил разгадки и необходимые пояснения. И даже сейчас Норману стало спокойнее при мысли, что если Бет не сможет подключить системы модуля, то Гарри во всем разберется.

— Да, я в порядке,— Гарри снова закрыл глаза, вздохнул.— Кто остался?

— Бет. Я. Ты.

— Боже.

— Да. Хочешь встать?

— Да, лучше я переберусь в постель. Я так устал, Норман. Я готов проспать целый год.

Норман помог ему подняться. Гарри немедленно рухнул на ближайшую койку.

— Ничего, если я немножко посплю?

— Конечно.

— Ну и хорошо. Я так устал, Норман. Я могу проспать целый год.

— Да, ты уже говорил это...

Он не успел закончить, как Гарри начал покрапывать. Норман перегнулся, чтобы убрать какой-то мятый предмет с подушки у Гарри под головой.

Записная книжка Теда Филдинга.

Чувства внезапно переполнили Нормана. Он опустился на койку с записной книжкой в руках. Наконец он просмотрел пару страниц, исписанных крупным, размашистым почерком Теда. Какая-то фотография высокользнула и упала ему на колени. Он перевернул ее — это было изображение красного «Корветта». Эмоции переполнили его, и он заплакал. Норман не знал, плакал ли он по Теду или по самому себе, потому что ему стало ясно, что один за другим, они все погибнут здесь, внизу. Ему было очень грустно и очень страшно.

Бет находилась в цилиндре D в узле связи, регулируя видеомониторы.

— Они здорово поработали над устройством всего этого, — одобрительно кивнула она. — Все помечено, снабжено инструкциями — сплошные вспомогательные файлы. Даже идиот справился бы с этим. Я вижу только одно затруднение.

— Какое?

— Кухня была в цилиндре E, а он затоплен. У нас нет еды, Норман.

— Совсем нет?

— Кажется, да.

— А вода?

— Ну, воды-то полно, а еды нет.

— Ну, можно обойтись и без еды. Сколько нам осталось провести здесь, внизу?

— Похоже, еще два дня.

— Обойдемся, — сказал Норман, подумав: о Боже, два дня. Еще два дня здесь, внизу.

— Если учитывать, что шторм закончится точно по расчетам, — добавила Бет. — Теперь я пытаюсь понять, как отправить на поверхность баллон, чтобы узнать, что там сейчас творится. Тина использовала какой-то особый код.

— Обойдемся, — опять повторил Норман.

— Ну разумеется. Если станет совсем худо, еду мы

всегда можем позаимствовать с космического корабля. Ее там видимо-невидимо.

— Думаешь, можно рискнуть выйти наружу?

— Придется,— сказала она, глядя на экран,— причем в ближайшие три часа.

— Зачем?

— Субмарина. На ней установлен автосчетчик, и на нее нужно приходить по графику и нажимать кнопку.

— Да черт с ней,— махнул рукой Норман,— пусть себе катится.

— Слишком опрометчиво,— возразила Бет.— На ней как-никак должны подняться три человека.

— Ты имеешь в виду, что мы все могли бы выбраться на ней отсюда?

— Да, именно это я и имела в виду.

— Господи,— сказал Норман.— Так давайте прямо сейчас и отправимся.

— Ну, тут целых два осложнения,— усмехнулась Бет и указала на экраны.— Я рассматривала имеющиеся возможности. Во-первых, субмарина неустойчива, и если на поверхности все еще большие волны, нас потрясет еще посильнее, чем здесь. А второе — то, что мы должны пройти через камеру декомпрессинга на поверхности. Не забывай, что у нас всех впереди девяносто шесть часов декомпрессинга.

— А если мы не будем декомпрессированы? — спросил Норман, а сам подумал: давайте просто поднимемся на субмарине наверх, откроем люк, чтобы увидеть небо, облака и вдохнуть немного нормального земного воздуха.

— Нам необходим декомпрессинг,— сказала Бет.— Твое кровообращение насыщено гелием. Ты находишься под давлением — и все в порядке. Но если это давление внезапно исчезнет, с тобой произойдет то же, что и с бутылкой газировки, когда ты откупориваешь ее. Гелий, как пузырь, вырвется из тебя. Ты немедленно погибнешь.

— А,— разочарованно протянул Норман.

— Девяносто шесть часов,— повторила Бет.— Вот сколько времени понадобится на то, чтобы из тебя вышел гелий.

— А-а.

Норман подошел к иллюминатору и взглянул на DH-7 и субмарину, примерно в ста ярдах от них.

— Как ты думаешь, спрут вернется?

Ее передернуло:

— Поинтересуйся у Джерри.

Норман подумал: о Золушке больше нет и помину. Или она предпочитает думать об этом злобном создании как о существе мужского пола?

— А на каком мониторе он появлялся? — спросил он у Бет.

— Вот здесь, — она включила его, экран засветился.

— Джерри? Ты здесь?

Ответа не было.

Он напечатал: ДЖЕРРИ? ТЫ ЗДЕСЬ?

Опять никакого ответа.

— Я расскажу тебе кое-что о Джерри, — сказала Бет. — На самом деле он *вовсе* не может читать мысли. Когда мы с ним тогда беседовали, я посыпала ему мысленно сигнал, а он не ответил.

— Я тоже посыпал, — сказал Норман. — Хотя и сейчас он нас, похоже, не слышит.

— Да точно нет, я уже пыталась связаться с ним раньше.

— Хотел бы я знать, почему он не отвечает?

— Ты говорил, что он эмоционален. Может, надулся из-за чего-то.

Норман так не думал. У маленьких принцев не бывает дурного настроения. Они капризны и мстительны, но они не умеют дуться.

— А кстати, — вспомнила Бет, — можешь взглянуть вот на это. — Она протянула ему распечатку. — Это записи всех наших переговоров с ним.

— Возможно, это даст нам ключ, — сказал Норман, берясь за протянутые листы безо всякого энтузиазма. Он почувствовал внезапную усталость.

— Все же это как-то отвлечет тебя?

— Правда.

— Лично я, — призналась Бет, — хотела бы вернуться на корабль.

— Зачем?

— Не убеждена, что мы нашли все, что там было.

— Туда идти далеко и небезопасно.

— Знаю. Но если на некоторое время спрут оставит нас в покое, я могла бы попытаться.

— Чтобы отвлечься?

— Так и знала, что ты это скажешь. — Она с досадой тряхнула головой и взглянула на часы. — Норман, я

пойду вздремну пару часов. А потом кинем жребий, кому идти на субмарину.

— Ладно.

— Ты выглядишь подавленно, Норман.

— Так и есть.

— Я тоже,— вздохнула Бет.— Это место похоже на гробницу, в которой я преждевременно погребена.

Она взобралась наверх в свою лабораторию; но спать она, очевидно, не легла, потому что некоторое время спустя Норман услышал голос Тины:

— Как ты думаешь, они когда-нибудь откроют сферу? И Бет ответила:

— Возможно. Я не знаю.

— Это пугает меня.

Жужжание перемотки, и опять:

— Как ты думаешь, они когда-нибудь откроют сферу?

— Возможно. Я не знаю.

Похоже, что эта запись превратилась в навязчивую идею Бет.

Он взглянул на распечатку, разложенную у него на коленях, а потом перевел глаза на экран:

— Джерри? — позвал он.— Ты здесь?

Джерри не отвечал.

Субмарина

Бет тихонько тряслась за плечо. Норман открыл глаза.

— Пора,— сказала Бет.

— О'кей.— Он зевнул. Боже, как он устал.— Сколько осталось времени?

— Полчаса.

Бет переключала сенсорные датчики в узле связи, регулируя аппаратуру.

— И ты знаешь, как все это работает? — спросил Норман.— Эти датчики.

— Очень неплохо. Я уже все выучила.

— Тогда на субмарину следует отправиться мне,— заметил Норман. Он знал, что Бет ни за что на это не согласится, что она будет настаивать на том, чтобы все сделать самой, но он хотел хотя бы попытаться ради приличия.

— Ладно,— сказала она.— Это разумно.

Он с трудом скрыл удивление:

— Вот и я так полагаю.

— Кому-то же нужно присматривать за аппаратурой,— пояснила она.— И я смогу тебя предупредить, если появится спрут.

— Отлично,— ответил Норман. Он подумал: Боже, да она вполне серьезно.— И я еще думаю, что не надо поручать этого Гарри.

— Нет, Гарри недостаточно крепок. Да к тому же еще спит. Вот и пусть себе спит.

— Превосходно.

— Нужно помочь тебе надеть костюм.

— О, нет, с ним все в порядке,— возразил Норман.— Там только вентилятор сломался.

— Флетчер его починила,— сказала Бет.

— Надеюсь, она сделала это хорошо.

— Может, лучше пойду я? — сказала Бет.

— Нет, нет. Присмотри за пультом. Тут и всего-то какие-то сто ярдов.

— Тогда все,— сказала она, уткнувшись в экран.

— Отлично,— произнес Норман.

* * *

Щелкнул замок шлема, и Бет постучала по защитному стеклу, вопросительно глядя на него: все ли в порядке?

Норман кивнул, и она открыла ему люк в полу. Он помахал ей и прыгнул в ледяную черную воду. На дне он немного постоял под люком, чтобы убедиться, что он слышит жужжение работающего вентилятора. Затем он вышел из-под модуля.

Всего несколько огней освещало модуль. Он увидел множество пузырящихся струек, поднимающихся вверх из протекающих цилиндров.

— Ну, как ты? — спросила Бет через наушники.

— Нормально. Ты знаешь, что мы протекаем?

— Выглядит хуже, чем на самом деле,— успокоила она его.— Поверь мне.

Норман дошел до конца цилиндра и примерился к тем ста ярдам открытой воды, которые ему нужно было преодолеть.

— Как там? Пока никого?

— Пока никого.

И Норман отправился. Он шел так быстро, как мог, но чувствовал, что ноги его едва двигаются. Он начал задыхаться и выругался.

— В чем дело?

— Не могу быстро идти.— Он старался смотреть на север, каждую секунду ожидая увидеть зеленоватое свечение приближающегося спрута, но горизонт оставался темным.

— Ты все делаешь отлично, Норман. Пока никого.

Теперь он был в пятидесяти ярдах от модуля — полпути. Он видел DH-7, маленький цилиндр высотой в сорок футов, намного меньше их собственного модуля, несколько иллюминаторов. Поблизости, под колпаком ангара, располагалась субмарина.

— Ты уже почти там,— подбодрила его Бет.— Отличная работа.

У Нормана закружилась голова. Он пошел совсем медленно и уже мог разглядеть маркировку на серой поверхности модуля. Все виды трафаретов ВМС.

— Путь свободен,— сказала Бет.— Прими поздравления. Похоже, у тебя получилось.

Он прошел под цилиндром, ища люк. Люк был закрыт. Покрутив колесо и надавив на крышку, Норман открыл его. Внутри было полутемно, половина огней не горела. Но Норману хотелось осмотреться. Там могло оказаться что-то нужное, какое-то оружие, которое бы им пригодилось.

— Сначала субмарины,— посоветовала Бет.— У тебя всего десять минут, чтобы нажать на кнопку.

— Хорошо.

Норман прошел к лодке, и, встав позади двойного винта, прочел название: «Звезда глубин III». Лодка была желтая, очень похожая на ту, на которой он спускался вниз, но ее конструкция была все же иной. Сбоку он нашупал поручни, взобрался в воздушный мешок под колпаком. Большая шарообразная кабина пилота располагалась наверху; позади нее Норман нашел люк, открыл его и почти свалился вниз.

— Я в лодке.

Бет не ответила. Вероятно, она не рассыпалась его, звуки не проходили сквозь окружавший его металл. Он огляделся и подумал: я насквозь мокрый. Но что я могу поделать — вытереть ноги о коврик у входной двери? Он улыбнулся самой этой мысли.

Записи он нашел в кормовом отсеке. Внутри лодка была обширной, поместиться в ней могло бы даже больше трех человек. Но Бет была права насчет путешествия на поверхность: внутри лодки было поналихано столько всякого оборудования с острыми краями, что колотиться о них было бы малоприятным занятием.

Где же была кнопка отсрочки? Он взглянул на погашенную приборную доску и увидел единственный мигающий красный огонек возле кнопки с надписью «Таймер остановлен». Он нажал на кнопку.

Красный огонек перестал мигать, и горел теперь ровным светом. Вспыхнул крошечный янтарный экран: Таймер — Отсчет 12:00:00

Он увидел, что цифры побежали в обратном направлении. Должно быть, это из-за него, подумал Норман. Экран погас.

Разглядывая оборудование, Норман вдруг подумал: сумеет ли он управлять этой лодкой в случае аварии? Он уселся в кресло пилота, лицом к всегда ставившему его в тупик пульта со шкалами и кнопками. Не похоже, чтобы здесь был какой-нибудь инструмент управления, руль или рычаг.

Загорелся видеозакран:

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — МОДУЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

Нужна ли помощь?

Да Нет Отмена

Да, подумал Норман, мне как раз нужна помощь. Он поискал кнопку «Да» рядом с экраном, но там никаких кнопок не было, и он просто дотронулся до надписи «Да» на самом экране.

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫБОР

Погружение Подъем

Сохранить Удалить

Монитор Отмена

Он нажал «Подъем». На экране появилась уменьшенная копия приборной доски. Одна из частей чертежа вспыхивала. Под чертежом было написано:

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — КОНТРОЛЬ ПОДЪЕМА

1. Установка Балластного Режима

Переходите к следующему Отмена

Так вот как она работает, подумал Норман. Контрольные инструкции, хранящиеся в компьютере, шаг за шагом прослеживали все операции управления. Оставалось только следовать указаниям. Так он и поступит.

Течение слегка качнуло субмарину, потянуло ее в сторону.

Он нажал «Отмену», экран очистился. Потом на нем вспыхнуло:

Таймер — Отсчет 11:53:04

Все тот же обратный отсчет. Он подумал: неужели я впрямь- нахожусь здесь всего семь минут? Новый рывок течения, вновь качнулась субмарина. Пора было уходить.

Он направился к люку, выбрался под колпак, закрыл люк; затем спустился вниз и почувствовал дно под ногами. Как только он выбрался из-под поглощающего радиопередачу металлического щита, в наушниках немедленно защелкало.

— ...ты там? Норман, ты там? Пожалуйста, ответь! Это был голос Гарри.

— Я здесь,— отозвался Норман.

— Норман, ради Бога...

В это мгновение Норман увидел зеленое свечение, и тут его осенило, почему тряслось и качало лодку. Спрут был в каких-нибудь десяти ярдах, его светящиеся щупальца тянулись к нему, взбалтывая илистое дно.

— ...Норман, ты можешь...

Времени на раздумья не было. Норман преодолел одним махом три ступени, прыгнул через открытый люк и шлепнулся в DH-7.

Он захлопнул за собой крышку люка, но гладкое лопатообразное щупальце уже коснулось его. Норман отпихнул щупальце в полузакрытый люк, но оно не желало убираться. Оно было невероятно сильным и мускулистым и все время извивалось; Норман заметил похожие на маленькие, открывающиеся и закрывающиеся рты, присоски. Норман отжимал книзу крышку люка, пытаясь заставить щупальца убраться. Но одним мускулистым ударом дверь была выбита, Норман полетел на пол, а щупальце принялось шарить по модулю. Норман ощутил сильный запах аммиака.

Норман отполз и стал карабкаться наверх. Появилось второе щупальце, шлепнувшееся через распахнутый люк.

Оба щупальца извивались под ним, искали его. Он подошел к иллюминатору и, выглянув, увидел громадное тело животного, с огромным круглым глазом. Он залез еще выше, укрываясь от щупалец. Большая часть цилиндра походила на склад, забитый оборудованием, ящиками, канистрами. Многие ярко-красные ящики были снабжены предупреждающими надписями «Осторожно. Не курить. Не хранить вблизи электричества.. Взрыватели марки TEVAC». Карабкаясь выше, он подивился, какая пропасть была этих взрывателей.

Щупальце вырастало за его спиной. Здравой, способной к логике частью сознания он подумал: длина цилиндра сорок футов, и щупальца по меньшей мере сорок футов. Здесь мне везде крышка.

Он полз все выше, понимая, что укрыться ему негде, ударил колено, но продолжал ползти. Он слышал мокрые щелчки касавшихся стен щупальцев, тянувшихся за ним.

Оружие, подумал он. Надо найти оружие.

Он добрался до камбуза — металлической стойки с каким-то горшками и кастрюльками. Он быстро открывал ящики, роясь в них в поисках ножа. Он наткнулся только на маленький фруктовый ножик и с отвращением отшвырнул его. Он слышал, как подбирается к нему щупальце, и в следующее мгновение его сбило с ног, шлем стукнулся о палубу. Норман встал на ноги, отпихнул щупальце, стал продвигаться дальше по цилинду.

Узел связи: радиоточка, компьютер, пара видеомониторов. Щупальца шевелились прямо у него за спиной, извиваясь, как лианы. Его глаза ожгло аммиачными выделениями.

Он добрался до коеч — узкого спального пространства на самом верху цилиндра.

Негде укрыться, лихорадочно думал он. Нет ни оружия, ни укрытия.

Щупальца добрались до верхушки цилиндра, шлепая по ковровому покрытию, мотаясь из стороны в сторону. В любое мгновение они могли схватить его.

Норман рванул с одной из коеч матрас, вытянул перед собой эту непрочную защиту. Оба щупальца беспорядочно извивались вокруг него. От одного он едва увернулся.

И тут с хлюпаньем одно щупальце обвилось вокруг него, сжав его вместе с матрасом в холодном скользком объятии. Он почувствовал, что его медленно выжимают,

как губку, в то время как десятки присосок впились в его тело, добираясь до кожи. Он в ужасе застонал. Второе щупальце откинулось назад, чтобы вместе с первым захватить его в тиски.

О Господи, только и подумал он.

Щупальце держало его высоко в воздухе, далеко от стен цилиндра. Вот оно, подумал Норман, но в следующее мгновение он почувствовал, что его тело летит вниз, мимо матраса, что он чудом выскользнул из объятий спрута и падает. Он хватался за щупальца, ища поддержки, скользя по ним, как по дьявольски вонючим лозам, и наконец свалился на палубу около камбуза, ударившись головой о металлическое покрытие и перевернувшись на спину.

Он увидел, как над его головой щупальца сжимают, выкручивают, минут матрас. Понял ли спрут, что произошло, что его жертва освободилась?

Норман в отчаянии огляделся. Оружие, оружие. Это же модуль ВМС. Где-то здесь непременно должно быть оружие.

Щупальца разорвали матрас, и белые ключья ваты разлетелись по всему цилинду. Щупальца вывернули чехол матраса, вывалились последние большие куски. Затем, отбросив ненужную тряпку, щупальца вновь принялись извиваться по модулю.

Искали.

Знает, подумал Норман. Знает, что я ускользнул, но что я еще где-то здесь. Он охотится за мной.

Но как он узнал? Норман увернулся за стойку кухни, когда одно из щупалец принялось крошить горшки и кастрюли, почувствовав близкую добычу. Норман отполз назад, натолкнувшись на какое-то растение в горшке. Щупальце искало его безостановочно, шаря по полу, стуча по кастрюлям. Норман выбросил горшок вперед, и щупальце, заграбастав его, легко вырвало растение прямо с корнем и подбросило вверх.

Отчаяние заставляло Нормана карабкаться вперед.

Оружие, думал он. Оружие.

Он посмотрел вниз, куда упали остатки матраса, и увидел стоящие вдоль стены у самого наружного люка ряды вертикальных серебристо-серых штыков. Гарпунные пистолеты! Как же он пропустил их, попав сюда? Каждый гарпун оканчивался толстым шишаком, наподобие ручной гранаты. Взрыватели? Он пополз вниз.

Щупальца тоже поползли вслед за ним. Откуда спрут знал, где он находится? Но, спускаясь, Норман бросил взгляд в иллюминатор, заметил огромный глаз снаружи и подумал: он видит меня, черт его дери.

Держись подальше от иллюминатора.

Нельзя было даже на мгновение остановиться и хорошенько подумать, так все быстро происходило. Спустившись к самому складу взрывателей, Норман подумал: лучше бы я наткнулся на них раньше. И он приземлился, заставив металл клацнуть.

Щупальца тоже опустились, надвигаясь на него по полу. Норман дернул на себя один из гарпунов, но они были прикреплены к стенам резиновыми струнами. Норман дергал их, пытаясь вытащить пистолет. Щупальца подобрались совсем близко. Он рванул резину, но она не поддалась. Да что там такое с этими зажимами?

Щупальца придинулись совсем близко, быстро подбираясь к своей добыче.

Тут до Нормана дошла хитрость крепления: в целях безопасности пистолеты следовало вынимать *сбоку*, а не дергать на себя. Он вытащил один, резиновый зажим легко отскочил. Он перевернулся на спину и увидел, как ладонь с присосками опускается прямо на него, щупальце облепило его шлем. Ничего не видя в липкой темноте, Норман выстрелил.

Страшная боль пронзила его грудь и живот. В какое-то жуткое мгновение он подумал, что застрелил себя самого. Потом он судорожно вдохнул и понял, что это просто боль от страшного толчка; грудь его горела, но спрут бросил его.

Он все еще не мог видеть; он с трудом снял ладонь со своего лица и тяжело бухнулся на пол, корчась под тяжестью лапы спрута. Стены модуля были забрызганы кровью. Одно щупальце еще двигалось, другое торчало кровавым обрубком. Обе конечности уползли через люк, шлепнувшись в воду.

Норман бросился к иллюминатору: спрут поспешно удирал прочь, зеленое свечение исчезало.

Он сделал это! Он победил.

Он сделал это.

— И сколько ты их принес? — спросил Гарри, вертя в руках пистолет.

— Пять, — ответил Норман. — Все, что я смог унести.

— Но он правда действует? — Гарри изучал шишковатый наконечник.

— Да, еще как. Размозжил все щупальце.

— Я видел, как спрут удирал, — сказал Гарри, — и понял, что ты что-то предпринял.

— А где Бет?

— Не знаю. И костюма ее нет. Предполагаю, что она отправилась на корабль.

— Отправилась на корабль? — нахмурился Норман.

— Я только знаю, что, когда я проснулся, ее не было. Я догадался, что ты на субмарине, и тут же увидел спрута и попытался сообщить тебе об этом по радио, но, кажется, металл отражал передачу.

— Бет ушла? — спросил Норман. Он начинал злиться. Предполагалось, что Бет останется у пульта управления, наблюдая за ним через датчики, и предупредит его об опасности. И вместо этого она отправилась на корабль.

— Ее костюма нет, — повторил Гарри.

— Дьявол! — внезапно произнес Норман. Он просто впал в ярость, в глубокую ярость. Стукнул в сердцах по пульту.

— Поосторожнее здесь, — предупредил Гарри.

— К черту!

— Спокойно, — сказал Гарри. — Успокойся, Норман.

— Она хоть соображает, что она делает?

— Иди сюда, Норман, сядь, — Гарри усадил его в кресло. — Все мы устали.

— Как видно, не все!

— Спокойно, Норман, спокойно... Помни о своем давлении.

— С моим давлением все в порядке!

— Похоже, что нет, — возразил Гарри. — Ты совершенно багровый.

— Как могла она отправить меня наружу, а сама уйти?

— Хуже — выйти из себя, — прибавил Гарри.

— Но она должна была присматривать за мной.

И тут до него дошло, почему он так рассердился, —

он испугался. В момент страшной опасности Бет покинула его. Их осталось здесь, внизу, всего трое, они нуждались друг в друге — и они зависели друг от друга. А Бет поступила безответственно, и это испугало его. И рассердило.

— Вы меня слышите? — спросил ее голос по радио. — Кто-нибудь меня слышит?

Норман кинулся к переговорному устройству, но Гарри перехватил микрофон.

— Лучше я, — сказал он. — Да, Бет, мы тебя слышим.

— Я на корабле, — сообщила она, голос ее покрякивал в наушниках. — Я обнаружила еще один отсек, за спальней. Весьма любопытный.

Весьма любопытный, подумал Норман. Господи, как интересно. Он выхватил микрофон у Гарри:

— Бет, какого черта ты там делаешь?

— Ой, Норман, — хихикнула она. — Все благополучно прошло, а?

— Я едва вернулся.

— С тобой что-то случилось? — равнодушным голосом поинтересовалась она.

— Да, вот именно.

— А теперь все в порядке? Ты какой-то обезумевший.

— Я обезумел из-за тебя. Бет, почему ты меня бросила?

— Гарри сказал, что он присмотрит.

— Что? — Норман взглянул на Гарри, но тот отрицательно покачал головой.

— Гарри обещал присмотреть за пультом вместо меня. Он разрешил мне пойти на корабль. Следовало воспользоваться тем, что спрута не было поблизости.

Норман закрыл микрофон ладонью.

— Я этого не помню, — сказал Гарри.

— Ты говорил с ней?

— Я не помню, чтобы я говорил с ней.

Бет попросила:

— Ты просто спроси его, Норман. Он расскажет тебе.

— Он говорит, что ничего подобного не было.

— Ну, он просто переполнен всем происшедшим, — сказала Бет. — Ты что, думаешь, я могла оставить тебя, пока ты был снаружи, четр тебя подери? — И после паузы Бет добавила: — Я бы никогда этого не сделала, Норман.

— Клянусь тебе, — сказал Гарри Норману, — что ни •

чем таком я не беседовал с Бет, да и вообще не говорил с ней. Говорю тебе, она уже ушла, когда я проснулся. Никого не было. Да она просто дождаться не могла, чтобы удрать на корабль.

Норман вспомнил, с какой легкостью Бет согласилась с тем, что именно он должен идти на субмарину, и как это его удивило. Может, Гарри и прав, подумал он, может, Бет все это заранее спланировала.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Гарри. — Я думаю, что она свихнулась.

Бет поинтересовалась по радио:

— Вы там, наконец, разобрались?

— Думаю, да, Бет, — ответил Норман.

— Отлично, — сказала Бет. — Потому что здесь, на корабле, я совершила открытие.

— И какое же?

— Я нашла экипаж.

— Вы оба пришли? — удивилась Бет. Она сидела за пультом управления в комфортабельной бежевой рубке корабля.

— Да, — ответил Норман, разглядывая ее. Выглядела она вполне normally, даже лучше, чем обычно. Сильнее, спокойнее. И даже куда красивее, отметил Норман.

— Гарри думает, что спрут больше не вернется.

— Спрут был здесь?

Норман коротко рассказал ей о нападении.

— Боже. Прости меня, Норман. Я бы ни за что не ушла, если бы могла только предположить...

И говорила она как нормальный человек, а не как сумасшедшая, подумал Норман. Она говорила, как ей и полагалось в этой ситуации, участливо и искренне.

— Во всяком случае, — сказал он, — я ранил его, и Гарри думает, что он уже не вернется.

— Мы не могли решить, кому оставаться, — добавил Гарри, — поэтому и пришли оба.

— Ну, пойдемте. — Она повела их назад, через жилые помещения, мимо двадцати спальных коек, через большую кают-компанию. Норман задержался у кухни, Гарри тоже.

— Я проголодался, — сообщил он.

— Ну, и съешь что-нибудь, — посоветовала Бет. — Я уже ела, что-то вроде ореховых батончиков, довольно вкусно.

Она открыла дверцу буфета, достала батончики, упакованные в фольгу, протянула каждому по одному.

Норман сорвал обертку и увидел что-то, напоминающее шоколад. И суховатое на вкус.

— А попить тут нечего?

— Сейчас,— она распахнула дверцу холодильника.— Диет Кока?

— Ты смеешься...

— Может, называется она и иначе, да к тому же, боюсь, она теплая, но это Диет Кока, все в порядке.

— Покупаю акции этой фирмы,— заявил Гарри.— Теперь мы точно знаем, что она не обанкротится и через пятьдесят лет.— Он прочел надпись на бутылке: «Напиток одобрен к употреблению при межзвездных экспедициях».— Гарри перевернул бутылку — надписи на обратной стороне были сделаны по-японски.

— Что бы это могло значить?

— Это значит, что не стоит все же обзаводиться этими акциями,— сказала Бет.

Норман цедил Коку с некоторой долей беспокойства. Ему казалось, что с тех пор, как он в последний раз видел кают-компанию, в ней кое-что слегка переменилось. Конечно, раньше он лишь бегло осмотрел эту комнату, но у него была отличная память на расположение обстановки, особенно на устройство кухни, так что его жена всегда шутила, что Норман как дома во всех кухнях.

— Знаете,— сказал он,— я что-то не помню, чтобы тут был холодильник.

— Я и сама его раньше не замечала,— поддакнула Бет.

— Да и вообще вся эта комната кажется мне иной,— продолжал Норман.— Она стала больше и — не знаю, как это поточнее выразить — иной.

— Это потому, что ты голоден,— усмехнулся Гарри.

— Может быть,— кивнул Норман. Гарри и в самом деле мог быть прав. В середине шестидесятых проводилась серия исследований визуального восприятия, которые показали, что испытуемые интерпретируют нечеткие слайды согласно своему состоянию. Голодные люди на всех слайдах видели еду.

Но комната и вправду выглядела иначе. Например, Норман не помнил, чтобы дверь в кают-компанию помещалась слева; насколько он помнил, она была в центре стены, отделяющей кухню от спальни.

— Теперь сюда,— Бет вела их дальше по направлению к корме.— Сказать по правде, именно холодильник

и заставил меня задуматься. Одно дело набить едой экспериментальный корабль, который посылаешь через черную дыру, но заполнять едой холодильник — об этом-то чего беспокоиться? Это и привело меня к мысли, что экипаж все же существовал.

Они вошли в короткий тоннель со стеклянными стенами. Темно-малиновые огни освещали им путь.

— Ультрафиолет, — сообщила Бет. — А зачем он здесь, я не знаю.

— Дезинфекция?

— Может быть.

— Может, это для загара, — предположил Гарри.

— Витамин D.

Потом они вошли в большую комнату, непохожую ни на одну, виденную Норманом на корабле. Темно-малиновый свет исходил от пола, погружая комнату в ультрафиолетовый полумрак. На все четырех стенах были прикреплены ряды широких стеклянных труб. Внутри каждой из труб был узкий серебристый матрас. Все трубы оказались пусты.

— Вон там, — показала Бет.

Они всмотрелись сквозь стекло. Обнаженная женщина казалась великолепной. Ее можно было хорошо разглядеть — темно-коричневая, с глубокими морщинками кожа, высохшее тело.

— Мумифицирована? — предположил Гарри.

— Больше и я ничего не могла предположить. Я не открывала трубу, боялась заразиться.

— Что это за комната? — спросил Гарри, оглядываясь.

— Какая-то берлога — что-то вроде комнаты ле-таргического сна. Каждая труба автономно подключена к системам жизнеобеспечения — снабжение энергией, воздухом, теплом, аппаратура в смежной комнате.

Гарри подсчитал:

— Двадцать труб.

— И двадцать коек, — добавил Норман. — Так где же остальные?

Бет покачала головой:

— Не знаю.

— Осталась только эта женщина?

— Похоже, что да. Я больше никого не нашла.

— Хотел бы я знать, как они все погибли? — сказал Гарри.

— Ты была в сфере? — неожиданно спросил Норман у Бет.

— Нет. С чего ты взял?

— Просто хотел узнать.

— Ты хотел бы узнать, не погиб ли экипаж после того, как подобрал сферу?

— В основном, да.

— Не думаю, чтобы сфера была опасной или агрессивной, — возразила Бет. — Возможно, члены экипажа погибли от естественных причин во время путешествия. Эта женщина, например, так хорошо сохранилась, что приходится задуматься о радиации. Может, она получила сильную дозу. Вокруг черной дыры всегда огромная радиация.

— Ты думаешь, экипаж погиб при пролете через черную дыру, а сфера была захвачена кораблем уже позже, автоматически?

— Скорее всего.

— Чертовски хорошо выглядит, — сказал Гарри, вглядываясь сквозь стекло. — Нет, правда, репортеры свихнутся от этой сенсации: «Обнаженная сексуальная женщина обнаружена мумифицированной на борту космического корабля из будущего». Фильм в половине одиннадцатого.

— Она к тому же и высокого роста, — заметил Норман. — Должно быть, около шести футов,

— Амазонка, — сказал Гарри, — а грудь-то какая.

— Хватит, — оборвала его Бет.

— А что такое — обиделась за нее? — спросил Гарри.

— Не думаю, что тут уместны подобные комментарии.

— А на самом-то деле, Бет, — продолжал Гарри, — она сильно смахивает на тебя.

Бет нахмурилась.

— Я серьезно. Ты взглянись внимательнее.

— Не болтай.

Норман всматривался сквозь стекло, заслоняясь от напольных фиолетовых ламп. Мумифицированная женщина действительно походила на Бет — моложе, выше, стройнее, но тем не менее.

— Он прав, — подтвердил Норман.

— Может, это ты сама из будущего, — предположил Гарри.

— Нет, ей явно около двадцати.

— Значит, это твоя внучка.

— Ничего общего, — заявила Бет.

— Как знать? — сказал Норман. — А Дженнифер похожа на тебя?

— Не очень. К тому же она пока нескладный подросток. Но она не похожа на эту женщину. Да и я тоже.

Нормана поразила та страсть, с какою Бет отрицала малейшее сходство или связь между собой и этой женщиной.

— Бет, — спросил он, — как ты думаешь, что здесь случилось? Почему осталась только эта женщина?

— Думаю, она была важным членом экспедиции, — начала Бет. — Может быть, даже капитаном или помощником капитана. Остальные были мужчины; они, наверное, допустили какой-то промах — что-то сделали, от чего она их отговаривала, — и в результате погибли. А она одна уцелела на этом космическом корабле и повела его домой. Но что-то произошло и с ней — почему она не могла воспрепятствовать, — и она тоже погибла.

— Что же с ней случилось?

— Не знаю. Что-нибудь.

Очаровательно, подумал Норман. Как-то он не задумывался об этом раньше, но эта комната — да и весь корабль — были особым психологическим тестом. Известный тест: несколько размытых картинок, и испытуемые должны были восстановить их сюжеты. Поскольку ничего ясного на картинках изображено не было, испытуемые изощрялись во всяких домыслах. И естественно, придуманные истории больше говорили о рассказчиках, чем о картинках.

А теперь Бет делилась с ними своими фантазиями относительно этой комнаты: что женщина руководила экспедицией, что мужчины не послушались ее и погибли, а она одна-единственная осталась в живых.

Немного сведений о корабле — зато много о самой Бет.

— Я все понял, — сказал Гарри. — Ты хочешь сказать, что раз она осталась одна, то это по ее вине корабль залетел так далеко в прошлое. Типичный пример женщины за рулем.

— Тебе непременно все надо превратить в шутку?

— А тебе все обязательно нужно воспринимать так серьезно?

— Это серьезно, — выразительно сказала Бет.

— Я расскажу тебе другую историю, — заявил Гарри. — Эта женщина недаром так поджала губы. Она была

обязана сделать что-то, но она забыла или просто на-
тутала. А потом она впала в спячку. Но по ее вине
погибли другие члены экипажа, и оставшись одна, она не
смогла выйти из летаргического сна и рассказать, что же
она натворила.

— Понятно, что эта история тебе больше по душе, —
сказала Бет. — Это вполне соответствует тому, как ты
должен относиться к женщинам — ты, черномазый муж-
чина.

— Полегче, — предупредил Норман.

— Ты хочешь меня довести до белого каления? —
спросил Гарри. — Это и есть твое представление о жен-
ской силе?

— Полегче, полегче, — останавливал их Норман. —
Не будем зацикливаться на этом.

Гарри обратился к нему:

— А что ты скажешь, Норман? У тебя тоже при-
пасена история об этой комнате?

— Нет, — ответил Норман. — У меня — нет.

— Да не может быть, — сказал Гарри. — Нет, ты уж,
будь добр, поделись с нами.

— Нет, — сказал Норман. — Я совсем не собираюсь
оказаться между двух огней. Нам нужно объединиться
и работать вместе, единой командой.

— Это в Гарри сидит дух противоречия, — заявила
Бет. — С самого начала экспедиции он так и моровит
с кем-нибудь поцапаться. Все эти его подковырки...

— Какие такие подковырки? — спросил Гарри.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — отве-
тила Бет.

Норман вышел из комнаты.

— Куда это ты направляешься?

— Хочу избавиться от вашего присутствия.

— Почему это?

— Уж очень вы оба утомительны.

— Ах, — произнесла Бет, — Невозмутимый Психолог
находит нас утомительными?

— Вот именно, — подтвердил Норман, проходя, не
оглядываясь, по стеклянному тоннелю.

— Наговорил тут всего, а теперь сматываешься? —
прокричала Бет ему вслед.

Он продолжал идти прочь.

— Я кому говорю! Ты не смеешь уходить, когда с
тобой разговаривают, Норман!

Он опять очутился в кухне и принялся открывать створки буфета в надежде отыскать ореховые батончики. Он опять проголодался, а поиски отвлекали его мысли от тех двоих. Приходилось признать, что все идет совсем не должным образом. Он нашел батончики, вынул один из серебристой шуршащей обертки и съел.

Он был подавлен, но не удивлен. Изучая динамику группового поведения, он давным-давно убедился в верности давнишнего присловья «Трое — это уже толпа». При очень высоком напряжении группы из трех человек были самыми неустойчивыми. До тех пор, пока каждый не осознавал четко свое место и возможности, в группе постоянно шло формирование подвижных альянсов, двое против одного. Именно это сейчас и происходило.

Он покончил с ореховым батончиком, и тут же съел другой. Сколько им еще придется провести здесь, внизу? По крайней мере, еще тридцать шесть часов. Он искал, куда бы можно засунуть еще пару батончиков про запас, но в костюме не было карманов.

Бет и Гарри с повинной явились на кухню.

— Хотите орехового шоколада? — спросил он их с набитым ртом.

— Мы хотим извиниться, — покаянно сказала Бет.

— За что?

— За то, что мы вели себя как дети, — вздохнул Гарри.

— Я запуталась, — заговорила Бет. — Я всегда так мучаюсь, когда вот так перестаю владеть собой, — ну, просто полная идиотка... — Бет понуро уставилась в пол. Интересно, как ее заносит, подумал Норман, от агрессивной самонадеянности к совершенно противоположному самобичеванию. И никакой середины.

— Ну, не будем вдаваться в это, — сказал Норман. — Мы все так устали.

— Нет, это ужасно, — качала головой Бет. — Правда, ужасно. У меня такое чувство, как будто я вас обоих потеряла. Но я не хочу оставаться одна. Я совсем не лучший член этой группы.

Норман сказал:

— Бет, съешь-ка лучше ореховый батончик и перестань казниться.

— Да, — согласился Гарри, — похоже, злючкой ты мне больше нравишься.

— Меня уже мутит от этих батончиков, — призна-

лась Бет.— До вашего прихода я умыла их одиннадцать штук, почти целую дюжину.

— Ну, вот и съешь еще один для ровного счета,— сказал Норман.— И пойдем обратно в модуль.

Возвращаясь назад по океаническому дну, они с напряжением ожидали появления спрута. Но Норман чувствовал себя уверенно, ведь они были вооружены. Но его уверенность проистекала еще и оттого, что он успешно противостоял спруту.

— Ты держишь пистолет так, как будто вот-вот им воспользуешься,— заметила Бет.

— Кажется, да.— Всю свою жизнь Норман был теоретиком, университетским преподавателем, и никогда не воспринимал себя человеком действия, во всяком случае, лишь в пределах случайных партий в гольф. И теперь, с пистолетом наготове, ему нравилось ощущать себя в новом качестве.

По дороге от космического корабля к модулю им то и дело попадались заросли морских веерников. Им приходилось обходить веерники, которые иной раз достигали четырех-пяти футов, вспыхивая голубым и розовым в лучах их фонариков. Норман был совершенно уверен, что когда они впервые прибыли в модуль, веерников и в помине не было.

А теперь здесь были не только цветные веерники, но и стаи больших рыб. Многие рыбы были черными, с красноватыми полосками по спине. Бет сказала, что это типичные представители морской фауны этой части Тихого океана.

Все изменилось, подумал Норман. Все вокруг них изменилось. Но он не мог быть в этом полностью уверен, он не полагался на свою память здесь, внизу. Слишком многое посторонних вещей влияло здесь на его восприятие — высокое давление, полученные им ранения, да постоянный страх, в котором приходилось жить.

Что-то бледное мелькнуло перед его глазами. Попытав фонариком на дно, он увидел извивающуюся полоску с длинным тонким плавником и черными пятнышками. Потом он разглядел узкую головку, рот..

— Пережди,— сказала Бет, кладя ему на плечо руку.

— А что это?

— Морская змея.

— Они опасные?

— Обычно нет.

— Ядовитые? — спросил Гарри.

— Очень ядовитые.

Змейка зависла над самым дном, очевидно, высматривая пищу. Она совершенно не обращала на них внимания, и Норману приятно было наблюдать за ней, особенно когда она стала отползать.

— У меня от нее мурашки, — призналась Бет.

— А ты знаешь, что это за вид? — спросил Норман.

— Возможно, это белчер, — сказала Бет. — Тихоокеанские змеи все ядовитые, но белчер самая ядовитая из всех. На самом-то деле некоторые исследователи полагают, что эта змея обладает из всех рептилий самым смертельным укусом, а ее яд в сто раз сильнее яда королевской кобры или черной тигровой змеи.

— Значит, если она укусит...

— Две минуты, и готово.

Они наблюдали, как змея уползает прочь между веерниками, провожая ее взглядом, пока она не скрылась.

— Но морские змеи обычно не агрессивны, — продолжала Бет. — Некоторые водолазы даже трогают их, играют с ними, но я не из их числа. Господи Боже. Змеи.

— А почему они такие ядовитые? Чтобы лишить жертву движения?

— Вообще-то это интересно, — сказала Бет, — что большинство ядовитых существ на земле — морские животные. Яд сухопутных животных и в сравнение не идет. И даже среди сухопутных животных самым сильнодействующим ядом обладает земноводное, жаба *батотен марфенсис*. А в море водится ядовитая рыба, которая считается деликатесом в Японии; а еще есть ядовитые моллюски, вроде морской звезды *алавердис лотенсис*. Однажды я плыла в лодке в Гуаме, и одна женщина вытащила морскую звезду, необычайно красивую, но она не знала, что нельзя касаться пальцами кончиков звезды. Звезда выпустила свой ядовитый шип и уколола эту женщину в ладонь. Она и трех шагов не прошла, как у нее начались страшные конвульсии, и меньше, чем через час, она умерла. А есть еще ядовитые растения, ядовитые губки, ядовитые кораллы. Да вот еще и змеи. Даже укус самой слабенькой морской змеи грозит летальным исходом.

— Как мило, — сказал Гарри.

— Ну, просто необходимо понять, что среда обитания океана гораздо древнее суши. Жизнь в океанах существует уже три с половиной миллиона лет, гораздо дольше, чем на земле. И средства выживания и защиты в океане гораздо более развиты — у них было больше времени.

— Ты хочешь сказать, что через несколько миллиардов лет и на земле появятся столь же ядовитые создания?

— Если мы зайдем так далеко, — ответила Бет.

Они были уже у самого модуля; струйки пузырьков, поднимающиеся из щелей, были теперь отчетливо видны.

— Дьявольские течи, — заметил Гарри.

— Я полагаю, воздуха осталось еще много.

— А я полагаю, что это стоит проверить.

— Сколько угодно, — сказала Бет. — Но я все проделала тщательно.

Норман подумал, что сейчас начнется новый спор, но Бет с Гарри умолкли. Они дошли до люка, и один за другим взобрались в DH-8.

Пульт управления

— Джерри?

Норман вглядывался в экран пульта управления. Он оставался чистым, только помаргивал курсор.

— Джерри, ты здесь?

Экран оставался чистым.

— Хотел бы я знать, отчего это тебя не слышно, Джерри, — сказал Норман.

Никакого ответа.

— Пытаясь давить на него психологически? — спросила Бет. Она регулировала внешние датчики, просматривала их показания. — Знаешь, на мой взгляд, если к кому и применять твою психологию, так это к Гарри.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что Гарри не следует подпускать ни к чему, что связано с нашими системами жизнеобеспечения. Мне кажется, он не в себе.

— Не в себе?

— Опять психологический трюк, а? Повторять по-

следнее слово в предложении? Чтобы заставить собеседника говорить.

— Говорить? — Норман улыбнулся.

— Ладно, может, я опять перебарщаю, — согласилась она. — Но серьезно, Норман. Прежде чем я от правилась на корабль, Гарри вошел сюда и сказал, что он меня подменит. Я рассказала ему, что ты на субмарине и что спрута поблизости не видно, а что я хочу пойти на корабль. Он сказал — отлично, я присмотрю вместо тебя. Вот я и ушла. А теперь он даже не помнит об этом. И тебе это не кажется слегка закрученным?

— Закрученным?

— Оставь, пожалуйста, будь посеръезнее.

— Посерьезнее?

— Ты что, хочешь увильнуть от этого разговора? Я заметила, ты всегда именно так стараешься увильнуть, если не хочешь говорить о чем-то. Ты пытаешься всех удержать в равновесии, и поэтому уводишь разговор от напряженных тем. Но мне кажется, тебе стоит выслушать то, что я говорю, Норман. О Гарри.

— Да я слушаю все, что ты говоришь, Бет.

— И?

— Но я же не присутствовал при этом и не могу ничего знать наверняка. Все, что я вижу, это то, что Гарри вновь кажется прежним — самоуверенный, прензительный и очень-очень умный.

— И тебе не кажется, что он свихнулся?

— Не больше, чем мы с тобой.

— Боже! Ну как же мне убедить тебя? Я беседовала с человеком, который теперь полностью отрицает наш разговор. И тебе это кажется нормальным? Ты думаешь, что этому человеку можно доверять?

— Бет. Меня там не было.

— Ты хочешь сказать, что это я?..

— Меня там не было.

— Ты хочешь сказать, что это я сошла с ума? И утверждаю, что разговор был, когда его в действительности не было?

— Бет.

— Норман, я говорю тебе. Посмотри, с Гарри не все в порядке, а ты не хочешь даже обсудить это.

Они услышали приближающиеся шаги.

— Я пойду к себе в лабораторию, — сказала она. — А ты подумай о том, что я тебе говорила.

Она уже поднималась по лестнице, когда вошел Гарри.

— А знаешь, Бет прекрасно поработала с системами жизнеобеспечения. Все выглядит просто отлично. Воздуха нам хватит на 52 часа при нынешней скорости его потребления. У нас все должно быть в порядке. Ты разговариваешь с Джерри?

— Что? — изумился Норман.

Гарри показал на экран.

ПРИВЕТ НОРМАН.

— Я не знаю, когда он вернулся. Раньше он не говорил.

— Ну, а теперь говорит, — заметил Гарри.

ПРИВЕТ ГАРРИ.

— Как дела, Джерри? — спросил Гарри.

СПАСИБО ХОРОШО. А КАК ВЫ? МНЕ ТАК СИЛЬНО ХОТЕЛОСЬ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ВАМИ, СУЩНОСТИ. А ГДЕ УПРАВЛЯЮЩАЯ СУЩНОСТЬ ГЭРАЛЬД К. БАРНС?

— А ты не знаешь?

Я НЕ ОЩУЩАЮ БОЛЬШЕ ЭТОЙ СУЩНОСТИ.

— Увы, его больше нет.

ЯСНО. ОН НЕ БЫЛ ДРУЖЕЛЮБНЫМ. ЕМУ НЕ НРАВИЛОСЬ СО МНОЙ БЕСЕДОВАТЬ.

Норман подумал: о чем он нам рассказывает? Не избавился ли Джерри от Барнса, потому что тотказался ему недружелюбным?

— Джерри! — позвал Норман. — Что случилось с управляющей сущностью?

ОН НЕ БЫЛ ДРУЖЕЛЮБНЫМ. ОН МНЕ НЕ НРАВИЛСЯ.

— Да, но что с ним случилось?

ТЕПЕРЬ ЕГО НЕТ.

— А другие сущности?

А ДРУГИЕ СУЩНОСТИ. ИМ НЕ НРАВИЛОСЬ ГОВОРИТЬ СО МНОЙ.

Гарри сказал:

— Ты думаешь, он говорит, что избавился от них?

Я НЕ БЫЛ СЧАСТЛИВ ГОВОРИТЬ С НИМИ.

— И поэтому он избавился от всех людей ВМС?

Норман подумал: это не совсем так. Он избавился и от Теда, а Тед как раз пытался общаться с ним. Или со спрутом. А какое спрот имел отношение к Джерри? Как бы спросить об этом?

— Джерри...

ДА НОРМАН. Я ЗДЕСЬ.

— Давай поговорим.

ХОРОШО. ЭТО МНЕ НРАВИТСЯ.

— Расскажи нам о спруте, Джерри.

СУЩНОСТЬ СПРУТ ЯВЛЯЛСЯ МАНИФЕСТАЦИЕЙ.

— Откуда он приходит?

ОН ВАМ ПОНРАВИЛСЯ? Я ЕЩЕ ПРЕДСТАВЛЮ ЕГО.

— Нет, нет, не делай этого,— торопливо сказал Норман.

ОН ВАМ НЕ ПОНРАВИЛСЯ?

— Нет, нет, понравился, Джерри.

ЭТО ПРАВДА?

— Да, правда. Он нам нравится. Нет, правда.

ХОРОШО. Я РАД, ЧТО ОН ВАМ НРАВИТСЯ. ЭТО ОЧЕНЬ ХОРОШО. ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ СУЩНОСТЬ БОЛЬШОГО РАЗМЕРА.

— Да,— отозвался Норман, вытирая со лба пот. Господи, да он говорит, как младенец, размахивающий заряженным пистолетом.

ЭТО ТРУДНО ДЛЯ МЕНЯ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ТАКУЮ БОЛЬШУЮ СУЩНОСТЬ. Я РАД, ЧТО ОНА ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ.

— Очень впечатляюще,— согласился Норман.— Но тебе совсем необязательно повторять эту манифестацию.

ВЫ ХОТИТЕ ЧТОБЫ Я ПРЕДСТАВИЛ НОВУЮ СУЩНОСТЬ?

— Нет, Джерри, больше уже ничего не надо, спасибо.

Я СЧАСТЛИВ ПРЕДСТАВЛЯТЬ МАНИФЕСТАЦИИ.

— Да, я уверен в этом.

Я БЫЛ БЫ РАД ПРЕДСТАВИТЬ МАНИФЕСТАЦИЮ ТЕБЕ НОРМАН И ТЕБЕ ГАРРИ.

— Спасибо, Джерри.

МНЕ НРАВЯТСЯ И ВАШИ МАНИФЕСТАЦИИ.

— Наши манифестации? — поразился Норман, переглядываясь с Гарри. Очевидно, что Джерри считал людей в модуле своего рода манифестацией. Джерри, видимо, воспринимал это как своеобразный обмен.

ДА МНЕ ТОЖЕ НРАВЯТСЯ ВАШИ МАНИФЕСТАЦИИ.

— Расскажи нам о наших манифестациях, Джерри,— попросил Норман.

МАНИФЕСТАЦИИ МАЛЕНЬКИЕ И НЕ ВЫХО-

ДЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ВАШИХ СУЩНОСТЕЙ. НО ЭТО НОВЫЕ ДЛЯ МЕНЯ МАНИФЕСТАЦИИ. ОНИ СИЛЬНО РАДУЮТ МЕНЯ.

— О чём это он? — спросил Гарри.

О ТВОИХ МАНИФЕСТАЦИЯХ ГАРРИ.

— Да о каких манифестациях, черт побери?

— Не сходи с ума, — предупредил Норман. — Сохраняй спокойствие.

МНЕ ПОНРАВИЛАСЬ ЭТА. ГАРРИ СДЕЛАЙ ЕЩЕ.

Норман подумал: он что, воспринимает эмоции? И расценивает наши проявления чувств как манифестации? Но этого не могло быть. Джерри не мог читать их мысли, это они уже установили. Но, может, лучше перепроверить? Джерри, подумал он, ты слышишь меня?

МНЕ НРАВИТСЯ ГАРРИ. ЕГО МАНИФЕСТАЦИИ КРАСНЫЕ. ОНИ ОСТРОУМНЫ.

— Остроумны?

ОСТРОУМНЫ=УМНО ОСТРЫ?

— Ясно, — сказал Гарри. — Он считает нас смехотворными.

СМЕХОТВОРНЫЕ=ТВОРЦЫ СМЕХА?

— Не совсем. У нас, сущностей, есть понятие... — Норман задумался. Как, в самом деле, ему объяснить, что такое «смех», «смешной», что такое «шутка», на конец? — У нас, сущностей, есть понятие такой ситуации, которая вызывает неудобство, и мы называем ее смешной, забавной.

СМЕШНО-ЗАБАВНОЙ?

— Нет, это разные слова, — и Норман отпечатал их по буквам.

ЯСНО. ВАШИ МАНИФЕСТАЦИИ СМЕШНЫЕ. СУЩНОСТЬ СПРУТ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС МНОГО ЗАБАВНЫХ МАНИФЕСТАЦИЙ.

— Нам так не кажется, — мрачно заметил Гарри. А МНЕ ТАК КАЖЕТСЯ.

Вот чего они добились, думал Норман, сидя за пультом. Но как-то ему следовало заставить Джерри осознать всю серьезность его действий.

— Джерри, — начал объяснять Норман, — твои манифестации вредят нашим сущностям. Некоторых из наших сущностей уже нет.

ДА Я ЗНАЮ.

— Если ты будешь продолжать свои манифестации...
ДА МНЕ НРАВИТСЯ ПРЕДСТАВЛЯТЬ. ЭТО ЗА-
БАВНО ДЛЯ ВАС.

— ...то очень скоро все наши сущности исчезнут.
И тогда тебе не с кем будет разговаривать.
ЭТОГО МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ.

— Я знаю. Но многие сущности уже исчезли.
ВЕРНИТЕ ИХ НАЗАД.

— Мы не можем. Они ушли навсегда.
ПОЧЕМУ?

— Мы не можем вернуть их.
ПОЧЕМУ?

Ну прямо как дитя, подумал Норман. Сущий ре-
бенок. Скажи ребенку, что ты не можешь делать то,
что он хочет, что ты не можешь играть, как он хочет
играть, и он откажется понимать это.

— У нас нет силы, Джерри, вернуть их назад.

А Я ХОЧУ ЧТОБЫ ВЕРНУЛИ НАЗАД ОСТАЛЬ-
НЫХ СУЩНОСТЕЙ.

— Он думает, что мы отказываемся играть с ним,—
заметил Гарри.

ВЕРНИТЕ НАЗАД СУЩНОСТЬ ТЕД.

Норман ответил:

— Мы не можем, Джерри. Мы бы вернули, если бы
могли.

МНЕ НРАВИТСЯ СУЩНОСТЬ ТЕД. ОН ОЧЕНЬ
СМЕШНОЙ.

— Да,— сказал Норман,— Тед тоже любил тебя. Он
пытался поговорить с тобой.

ДА МНЕ НРАВЯТСЯ ЕГО МАНИФЕСТАЦИИ.
ВЕРНИТЕ ТЕДА НАЗАД.

— Мы не можем.

Последовала длительная пауза.

Я ОБИДЕЛ ВАС?

— Нет, не совсем.

МЫ ДРУЗЬЯ НОРМАН И ГАРРИ.

— Да, это так.

ТОГДА ВЕРНИТЕ НАЗАД СУЩНОСТЕЙ.

— Он просто отказывается понимать,— сказал Гар-
ри.— Да черт тебя дери, не можем мы этого сделать!
ТЫ СМЕШНОЙ ГАРРИ. СДЕЛАЙ ТАК СНОВА.

Он определенно воспринимает сильные эмоциональ-
ные реакции, бурные чувства как своего рода мани-
фестации. подумал Норман. Не было ли именно это для

него игрой — провоцировать другую сторону, а затем получать удовольствие от ответа? Не наслаждался ли он жуткими чувствами, которые вызывал в них спрут? Так это было игрой?

ГАРРИ СДЕЛАЙ ЭТО СНОВА. ГАРРИ СДЕЛАЙ ЭТО СНОВА.

— Эй, ты! — разозлился Гарри. — А не пошел бы ты! **СПАСИБО. ЭТО МНЕ НРАВИТСЯ. ЭТО ТОЖЕ КРАСНОЕ. А ТЕПЕРЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЕРНИТЕ НАЗАД УШЕДШИХ СУЩНОСТЕЙ.**

У Нормана появилась мысль:

— Джерри, — сказал он, — если ты хочешь, чтобы сущности вернулись, почему ты не вернешь их сам? **А МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ.**

— А ты бы мог это сделать, если бы захотел? **Я МОГУ СДЕЛАТЬ ВСЕ.**

— Да, разумеется, ты можешь. Но почему ты не вернешь назад сущностей, которые тебе нравятся? **НЕТ. Я НЕ БУДУ ЭТОГО ДЕЛАТЬ.**

— Но почему? — спросил Гарри.

ЭЙ ТЫ. А НЕ ПОШЕЛ БЫ ТЫ.

— Не обижайся, Джерри, — быстро произнес Норман. Но ответа на экране не появилось.

— Джерри?

Экран не отвечал.

— Опять ушел, — покачал головой Гарри. — Черт знает, что еще выкинет этот малолетний ублюдок.

Последующий анализ

Норман поднялся в лабораторию к Бет, но та спала, свернувшись калачиком на своей кушетке. Спящая, она выглядела прелестной. Странно, что после всего этого времени, проведенного здесь, внизу, она казалась столь похорошевшей. Резкость исчезла из ее черт, нос уже не казался столь острым, и мягче, полнее стали губы. Он взглянул на ее похудевшие руки с синими прожилками вен. Но мускулы теперь казались более гладкими, какими-то более женственными.

Кто его знает, подумал Норман. После стольких часов пребывания здесь, внизу, уже ни о чем нельзя судить здраво. Он спустился по лестнице и отправился

в спальню. Гарри уже лежал на койке и громко похрапывал.

Норман решил снова принять душ. Но когда он встал под струю, он внезапно совершил поразительное открытие.

Синяки, покрывающие его тело, исчезли. То есть, почти исчезли, подумал он, глядываясь в оставшиеся желтовато-синеватые пятна. За эти несколько часов они зажили. Он для эксперимента подвигал руками и ногами и не ощутил боли. Почему? Что случилось? На мгновение все показалось ему сном, ночным кошмаром, но потом он подумал: нет, это все атмосфера. Порезы и синяки быстрее заживают в сильно разреженной атмосфере. И ничего таинственного — просто влияние атмосферы.

Он обтерся сухо-насухо, как только смог, полотенцем, и отправился в койку. Гарри все похрапывал и все так же громко.

Норман лег на спину, созерцая красные жужжащие элементы калорифера на потолке. Тут ему в голову пришла одна мысль, он встал с постели и сдвинул толкер на шее Гарри с середины глотки вбок. Тотчас храп перешел в едва слышное посвистывание.

Куда лучше, подумал Норман. Он коснулся головой жесткой подушки и сразу же уснул.

Он не знал, как долго он спал, — должно быть, несколько секунд, — но проснулся он посвежевшим. Он потянулся, зевнул и вылез из постели.

А Гарри все спал. Норман опять передвинул его толкер, и храп возобновился. Норман вернулся в цилиндр D, к пульту. На экране все еще были слова:

ЭЙ ТЫ. А НЕ ПОШЕЛ БЫ ТЫ.

— Джерри? — позвал Норман. — Ты здесь, Джерри?

Экран не отвечал. Джерри здесь не было. Норман взглянул на лежащую сбоку стопку распечаток. Мне и впрямь стоит заняться ими, подумал он. Потому что нечто, касавшееся Джерри, тревожило его и оставалось непонятным. Норман не мог бы объяснить точно, но даже если вообразить пришельца испорченным маленьким принцем, поведение Джерри все равно было бессмысленным. Оно просто никак не складывалось в единое целое.

ЭЙ ТЫ. А НЕ ПОШЕЛ БЫ ТЫ.

Уличный жаргон? Или он просто сымитировал Гарри? В любом случае это не было свойственной Джерри

манерой общения. Обычно Джерри был слегка безграмотен, совсем не соблюдал пунктуации, и выражался, как инопланетянин, рассуждая о сущностях и сознаниях. Но от раза к разу его язык становился все более просторечным.

Норман перебрал листки.

МЫ СНОВА ВЕРНЕМСЯ ПОСЛЕ НЕБОЛЬШОГО ПЕРЕРЫВА ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПОСЛАНИЙ ОТ НАШЕГО ПОКРОВИТЕЛЯ.

Это был один пример. Откуда это взялось? Это звучало похоже на Джонни Карсона. Но тогда почему Джерри не говорил всегда, как Джонни Карсон? Что вызывало изменения его стиля?

Затем проблема спрута. Если Джерри хотелось пугать их, если ему нравилось заставлять их дергаться, ломать их дом и смотреть на их беготню, зачем использовать спрута? Откуда исходила эта идея? И почему только спрут? Похоже, Джерри нравилось представлять разные вещи. Тогда почему он, представив в первый раз гигантского спрута, не явил в следующий громадных белых акул и так далее? Не подтвердило ли бы это разнообразие его возможностей?

Затем проблема с Тедом. Тед играл с Джерри в тот момент, когда был убит. Если Джерри так нравилось играть, тогда зачем ему понадобилось убивать игрока? Опять бессмыслица.

Или нет?

Норман вздохнул. Его беда таилась в собственных предпосылках. Он предполагал, что пришелец обладает тем же логическим мышлением, что и он сам. Но, возможно, это было совсем не так. Возможно, Джерри оперировал гораздо большими метаболическими скоростями, и следовательно, имел иное представление о времени. Дети играют, пока игрушка им не наскучит, тогда они заменяют ее другой. Часы, казавшиеся столь болезненно долгими Норману, возможно, были одним мигом в сознании Джерри. Возможно, он играл со спрутом всего несколько своих секунд, прежде, чем заменить его другой игрушкой.

Кроме того, дети плохо понимают, что вещи ломаются. Если Джерри не имел понятия о смерти, тогда он, должно быть, не имел намерения убить Теда, полагая, что смерть — временное явление, «забавная» манифестация Теда. Он, возможно, не осознавал, что действительно уничтожает свои игрушки.

И когда он хорошенько подумал, он понял, что Джерри

и правда умеет делать различные манифестации. Принимая во внимание, что и медузы, и креветки, и морские веерники, и вот теперь морские змеи — это все его манифестации. Но так ли это? Или это просто нормальные явления среды? И кто может это уточнить?

А человек ВМС, подумал он внезапно. Не будем забывать о нем. Откуда он появился? Был ли он манифестацией Джерри? Мог ли Джерри производить игрушечных человечков по своей воле? А если мог, тогда ему и задумываться не приходилось над их гибелью.

И вот теперь, кажется, все ясно, подумал Норман. Джерри наплевать на нашу гибель, даже если он перебьет нас всех. Он просто хочет играть, но он не соизмеряет собственные силы.

Но все же оставалось и еще что-то. Он изучал листки распечатки, инстинктивно чувствуя какую-то единую внутреннюю организацию происходящего. Что-то, что он еще не уловил, связь, которую он еще не нашупал.

И пока он раздумывал над этим, он все время возвращался к одному вопросу: почему спрут? Почему спрут? Ну, разумеется, думал он, они же говорили о спруте за обедом, а Джерри, должно быть, подслушал. И наверняка решил, что лучше всего спровоцировать их на игру, представив гигантского спрута. И он оказался совершенно прав.

Норман перелистал бумаги и наткнулся на первое послание.

ПРИВЕТ. КАК ДЕЛА? У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ. КАК ТЕБЯ ЗОВУТ? МЕНЯ ЗОВУТ ДЖЕРРИ.

Вот с этого и стоило начать. Как искусно Гарри расшифровал послание, подумал Норман. Не прочти Гарри тогда его, им вообще никогда не пришлось бы разговаривать с Джерри.

Норман уселся за клавиатуру, посмотрел на клавиши. Что там говорил Гарри? Клавиатура представляла собой спираль: буква П была первой, буква И была второй и так далее. Очень ловко он все это вычислил. Норман и за миллион лет не додумался бы до этого. Он попытался найти буквы первого предложения.

Ну-ка, посмотрим... 00 означает начало сообщения, говорил Гарри. А потом шли буквы по порядку — 03, затем 25, 26, каждая означала букву, и так, одна за другой...

ПРИВЕТ.

Да, все получается. Он продолжал переводить. Следующая группа значила КАК...

КАК ДЕЛА?

Пока все отлично. Норман испытывал такое удовольствие, как будто он сам расшифровывал заново это послание. Теперь дальше...

У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

Он все быстрее записывал буквы.

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Ну, теперь 1604 — МЕНЯ... МЕНЯ ЗОВУТ... Но тут Норман обнаружил ошибку в одной букве. Да может ли это быть? Но продолжая расшифровку, Норман нашел и другую ошибку, лишнюю букву. Затем записал фразу полностью и уставился на нее со все возрастающим изумлением:

МЕНЯ ЗОВУТ ГАРРИ.

— Господи Боже,— вымолвил он в шоке.

Он просмотрел все снова, но ошибки не было. По крайней мере, с его стороны. Послание было совершенно ясным.

ПРИВЕТ. КАК ДЕЛА? У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ. КАК ТЕБЯ ЗОВУТ? МЕНЯ ЗОВУТ ГАРРИ.

СИЛА

Тень

Бет сидела на койке в лаборатории, уставившись в расшифровку, поданную ей Норманом.

— О Господи,— произнесла она, откидывая со лба короткие пряди густых смоляных волос.— Но как это может быть?

— Это произошло одновременно,— сказал Норман.— Только подумай. Когда начали поступать послания? После того, как Гарри вернулся из сферы. А когда впервые появился спрут и другие животные? После того, как Гарри вернулся.

— Да, но...

— Сначала это были крохотные спрутики, но когда мы решили, что их можно есть, тут же появились и креветки. Как раз в обеденное время. Почему? Потому что Гарри не любит спрутов.

Бет молча слушала.

— А кто в детстве был напуган гигантским спрутом из «Двадцати тысяч лье под водой»?

— Гарри,— ответила Бет.— Я помню, он сам рассказывал об этом.

Норман продолжал как в лихорадке:

— А когда Джерри появлялся на экране? Когда и Гарри находился тут же. И ни в какое другое время. А когда Джерри отвечает, когда мы с ним разговариваем? Когда Гарри находится в комнате и слышит, что мы говорим. А почему Джерри не может читать наши мысли? Потому что это Гарри не может читать наши мысли. А вспомни, как Барнс настойчиво допытывался узнать имя, а Гарри не желал спрашивать? Почему?

Потому что он боялся, что на экране появится «Гарри», а не «Джерри».

— А моряк-визитер...

— Правильно. Моряк — негр. Кто появился, когда Гарри мечтал, чтобы нас спасли? В качестве спасителя появился негр.

Бет, нахмурившись, думала.

— А этот гигантский спрут?

— Когда он набросился на Гарри, тот ударился головой и потерял сознание. Тут же спрут исчез. И не появлялся до тех пор, пока Гарри не пришел в себя.

— Господи,— пробормотала Бет.

— Да,— сказал Норман.— Это многое объясняет.

Она опять немного помолчала, изучая послание.

— Но как он это делает?

— Сомневаюсь, что он именно делает. Во всяком случае, бессознательно.— Норман задумался.— Допустим,— сказал он наконец,— что-то случилось с Гарри, когда он находился внутри сферы. Он получил какую-то власть, какую-то силу от сферы.

— Какую же?

— Силу, заставляющую мысли становиться реальностью. Делать действительно существующим то, о чем думаешь.

Бет нахмурилась:

— Делать мысли реальностью?

— Это не так уж необычно,— сказал Норман.— Только подумай: если бы ты была скульптором — сначала тебе нужно было что-то задумать, а потом воплотить в дереве или в камне. Сначала идея, затем ее исполнение, да еще добавь известные усилия для создания такой реальности, которая бы отражала твои первоначальные мысли. Так мы и живем в мире: сначала что-то воображаем, а потом приводим замысел в исполнение. Иногда мы делаем что-то и бессознательно, получая неожиданный результат. Как тот муж, который возвращается домой с работы слишком рано и застает жену в постели с любовником. Он не планировал этого сознательно — все случилось само собой.

— Или жена, которая обнаружила мужа в постели с другой,— добавила Бет.

— Да, разумеется. Но суть в том, что мы постоянно что-то делаем, не слишком задумываясь над этим. Я же не размышляю над каждым отдельным словом,

болтая с тобой. Я просто собираюсь рассказать тебе что-то, а дальше выходит само собой.

— Да...

— Значит, мы можем делать не совсем простое — например, составлять предложения, — безо всяких усилий. Но многое другое мы не можем делать без дополнительных усилий — например, скульптуры. Мы понимаем, что мы должны сделать что-то, кроме того, чтобы просто иметь об этом представление.

— И мы делаем, — кивнула Бет.

— Да. Но не Гарри. Он просто продвинулся на один шаг вперед. Ему не нужно больше вытесывать скульптуру. Он просто думает о чем-то, и эти вещи происходят сами собой. Он делает мысли очевидными фактами.

— Гарри вообразил жуткого спрута и тот появился у нас за окном?

— Точно. А когда он потерял сознание, спрут исчез.

— И он получил свою силу от сферы?

— Да.

Бет нахмурилась.

— А зачем он это делает? Он хочет убить нас?

Норман покачал головой:

— Нет. Я думаю, происходящее за пределами его сознания.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, — начал Норман, — вот мы тут рассматривали кучу предложений, чем может быть эта сфера из иной цивилизации. Тед думал, что это трофеи или послание — он рассматривал сферу как подарок. Гарри полагал, что в ней что-то скрыто — он рассматривал ее как контейнер. Я же склонен считать ее миной замедленного действия.

— Ты хочешь сказать, там какое-то взрывчатое вещество?

— Да нет. Просто это какая-то защита, или тест. Чужая цивилизация разослала эти штуковины по всей галактике, и тот разум, который обнаружит ее, должен испытать силу сферы. А она состоит в том, что все, о чем ты думаешь, становится реальным. Подумаешь о чем-то положительном — и получаешь деликатесных креветок на обед. Думаешь о чем-то негативном — получаешь чудовищ, готовых тебя убить. Тот же процесс, только все зависит от содержания.

— То есть, как мина взрывается, стоит наступить на нее, так и сфера уничтожает людей, если у них появляются негативные мысли?

— Или,— добавил Норман,— если они просто не владеют своим сознанием. Потому что, если ты вполне владеешь собой и своим сознанием, то сфера не может оказать особенного воздействия. Если ты им не владеешь, сфера избавляется от тебя.

— Как можно контролировать негативные мысли? — спросила Бет. Она казалась ужасно взволнованной.— Как можно сказать кому-то: «Не думай о гигантском спруте?» В ту же минуту, когда это будет произнесено, мысли о спруте возникнут автоматически, как раз когда о нем будут старательно *не* думать.

— Мысли возможно контролировать,— повторил Норман.

— Вероятно, это могут только йоги.

— Это могут все,— ответил Норман.— Можно отвлечь свое внимание от нежелательных мыслей. Как люди бросают курить? Как и все мы думаем периодически о разных вещах? Контролируя наши мысли.

— И все же я не понимаю, почему Гарри делает это.

— Ну-ка, вспомни, как ты сказала, что сфера может нанести нам удар ниже пояса? — напомнил Норман.— Так же как вирус СПИДа наносит предательский удар по нашей иммунной системе,— туда, где мы меньше всего готовы бороться с ним. Примерно также действует сфера. Мы же привыкли думать все, что нам благорассудится, да и говорить тоже — слово не ранит. Но пословицы и поговорки только подчеркивают эту проблему, как будто удар палки или камня более болезненный, чем дурное слово. Но в какой-то момент слово становится не менее действенным, чем пресловутая палка, и может причинить нам не меньший вред. Наши мысли становятся явными, но что особенно мило — *все* наши мысли, и дурные и хорошие. А мы просто не готовы контролировать их, потому что нам никогда не приходилось делать этого раньше.

— Когда я была маленькой,— сказала Бет,— я часто злилась на свою мать, а когда она заболела раком, я чувствовала себя страшно виноватой...

— Да,— согласился Норман.— Детям свойственно так думать. Все дети верят, что их мысли имеют силу. А мы терпеливо разъясняем им, что так думать неверно и глупо.

Конечно,— продолжал Норман,— есть и другие традиции отношения к мысли. Но когда в Библии говорится «не пожелай жены ближнего своего», мы склонны растолковывать это так, что прелюбодеяние запрещается. Но ведь в Библии сказано не совсем то. Там сказано, что сама мысль о прелюбодеянии наказуема так же, как и действие.

— А Гарри?

— Тебе что-нибудь известно о психологической теории Юнга?

— Подобные материи никогда не казались мне на что-то годными,— пожала плечами Бет.

— Ну, вот *теперь* и они сгодились,— сказал Норман и принялся объяснять:— Юнг порвал с Фрейдом в начале века и стал развивать собственную теорию. Юнг предположил, что в человеческой душе кроется нечто потаенное, что отразилось в наших древних преданиях и мифах. Одна из его идеей заключалась в том, что в каждой душе кроется своя темная сторона, которую он называл «тенью». Эта тень заключает в себе все тайные, неосознанные моменты человеческой души — склонность к садизму, ненависть и так далее. Юнг полагал, что людям необходимо познать свою теневую сторону. Но только некоторые это делают. Мы все предпочитаем думать, что все мы славные ребята и не собираемся никого убивать, насиливать или грабить.

— Да...

— Как полагал Юнг, если не знать о своей теневой стороне, она начинает управлять тобой.

— И, значит, мы видим теневую сторону Гарри?

— Собственно говоря, да. Гарри нуждается в том, чтобы представлять из себя этакого Самонадеянного Черного Мистера Всезнайку.

— Что он и делает.

— И если он боится здесь, внизу, в этом жилище — а кто не боится? — он не выказывает внешне своего страха. Но страх может преследовать его повсюду, высказывает он его или нет. И тогда его теневая сторона подтверждает эти страхи — создавая вещи, которые подтверждают, что его страхи небезосновательны.

— И спрут появляется, чтобы подтвердить его страхи?

— Да, похоже на то.

— Не знаю,— сказала Бет. Она выпрямилась, откинула голову, так что на ее скулах заиграли блики

света. Она выглядела как супермодель — элегантная, статная и сильная.— Я зоолог, Норман. Мне нужно потрогать вещи своими руками и убедиться в их реальности. Все эти теории насчет реализующихся мыслей, они только... Они чересчур *психологические*.

— Мир разума точно так же реален и следует столь же твердым законам и правилам, как и внешний мир,— возразил Норман.

— Да я уверена, что ты прав, но...— Она содрогнулась.— Но все же для меня это неубедительно.

— Ты знаешь все с тех пор, как мы спустились сюда, вниз,— сказал Норман.— Пожалуйста, предложи иную теорию, которая бы все это объясняла.

— Не могу,— согласилась она.— Я пыталась, пока ты говорил. Не могу.— Она собрала листки бумаги и некоторое время изучала их.— Знаешь, я думаю, ты произвел блестящие дедуктивные выкладки. Совершенно блестящие. Ты предстал просто совершенно в ином свете.

Норман самодовольно улыбнулся. Почти все время, проведенное им в модуле, он чувствовал себя пятым колесом, совершенно ненужным членом группы. Теперь хоть кто-то оценил его вклад, и он был доволен.

— Спасибо Бет.

Она смотрела на него нежным взглядом своих больших, влажных глаз:

— Ты очень привлекателен, Норман. Как это я раньше не замечала? — Она рассеянно коснулась своей груди под облегающим свитером, еще более туго натягивая материю. Неожиданно она приподнялась и крепко обняла его, прижимаясь к нему всем телом.

— Мы должны быть вместе,— сказала она.— Мы должны быть ближе, ты и я.

— Да, Бет, должны.

— Потому что, если то, что ты сказал — правда, Гарри — очень опасный человек.

— Да.

— Даже то, что он просто ходит тут, в полном сознании, делает его очень опасным.

— Да.

— Что же нам с ним делать?

— Привет, ребята,— произнес Гарри, поднимаясь наверх.— У вас интимная встреча, или можно примкнуть?

— Ну, разумеется,— сказал Норман.— Поднимайся, Гарри,— и он отошел от Бет.

— Я вам помешал? — спросил Гарри.

— Нет, нет.

— Я бы не хотел вмешиваться ни в чью личную жизнь.

— О, Гарри, — только и сказала Бет. Отойдя от Нормана, она присела на койку.

— Ну, вы двое выглядите как заговорщики.

— Правда? — спросил Норман.

— Да, особенно Бет. Мне кажется, она с каждым днем пребывания здесь, внизу, становится все краше.

— Я тоже это заметил, — улыбнулся Норман.

— Не сомневаюсь. Влюбленная женщина — да ты счастливчик! — Гарри повернулся к Бет: — Что ты на меня так уставилась?

— Я не уставилась, — отозвалась Бет.

— И ты тоже.

— Гарри, я не уставился.

— Ради Бога, я что, даже сказать не могу, что на меня кто-то уставился?

Норман начал:

— Гарри...

— Я только хотел бы знать, почему вы оба так на меня смотрите — как будто я преступник или что-то в этом роде.

— Не впадай в паранойю, Гарри.

— Собрались тут, шепчутся...

— Мы не шептались.

— Вы шептались. — Гарри скользнула взглядом по комнате: — Итак, двое белых и один черный?

— О, Гарри...

— Не такой уж я тупой, вы знаете. Что-то между вами происходит.

— Гарри, — повторил Норман, — между нами ничего не происходит.

И тут они услышали низкие звуковые сигналы, настойчивое пиканье из узла связи, и, обменявшись взглядами, бросились вниз.

На экране медленно появлялась группа букв:

COX VDX MOP LKI

— Это Джерри? — спросил Норман.

— Не думаю, — отозвался Гарри. — Не думаю, чтобы он вновь обратился к коду.

— А это код?

— Весьма вероятно.

— А почему так медленно? — спросила Бет. Каждая новая группа букв появлялась в равные промежутки времени, через несколько секунд.

— Не знаю, — ответил Гарри.

— Откуда они исходят?

Гарри нахмурился:

— Не знаю, но интереснее всего здесь скорость сообщения. Медленность. Интересно.

Норман и Бет ждали, пока Гарри занимался вычислениями. Норман думал: ну как тут обойдешься без Гарри? Он им нужен, его голова, может быть, важнее всех прочих здесь, внизу — и наиболее опасна. Но он нам необходим.

COX VDX MOP LKI XXC VRW TGK PIU YQA

— Интересно, — бормотал Гарри, — буквы появляются каждые пять секунд. И я думаю, для всех нас не будет большой беды сказать, откуда они поступают. Из Висконсина.

Норман не мог бы быть более удивлен:

— Из Висконсина?

— Да. Это передача ВМС. Может, она направлена нам, а может, и нет. Но идет она из Висконсина.

— Как ты узнал?

— Просто это единственное место на Земле, откуда они могут идти, — сказал Гарри. — Вы знаете что-нибудь о ELF, о чрезвычайно низких частотах? Нет? Суть там вот в чем. Если послать радиоволны по воздуху, они, как вам известно, прекрасно распространяются. Но вы не можете послать радиосигнал глубоко под воду — вода плохой проводник, — и поэтому вам приходится посыпать сигнал невероятной силы, чтобы он прошел по воде хотя бы небольшое расстояние.

— Да...

— Но способность проникновения зависит от длины волны. Обычная радиоволна короткая — коротковолновое радио и все в этом духе. Длина волн крошечная — тысячи или даже миллионы волн в одном дюйме. Но можно создать такие и чрезвычайно низко частотные волны, очень длинные — каждая может достигать двадцати футов. Произведенные однажды эти волны могут проходить очень большие расстояния, тысячи миль, в том числе и под водой. Одна беда — если волны очень длинные, то они и очень медленные. Вот почему каждый сигнал

поступает через пять секунд. ВМС нуждались в средстве связи со своими подлодками, вот они и построили гигантскую антенну в Висконсине, чтобы посыпать длинные волны. Вот их-то мы и получаем.

— А код?

— Это, должно быть, сжатая шифrogramма — трехбуквенные группы вместо длинных порций информации, чтобы сократить время на передачу сообщения. Потому что если послать полный текст, это растянется на долгие часы.

COX VDX MOP LKI XXX VRW TGK PIU YQA IYT
EEQ FVC ZNB TMK EXE MMN OPW GEW

Буквы перестали появляться.

— Похоже, это окончание, — сказал Гарри.

— А как нам их перевести? — спросила Бет.

— Предполагая, что эта передача ведется ВМС, мы этого не сможем.

— Может, где-нибудь есть справочник шифров, — предположила Бет.

— Дешифратор перед вами, — возразил Гарри.

Изображение на экране изменилось, группы букв преобразились в текст одна за другой.

23.40 7-07 ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ТИХООКЕАНСКИМ ФЛОТОМ — БАРНСУ ГЛУБОКОВОДНЫЙ МОДУЛЬ DH-8

— Это послание Барнсу, — заметил Гарри. Они наблюдали, как постепенно переводились в остальные буквенные сочетания.

КОРАБЛИ ПОДДЕРЖКИ НАПРАВЛЯЮТСЯ ИЗ НАНДИ И ВИПАТИ НА МЕСТО ВАШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ ПРИБУДУТ ЧЕРЕЗ ШЕСТНАДЦАТЬ ЧАСОВ
7-08 ГЛУБОКОВОДНАЯ ПЕРЕДАЧА АВТООТСЧЕТ ВРЕМЕНИ СЧАСТЛИВО СПОЛДИНГ КОНЕЦ

— Это и вправду так, мне не кажется? — спросила Бет.

— Да, — ответил Гарри. — Караван в пути, подмога идет.

— Черт побери, — сжала Бет кулаки.

— Шторм, по всей видимости, утихает. Они послали корабли, и те прибудут через шестнадцать часов.

— А автоотсчет?

Ответ они получили немедленно. В верхнем правом углу каждого экрана появилось окошечко с цифрами: 16.20.00. Цифры отсчитывались в обратном направлении.

— Это автоматический отсчет времени нашего пребывания здесь, внизу.

— Мы должны полагаться на показания этого счетчика, рассчитывая подняться наверх? — спросила Бет.

Норман глядел на цифры: Они бежали назад, так же, как в свое время на субмарине.

— А как насчет субмарины?

— До субмарины ли сейчас, — буркнул Гарри.

— Думаю, ее неплохо бы держать рядом, — сказала Бет. Она сверилась со своими часами. — У нас целых четыре часа до загрузки в нее информации.

— Куча времени.

— Да.

Что до Нормана, то он все пытался подсчитать, смогут ли они продержаться целых шестнадцать часов.

Гарри сказал:

— Такие новости! А что вы оба, как висельники?

— Просто соображаем, удастся ли нам дождаться, — сказал Норман.

— А почему нет? — спросил Гарри.

— Джерри может предпринять что-то первым, — заявила Бет, приводя Нормана в дикое раздражение. Разве она не понимала, что говоря это, она прямо пересаживает идею в мозг Гарри?

— Мы не переживем новое нападение на модуль, — продолжала Бет.

Норман подумал: заткнись, Бет. Ты же прямо вносишь предложение.

— Нападение на модуль? — переспросил Гарри.

Норман быстро сказал:

— Гарри, думаю, нам с тобой нужно еще разок потолковать с Джерри.

— Правда? Зачем?

— Хочу попробовать, не удастся ли нам найти общий язык.

— Не думаю, — возразил Гарри, — чтобы это получилось.

— В любом случае, попытка не пытка, — сказал Норман, метнув взгляд на Бет. — Все же лучше попытаться.

Норман осознавал, что разговаривает он не с Джерри, а с какой-то частью Гарри. Бессознательной, теневой частью.

Справиться ли он с этим? Как ему действовать?

Он сидел перед экраном монитора и размышлял: «Что я, в сущности, знаю о Гарри?» Гарри, который вырос в Филадельфии — тощий, болезненно застенчивый подросток, весь в себе, математик-вундеркинд, над чьим даром потешались друзья и родные. Гарри сказал однажды, что когда он заинтересовался математикой, другие мальчишки гоняли мяч. Даже теперь Гарри не-навидел все игры, всякий спорт.

В молодости его так часто оскорбляли и унижали, что когда к нему пришло наконец признание, оно пришло к нему слишком поздно, как подозревал Норман. Вред уже был нанесен. Конечно, оно пришло слишком поздно, чтобы остановить надменного хвастуна.

Я ЗДЕСЬ НЕ БОЙТЕСЬ.

— Джерри.

ДА НОРМАН.

— У меня к тебе просьба.

МОЖЕШЬ ПОПРОСИТЬ.

— Джерри, многие наши сущности пропали, и наше жилище пострадало.

ЭТО Я ЗНАЮ. ТВОЯ ПРОСЬБА.

— Не мог ли ты перестать появляться?

НЕТ.

— Почему нет?

Я НЕ ХОЧУ ПЕРЕСТАВАТЬ.

Ну, подумал Норман, с этим можно и подождать. Не будем тратить время.

— Джерри, я знаю, что долгое время ты был в изоляции, многие века, и что ты чувствовал себя оди-ноким все это время. Ты чувствовал, что никто о тебе не заботится, не интересуется тобой, не хочет с тобой поиграть или разделить твои интересы.

ДА, ЭТО ПРАВДА.

— И теперь, наконец, ты можешь проявляться и ты наслаждаешься этим. Тебе нравится показывать нам то, что ты умеешь, чтобы произвести на нас впечатление.

ЭТО ПРАВДА.

— Чтобы мы уделяли тебе внимание.

ДА. МНЕ ЭТО НРАВИТСЯ.

— И это сработало. Мы уделяем тебе внимание.

ДА. Я ЭТО ЗНАЮ.

— Но твои манифестации вредят нам, Джерри.

МЕНЯ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ.

— И удивляют нас тоже.

Я РАД.

— Мы удивлены тем, Джерри, что ты попросту играешь с нами.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ИГР. Я НЕ ИГРАЮ В ИГРЫ.

— Да, Джерри, это игра для тебя. Вид спорта.
НЕТ, ЭТО НЕ ТАК.

— Так, Джерри,— сказал Норман.— Это *дурацкий спорт*.

Стоя рядом с Норманом, Гарри сказал:

— Тебе что, так хочется ему перечить? Ты его доведешь до белого каления. Не думаю, что Джерри очень нравится, когда ему противоречат.

Уверен, что тебе это не нравится, подумал Норман. Но вслух произнес:

— Ну, я только хочу сказать Джерри правду о его собственном поведении. Он не делает ничего интересного.

О? НИЧЕГО ИНТЕРЕСНОГО?

— Нет. Ты злобный и дерзкий, Джерри.

И ТЫ СМЕЕШЬ ТАК СО МНОЙ РАЗГОВАРИВАТЬ?

— Да. Потому что ты поступаешь глупо.

— Эй,— сказал Гарри,— полегче с ним.

Я ЛЕГКО МОГУ ЗАСТАВИТЬ ТЕБЯ РАСКАЯТЬСЯ В ТВОИХ СЛОВАХ, НОРМАН.

Норман заметил, что словарь и синтаксис Джерри теперь стал безупречным. Претензия на наивность исчезла. Но и Норман ощущал себя сильнее, увереннее, по мере того, как продвигалась беседа. Теперь-то он знал, с кем разговаривает. Он говорил с детской частью другого человеческого существа.

У МЕНЯ СИЛЫ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЫ ВООБРАЖАЕШЬ.

— Я знаю, что у тебя есть сила,— согласился Норман.— Очень большая сила.

Гарри вдруг необычайно взволновался:

— Норман, ради всего святого! Ты же не хочешь, чтобы нас всех убили.

ПРИСЛУШАЙСЯ К ГАРРИ. ОН БЛАГОРАЗУМЕН.

— Нет, Джерри,— возразил Норман.— Гарри не благоразумен. Он просто боится.

ГАРРИ НЕ БОИТСЯ. СОВЕРШЕННО НЕ БОИТСЯ.

Норман решил парировать этот удар.

— Я говорю с тобой, Джерри, только с тобой. А ты из тех, кто вечно играет в игры.

ВСЕ ИГРЫ ДУРАЦКИЕ.

— Да, вот именно, Джерри, тебе они не подходят.
ИГРЫ НЕИНТЕРЕСНЫ ИНТЕЛЛЕКТУ.

— Тогда перестань, Джерри. Прекрати свои манифестации.

Я МОГУ ПРЕКРАТИТЬ, КОГДА ЗАХОЧУ.

— Не уверен, что ты сможешь, Джерри.

ДА, СМОГУ.

— Так докажи это. Покончи с этими своими манифестациями.

Последовала долгая пауза. Они ждали ответа.

НОРМАН, ТВОИ ТРИЮКИ И МАХИНАЦИИ ПРИМИТИВНЫ И, КСТАТИ, НЕВЕРОЯТНО СКУЧНЫ. МНЕ БОЛЬШЕ НЕИНТЕРЕСНО С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАТЬ. Я БУДУ ДЕЛАТЬ КАК РАЗ ТО, ЧТО МНЕ НРАВИТСЯ, И ПОЯВЛЯТЬСЯ, КАК МНЕ УГОДНО.

— Наш жилой модуль больше не выдержит твоих манифестаций, Джерри.

МНЕ ВСЕ РАВНО.

— Если ты разрушишь наш модуль, Гарри погибнет.

Гарри возразил:

— Я и все остальные, черт побери!

МНЕ ВСЕ РАВНО, НОРМАН.

— Почему ты хочешь убить нас, Джерри?

ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ НАХОДИТЬСЯ ЗДЕСЬ. ВЫ, ЛЮДИ, НЕ ПРИНАДЛЕЖИТЕ ЭТОМУ МЕСТУ. ВЫ САМОДОВОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ ЛЕЗУТ ПОВСЮДУ В МИРЕ, И ТЕПЕРЬ ВЫ РИСКУЕТЕ ЗАПЛАТИТЬ ЗА ЭТО. ВЫ БЕЗЗАБОТНЫЕ БЕСЧУВСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, ВЫ НИКОГО НЕ ЛЮБИТЕ.

— Это не так, Джерри.

НЕ ПРОТИВОРЕЧЬ МНЕ, НОРМАН.

— Извини, но это ты — бесчувственное, беззаботное существо. Тебе все равно, навредишь ли ты нам. Тебе все равно, что мы в затруднении. Это ты недобрый, Джерри. Не мы. Ты.

ДОВОЛЬНО.

— Не будет он с тобой больше разговаривать, — сказал Гарри. — Он просто свихнулся, Норман.

Я УБЬЮ ВАС ВСЕХ.

Норман вспотел; вытирая лоб, он отвернулся от экрана.

— Не думаю, что с этим типом можно разговаривать, — сказала Бет. — Не думаю, что на него могут подействовать какие-то доводы.

— Не следовало злить его,— произнес Гарри умоляющим голосом.— Зачем ты так злил его, Норман?

— Хотел сказать ему правду.

— Ты был слишком несправедлив к нему, Норман, и вот теперь он разозлился.

— Это неважно, разозлился или нет,— возразила Бет.— Гарри нападал на нас и раньше, когда не был зол.

— Ты хочешь сказать — Джерри,— выразительно посмотрел на нее Норман.— Джерри нападал на нас.

— Да, верно, Джерри.

— Что за оговорки, Бет! — воскликнул Гарри.

— Ты прав, Гарри, извини меня.

Но Гарри взглянул на нее как-то странно. Норман подумал, что Гарри понял его уловку, и так просто этого не оставит.

— Не понимаю, как ты могла так перепутать,— продолжал Гарри.

— Пойми, это просто обмоловка. Так глупо получилось.

— Не думаю.

— Прости,— сказала Бет.— Нет, правда, прости меня.

— Да ничего,— ответил Гарри.— Неважно.

Он произнес это неожиданно ровным, совершенно безразличным голосом. Норман подумал: ого.

Гарри зевнул и потянулся.

— Знаете,— сказал он,— оказывается, я зверски устал. Пожалуй, мне надо пойти вздремнуть.

И он направился в спальню.

16.00

— Надо что-то делать,— сказала Бет.— Нельзя говорить с ним об этом.

— Ты права,— согласился Норман.— Не можем.

Бет слегка стукнула по экрану. Там все еще светились буквы: Я ВАС УБЬЮ.

— Думаешь, именно это он и замышляет?

— Да.

Бет стояла, сжимая кулаки:

— Значит, или он, или мы.

— Думаю, да.

Невысказанные гнетущие мысли висели в воздухе.

— Эти манифестации, которые происходят благодаря ему,— сказала наконец Бет,— думаешь, он должен совсем лишиться сознания, чтобы они прекратились?

— Да.

— Или умереть?

— Да,— сказал Норман. Ему это тоже пришло в голову. Это казалось столь неправдоподобным, столь невероятным поворотом событий в жизни — то, что вот сейчас он находился под водой на глубине в тысячу футов, замышляя убийство человека. Но это было именно то, чем он сейчас занимался.

— Я не желаю убивать его,— сказала Бет.

— Я тоже.

— То есть, я даже и думать об этом не хочу, не то что браться за это.

— Может, нам не понадобится убивать его,— возразил Норман.

— Может быть, если он не предпримет чего-либо,— покачала головой Бет.— О Боже, Норман, что же теперь будет? Нового нападения этот модуль не выдержит. Нам придется убить его. Я только не готова к этому.

— Я тоже,— кивнул Норман.

— Мы могли бы вооружиться одним из гарпунных пистолетов и привести дело к несчастному случаю. А потом сидеть и дожидаться, когда прибудут люди ВМС и поднимут нас наверх.

— Этого я делать не хочу.

— Да я тоже,— сказала Бет.— Но что мы можем еще?

— Нам не надо убивать его,— сказал Норман.— Только лишить его сознания.— Он прошел в кабинку скорой помощи и стал внимательно просматривать лекарства.

— Думаешь найти что-то подходящее? — спросила Бет.

— Возможно, тут есть что-нибудь анестезирующее.

— А оно сработает?

— Думаю, сработает все, от чего теряют сознание. Так мне кажется.

— Надеюсь, ты прав,— вздохнула Бет.— Потому что если он не уснет и начнет вызывать чудовищ из своих снов, добром это не кончится.

— Да. Но анестезия вызывает полнейшую бессознательность, безо всяких снов.— Норман проглядывал этикетки на пузырьках и отставлял их в сторону.— Ты знаешь, что это такое?

— Нет,— ответила Бет,— но вся информация имеется в компьютере.— Она уселась за пульт.— Читай названия, а я буду смотреть, что это такое.

— Дифенил парален.

Бет нажала на кнопки, и на экране появился текст.

— Это... гм... похоже, что это от ожогов.

— Эфедрин гидрохлорид.

Новый пояснительный текст.

— Это... Думаю, что это от болей в кишечнике.

— Вальдомет.

— Это язвенное.

— Синтаг?

— Аналог синтетического опиума. Быстродействующее.

— Лишает сознания? — поинтересовался Норман.

— Нет. Вернее, не совсем. Во всяком случае, потеря сознания — только побочное действие и проходит через несколько минут.

— Таразин.

— Успокоительное. Вызывает сонливость.

— Хорошо,— Норман отставил пузырек.

— И может вызывать эксцентрические поступки.

— Нет,— сказал Норман и поставил пузырек на место.

Только эксцентрики им и не хватало.— Риордан?

— Противовоспалительное. От укусов.

— Оксаламин?

— Антибиотик.

— Хлорамфеникол?

— Тоже антибиотик.

— Черт,— пузырьков становилось все меньше.— Парасолютрин?

— Это наркотик...

— Какой?

— Вызывает сон.

— Ты хочешь сказать, что это снотворное?

— Нет, это — словом, тут сказано, что препарат нужно применять в сочетании с парациновым трихлоридом для анестезии.

— Парациновый трихлорид... Так, вот он,— отозвался Норман.

Бет считывала с экрана:

— 20%-й парасолютрин в сочетании с 6%-м парацином вызывает глубокий сон, необходимый в критических случаях при хирургических операциях... Побочного воздействия на сердце нет... сон, от которого пробудить

пациента очень трудно... подавляется нервная деятельность.

- А как долго он действует?
- От трех до шести часов.
- А как быстро наступает эффект?

Она нахмурилась:

— Тут не сказано. Только написано: «После наступления глубокого сна можно производить даже экстенсивные хирургические операции. Только не сказано, как быстро наступает сон.

- Проклятье,— выругался Норман.
- Похоже, что быстро,— добавила Бет.
- А что если нет? — спросил Норман.— Что, если понадобится двадцать минут? Ты сможешь выстоять? Отбиться?

Она покачала головой:

- Об этом ничего не сказано.

Наконец они остановились на смеси парасолютрина, парацина, глюкозы и синтага, опиата.

Норман наполнил большой шприц жидкостью. Шприц был здоровенным, как для лошади.

— А ты не думаешь, что эта доза может убить его? — спросила Бет.

- Не знаю. А разве у нас есть выбор?
- Нет,— ответила Бет.— Мы вынуждены сделать это.

Тебе приходилось когда-нибудь раньше делать инъекции?

Норман отрицательно покачал головой и спросил:

- А тебе?
- Только лабораторным животным.
- Куда я должен уколоть?
- Лучше в плечо,— посоветовала Бет.— Если он спит.

Норман поднес шприц к свету и выпустил для пробы

несколько капель.

- О'кей,— сказал он.
- Лучше я пойду с тобой,— предложила Бет,— я поддержу его.
- Нет,— возразил Норман.— Если он не спит и увидит нас обоих, он что-нибудь заподозрит. Вспомни, ведь ты уже давно там не спишь, на этих койках.
- А что, если он прибегнет к насилию?
- Думаю, я сумею избежать этого.
- Ладно, Норман. Как скажешь.

* * *

Лампы в коридоре цилиндра С казались неестественно яркими. Норман слышал, как его ноги ступают по ковру, слышал ровный гул вентиляторов и калориферов. Он ощущал тяжесть шприца, зажатого в ладони. Он приблизился к двери в спальню.

Две женщины в форме ВМС стояли перед входом. Они насторожились, когда он приблизился.

— Д-р Джонсон, сэр!

Норман остановился. Женщины были высокие, чернокожие, очень мускулистые.

— Хочу отдохнуть,— улыбнулся Норман.

Они были по-прежнему суровы.

— Извините, сэр! У нас приказ, сэр!

— Ну, да,— согласился Норман,— ну и продолжайте.— Он сделал попытку войти в спальню.

— Просим прощения, д-р Джонсон, сэр!

Они загородили ему дорогу.

— А что такое? — спросил он как можно непринужденнее.

— Вход в это помещение воспрещен всему персоналу, сэр!

— Но я хочу пойти поспать.

— Извините, пожалуйста, д-р Джонсон, сэр! Никто не должен беспокоить д-ра Адамса, когда он спит, сэр.

— Я и не собираюсь его беспокоить.

— Извините, д-р Джонсон, сэр! Можно взглянуть, что у вас в руке, сэр?

— У меня в руке?

— Да, вы держите что-то в руке, сэр!

Их напряженное поведение, дикция, как у автоматов, и это пунктуальное «сэр!» в конце концов действовали ему на нервы. Он приглядился к ним. Отутюженные униформы скрывали мощную мускулатуру. Он не думал, что ему удастся прорваться мимо них. А за дверью на койке, посапывая, лежал навзничь Гарри. Отличный момент для инъекции.

— Д-р Джонсон, можно взглянуть, что у вас в руке, сэр?

— Нет, черт бы вас побрал, нельзя!

— Я все видела,— сказала Бет, кивнув на монитор. Норман взглянул на экран и увидел двух женщин, дежуривших в коридоре. Затем он посмотрел на соседний монитор, показывавший сферу.

— Сфера изменилась! — воскликнул он.

Насечки входной части определенно чередовались теперь в другом порядке, они усложнились и поднялись выше. Норман чувствовал, что сфера изменилась.

— Похоже, ты прав,— сказала Бет.

— Когда это случилось?

— Можем прокрутить запись,— предложила она.— Но сейчас лучше заняться этими двумя.

— Как? — поинтересовался Норман.

— Очень просто,— сказала Бет, вновь сжимая кулаки.— У нас в цилиндре В есть пять гарпунных пистолетов. Сейчас я скожу за ними, возьму два и мы взорвем этих ангелов-хранителей к чертовой бабушке. Ты войдешь и уколешь его.

От ее хладнокровного предложения мороз мог прорвать по коже, если бы она не была так хороша. Все ее черты казались более утонченными, она даже стала более элегантной в эту минуту.

— Оружие в цилиндре В? — спросил Норман.

— Ну да. Посмотри на видео,— она ткнула кнопку.— Проклятие.

Оружие исчезло из цилиндра В.

— Кажется, этот ублюдок припрятал его для себя,— сказал Норман.— Милейший старина Гарри.

Бет взгляделась в него:

— Ты себя нормально чувствуешь?

— Конечно, а что?

— На дверце шкафчика в кабине скорой помощи есть зеркало. Ступай, посмотри.

Он открыл белый шкафчик и взглянул на себя в зеркало. То, что он увидел, его потрясло. Не то, чтобы он ожидал, что выглядит прекрасно; он привык к дряблым очертаниям своего лица и седой щетине бороды, которую он, случалось, не брил неделями.

Но лицо в зеркале было худым, с грубой, черной как смоль, бородой. Под тлеющими холодным огнем глазами лежали темные круги. Волосы свешивались неопрятными прядями на лоб. Он выглядел, как преступник, находящийся в розыске.

— Я похож на д-ра Джекиля,— сказал он.— Или, скорее, на мистера Хайда.

— Вот именно.

— Ты выглядишь куда красивее,— заметил он.— Но я-то человек, задумавший что-то против Джерри. Вот и получил соответствующий вид.

— Думаешь, это сделал Гарри?

— А кто же? — сказал Норман. И добавил про себя: «Надеюсь, что так».

— А чувствуешь ты себя тоже как-то иначе, а, Норман?

— Да нет, чувствую себя я как раз обычно. Только выгляжу как разбойник с большой дороги.

— Да. Выглядишь ты слегка отпугивающе.

— Не сомневаюсь.

— Ты правда хорошо себя чувствуешь?

— Бет...

— Ладно.— Она отвернулась, вновь посмотрела на мониторы.— У меня есть еще одна идея, последняя. Мы вместе идем в цилиндр А, надеваем костюмы, возвращаемся в цилиндр В и перекрываем кислород во всем остальном модуле. Гарри потеряет сознание, его стражи испарятся, а мы войдем и уколем его. Что ты на это скажешь?

— Надо попробовать.

Норман спрятал шприц. Они двинулись в цилиндр А. В цилиндре С они прошли мимо двух стражей, вновь напряженно восхликувших:

— Д-р Гальперн, сэр!

— Д-р Джонсон, сэр!

— Продолжайте,— сказала Бет.

— Да, сэр! Можно спросить, куда вы идете, сэр?

— Обычный инспекционный обход,— ответила Бет. Последовала пауза.

— Отлично, сэр.

Им было позволено пройти. Они вошли в цилиндр В с его нагромождением труб и техники. Норман нервно покосился на них: он бы не хотел связываться с системами жизнеобеспечения, но он не видел другого выхода.

В цилиндре А осталось три костюма, Норман потянулся к своему:

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил он.

— Да,— кивнула Бет.— Доверься мне.

И тут сигнал тревоги заполнил модуль, и вновь замигали красные огни. Это была наружная тревога.

• Новое нападение началось.

Они пробежали через боковой проход прямо из цилиндра В в цилиндр Д. Норман заметил, пробегая, что стражи исчезли. В цилиндре Д заливалась тревога, и экраны наружных сенсоров полыхали алым цветом. Норман взглянул на видеомониторы.

Я ИДУ.

Бет быстро выключала экраны.

Они почувствовали тяжелый удар, и Норман повернулся к иллюминатору. Зеленый спрут был уже там, его громадные щупальца обивались вокруг основания модуля. Одно из здоровенных щупалец протянулось к иллюминатору, расплющилось об него.

Я ЗДЕСЬ.

— Гарри-и-и! — закричала Бет.

Последовал пробный удар — щупальца спрута сжали модуль. Медленное, агонизирующее скрежетание металла.

Гарри вбежал в комнату:

— Что это?

— Ты знаешь, что это, Гарри! — выкрикнула Бет.

— Нет, нет! Что это?

— Это спрут, Гарри!

— О, Боже, нет,— простонал Гарри.

Модуль затрясло сильнее. Комнатное освещение вспыхнуло и погасло. Теперь горели только красные огни тревоги.

Норман повернулся к Гарри:

— Останови его!

— О чём ты говоришь? — жалобно крикнул Гарри.

— Ты знаешь, о чём, Гарри.

— Нет!

— Нет, да, Гарри. Это ты, Гарри,— сказал Норман.— Ты делаешь это.

— Нет, неправда, это не я! Клянусь, что не я!

— Да, Гарри,— настаивал Норман.— И если ты это не остановишь, мы все погибнем.

Модуль опять сотрясло. Один из калориферов разбился, посыпалось градом стекло и обрывки проводов.

— Давай, Гарри!

— Нет, нет!

— У нас не так много времени. Ты знаешь, что это делаешь ты!

— Модуль больше не выдержит, Норман,— сказала Бет.
— Не может быть, чтобы это был я!

— Да, Гарри, посмотри наконец правде в глаза!

Даже говоря все это, Норман искал шприц. Он оставил его где-то в комнате, но бумаги сыпались со столов и полок, мониторы валялись на пол, вокруг царил хаос...

Снова содрогнулся модуль, в соседнем цилиндре раздался страшный взрыв. Завыли сирены внутренней тревоги, и Норман ощутил бурную вибрацию и тут же с ужасом понял, что это вода под высоким давлением обрушилась на их жилище.

— Наводнение в С,— прокричала Бет, сидевшая за пультом. Она выбежала в коридор, и Норман услышал металлическое клацканье запираемых ею дверей. Комната наполнялась солоноватым туманом.

Норман прижал Гарри к стене:

— Гарри! Пойми же и прекрати это!

— Это не я, это не я,— бормотал Гарри.

Новый жуткий толчок потряс их.

— Это не я! — завопил Гарри.— Это не имеет ко мне никакого отношения!

И тут Гарри пронзительно вскрикнул, его тело обвисло, и Норман увидел, как Бет вынимает из его плеча шприц, с капелькой крови на конце иглы.

— Что ты делаешь! — прокричал Гарри, но глаза его уже стекленели, взгляд становился отсутствующим. Он пошатнулся от следующего толчка и опустился на колени.— Нет,— тихо произнес он,— нет...

Он скрючился, упав ничком на ковер.

Модуль сразу же перестало корежить. Стихла тревога. Наступила зловещая тишина, и только где-то далеко в модуле журчала вода.

Бет быстро двигалась, считывая информацию с экранов.

— Внутренние системы вышли из строя! Внешние — вышли из строя! Все вышло из строя. Прекрасно! Информация не считывается!

Норман бросился к иллюминатору. Спрут исчез. Дно океана было пустынным.

— Информация о повреждениях! — кричала Бет.— Энергоносители вышли из строя! Цилиндр Е разрушен! Цилиндр С разрушен! Цилиндр В...

У глядевшего на Бет Нормана закружилась голова. Если разрушен цилиндр В, значит, разрушена система

жизнеобеспечения, и теперь они непременно погибнут.

— Цилиндр В держится,— сказала она наконец. Ее тело обмякло.— Порядок, Норман.

Норман съежился на ковре, истощенный, вдруг почувствовав напряжение в каждой части тела.

Все прошло. Кризис миновал. Они были в относительном порядке, после всего пережитого. Норман почувствовал, как расслабляется его тело.

Все прошло.

12.30

Кровь перестала идти из разбитого носа Гарри, и теперь, казалось, он дышал легко и спокойно. Норман бодрым шагом отправился взглянуть на свое распухшее лицо и попутно поправил трубку внутривенного вливания у Гарри на руке. Бет удалось приладить капельницу к руке Гарри после нескольких безуспешных попыток. Через нее шло вливание анестезирующей смеси. Дыхание у Гарри было кисловатым, как олово. Но в остальном с ним все было нормально.

Зашелкало радио.

— Я на субмарине,— сообщила Бет.— Забираюсь на борт.

Норман взглянул через иллюминатор на DH-7, увидел Бет, взбирающуюся через люк в субмарину. Она в последний раз отправилась нажать кнопку отсрочки. Он опять повернулся к Гарри.

В компьютере не содержалось никакой информации о побочных эффектах пребывания человека спящим в течение двенадцати часов, но именно это им было необходимо. Или допустить Гарри проделывать все это, или нет.

Похоже, для нас наступил отдых, подумал Норман. Он взглянул на часы на мониторе. Они показывали 12.30, отсчитывая время назад. Он накрыл Гарри одеялом и вернулся к пульте.

Сфера была все там же, с изменившимся расположением насечек.

За всеми этими треволнениями он и думать забыл о сфере, о том, откуда она прибыла и что означает. Хотя теперь они уже понимали, что она означает. Как это Бет назвала ее? Мыслительный катализатор. Катализатор —

это то, что определяет возможность течения химических реакций без прямого участия в ней. В наших телах постоянно идут химические процессы, но температура тела недостаточно высока для их нормального протекания. Этому и служат катализаторы, как бы подталкивающие реакцию, убыстряющие ее. Они возможны только благодаря катализаторам. А она назвала сферу мыслительным катализатором.

Очень умно,— подумал он. Умная женщина. Даже ее импульсивность обернулась положительной стороной. Хотя Гарри и без сознания, она все равно выглядит очаровательно, а вот Норман обнаружил, что черты его вновь стали прежними. Он снова видел знакомое отражение на экране, разглядывая полированную поверхность сферы.

Эта сфера.

Если Гарри не придет в сознание, удастся ли им узнать когда-нибудь, что же случилось на самом деле, как точно выглядит сфера изнутри. Норман вспомнил огоньки, похожие на светлячков. А что там говорил Гарри? Что-то о море. Море. Норман услышал журчание и выглянул в иллюминатор. Субмарина двигалась.

Освобожденная от якорного крепления, желтая субмарина двигалась по океану, освещая дно своими огнями. Норман нажал кнопку наушников: «Бет? Бет!»

- Я здесь, Норман.
- Что ты делаешь?
- Спокойно, Норман.
- Что ты делаешь в субмарине, Бет?
- Это просто предосторожность, Норман.
- Ты поднимаешься?

Она засмеялась легким, русалочьим смехом.

- Да нет, Норман, успокойся.
- Скажи, что ты делаешь.
- Это секрет.

— Возвращайся, Бет.— Вот чего еще ему недоставало, это чтобы Бет свихнулась. Он опять подумал о ее импульсивности, которой только что восхищался. Больше она его не восхищала.

— Поговорим позже,— сказала она.

Субмарина повернулась в профиль, и он увидел красные коробки в ее манипуляторе. Он не мог прочесть написанное на коробках, но они казались ему невероятно знакомыми. Он видел, как субмарина обогнула высокий киль корабля и затем села на дно. Одна из красных

коробок, выпущенная манипулятором, взбаламутила мягкий ил. Затем субмарины снова тронулась, взболтав воду, и прошла сто ярдов вперед. Снова остановилась и снова выпустила следующую красную коробку. И продолжала свой путь вдоль всей длины корабля.

— Бет?

Молчание. Норман взглядался в коробки. Что-то было написано на них, но он не мог ничего разглядеть на таком расстоянии.

Теперь лодка развернулась и двигалась прямо на DH-8. Огни светили Норману в лицо. Лодка подошла ближе, и сразу сработали датчики тревоги, заревела сирена и замигали красные огни. Ненавижу эту тревогу, думал Норман, пробираясь между пультами и пробегая глазами по кнопкам. Как же ее вырубить? Он покосился на Гарри, но Гарри оставался по-прежнему без сознания.

— Бет? Ты где? Из-за тебя сработала чертова тревога?

— Нажми F-8.

А где эта F-8? Он осмотрелся, заметил ряд клавиш на клавиатуре, помеченных от F-1 до F-20. Он нажал F-8, и тревога унялась. Лодка подошла теперь совсем близко, огни ярко светили в иллюминаторы. В самом высоком из них Бет была теперь ясно видна, огни освещали ее лицо. Потом лодка ушла за пределы видимости.

Он подошел к иллюминатору и выглянул. «Звезда глубин III» двигалась по дну, выставляя одну коробку за другой. Теперь Норман смог прочитать надпись на коробках:

ОСТОРОЖНО. НЕ КУРИТЬ. НЕ ХРАНИТЬ В БЛИЗИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. ВЗРЫВАТЕЛИ TEVAC.

— Бет! Какого черта ты это делаешь?

— Потом, Норман.

Он прислушался к ее голосу. Голос звучал нормально. Не помешалась ли она? Нет, решил он. Она не помешанная. Говорит нормально. То есть я просто уверен, что нормально.

Но он не был уверен.

Лодка снова двинулась, огни расплывались в мутном илистом облаке, поднятом двигателем. Облако дошло до самого иллюминатора, ухудшая видимость.

— Бет?

— Все в порядке, Норман. Сейчас я вернусь.

Когда облако ила вновь осело на дно, он увидел лодку

уже у DH-7, и мгновение спустя она оказалась под сводом ангара. Потом он увидел Бет, закреплявшую лодку.

11.00

— Все очень просто,— сказала Бет.

— Взрывчатка? — он ткнул в экран.— Здесь сказали, что TEVAC — самое мощное из известных взрывчатых веществ. Так какого черта ты расставила эти взрыватели вокруг модуля?

— Норман, успокойся.— Она опустила руку ему на плечо. Ее прикосновение было мягким, успокаивающим. Он немного расслабился, почувствовав, что она рядом.

— Нам следовало обсудить это вместе.

— Норман, у меня не было больше шансов. Ни одного.

— Но Гарри без сознания.

— Он может проснуться.

— Не может, Бет.

— У меня не было больше шансов,— повторила она.— Теперь, если кто-нибудь посмеет выйти из сферы, мы взорвем ко всем чертям весь корабль. Я разложила взрывчатку по всей его длине.

— А зачем еще и вокруг модуля?

— Защита.

— Что же это за защита?

— Уж ты мне поверь.

— Бет, это слишком опасно окружать себя взрывчаткой.

— Она не подсоединенена проводами, Норман. Правда, я не подключала провода, даже вокруг корабля. Мне нужно для этого выйти наружу и сделать это вручную.— Она взглянула на экраны.— Я думаю, мне надо немного переждать, быть может, вздрогнуть. Ты не устал?

— Нет,— ответил Норман.

— Ты давно не спал, Норман.

— Я не устал.

Она понимающе посмотрела на него:

— Я присмотрю за Гарри, если ты об этом беспокоишься.

— Я просто не устал, Бет.

— О'кей,— сказала она.— Одевайся.— Она откинула блестящие черные волосы со лба.— Лично я чувствую

себя истощенной. Мне бы несколько часов сна не помешало.— Она стала подниматься в лабораторию, взглянула на него сверху:

— Ты не хочешь присоединиться ко мне?

— Что? — оторопело спросил он.

Она улыбнулась ему прямо, понимающе.

— Ты же слышал, Норман.

— Может быть, попозже, Бет.

— Ну, как знаешь.

Она поднималась по лестнице, ее тело, туго обтянутое костюмом, подрагивало. Выглядела она прекрасно, он не мог не признать этого. Эта женщина была обворожительна.

В другом конце комнаты Гарри равномерно похрапывал. Норман проверил пузырь со льдом, думая о Бет. Он слышал, как она ходила по лаборатории наверху.

— Эй, Норман?

— Да... — он двинулся к лестнице, глядя наверх.

— У нас остались еще такие? Чистые? — что-то голубое шлепнулось Норману в руки. Это был ее свитер.

— Да. Думаю, они есть на складе в цилиндре В.

— Не принесешь ли мне, а, Норман?

— Ладно, — ответил он.

По дороге в цилиндр В он вдруг понял, что он отчего-то нервничает. Что происходит? Конечно, подумал он, он прекрасно знает, что происходит, но почему сейчас? От Бет исходило невероятное притяжение, и это настораживало его. Общаясь с мужчиной, Бет всегда была напориста, энергична, прямолинейна и зла. Брать соблазнительностью было не в ее правилах.

А вот теперь она была такой обворожительной, думал Норман, выуживая из шкафа свитер. Он вернулся с ним снова в цилиндр D и взобрался наверх, в лабораторию. Откуда-то исходило странное голубоватое свечение.

— Бет?

— Я здесь, Норман.

Он приблизился и увидел, что она, обнаженная, лежит на спине под синими, развешанными по стене, лампами. На глазах у нее были защитные очки.

Она соблазнительно потянулась.

— Ты принес свитер?

— Да, — ответил он.

— Огромное тебе спасибо. Брось его где-нибудь там, на кушетку.

— Ладно,— он перекинул свитер через спинку стула. Она повернула лицо к сияющим лампам:

— Я подумала, что неплохо бы принять немного витамина Д, Норман.

— Да...

— И тебе бы тоже не помешало.

— Да, не помешало бы.— Норман подумал, что ему ничего не было известно о существовании ламп солнечного света в лаборатории. На самом-то деле он был даже уверен, что их там не было. Он часто и подолгу сиживал в этой комнате, он бы запомнил. Он быстро спустился вниз.

Да и лестница показалась ему новой, из какого-то черного металла,— раньше она была иной. Вниз вела новая лестница.

— Норман?

— Сейчас, Бет.

Он вернулся к пульте и начал нажимать на кнопки. Он уже как-то натыкался на этот файл, где говорилось о размерах модуля и так далее. Наконец он нашел.

ГЛУБОКОВОДНЫЙ МОДУЛЬ DH-8: РАСЧЕТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

5.024A Цилиндр A

5.024B Цилиндр B

5.024C Цилиндр C

5.024D Цилиндр D

5.024E Цилиндр E

Выберите одно:

Он выбрал цилиндр D, появилось новое изображение. Он выбрал расчетные планы, пролистал их до нужного места — проектные чертежи. Он просмотрел их, тыча в клавиши, пока не нашел подробный план устройства биологической лаборатории наверху цилиндра D. На чертежах была ясно видна полка с лампами солнечного света, привинченная к стене. Значит, она там была все время, а он просто не замечал ее. Он не замечал и множества других деталей — вроде аварийного люка в куполообразном потолке лаборатории. И наличия второй подвесной койки рядом со входом в полу. И лестницы черного металла.

Ты паникуешь, сказал он себе. И вовсе не из-за синих ламп и архитектурных чертежей. И не из-за секса. Ты

паникуешь, потому что кроме тебя осталась только Бет, а ее поведение изменилось.

В углу он все время видел маленький счетчик, отсчитывающий назад слишком медленно идущие секунды. Еще двенадцать часов, поразился он. Мне бы только продержаться двенадцать часов, и все будет нормально.

Он проголодался, но знал, что еды нет. Он устал, но ему негде было заснуть. Цилиндры С и Е были затоплены, а идти наверх к Бет он не хотел. И Норман лег прямо на голый пол цилиндра D, рядом с Гарри. На полу было холодно и сырьо, и он долго не мог заснуть.

09.00

Удары, эти ужасные удары, и трясущийся пол внезапно разбудили его. Он, перевернувшись, вскочил на ноги, сразу насторожившись. Он увидел Бет перед мониторами.

— Что это? — закричал он. — Что это?

— Что это — что? — спросила она.

Она казалась удивительно спокойной и улыбалась ему. Норман огляделся. Тревога не выла, огни не мигали.

— Я не знаю, я думал... Я не знаю, — он совсем сник.

— Ты решил, что это новое нападение? — спросила она.

Он кивнул.

— Почему ты так решил, Норман?

Бет опять смотрела на него как-то странно. Ее оценивающий взгляд был прямым и холодным. От ее обольстительности не осталось и следа. В ней опять простила подозрительность прежней Бет: «Ты мужчина, в этом-то и проблема».

— Гарри все еще без сознания. Так почему ты подумал, что это нападение?

— Не знаю. Кажется, мне приснилось.

Бет пожала плечами:

— Может, тебя вспугнула вибрация, когда я проходила мимо по полу, — сказала она. — В любом случае хорошо, что ты решил поспать.

Все тот же оценивающий взгляд. Как будто что-то с ним было не так.

— Ты мало спал, Норман.

- Как все.
— Ты особенно.
— Может, ты и права.— Но он и впрямь чувствовал себя лучше и бодрее после небольшого сна. Он улыбнулся: — Ты, наверное, выпила весь кофе и съела бутерброды.
— Здесь нет ни кофе, ни бутербродов, Норман.
— Я знаю.
— Тогда почему ты сказал это? — совершенно серьезно спросила она.
— Это была шутка, Бет.
— А.
— Просто шутка. Знаешь, юмор как реакция на экстремальные условия?
— Ясно,— она отвернулась к экрану.— Кстати, ты узнал что-нибудь насчет баллона?
— Баллона?
— Баллона, который посылают на поверхность. Помнишь, мы говорили об этом?
Норман покачал головой. Он не помнил.
— Перед тем, как я отправилась на субмарину, я попросила тебя разузнать о контрольных кодах для отправки баллона на поверхность, и ты сказал, что посмотришь в компьютере, как это делается.
— Я?
— Да, Норман. Ты.
Он задумался. Он помнил, как они с Бет волокли безвольное тело Гарри, на удивление тяжелое, по полу и взвалили его на кушетку, как они остановили кровь, шедшую у него из носа, и как Бет установила капельницу внутривенного вливания, потому что она, работая с подопытными животными, знала, как это сделать. Да, она ведь еще пошутила, что надеется на Гарри, потому что ее подопытные все умирали. Затем Бет добровольно отправилась на субмарину, а он заявил, что останется с Гарри. Вот и все, что он помнил. И ничего ни о каком баллоне.
— Разумеется,— продолжала Бет,— потому что в сообщении было сказано, что нам следует попытаться установить обратную связь, что и подразумевало отправку баллона на поверхность, а мы высчитали, что шторм пошел на убыль, а значит, баллон поднимется свободно, не оборвав шнура. Но вопрос был только в том, как запустить баллон. И ты сказал, что поищешь контрольные команды.
— Я правда не помню,— сказал он.— Извини.

— Норман, мы должны работать вместе в эти последние несколько часов,— сказала Бет.
— Совершенно согласен с тобой, Бет.
— Как ты себя чувствуешь? — спросила Бет.
— Нормально. Даже хорошо, правда.
— Ну и отлично,— сказала она,— держись, Норман. Осталось всего несколько часов.

Спустя час они узнали, как запустить баллон. Они расслышали дальний металлический звук, с каким разматывался шнур вслед взлетевшему к поверхности баллону. Затем последовала долгая пауза.

— Что случилось? — спросил Норман.
— Мы на глубине в тысячу футов,— отзвалась Бет.— Баллону нужно время, чтобы добраться до поверхности.

Затем на экране замелькали цифры, и они получили информацию о метеоусловиях на поверхности. Ветер упал до пятнадцати узлов. Волны поднимались на шесть футов. Барометр упал до 20.9. Облачность была небольшой.

— Хорошие новости,— заметила Бет.— На поверхности все в порядке.

Норман смотрел на экран, размышляя о том, что это значит, что облачность небольшая. Он никогда раньше не задумывался о солнечном свете. Как хорошо иметь что-то и даже не задумываться об этом. А теперь сама мысль о солнечном свете приводила его в неописуемый восторг. Он и подумать не мог о высшем удовольствии, чем увидеть солнце, и голубое небо, и облака.

— О чём ты думаешь?
— Я думаю, что просто жду не дождусь, когда мы отсюда выберемся.
— Я тоже,— сказала Бет.— Но теперь уже недолго осталось.

Понг! Понг! Понг! Понг!

Норман бросился к Гарри, но тот спал.

— Что это, Бет?

Понг! Понг! Понг! Понг!

— Спокойно,— сказала Бет из-за пульта.— Я как раз пыталась понять, как он действует.

Понг! Понг! Понг! Понг!

— Что действует?

— Один из периферийных высокочувствительных датчиков. Ложно-щелевой сканер. Убей, не пойму, почему

они называют его «ложно-щелевым». Не знаешь, к чему это может относиться: «ложно-щелевой»?

Понг! понг! понг! понг!

— Нет, не знаю,— ответил Норман.— Выключи, пожалуйста.— Звук действовал ему на нервы.

— По обозначению я подумала, что это «ложно-щелевой датчик», но там еще сказано «боковой». Очень странно.

— Бет, выруби это!

Понг! понг! понг! понг!

— Да, конечно,— кивнула Бет.

— С чего тебе вздумалось узнавать, как он работает? — спросил Норман. Он был раздосадован, что она словно нарочно мучает его всякими звуками.

— На всякий случай,— ответила Бет.

— На случай чего, черт побери? Ты сама сказала, что Гарри спит. Значит, больше атак быть не может.

— Успокойся, Норман,— сказала Бет.— Я хочу быть готова, вот и все.

07.20

Он не смог отговорить ее. Она настояла на том, чтобы выйти наружу и соединить проводами взрыватели. Это было у нее буквально идеей-фикс.

— Но зачем, Бет? — все спрашивал он.

— Мне будет лучше, если я сделаю это,— отвечала она.

— Но для этого нет никаких причин.

— Мне будет лучше, если я сделаю это,— твердила она, и в конце концов он не смог ее удержать.

Теперь он наблюдал за ее одинокой маленькой фигуркой с единственной лампочкой на шлеме, передвигающейся от одного взрывателя к другому. Она вскрывала каждую упаковку, вытаскивала большой желтый конус, скорее похожий на те, которыми пользуются монтажники. Конусы соединялись проводами, после чего на кончике конуса вспыхивала красная лампочка.

Он видел, что корабль по всей длине усеян красными лампочками, и это ему не понравилось.

Когда она отправлялась, он поинтересовался:

— Но ты не собираешься подсоединять взрыватели вокруг модуля?

— Нет, Норман, не собираюсь.

— Прости.

— Говорю же, что не собираюсь. Если тебя это так расстраивает.

— Ладно, ладно.

Теперь красными огнями была унизана вся длина космического корабля, начиная от едва видного основания, поднимавшегося из кораллового дна.

Норман взглянул на Гарри, громко хранившего, но остававшегося в бессознательном состоянии, затем прошел через цилиндр к мониторам.

Экран мигнул.

Я ИДУ.

О Боже, подумал Норман. А в следующую секунду его пронзила мысль: но как это может быть? Этого не могло быть. Гарри был недвижим. Как это могло случиться?

Я ИДУ К ВАМ.

— Бет!

Ее голос глухо прозвучал в наушниках:

— Да, Норман.

— Немедленно вернись!

НЕ БОЙТЕСЬ, — возникла на экране надпись.

— Что такое, Норман? — спросила она.

— На экране кое-что появилось.

— Проверь Гарри — должно быть, он проснулся.

— Нет. Иди немедленно обратно.

Я ПРИШЕЛ К ВАМ.

— Хорошо, Норман, я возвращаюсь.

— Быстро, Бет.

Он мог бы и не добавлять этого — он уже видел подпрыгивающий фонарик бежавшей по дну Бет. В наушниках раздавалось ее тяжелое дыхание.

— Ты что-нибудь видишь, Норман?

— Нет, ничего, — он напряженно гляделся в горизонт, откуда обычно появлялся спрут. Сначала всегда возникало зеленое зарево на горизонте. Но сейчас он не видел никакого свечения.

Бет задыхалась:

— Я что-то чувствую, Норман. Я чувствую, как вода... сильно... бурлит...

На экране загорелось: **Я УБЬЮ ВАС.**

— Ты видишь здесь что-нибудь? — спросила Бет.

— Нет, совсем ничего. — Он видел только Бет, одино-

кую на пустынном илистом дне. Все его внимание сфокусировалось на ее лампочке.

— Я чувствую его, Норман. Он близко. Господи Боже. А что тревога, Норман?

— Ничего, Бет, молчит.

— Боже.— Дыхание у нее вырывалось свистящими толчками. Бет была в отличной форме, но и она не могла так перенапрягаться в этой атмосфере. По крайней мере, не так долго, подумал Норман. Он уже видел, как она замедлила шаг, и лампочка на ее шлеме теперь тоже подскакивала медленнее.

— Норман?

— Да, Бет.

— Норман, я не знаю, смогу ли я.

— Бет, ты должна смошь. Только иди помедленнее.

— Он здесь, я чувствую его.

— Я ничего не вижу, Бет.

Он услышал короткий и резкий щелкающий звук. Сначала он решил, что это замкнуло линию, но потом он догадался, что это стучат ее зубы, потому что сама она страшно дрожит. Но от такого напряжения она должна была разгорячиться, а вместо того она озябла. Этого он не понимал.

— ...холодно, Норман.

— Помедленнее, Бет.

— Не могу... говорить... близко...

Она все же пошла медленнее, вошла в пространство, освещенное огнями модуля, и ее уже отделяло от люка не больше ста ярдов, но он видел, как медленно, заторможенно работали ее конечности.

А теперь он видел еще и что-то вздымающее илистую поверхность дна позади нее, в темноте, не освещенной огнями. Это напоминало смерч, вихревое облако ила. Он не мог разглядеть, что было внутри облака, но он чувствовал, что им управляет какая-то сила.

— Ближе... Нор...

Бет споткнулась, упала. Взвихренное облако настигло ее.

СЕЙЧАС Я УБЬЮ ТЕБЯ.

Бет поднялась на ноги, оглянулась назад, увидела клубящееся облако, накрывавшее ее. Отчего-то это облако вселяло в Нормана глубокий ужас, ужас ночных кошмаров.

— Норман-н-н...

И Норман побежал, не отдавая себе отчета в том, что

делает, но сметенный с места увиденным, думая только о том, что надо что-то делать, что-то предпринять. И он ринулся через цилиндр В в цилиндр А за своим костюмом, но у него не было времени, а черная вода в открытом люке бурлила и кипела, и он увидел руку Бет, мелькающую у самой поверхности модуля, она была как раз под ним — единственный человек, который остался рядом, и не раздумывая Норман прыгнул в черную воду и стал спускаться.

Шок от ледяной воды был так силен, что он едва не закричал; она обжигала ему легкие. Его тело моментально заледенело и какое-то время он чувствовал себя парализованным. Вода расступилась и захлестнула его огромной волной, он был бессилен бороться с ней; голову его затягивало под модуль. Он ничего не мог различить.

Он добрался до Бет, просто тыча руками во всех направлениях. Его легкие горели. Вода кружила его, нарывала.

Он коснулся Бет, вновь потерял ее. Вода продолжала засасывать его.

Он схватился за что-то. Рука. Он уже терял ощущения, терял скорость и разум. Он тонул. Он видел над собой кольцо огней: люк. Он дрыгал ногами, но не двигался с места — кольцо не приближалось.

Он опять дернулся, волоча Бет, как мертвый груз. Возможно, она и мертва. Его легкие горели. Такой жуткой боли Норман не чувствовал ни разу в жизни. Он боролся с болью и с жестокой кипящей водой, продолжая брыкаться по направлению к свету. Это было его единственной мыслью — продвинуться к свету, достичь его, подойти ближе к свету, к свету, к свету...

Свет.

Одетое в костюм тело Бет колотилось о металл в люке. Его собственное колено разбилось и теперь из него капала кровь. Дрожащими руками Бет крутила свой шлем, пытаясь расстегнуть его. Руки ее дрожали. Вода в люке вздымалась, засасывая их вниз. Свет в глазах. Острая боль. Ржавчина у самого лица. Холодный металл. Холодный воздух. Огни в глазах туманятся, меркнут. Темнота.

Ощущение тепла было блаженным. В ушах не прекращались шипение и свист. Он поднял глаза и увидел Бет, уже без костюма, казавшуюся необъятных размеров, нала-

живавшую большой теплонагреватель, усилившую подогрев. Она еще дрожала, но уже понемногу согревалась. Он закрыл глаза. Мы сделали это. Мы опять вместе. У нас опять все в порядке. Мы это сделали.

Он расслабился.

По всему его телу бегали мурашки. От холода, подумал он, его тело отогревается. Но ощущение бегающих мурашек приятным не было. Свист тоже был неприятным — шипящий, прерывистый.

Что-то скользнуло под его подбородком, пока он вот так лежал. Он открыл глаза и увидел серебристую белую полоску; сосредоточившись, он разглядел бусинки глаз и узкий язычок. Это была змея.

Морская змея.

Он похолодел. Он оглядел себя, двигая только глазами.

Все его тело было покрыто белыми змеями.

Ощущение бегающих мурашек исходило от десятков змей, обвившихся вокруг его рук, скользивших около ног, ползавших по груди. Он почувствовал прохладное прикосновение к своему лбу. Он закрыл глаза, почувствовав внезапный леденящий ужас, пока змея двигалась по его лицу, ото лба к носу, пересекла губы и уползла.

Он прислушивался к свисту рептилий и вспоминал, что говорила Бет об их ядовитости. Бет, спохватился он, а где Бет?

Он не двигался и только чувствовал, как змеи обвиваются вокруг его шеи, проползают по плечам, скользят между пальцами рук. Ему не хотелось открывать глаза. Он почувствовал приступ тошноты.

Господи, подумал он, меня же сейчас вырвет.

Он ощущал, как змея проползла у него под локтем и поползла ниже, к паху. Он покрылся холодным потом. Его тошило.

Бет, подумал он, Бет... Он не хотел говорить.

Он слушал шипение и, когда больше уже не мог его выносить, он открыл глаза и увидел шевелящуюся массу, узкие головки, высывающиеся тонкие язычки. Он снова закрыл глаза.

Он почувствовал, как нога покрылась гусиной кожей — на этот раз змея проползла по открытому участку.

— Не шевелись, Норман.

Это была Бет. В ее голосе ему почудилась напряженность. Он поднял глаза, но увидел только ее тень.

Он услышал, как она говорила:

— Боже, да сколько же времени? — и подумал: да черт с ним, со временем, кому это нужно. Ему это сейчас казалось бессмысленным. — Я должна знать время, — говорила Бет. Он слышал, как она расхаживает по комнатае. — Время...

Она ушла, оставив его!

Змеи ползали вокруг его ушей, под подбородком, около ноздрей — скользкие, извивающиеся.

Потом он услышал шаги Бет и металлическое клaxonье, с которым отпирался люк. Он открыл глаза и увидел, как она наклоняется к нему, хватает змей большими пригоршнями и швыряет через люк в воду. Змеи извивались в ее руках, обвивались вокруг запястий, но она отдирала их и выбрасывала наружу. Некоторые змеи не долетали до воды и корчились на полу. Но большинство змей она с его тела сняла.

Еще одно скольжение по его ноге и паху. Но он почувствовал, что змея быстро отдернулась назад: Бет схватила ее за кончик хвоста!

— Господи, осторожней!

Змея пролетела через ее плечо и плюхнулась в воду.

— Можешь вставать, Норман, — разрешила Бет.

Он вскочил на ноги и его тут же вырвало.

07.00

Голова у него раскалывалась от головной боли. Свет в модуле казался слишком ярким. Его бил озноб. Бет закутала его в пледом и поместила рядом с калориферами в цилиндре D — так близко, что от гула электрических батареек у него звенело в ушах, и все равно ему было холодно. Он смотрел на нее сверху, пока она бинтовала его пораненное колено.

— Как оно? — спросил он.

— Неважно, — ответила она. — Рана глубокая, почти до кости. Но все будет в порядке. Осталось всего несколько часов.

— Да, я... ох!

— Прости. Почти все. — Бет следовала предписаниям по оказанию первой помощи, извлеченным из компьютера. Чтобы как-то отвлечься от головной боли, он стал читать текст на экране:

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ /НЕЛЕТАЛЬНЫЕ/ ОСЛОЖНЕНИЯ

- ТРАВМА
- МИКРОСОН
- ГЕЛИЕВЫЙ ОЗНОБ
- ОТИТ
- ЗАРАЖЕНИЯ
- МЫШЕЧНЫЙ БОЛИ

Выберите одно:

— Вот что мне надо,— сказал Норман.— Микросон.
А еще лучше — основательный макросон.

— Да, мне тоже.

Внезапно ему в голову пришла одна мысль:

— Бет, помнишь, ты сбрасывала с меня змей? Почему ты так упорно интересовалась временем?

— Морские змеи — дневные животные,— сказала Бет.— У большинства ядовитых змей чередуются двенадцатичасовые циклы активности и пассивности, соответственно день и ночь. В течение дня, когда они пассивны, с ними можно делать все, что угодно. Например, индийские сильноядовитые змеи никогда не ужалит днем, так что даже детишки играют с ними. Но ночью надо быть настороже. Поэтому я и пыталась определить, в какой стадии цикла находились в тот момент змеи, пока не решила, что они в пассивной дневной стадии.

— А ты сумела правильно вычислить?

— Но ты же жив! — Вот почему решив это, она принялась сбрасывать с него змей голыми руками, зная, что они ее не укусят.

— С руками, полными змей, ты была похожа на медузу Горгону.

— Кто это? Звезда хард рока?

— Нет, мифологический персонаж.

— Та, которая убила своих детей? — спросила она, метнув на него подозрительный взгляд. Бет всегда оставалась настороже, готовая к скрытой насмешке.

— Нет, это другая. То была Медея. А Медуза Горгона была женщиной со змеями вместо волос, обращавшая мужчин в камень, когда они смотрели на нее. Персей убил ее, глядя на ее отражение на поверхности щита.

— Прости, Норман. Это не моя сфера.

А как было замечательно раньше, подумал Норман,

когда все образованные европейцы знали мифологических персонажей и связанные с ними легенды так, как знают сокровенные семейные предания. Мифы составляют всеобщее достояние человечества, являясь чем-то вроде карты культуры. А теперь образованный человек вроде Бет совсем не знает мифов. Как будто человек решил, что обойдется и без карты культуры. Но разве это так? Норман покачал головой.

— Все еще холодно, Норман?

— Да. Но хуже всего головная боль.

— Ты, наверное, потерял много жидкости. Давай-ка я поишу, не найдется ли для тебя какого-нибудь питья.— Она подошла к настенному шкафчику первой помощи.

— Сам знаешь, сколько всего ты натворил,— говорила Бет.— Прыгнул в воду без гидрокостюма, а температура воды на несколько градусов ниже точки замерзания. Это было очень отважно. Глупо, но отважно.— Она улыбнулась.— Ты спас мне жизнь, Норман.

— Я не думал об этом,— признался Норман.— Просто взял и сделал.— И он рассказал ей, как увидел ее снаружи с облаком ила, крутящимся за ее спиной и готового поглотить ее, и как почувствовал старый детский страх, что-то из глубин памяти.

— Знаешь, что это было? — сказал он.— Это напомнило мне о смерче из «Волшебника Изумрудного города». Этот смерч заставлял меня в детстве холодеть от ужаса. И как будто я вдруг снова его увидел.

А потом он подумал, что, возможно, это и есть наши новые мифы — Элли и Тотошка, Злая Колдунья, Капитан Немо и гигантский спрут.

— Ну,— сказала Бет,— как бы там ни было, а ты спас мне жизнь.

— Всегда пожалуйста,— улыбнулся Норман.— Только больше так не делай.

— Нет, больше я туда не пойду.

Она принесла какое-то питье в бумажном стаканчике, густое и сладкое.

— Что это?

— Глюкоза. Выпей.

Он глотнул, но было нестерпимо сладко. На экране в другом конце комнаты все еще светилась надпись: «Я ТЕБЯ СЕЙЧАС УБЬЮ». Он взглянул на Гарри, лежавшего без сознания, с трубкой капельницы, протянувшейся по руке.

Все это время Гарри был без сознания.

Ему не хотелось смотреть правде в глаза, но пора было это сделать. Он не хотел, но должен был спросить: «Бет, как ты думаешь, почему все это произошло?»

— Что — это?

— Слова, появившиеся на экране. И еще одна манифестация, похожая на нападение.

Бет смотрела на него прямым немигающим взглядом:

— А что ты думаешь, Норман?

— Это не Гарри.

— Да. Это не он.

— Но тогда почему же это произошло? — Он встал, раскидав одеяла, согнул перевязанное колено: оно болело, но не очень сильно. Норман подошел к иллюминатору и выглянул. На некотором расстоянии от модуля виднелась цепочка красных огней от расставленных Бет взрывателей. Он так и не понял, зачем ей это понадобилось. Все это выглядело так странно. Он опустил глаза к основанию модуля.

И там светились красные огоньки, как раз под иллюминатором. *Она расставила взрыватели и вокруг модуля.*

— Бет, зачем ты это сделала?

— Что сделала?

— Ты замкнула взрывные устройства вокруг DH-8.

— Да, Норман, — сказала она, стоя перед ним — совершенно спокойная, неподвижная.

— Бет, ты обещала не делать этого.

— Знаю. Но я должна была.

— Как они подсоединены? Где кнопка, Бет?

— Там нет кнопки. Они приводятся в действие вибрационными датчиками.

— Ты хочешь сказать, что они срабатывают автоматически.

— Да, Норман.

— Бет, это безумие. Кто-то продолжает эти манифестации. *Кто это делает, Бет?*

Она улыбнулась медленной, лукавой кошачьей улыбкой, как будто он разыгрывал ее.

— Ты правда не знаешь?

Он знал. Да, думал он. Он знал, и это кидало его в дрожь.

— Ты делаешь эти манифестации, Бет.

— Нет, Норман, — сказала она совершенно спокойно. — Я этого не делаю. Это делаешь ты.

Он вспомнил, как в далекие годы, когда он проходил практику в государственном госпитале в Боррего, его шеф поручил ему наблюдать за одним необычным пациентом. Это был молодой человек лет около тридцати, обаятельный и хорошо образованный. О чем только Норман с ним ни беседовал: о водных передачах Олдсмобиля, о лучших пляжах для виндсерфинга, о последней предвыборной кампании Стевенсона, о распродаже «фордов» и даже о теории Фрейда. Молодой человек был поистине очарователен, хотя курил он почти непрерывно и скрытое напряжение порой проступало в нем. Наконец Норман стал осторожно спрашивать, почему тот оказался в госпитале.

Молодой человек не помнил. Он очень хотел вспомнить и не мог. Настойчивые расспросы Нормана привели пациента во все большее раздражение. В конце концов он стал злиться и угрожать, стучал по столу и требовал, чтобы Норман сменил тему.

Только тогда Норману сообщили, кто был этот молодой человек: Алэн Вайтъер, который еще подростком убил мать и сестру в их трейлере в Палм Дезерт, а потом еще шестерых человек на заправочной станции и трех других на стоянке у супермаркета, пока наконец он не явился, рыдая, в полицию, в истерике от содеянного. Он находился в государственном госпитале уже десять лет, и за это время успел совершить несколько жестоких нападений на служащих.

И вот теперь этот человек бесновался от ярости на против Нормана, пиная стол и швыряя об стены стулья. Норман был еще студентом, он не знал, как сдержать его. Он развернулся, чтобы выскочить из комнаты, но дверь была заперта: ее всегда запирали при беседах с буйнопомешанными. Позади него Вайтъер поднял стол и бросил его об стену; он наступал на Нормана. Норман испытал мгновенный ужас, но вдруг услышал, что замок открывается. Три дюжих санитара ввалились в комнату, подхватили Вайтъера и потащили его прочь, все еще вопящего и вырывающегося.

Норман пошел к шефу разбираться, почему его подставили. Подставили? — удивился шеф. Да, сказал Норман, подставили. Шеф поинтересовался: но разве тебе не сообщали перед этим имя пациента? Разве тебе ни о

чем не сказали это имя? Норман ответил, что он как-то не обратил на это должного внимания.

А следовало бы обратить, Норман, заметил руково-дитель. В местах, подобных этому, нельзя забывать о своей безопасности. Это место слишком опасно.

И теперь, глядя через комнату на Бет, Норман при-казал себе: соберись, ты не должен забывать о своей безопасности. Потому что ты имеешь дело с сумасшед-шой и еще не понял этого в должной мере.

— Вижу, что ты мне не веришь,— начала Бет, по-прежнему очень спокойно.— Но ты способен просто по-говорить?

— Разумеется,— ответил Норман.

— И следовать логике?

— Разумеется,— сказал он, подумав: если здесь и есть сумасшедший, то это не я.

— Хорошо,— сказала Бет.— Помнишь, ты рассказывал мне о Гарри — как все происходящее сходится на Гарри?

— Да, конечно.

— Ты спросил, вижу ли я другое объяснение, и я ответила, что нет. Но другое объяснение есть, Норман. Были в твоем рассказе такие моменты, которые ты на-меренно опустил. Вроде медуз. Почему медузы? Ведь это твоего маленького брата обожгла медуза и это ты чув-ствовал себя виноватым. А когда начинал говорить Джерри? Когда ты был там, Норман. А когда прекратил свое на-падение спрут? Когда ты лишился сознания, Норман. Не Гарри, а ты.

Ее голос звучал так спокойно, так убедительно. Он с трудом воспринимал то, что она говорила. Возможно ли, чтобы она была права?

— Вспомни. Подумай,— продолжала Бет.— Ты пси-холог, единственный человек среди специалистов, имею-щих дело с конкретными вещами. Тебе здесь, внизу, не-чего делать,— говоришь ты себе. А было ли раньше в твоей жизни такое время, когда ты точно так же чув-ствовал себя профессионально обойденным? Не было ли это худшим временем для тебя, не ты ли рассказывал мне однажды, что ненавидишь то время в своей жизни?

— Да, но...

— А когда стали происходить все эти странные вещи, дело перестало касаться конкретных вещей. Теперь это стало психологической проблемой. Перед тобой сразу от-крылась широкая, дорога, Норман, это было дело как раз

для тебя. И ты внезапно оказался в центре внимания, не так ли?

— Нет, подумал он: это не может быть правдой.

— Когда Джерри стал контактировать с нами, кто заметил, что он обладает эмоциями? Кто настаивал на том, что мы имеем дело с эмоциями Джерри? Никто из нас не интересовался эмоциями, Норман. Барнс хотел знать только об оружии, Теда волновали научные проблемы, а Гарри хотел играть в логические игры. И только тебя интересовали эмоции. А кто манипулировал Джерри — или у кого не получалось манипулировать им? Все это ты, Норман. Все ты.

— Не может быть, — сказал Норман. Его мозг лихорадочно работал. Он пытался найти противоречие и нашел его. — Не может быть, чтобы это был я, потому что я не был внутри сферы.

— Нет, ты был, — возразила Бет. — Ты просто не помнишь этого.

Он почувствовал, как будто его сильно ударили, встряхнули и снова ударили. Он никак не мог обрести равновесие, его словно сбивало с ног.

— Точно так же, как ты не помнишь, что я просила тебя поискать код для запуска баллона, — рассказывала Бет своим очень спокойным голосом. — Или не помнишь, как Барнс спрашивал тебя о концентрации гелия в цилиндре Е.

Он подумал: какая еще концентрация в цилиндре Е. Когда это Барнс спрашивал меня об этом?

— Ты много не помнишь, Норман.

Норман спросил:

— Когда я ходил в сферу?

— Перед первым нападением. После возвращения оттуда Гарри.

— Да я спал! Я спал на своей койке!

— Нет, Норман, ты не спал. Флетчер искала тебя в спальне, а тебя там не было. Почти два часа мы не могли тебя найти, а потом ты откуда-то выполз, позевывая.

— Я не верю тебе, — сказал он.

— Знаю, что не веришь. Ты бы предпочел свалить все на кого-то другого. Ты умный, Норман, ты преуспел в мастерстве психологических манипуляций. А чего стоят твои тесты — помнишь, как ты отправлял ничего не подо-

зревавших людей на самолете, а потом сообщал им, что у пилота сердечный приступ? Доводил их до полусмерти? Безжалостно, а, Норман? И потом здесь, внизу, когда начали происходить все эти странности, ты нуждался в чудовище. И ты сделал чудовище из Гарри. Но Гарри не был чудовищем, им был ты, Норман. Вот почему изменился твой облик, вот почему ты стал тогда таким безобразным.

— Но послание! В нем говорилось: «Меня зовут Гарри».

— Да, это так. Но как ты сам подчеркивал, тот, кто вызвал это послание, боялся, что его имя появится на экране.

— Гарри,— повторил Норман.— Имя было Гарри.

— А как тебя зовут?

— Норман Джонсон.

— А твое полное имя?

Он помедлил. Отчего-то у него отнялся язык. Голова не работала.

— Я напомню тебе,— сказала Бет.— Тебя зовут Норман Гаррисон Джонсон.

Нет, думал Норман. Нет, нет, нет. Она не может быть права.

— Трудно осознать это,— проговорила Бет своим тягучим, спокойным, почти завораживающим голосом.— Я понимаю. Но если ты подумаешь хорошенько, ты поймешь, что все так и есть, Норман. Ну же, всего несколько минут назад ты даже рассказывал мне о «Волшебнике Изумрудного города», ведь так? Ты помог мне, когда я сама не могла справиться — или это сделало твое подсознание. Ты пока спокоен?

— Разумеется, я спокоен.

— Отлично. Сохраняй спокойствие, Норман. Давай рассуждать логически. Ты будешь со мной сотрудничать?

— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу вывести тебя из игры, Норман. Как Гарри. Он качнул головой.

— Всего на несколько часов, Норман,— сказала она, и ему показалось, что она на что-то решилась; мягкими шагами направилась к нему, в руке у нее был шприц, блеснула игла, и он увернулся. Иголка ткнулась в одеяло, он выкинул ее и бросился прочь по ступенькам.

— Норман! Вернись!

Он карабкался по лестнице, Бет с иглой в руке на-

стигала его. Он перескошил одним махом через несколько ступенек, влетел в лабораторию и захлопнул дверь перед ее носом.

— Норман!

Она колотила по люку. Норман стоял на нем, зная, что вместе с ним ей никогда не поднять крышку. Бет продолжала колотить.

— Норман Джонсон, немедленно открой люк!

— Нет уж, Бет, извини.

Он помедлил. Что она может сделать? — думал он. Ничего. Здесь он был в безопасности. Здесь она его не достанет, она ничего не сделает с ним, пока он останется здесь.

Тут он увидел металлический стержень, продвинувшийся между его ступнями. Бет закрутила колесо.

Заперла его внутри.

06.00

Свет в лаборатории горел только над полкой, уставленной аккуратно запечатанными колбами с экземплярами спрута, креветок, гигантских яиц и медуз. Норман машинально потрогал колбы, затем повернулся к мониторам и принялся нажимать кнопки, пока на экране не появилась Бет, работающая за главным пультом цилиндра D. Сбоку он видел Гарри, по-прежнему лежащего без сознания.

— Норман, ты меня слышишь?

Он громко отозвался:

— Да, Бет. Я тебя слышу.

— Норман, ты ведешь себя неразумно. Ты угрожаешь провалом всей экспедиции.

Неужели правда? — удивился он. Он никак не думал, что угрожает экспедиции. Он чувствовал, что это не так. Но как часто в жизни ему приходилось противостоять пациентам, отказывавшимся признать очевидное! Совсем простой пример — профессор из его же университета, панически боявшийся лифтов, но уверявший всех, что ходит по лестницам, потому что это полезно. Ему приходилось взбираться по лестницам в пятнадцатистенных зданиях; часто он не попадал в нужные места на слишком высоких этажах; всю свою жизнь он подчинил диктату проблемы, существование которой он напрочь отрицал. И проблема оставалась скрытой от него, пока его не хватил ин-

фаркт. Или женщина, которая годами самоотверженно ухаживала за больной дочерью; давая дочери пузырек со снотворным, она говорила, что девочке надо отдохнуть; дочь покончила самоубийством. Или моряк-новобранец, который в самый штурм бодренько проводил семью на морскую экскурсию в Каталину, спровадив почти всех на тот свет.

Десятки примеров приходили ему в голову. Известный психологический трюизм — человек слеп, когда дело касается себя самого. Уж не воображал ли он, что сам свободен от подобной слепоты? Не произошел ли три года назад скандал, когда один профессор психологического факультета покончил с собой, сунув в рот пистолет во время праздничного уикэнда? Заголовки тогда были примерно следующего содержания: «Профессор психологии покончил с собой. Коллеги выражают удивление, говоря, что покойник был всегда счастлив». Декан факультета допытывался у Нормана о причинах инцидента, но правда то состояла в том, что занятие психологией накладывает жесткие ограничения. Даже при всем профессионализме и при всем желании нельзя узнать слишком много о ближайших друзьях, о коллегах, о мужьях и женах, о детях.

А неведение относительно самого себя бывает всего сильнее. Самосознание — самая трудная вещь. Немногие люди им обладают. Или даже никто.

— Норман, ты там?

— Да, Бет.

— Я думаю, что ты хороший человек, Норман.

Он не отвечал и только разглядывал ее на мониторе.

— Я думаю, ты человек честный, и ты веришь в необходимость говорить правду. Это трудный для тебя момент — посмотреть в глаза действительности. Я знаю, сейчас ты ишьешь любой предлог, чтобы обвинить кого-нибудь другого. Но я думаю, что ты можешь это сделать. Гарри не мог бы, а вот ты — можешь. Я думаю, ты можешь принять любую, даже самую горькую правду, — пока ты находишься в сознании, экспедиция обречена.

Он чувствовал глубину ее убежденности, слышал внутреннюю силу в ее голосе. Пока Бет говорила, ощущение было такое, как будто ее мысли окутывали его, как одежды облепляют тело. Он все начинал видеть ее глазами. Она так спокойна — наверное, она права. В ее мыслях столько мощи... В ее словах столько силы...

— Бет, ты была в сфере?

— Нет, Норман. Видишь, вот ты и опять ищешь возможности увильнуть от главного. Я не была в сфере. А вот ты был.

Он честно не помнил, чтобы он ходил туда. Ни малейшего воспоминания об этом. А вот то, что Гарри был там, он помнил отчетливо. Но зачем бы понадобилось Норману забывать это, блокировать память?

— Ты психолог, Норман, — продолжала Бет. — Среди всех людей именно вам труднее всего признать, что у вас есть теневая сторона. Вы готовы об заклад биться, что ваше умственное здоровье в порядке. Разумеется, ты будешь отрицать.

Он так не думал. Но как разрешить эту загадку? Как определить, права она или нет? Его голова сейчас не так уж хорошо работала, болезненно ныло раненое колено. Хоть в этом сомнений не было — рана на ноге была настоящей.

Проверка реальности.

Вот как надо разрешить эту проблему. Проверить реальность. Какие могут быть достоверные данные, подтверждающие, что Норман был в сфере? Они записывали все, что происходило в модуле. Если Норман и ходил в сферу много часов назад, где-то должна быть пленка с записью, показывающая его одного в подготовительном отсеке, где он одевался и откуда он выскоцил наружу.

Следовало бы Бет продемонстрировать ему эту запись. Но где она?

На субмарине, конечно.

Давным-давно она переправлена на субмарину. Возможно, это сделал сам Норман, когда совершал свою вылазку.

Нет достоверных данных.

— Брось, Норман. Пожалуйста. Ради всего святого.

Может, она и права, подумал он. Она так уверена. Если он избегает правды, если он подвергает опасности экспедицию, тогда он должен уступить и устраниться. Позволит ли он ей сделать это? Он должен. Выбора нет.

Но он должен быть, должен. Мысль ужаснула его — он и не подозревал, что она может прийти ему в голову. Он сопротивлялся этим мыслям так отчаянно — недобрый знак, подумал он. Слишком отчаянное сопротивление.

— Норман?

— О'кей, Бет.

— Ты сделаешь это?

— Не дави на меня. Дай мне минутку, ладно?

— Да, Норман, конечно.

Он взглянул на видеоплейер рядом с монитором. Он вспомнил, как Бет использовала его, чтобы прокрутить запись снова и снова — ту запись, где открывалась сфера. Пленка лежала сейчас на стойке за плейером. Он сунул ее в щель, запустил видеоплейер. Почему он так волновался перед просмотром, хотел бы он знать. Ты просто медлишь. Просто тратишь время.

Экран вспыхнул. Норман ожидал увидеть знакомое изображение. Бет, доедающая пирог, спиной к монитору. Но это была другая запись. Это был тот монитор, который давал прямо направленное изображение сферы. Сияющая сфера была на своем месте.

Он наблюдал несколько секунд, но ничего не происходило. Неподвижная, как и всегда, гладко отполированная, совершенная сфера. Он еще немного подождал, но ничего не происходило.

— Норман, если я сейчас открою люк, ты спустишься вниз?

— Да, Бет.

Он вздохнул, вновь уселся в кресло. Как долго пробудет он без сознания? Меньше шести часов. Все будет в порядке. Но в любом случае Бет права, он должен уступить.

— Норман, зачем ты смотришь эту запись?

Он быстро обернулся. Где же камера, которая позволяла ей видеть его?

Высоко в потолке, рядом с верхним люком.

— Зачем ты смотришь эту запись, Норман?

— Она была здесь.

— Но кто позволил тебе ее смотреть?

— Никто, — ответил Норман. — Просто она была здесь.

— Убери ее, Норман, убери эту запись.

Голос ее больше не звучал так спокойно.

— А что такое, Бет.

— Убери чертову запись, Норман!

Он только собрался спросить — почему, как вдруг увидел Бет, появившуюся на видеоэкране, стоящую рядом со сферой. Бет закрыла глаза и сжала кулаки. Насечки на сфере пришли в движение, разошлись, открывая темноту, и он увидел, как Бет вошла внутрь сферы.

Дверь сферы закрылась за ней.

— Ах ты, мерзавец,— произнесла Бет глухим, злым голосом.— Все вы, мужчины, одинаковые. Вас нельзя оставлять одних, ни одного.

— Ты солгала мне, Бет.

— Зачем ты стал смотреть эту запись? Я же умоляла тебя не смотреть ее. Тебе это только повредило, Норман.— Она уже не была ожесточенной; теперь она умоляла его, готовая расплакаться. Ее эмоциональные, переходы были слишком быстрыми. Неуравновешенная, непредсказуемая Бет.

И теперь она управляла модулем.

— Бет.

— Извини, Норман. Больше я тебе не верю.

— Бет.

— Я выключаю тебя, Норман. Я не слушаю тебя...

— Бет, подожди...

— ...больше. Я знаю, как ты опасен. Я видела, как ты поступил с Гарри. Как ты повернул факты, чтобы свалить вину на Гарри. О, да, это была вина Гарри, в то время, когда тебе удалось это представить таким образом. А теперь ты хочешь это представить как вину Бет, не так ли? Нет, дай мне выговориться, ты не можешь мне возразить, потому что я вырубила тебя, Норман. Я больше не могу слышать твоих оболванивающих речей. Не могу видеть, как ты манипулируешь мной. Побереги дыхание, Норман.

Он остановил запись. Теперь на мониторе была видна Бет за пультом компьютера в нижней комнате. Нажимающая кнопки.

— Бет? — позвал Норман.

Она не ответила, продолжая работать за пультом и что-то бормоча себе под нос.

— Ты настоящий ублюдок, Норман, знаешь ты об этом? Ты чувствуешь себя так погано, что просто жить не можешь без того, чтобы не унижать других людей.

Она говорит о себе, подумал Норман.

— Ты все готов списать на бессознательность. То бессознательное, это бессознательно. Господи Боже, я просто больной от тебя стала. Твое подсознание, вероятно, хочет всех нас убить, просто потому, что ты хочешь покончить счеты с жизнью и думаешь, что и все остальные должны умереть с тобой.

Его пронизала дрожь. Бет, с ее отсутствием самооценки, с ее глубокой внутренней ненавистью к самой себе,

побывала в сфере и действовала теперь с силой, полученной от сферы, но с мыслями, находившимися в полнейшем беспорядке. Бет видела себя жертвой, всегда безуспешно сражающейся с роком. Бет становилась жертвой мужчины, жертвой истеблишмента, жертвой научных исследований, жертвой самой действительности. В каждом случае ей не удавалось увидеть ничего хорошего. И вот она расставила взрывчатку вокруг модуля.

— Я не позволю тебе этого сделать, Норман. Я остановлю тебя прежде, чем ты всех нас убьешь.

Все, что она говорила, было перевернутой правдой. Теперь он видел систему.

Бет догадалась, как открыть сферу, и отправилась туда по секрету, потому что ее всегда привлекала сила — она всегда чувствовала недостаток силы и нуждалась в большей. Но Бет не была готова к тому, чтобы удержать полученную власть. Бет все еще считала себя жертвой, так что даже отвергла власть и организовала все так, будто она опять является жертвой.

Совсем по-иному было с Гарри. Гарри отвергал свои страхи, а они являлись в действительности. Но Бет отреклась от власти, и это воплотилось в клубящееся бесформенное облако ничем не сдерживаемой силы.

Гарри был математиком, живущим в мире абстракций, вычислений и идей. Конкретные вещи вроде спрута — вот чего боялся Гарри. Но Бет, которая каждый день имела дело с живыми существами, которых можно было потрогать и увидеть, создала абстракцию. Силу, которую нельзя было потрогать или увидеть. Бесформенная абстрактная масса, которая гналась за ней, и чтобы обезопасить себя, она окружила модуль цепочкой взрывателей. Небольшая же это защита, подумал Норман.

Если где-то в глубине души ты на самом деле не собираешься покончить с собой.

Норману стал очевиден весь ужас его реального положения.

— У тебя ничего не выйдет, Норман. Я не дам этому случиться. *Не дам.*

Она все нажимала клавиши. Что она задумала? Что она может с ним сделать? Ему следовало бы над этим задуматься.

Внезапно свет в лаборатории погас. Мгновение спустя перестал работать большой обогреватель, красные элементы гасли, темнели.

Она вырубила энергию.

Как долго сможет он протянуть с выключенным обогревателем? Он собрал пледы с коеч, закутался в них. Как долго можно пробыть здесь без тепла? Да уж, конечно не шесть часов, подумал он мрачно.

— Прости, Норман. Но ты понимаешь, в каком я положении. Пока ты в сознании — я в опасности.

Может быть, час, подумал он. Может быть, час я протяну.

— Прости, Норман. Но я должна поступить с тобой так.

Он услышал тихий свист. На нагрудном значке записал сигнал тревоги. Норман опустил глаза на нагрудный значок и даже в темноте увидел, как тот посерел. Он сразу понял, что произошло.

Она перекрыла ему воздух.

05.35.

Он болтался в темноте, прислушиваясь к тиканию личной тревоги и свисту исчезающего воздуха. Давление быстро уменьшалось: уши заложило, как при взлете самолета.

Сделай что-нибудь, думал он, чувствуя, что начинает паниковать.

Но он ничего не мог поделать. Он был заперт в верхнем помещении цилиндра D. Выбраться он не мог. Бет контролировала все средства обслуживания и знала, как управлять системами жизнеобеспечения. Она вырубила энергию, вырубила тепло, теперь она вырубила воздух. Он попал в ловушку.

Как только начало падать давление, колбы с запломбированными экземплярами морской фауны стали взрываться как бомбы, рассыпая по комнате осколки. Он нырнул под одеяла, чувствуя, как стекло рвет одежду. Дышать было все труднее. Сначала он подумал, что это сказывается напряжение, но потом осознал, что воздух иссякает. Скорее он должен потерять сознание.

Сделай же что-нибудь.

Он хватал ртом воздух, дыхание прерывалось.

Сделай что-нибудь.

Но он мог думать только о дыхании. Ему нужен был воздух, хоть несколько глотков. Вдруг он вспомнил о кабин-

ке первой помощи. Нет ли там аварийного кислорода? Уверен он не был, но что-то такое ему припоминалось... Когда он поднялся, взорвалась очередная колба, и он едва увернулся от летящего стекла.

Задыхаясь, он чувствовал, какой тяжестью наливается грудь. Перед глазами поплыли черные пятна.

В поисках кабинки он в темноте нащупывал дорогу, водя руками по стене. Он нашарил какой-то предмет цилиндрической формы. Кислород? Нет, слишком, большой — должно быть, это огнетушитель. Где же кабинка? Руки его двигались по стене. Где?

Он наткнулся на металлический шкаф с рельефным крестом на поверхности. Он открыл его, запустил обе руки вовнутрь.

Пятна перед глазами стали гуще. Времени оставалось все меньше.

Его руки касались маленьких пузырьков, мягких перевязочных пакетов. Емкости с кислородом не было. Проклятье! Пузырьки падали на пол, и за ними что-то большое и тяжелое с глухим стуком свалилось ему на ногу. Он нагнулся, дотронулся до пола, почувствовал, что порезался о стекло, но не обратил на это внимания. Его рука нащупала холодный металлический цилиндр, небольшой, но длиннее его ладони. На одном конце его что-то было приложено, наконечник...

Это был распылитель, какой-то чертов распылитель. Он швырнул его в сторону. Кислород. Ему нужен кислород!

У кровати, вспомнил он. Не было ли аварийного кислорода у коек в модуле? Он ощупал стену у изголовья кушетки, где спала Бет. Там должен был кислород. Голова у него кружилась, мысли путались.

Нет кислорода.

Потом он вспомнил, что это была не регламентированная постель. Она не предназначалась для сна. Вот они и не поместили здесь кислорода. Проклятье! И тут его рука коснулась металлического цилиндра, прикрепленного к стене. На конце было что-то мягкое...

Кислородная маска.

Он быстро натянул маску на рот и нос. Он почувствовал колбу у самого лица, повернул тяжелую пробку... Затем свист, и он глотнул холодный воздух. Сначала он почувствовал головокружение, затем голова прояснилась. Кислород. Порядок.

Он осязал форму колбы, ее размеры. Аварийная колба, всего несколько сотен кубических сантиметров. Насколько ее хватит? Ненадолго, подумал он. На несколько минут. Лишь времененная передышка.

Сделай что-нибудь.

Но он не мог ничего придумать. У него не было выбора. Он был заперт в комнате.

В памяти промелькнул его учитель, старый толстяк д-р Темкин:

— Выбор всегда есть. Всегда что-то можно предпринять. Всегда остается выбор.

А сейчас нет, думал Норман. Нет никакого выбора. Да и Темкин говорил о том, как обращаться с пациентами, а не о том, как выбираться из запертых комнат. Ему-то никогда не приходилось выбираться из запертой комнаты. И Норману тоже.

От кислорода голова его стала легкой. Или он просто терял ее. Перед его мысленным взором парадом проходили его учителя. Быть может, вот так и проходит перед мысленным взором жизнь, прежде чем человек умирает. Все его учителя: миссис Джейферсон, которая твердила ему, чтобы он учился на юриста. Старый Джо Лэмпер, который посмеиваясь, говорил: «Главное — это секс. Поверь мне. Все и всегда сводится только к сексу». Д-р Стайн, который любил повторять: «Нет сопротивляющегося пациента. Покажите мне сопротивляющегося пациента, и я покажу вам сопротивляющегося врача. Если вы не можете найти общего языка с пациентом, займитесь чем-нибудь другим, чем угодно. Но делайте что-нибудь».

Сделай что-нибудь.

Стайн защищал сумасшедшего. Если вы не в состоянии понять пациента, тогда перевоплотитесь в него, сойдите с ума сами. Наденьте шутовской наряд, ударьте пациента, стреляйте в него из водного пистолета, совершайте любые безумства, которые придут вам в голову, но делайте что-то.

— Слушайте, — говорил он, — ведь все равно вы занимаетесь ничегонеделанием. Значит, надо делать хоть что-то, и неважно, если это покажется безумством.

Тогда это казалось забавным, подумал Норман. Но хотел бы он сейчас увидеть Стайна, оценивающего положение. Что д-р Стайн подсказал бы ему сделать?

Открыть дверь. Я не могу, она закрыта.

Поговорить с ней. Я не могу, она не слышит.

Вернуть воздух. Я не могу, она контролирует все системы.

Контролировать системы самому. Я не могу, она управляет всем.

Найти помощь внутри комнаты. Я не могу, здесь ничего не может мне помочь.

Тогда уйти. Я не могу, я...

Он остановился. А это было не так. Он мог бы уйти, разбив иллюминатор, или, что то же самое, открыв люк в потолке. Но ему некуда было идти. У него не было костюма. В воде можно только замерзнуть, там можно было бы оставаться всего несколько секунд, а потом он неминуемо должен погибнуть. Или еще до того, как вода наполнит комнату, переохладиться. Он непременно погибнет.

Его мысленному взору предстал Стейн, поднимающий густые брови со своей обычной лукавой усмешкой: *вот как? Ты в любом случае погибнешь. Тогда что же ты теряешь?*

В голове Нормана начал складываться весь замысел. Открыв верхний люк, он сможет выйти за пределы модуля. Может быть, оказавшись снаружи, ему удастся добраться до цилиндра А, проникнуть в шлюз, а затем и добраться до костюма. Тогда все будет в порядке.

Если он доберется до шлюза. Сколько времени ему понадобится для этого? Тридцать секунд? Минута? Сможет ли он так надолго задержать дыхание? Сможет ли он выдержать холод?

Ты все равно погибнешь.

И тут он подумал: ах ты, дурень, у тебя в руках колба с кислородом; у тебя достаточно воздуха, а ты стоишь здесь, бездарно теряя время. Пока у тебя есть кислород, иди прочь...

Нет, подумал он, есть еще что-то, что он забыл.

Идти прочь.

Тут он бросил раздумья и полез к верхнему люку цилиндра. Потом задержал дыхание, подтянулся и отвернул колесо, открывая люк...

— Норман! Что ты делаешь? Норман! Ты сумасшедший! — услышал он вопли Бет. Остальное заглушил рев ледяной воды, обрушившейся гигантским водопадом в модуль, заполняя комнату.

Едва оказавшись снаружи, он осознал свою ошибку. Он был слишком легок. Его тело увлекало, подталкивало

к поверхности. Он высосал, выпил до капли последний глоток кислорода, и немедленно сжал ледяные трубы, идущие по всему фасаду модуля, зная, что если он выпустит их, его ничто не удержит, ничто не остановит, его рванет к поверхности. Он достигнет ее и разорвется, как баллон.

Держась за трубы, он стал спускаться вниз, перебирая руками, заранее примериваясь, за что ухватиться. Было похоже на штурм вершины, только в перевернутом варианте: если он сорвется, он полетит вверх и погибнет. Руки у него окоченели, тело ослабело от холода, легкие горели.

У него совсем не оставалось времени.

Он достиг дна, пробрался под цилиндром D, рванулся вперед, пытаясь в темноте найти шлюз. Его там не было. Шлюз исчез! Но тут он заметил, что он находится под цилиндром В. Он двинулся к цилинду А и прямо наткнулся на шлюз. Шлюз был закрыт. Он покрутил колесо. Оно было плотно завинчено. Он попробовал еще, но не смог даже повернуть его.

Теперь он был заперт снаружи.

Сердце у него сжалось от страха. Тело оцепенело от холода, он знал, что в сознании он сможет продержаться всего несколько секунд. Он должен открыть люк! Он стучал по нему, по металлу вокруг стержня, ничего не чувствуя онемевшими руками.

Колесо начало крутиться само по себе, люк внезапно раскрылся. Там должна быть аварийная кнопка, я должен...

Он оторвался от поверхности воды, глотнул воздух внутри цилиндра, и снова откачнулся. Он не мог залезть в цилиндр. Он слишком закоченел, его мышцы замерзли, бесчувственное тело было неуправляемо.

Ты должен сделать это, думал он.

Его пальцы скребли по металлу, соскальзывали и вновь принимались скрести. *Один* рывок, подумал он. Один последний рывок. Он навалился грудью на металлический обод, плюхнулся на палубу. Он ничего не чувствовал, так он замерз. Он перевернулся, пытаясь подтянуть ноги, и опять упал в ледяную воду.

Нет!..

Он рванулся снова, в последний раз — опять через обод, опять на палубу, крутясь и ворочаясь. Одну ногу наверх, удерживая непрочное равновесие, потом другую, совершенно бесчувственную; и затем он выбрался из воды и растянулся на палубе.

Его бил озноб. Он попытался встать и вновь упал. Все его тело трясло так сильно, что он не мог удержаться.

На другом конце шлюзового отсека он увидел свой костюм, висящий на стенке. Он увидел и шлем с надписью «ДЖОНСОН». Норман пополз к костюму, жестоко трясясь всем телом. Как он ни пытался, он не мог подняться. Ботинки его костюма были перед самым его лицом. Он хотел было сдернуть костюм зубами, но и зубы его выбивали крупную дрожь.

В наушниках щелкнуло:

— Норман! Я знаю, что ты делаешь, Норман!

В любую минуту здесь могла появиться Бет. Он должен был успеть надеть костюм. Вот он, висит в двух дюймах. Но руки дрожали, и он ничего не мог удержать. Наконец он увидел веревочные крюки для захвата инструментов. Он просунул одну руку в петлю, пытаясь удержаться, и рывком поднялся, сразу попав одной ногой в костюм.

Затем обул и другую.

— Норман!

Он дотянулся до шлема. Шлем выбил стаккато на стене, прежде чем он стащил его с вешалки и напялил на голову. Он дернул головой и услышал, как защелкнулся замок.

Ему все еще было холодно. Неужели костюм не подогревался? Потом он догадался — энергия отключена, она подключалась через танк с воздухом. Норман схватил его сзади, сдернул, согнулся под его тяжестью. Потом нашупал кишку — вытянул ее — сунул в костюм — обхватил вокруг пояса — застегнул...

И услышал щелчок.

Моторчик загудел.

Он почувствовал болезненные уколы по всему телу. Электрические батарейки, нагреваясь, причиняли боль его обмороженной коже, все тело покалывало.

Что-то говорила Бет — он слышал ее голос в наушниках, — но он не прислушивался. Он грузно, тяжело дыша, опустился на пол.

Но он уже знал, что все обошлось; боль утихала, в голове прояснилось, и его уже не трясло так ужасно. Он еще дрожал, но уже не всем телом. Он быстро восстанавливался.

Радио щелкало.

— Ты ни за что не достанешь меня, Норман!

Он поднялся на ноги, рванул поясной ремень, застегнул его.

— Норман!

Он не отвечал. Ему было тепло и совсем неплохо.

— Норман! Я окружена взрывчаткой! Если ты только подойдешь, я разнесу тебя на кусочки! Ты погибнешь, Норман! Ты не подойдешь ко мне!

Но Норман и не собирался этого делать. У него появился совсем иной план. Он слышал, как посвистывает танк, пока воздух распределяется по костюму.

Он прыгнул обратно в воду.

05.00.

Освещенная огнями, сфера таинственно мерцала. Норман видел собственное отражение на ее отполированной поверхности; затем оно искалилось, раздробленное насечками, когда он обошел ее и остановился перед дверью.

Как будто рот, подумал Норман, или даже пасть какого-нибудь первобытного животного, готового сожрать его. Стоя напротив сферы, разглядывая необычное, ни на что на Земле не похожее расположение насечек, Норман ощущал, как улетучивается его решимость. Он вдруг испугался. Он не подумал, а сможет ли он пройти сквозь эту дверь.

Не трусь, приказал он себе. Гарри же вошел. И Бет тоже. И оба остались в живых.

Для самоуспокоения он стал обследовать насечки. Но успокоение не пришло. Он не обнаружил ничего обнадеживающего: просто глубокие прорези в металле, поглощающие свет.

Ладно, решил он наконец. Я сделаю это. Раз уж я дошел сюда, то теперь я выдержу все. Я сумею сделать и это.

Иди вперед и открой ее.

Но сфера не открывалась. Она оставалась тем, чем и была — мерцающим, отполированным, превосходной формой шаром.

Какое могло у нее быть назначение? Хотел бы он знать, для чего ее сделали?

Он опять подумал о д-ре Стайне. Как это он говорил: «Попытка понять — тактика промедления». Стайн

просто из себя выходил, когда кто-нибудь заикался о том, что надо сначала понять. Когда студенты-выпускники начинали умствовывать, строя всякие предположения и догадки относительно своих пациентов и их проблем, тот нетерпеливо перебивал их: «Кому это надо? Кому надо, чтобы мы понимали всю психодинамику того или иного случая? Что вам важно, понять, как надо плавать, или все-таки прыгнуть в воду и поплыть? Только тот, кто боится воды, хочет понять. Остальные прыгают в нее, хотя и вымокают».

Ладно подумал Норман. Давайте вымокнем.

Он встал лицом к сфере и подумал: «*Откройся*».

Дверь не открывалась.

— *Откройся*, — произнес он громко.

Дверь не открывалась.

Разумеется, он знал, что это не поможет, — Тед ведь пытался добиться того же, часами торчал здесь! Когда Гарри и Бет входили туда, они ничего не говорили. Они производили какое-то действие в уме.

Он закрыл глаза, сосредоточился и подумал: «*Откройся*».

Он открыл глаза и взглянул на сферу — та была по-прежнему закрыта.

Я готов открыть тебя, подумал он. Я уже готов.

Ничего не произошло. Дверь не открывалась.

Возможности, что он может попросту не открыть дверь сферы, Норман не учел. Но, в конце концов, двое других уже сделали это. Как же им удалось?

Первым сумел выполнить это Гарри, с его логическим умом. Но Гарри вычислил, что надо сделать, лишь посмотрев ту видеозапись. Значит, Гарри обнаружил какой-то важный ключ при просмотре записи.

Но Бет тоже просматривала запись, она крутила ее снова и снова, пока не поняла. Что-то на видеозаписи.

Плохо, что ее нет с собой, подумал Норман. Он часто видел ее, он, вероятно, сумеет реконструировать ее, прокрутив в уме. Как там все было? Перед его мысленным взором возникли образы: беседующие Бет и Тина. Бет ест пирог, а Тина что-то рассказывает о том, как записи переправляются на субмарину. Бет ей что-то ответила. Потом Тина ушла из поля зрения, ее не было видно на экране, но слышно, как она спросила: «Как ты думаешь, они откроют когда-нибудь сферу?»

И Бет ответила: «Я не знаю. Возможно». И тут сфера на мгновение приоткрылась.

Почему?

«Как ты думаешь, они когда-нибудь откроют сферу?» — спросила Тина. И в ответ на этот вопрос Бет, должно быть, вообразила сферу открытой, увидела, должно быть, в своем воображении, как дверь открывается...

Глубокий низкий гул, вибрация во всем зале.

Сфера открылась; дверь широко и темно зияла.

Вот оно, подумал он. Представь, что это происходит, и оно произойдет. То есть, если теперь он представит сферу закрытой...

С новым глубоким гулом дверь захлопнулась.

...или открытой...

Сфера вновь открылась.

— Лучше уж я не буду упускать удачу, — громко сказал он. Дверь была открыта. Он вгляделся в дверной проем, но увидел только глубокую непроницаемую темень. Сейчас или никогда, сказал он себе.

Он шагнул вовнутрь.

Дверь сферы закрылась за ним.

Сначала темнота, а потом, когда его глаза привыкли, появились огоньки. Волнующееся, светящееся море, пенящееся миллионами огоньков, кружящихся вокруг него.

Что это? думал он. Он видел только море. Ни четких очертаний, ни границ. Вздымающийся океан, сверкающие волны. Он почувствовал его необычайное великолепие и умиротворенность. Ему было очень хорошо.

Он шевельнул руками, зачерпнув воду, его движения заставили ее забурлить. И тут он заметил, что его руки стали прозрачными, так что сквозь них он мог видеть переливающееся море. Он оглядел свое тело — его ноги, его торс, все стало прозрачным. Он стал частью моря, и это было очень приятное ощущение.

Он становился все легче и скоро начал покачиваться на бесчисленных волнах океана. Он закинул руки за голову и поплыл. Счастье наполняло его. Чувство, что он мог бы остаться тут навсегда.

Он стал сознавать еще чье-то присутствие в океане.

— Кто здесь? — спросил он.

Я здесь.

Норман почти подпрыгнул, так громко это прозвучало. Или только показалось громким. Затем он засомневался, что вообще что-то слышал.

— Ты можешь говорить?

Нет.

— А как же мы общаемся? — удивился Норман.
Так, как и все общаются со всеми.

— Но каким образом?

Зачем ты спрашиваешь, если уже знаешь ответ?

— Но я не знаю ответа.

Волны несли его плавно, мирно, но некоторое время он не получал ответа.

— Ты здесь?

Да.

— Я думал, ты ушел.

Здесь некуда уйти.

— Ты хочешь сказать, что ты заточен **внутри сферы?**

Нет.

— Ты можешь ответить на вопрос? Кто ты?

Я не кто.

— Ты — Бог?

Бог — это слово.

— Я хотел сказать — ты высшее существо или высшее сознание?

Высшее, чем что?

— Высшее, чем я, например.

А как высоко ты находишься?

— Да совсем низко. По крайней мере, так мне кажется.

Ну, уж это твои трудности.

Двигаясь в океане, он подумал, уж не решил ли Бог посмеяться надо мной? Он мысленно произнес: «Ты шутишь?»

Зачем ты спрашиваешь, если знаешь ответ?

Я говорю с Богом?

Ты вообще не говоришь.

— Ты принимаешь мои слова **слишком буквально**. Это потому, что ты с другой планеты?

Нет.

— Ты с другой планеты?

Нет.

— Ты из другой цивилизации?

Нет.

— Откуда ты?

Зачем ты спрашиваешь, если ты уже знаешь ответ?

В другое время, подумал Норман, он бы давно взорвался от этих монотонно повторяющихся ответов, но теперь он не чувствовал никаких эмоций. И никаких суждений.

ний у него не было. Он просто получал информацию, ответы на вопросы...

Он подумал: «Но эта сфера прибыла из другой цивилизации?»

Да.

— И, возможно, из другого времени?

Да.

— А разве ты не часть сферы?

Сейчас — да.

— Так откуда же ты?

Зачем ты спрашиваешь, если ты знаешь ответ?

Волны слегка перемещали его, успокоительно покачивая.

— Ты еще тут?

Да. Здесь некуда идти.

— Боюсь, я не слишком осведомлен в религиозном вопросе. Я психолог. Я имею дело с тем, как люди думают. Во время учебы я не очень-то занимался религией.

О, понятно.

— У психологии мало точек соприкосновения с религией.

Разумеется.

— Так ты согласен?

Я согласен с тобой.

— Это успокаивает.

Не вижу почему.

— Кто я?

И в самом деле, кто?

Его подбрасывали волны, и он чувствовал глубокое умиротворение, несмотря на все трудноси подобной беседы.

Я в затруднении, подумал Норман.

Расскажи мне.

— Я в затруднении, потому что ты говоришь, как Джерри.

Этого следовало ожидать.

— Но Джерри на самом деле был Гарри.

Да.

— Значит, ты также и Гарри?

Нет. Разумеется, нет.

— Тогда кто ты?

Я не кто.

— Тогда почему ты говоришь как Джерри или Гарри?

Потому что мы происходим из одного источника.

— Я не понимаю.

Когда ты смотришь в зеркало, кого ты видишь?

— Самого себя.

Ясно.

— Разве не так?

Это на твоем уровне.

— Я уже знаю это. Это все знают, это же психологический трюизм, клише.

Ясно..

— Ты внеземной разум?

Ты внеземной разум?

— Я нахожу, что с тобой трудно разговаривать. Ты дашь мне силу?

Какую силу?

— Ту силу, которую ты дал Гарри и Бет. Силу заставить воображаемые вещи происходить на самом деле. Ты дашь мне ее?

Нет.

— Почему нет?

Потому что она у тебя уже есть.

— Я этого не чувствую.

Я знаю.

— Тогда как же это произошло, что я получил силу?

Как ты вошел сюда?

— Я представил дверь открытой.

Да.

Покачиваясь на волнах, ожидая ответа, но ответа нет, а есть только это движение волн, умиротворяющее вневременное, убаюкивающее ощущение.

Через некоторое время Норман подумал: извини, но почему бы тебе не объяснить и не перестать говорить загадками.

На вашей планете есть зверь, который называется медведь. Это большое животное, куда больше тебя, очень умное и сообразительное, и мозг у него большие твоего. Но он не может представить то, что можешь вообразить ты. Он не может создавать вымышленные образы. Он не может осознавать то, что ты называешь прошлым и будущим. Эта особая способность к воображению и сделала ваш вид столь сильным. И ни что другое. Это не подражательность, не использование орудий, не язык или ваша жестокость или ваша забота и младших или ваше социальное разделение. Ничего из вышеперечисленного, потому что это свойственно и другим животным. Ваше величие лежит в воображении. Способность к воображению — это

существенная часть того, что вы называете разумом. Ты думаешь, что способность к воображению — только необходимая ступенька на пути разрешения проблемы или при подготовке чего-то. Но воображение — это и есть то, что заставляет вещи происходить.

Это ваш особый дар, но это и опасность, потому что вы не следите за своим воображением. Вы выдумываете прекрасные вещи и вы выдумываете ужасные вещи, и вы не отвечаете за их выбор. Ты говоришь, что внутри тебя есть силы добра и силы зла, ангел и черт, но истина в том, что в тебе заложена одна простая вещь — способность к воображению.

Надеюсь, тебе понравилась эта речь, которую я подготовил для конференции Американской Ассоциации психологов и социологов, имеющая быть в марте следующего года в Хьюстоне. Предчувствую, что она будет прекрасно принята.

— Что? — подумал он в изумлении.

Как ты думаешь, с кем ты говорил? С Богом?

— Кто это? — спросил он.

Ты, разумеется.

— Но ты что-то отличное от меня, отдельное.

Да, конечно. Ты вообразил меня.

— Расскажи мне побольше.

Больше нечего.

Его щека поколась на холодном металле. Он повернулся на спину и посмотрел на полированную поверхность сферы, замкнувшуюся за ним. Расположение насечек на двери снова изменилось.

Норман поднялся на ноги. Он чувствовал себя успокоенным и отдохнувшим, как будто он долго спал. Ему казалось, что он видел чудесный сон. Он все помнил совершенно отчетливо.

Он прошелся по кораблю к кабине управления, а затем по движущейся дорожке с ультрафиолетовыми лампами вниз, к комнате с трубами на стене.

Все они были теперь заполнены. В каждой был космонавт.

Только что он подумал: Бет продемонстрировала единственного космонавта — женщину, — чтобы предостеречь их. Теперь командовал Норман, и он обнаружил комнату полной.

Неплохо, подумал он.

Он оглядел комнату и подумал: уходите по очереди.
Один за другим члены экипажа в трубах исчезали на
его глазах, до последнего.

Теперь назад, по очереди.

Члены экипажа вернулись на свои места, материали-
зуюсь по приказу.

Все мужчины.

Женщины превратились в мужчин.

Все женщины.

И они опять превратились в женщин.

У него была сила.

02.00

— *Норман.*

Голос Бет из громкоговорителя разнесся по всему ко-
раблю.

— Где ты, Норман? Я знаю, что ты где-то там. Я чув-
ствую тебя, Норман.

Норман прошел через кухню, мимо пустых кастрюль
на стойке, отворил тяжелую дверь и оказался в рубке
управления полетом. Лицо Бет отражалось на всех экра-
нах; похоже, что и Бет заметила его. Изображение ее
повторялось раз десять.

— Норман. Я знаю, где ты был. Ты был внутри сферы,
так, Норман?

Он надавил на пульт всей ладонью, пытаясь выклю-
чить экраны, но не смог. Изображение Бет осталось.

— Норман. Отвечай, Норман.

Он вышел из рубки, направился к шлюзовому отсеку.

— Это не доведет тебя до добра, Норман. Теперь
командую я. Ты слышишь меня, Норман?

В шлюзовом отсеке он щелчком застегнул ремешок
шлема; воздух внутри него был сухим и свежим. Он при-
слушивался к звукам собственного дыхания.

— Норман.— Бет в наушниках его шлема.— Почему
ты не разговариваешь со мной, Норман? Ты что, боишься?

Назойливое повторение его имени раздражало. Он на-
жал на кнопку, чтобы выйти. Вода стала быстро прибы-
вать, подниматься.

— *Aх вот ты где.* Норман. Теперь я тебя вижу.— И она
засмеялась высоким, каким-то кудахчущим смехом.

Норман огляделся, увидел видеокамеру, прикрепленную к роботу, прямо внутри шлюза. Он повернул камеру, отводя ее в сторону.

— Это не приведет ни к чему хорошему, Норман.

Он был за пределами корабля, стоя в шлюзе. Взрывные устройства, ряды мерцающих красных точек, тянулись изломанными линиями, как огни на посадочных дорожках, поставленных каким-то сумасшедшим инженером.

— Норман? Почему ты не отвечаешь, Норман?

Бет растерянно дергалась, он слышал это по ее голосу. Он хотел лишить ее вооружения, отсоединить взрывные устройства, если получится.

Выключаю, подумал он. Пусть взрывные устройства выключатся и разоружатся.

Все красные огни немедленно погасли.

Неплохо, подумал он в приливе радости.

Мгновение спустя красные огни снова зажглись.

— Ты не сможешь этого сделать, Норман, — засмеялась Бет. — Со мной это не пройдет. Я буду бороться.

Он знал, что она права. Это был спор, проверка силы — включение и выключение взрывателей. Этот спор нельзя было разрешить. Не этим образом. Он должен предпринять что-то непосредственно действенное.

Он подошел к ближайшему взрывателю. Вблизи конусы оказались больше, чем он думал, фута четыре высотой, с красным огоньком наверху.

— Я вижу тебя, Норман. Я вижу, что ты делаешь.

На серой поверхности конуса что-то было написано желтыми буквами. Норман стал разбирать надпись. Защитное стекло шлема слегка запотело, но он мог разобрать слова.

ОПАСНОСТЬ — TEVAC ВЗРЫВАТЕЛИ

ВМС США СТРОИТЕЛЬСТВО / РАЗРУШЕНИЕ

ГТОВНОСТЬ К ДЕТОНАЦИИ 20:00

РУКОВОДСТВО ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

ВМС США /VV/ 512-А

ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЛИЧНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

ОПАСНОСТЬ — TEVAC ВЗРЫВАТЕЛИ

Ниже было написано еще что-то, но буквы были мелкими, и он не сумел разобрать.

— Норман! Что ты делаешь с моими взрывателями, Норман?

Норман не отвечал. Он разглядывал соединения. Один провод входил под основание конуса, другой выходил с противоположной стороны. Второй провод тянулся по илистому дну до следующего конуса, где опять было два провода: один выходил, другой — входил.

— Уходи оттуда, Норман. Ты заставляешь меня нервничать.

Бет присоединила конусы *последовательно*, как лампочки на новогодней елке! Вырвав один провод, Норман разъединял всю цепь взрывателей. Он бросился вперед и схватился за провод рукой в перчатке.

— Норман! Не прикасайся к этому проводу, Норман.

— Спокойно, Бет.

Его пальцы сжали провод. Он почувствовал пластиковое покрытие, туже обхватил его.

— Норман, если ты вырвешь этот кабель, ты устроишь взрыв и взорвешь ко всем чертям и себя, и меня, и Гарри, и все кругом, предупреждаю тебя.

Он не думал, что это именно так. Бет лгала. Бет не контролировала себя, она была опасна. И она вновь лгала ему.

Он отдернул руку. Он почувствовал напряжение в конусе.

— Не делай этого, Норман...

Теперь кабель был натянут у него в руке.

— Я заставлю тебя заткнуться, Бет.

— Ради Бога, поверь мне, Норман. Пожалуйста. Ты убьешь нас всех!

Все же он колебался. Что, если она говорила правду? Может быть, она больше знала о подсоединенных взрывателях? Он взглянул на большой серый конус у своих ног, достающий ему почти до груди. Что чувствует человек при взрыве? И чувствует ли он вообще что-то?

— Черт с ним,— громко произнес он.

И вырвал провод из конуса.

Пронзительный вой тревоги, раздавшийся внутри его шлема, заставил его подскочить. На самой верхушке защитного стекла был крохотный дисплей на жидкокристаллических кристаллах; сейчас на нем быстро мигала надпись: АВАРИЯ... АВАРИЯ...

— Ах, Норман. Черт возьми, ты все-таки сделал это.

Он едва слышал ее голос сквозь вой сирены. Красные лампочки наверху конусов мигали по всей длине корабля. Своими руками он устроил взрыв!

Но тут тревогу прервал глубокий резонирующий мужской голос, произнесший: «Пожалуйста, внимание. Всему персоналу немедленно очистить место взрыва. Взрыватели приведены в двадцатиминутную готовность. Двадцать минут и начинайте отсчет».

На конусе красный дисплей высветил 20:00. Затем начался обратный отсчет: 19:59... 19:58...

То же изображение возникло и на дисплее его шлемо-защитного стекла.

Ему хватило доли секунды, чтобы осознать происходящее, все понять. Всмотревшись в конус, он вновь прочел желтую надпись: «ВМС США. СТРОИТЕЛЬСТВО/РАЗРУШЕНИЕ».

Ну конечно! Эта взрывчатка не была оружием, она использовалась при строительстве! Поэтому они и встроили таймеры безопасности, запрограммированные на двадцатиминутную отсрочку, чтобы рабочие успели уйти.

Двадцать минут, чтобы уйти, подумал он. Да это же куча времени.

Норман развернулся и быстро направился к модулю DH-7, где была припаркована субмарина.

01.40

Он шел ровно, безо всякого напряжения и суеты. Ему было удобно в его костюме, все системы которого отменно работали.

Он уходил.

— Пожалуйста, Норман...

Теперь Бет умоляла его — опять неожиданный поворот в ее настроении. Он неуклонно шел к субмарине. Глубокий голос сказал: «Пожалуйста, внимание. Всему персоналу немедленно очистить место взрыва. Девятнадцать минут и начинайте отсчет».

Нормана переполняло чувство собственной силы, ощущение важной цели. Больше у него не было иллюзий, не осталось вопросов. Он знал, что он делал.

Он спасал себя.

— Я не верю, что ты сделаешь это, Норман. Не верю, что ты бросишь нас.

Поверишь, подумал он. В конце концов, разве у него оставался выбор? Бет была неконтролируема и опасна. Теперь уже было поздно спасать ее; да и не безумием ли было даже оставаться вблизи нее? Она уже однажды пыталась убить его, и ей едва это не удалось.

А Гарри находился около тринадцати часов под воздействием сильнодействующих наркотиков; возможно, у него уже наступила клиническая смерть, мозг погиб. Нечего ему было здесь делать.

Теперь лодка была уже близко. Он уже мог различить приборы на ее желтой поверхности.

— Пожалуйста, Норман... Ты мне нужен.

Извини, подумал он, но я отбываю.

Он прошел, нагнувшись, под двухлопастным двигателем, увидел надпись на корпусе: «Звезда Глубин III». Он вскарабкался по уступам, пробрался под купол.

— Норман...

Теперь у него не было контакта с ней. Только с самим собой. Он открыл люк, влез в субмарину. Расстегнул шлем и отбросил его прочь.

«Пожалуйста, внимание. Восемнадцать минут и начнайте отсчет».

Норман сел в мягкое кресло пилота, лицом к приборам управления. Вспыхнул экран.

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — КОМАНДНЫЙ МОДУЛЬ

Нужна ли вам помощь?

Да Нет Отмена

Он нажал «Да», подождал, пока появится новый текст.

Нехорошо получилось с Бет и Гарри, ему было неловко оставлять их здесь. Но им обоим, каждому по-своему, не удалось справиться со своим внутренним «я», что сделало их уязвимыми для сферы и ее силы. Классическая ошибка для людей науки, так называемая победа рационального над иррациональным. Ученые отказались признать свою иррациональную сторону, отказались придавать ей важное значение. Они привыкли иметь дело только с рациональным. Все должно обладать смыслом в понимании ученого, а если что-то не имеет смысла, то это отгоняют прочь, считая, вслед за Эйнштейном, «чисто личным».

Чисто личное, подумал он презрительно. Люди убивают друг друга по этой самой «чисто личной» причине.

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — ПРОВЕРКА ВЫБОРА

Погружение

Безопасность

Монитор

Подъем

Балласт

Отмена

Норман нажал «Подъем». На экране появилось изображение панели управления. Он подождал следующих инструкций.

Да, думал он, все так: ученые отказываются иметь дело с иррациональным. Но ведь иррациональное никуда не исчезает, даже если вы не хотите принимать его в расчет. Иррациональность не атрофируется от невостребованности. Напротив, у остающейся за пределами внимания иррациональной стороны вырастают сила и масштабы.

И никакие сожаления не помогут. Все эти ученые, тихо ржущие над воскресными передачами, где рассматривается склонность человека к разрушению и его предрасположенность к жестокости, в экстремальных ситуациях сдаются. Это просто признание их поражения.

На экране появились новые надписи:

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — ПРОВЕРКА ПОДЪЕМА

1. Установите воздухонаполнители на включение

Переходите к следующему Отмена

Норман нажал нужные кнопки, переведя воздухонаполнители на режим подъема, и опять стал ждать дальнейших инструкций.

В конце концов, как ученые воспринимают даже собственные исследования? Все они согласны в одном: научные изыскания не могут прекратиться. Если и не мы создадим бомбу, так кто-нибудь другой. А бомба тут же оказывается в руках следующих людей, которые заявляют, что если не они воспользуются ею, так кто-нибудь другой.

И все ученые сходились во мнении, что эти новые люди ужасны, потому что они иррациональны и безответственны. С нами-то, учеными, все в порядке. Это вот с другими трудности.

Но истина в том, что ответственность начинается с конкретной личности и сделанного ею выбора. У каждого человека есть выбор.

Ну, подумал Норман, он уже ничего не сможет сделать для Бет и Гарри. Он должен спасаться сам.

Он услышал далекий гул, когда пришли в действие генераторы, затем пульсацию лопастей. На экране вспыхнуло:

ЗВЕЗДА ГЛУБИН III — АППАРАТ В ПОЛНОЙ ГОТОВНОСТИ

Вот и отправляюсь, подумал он, опуская руки на пульт управления и чувствуя, как повинуется ему подлодка.

«Пожалуйста, внимание. Семнадцать минут и начинай-те отсчет».

Мутная взвесь заклубилась вокруг навеса, когда заработали винты, и затем маленькая субмарина выскользнула из-под купола. Как будто управляешь автомобилем, решил Норман. Ничего сложного.

Он описал дугу, повернув от DH-7 к DH-8. Он завис в двадцати футах надо дном, достаточно высоко, чтобы ил осел.

Оставалось семнадцать минут. С максимальной скоростью он через две с половиной минуты будет на поверхности.

Куча времени.

Он близко подвел субмарину к DH-8. Внешние огни модуля бледно желтели; должно быть, кончалась энергия. Он видел, как повреждены цилиндры: из разбитых стен А и В вырывались каскады пузырей, десятки вылетали из D. В цилиндре Е зияла дыра, залитая водой. Модуль был разрушен и теперь погибал.

Зачем он подошел так близко? Он вглядывался в иллюминаторы, потом понял, что надеется в последний раз увидеть Гарри и Бет. Ему хотелось увидеть Гарри, бессознательного, безответного. Ему хотелось увидеть Бет, потрясающую кулаками, посылающую ему проклятия, стоя у окошка. Он хотел получить подтверждения того, что он правильно делал, покидая их.

Но он увидел только тусклый желтый свет внутри модуля. Он был обескуражен.

— Норман.

— Да, Бет,— теперь ему нравилось отвечать ей. Пальцы его касались приборной доски субмарины, готовой немедленно начать подъем. Теперь Бет уже ничего не могла с ним поделать.

— Норман, а ты и вправду ублюдок.

— Ты пыталась убить меня, Бет.

— Я *не хотела* убивать тебя, Норман. У меня не было выбора.

— Ну да. Так и у меня нет выбора, — говоря так, он знал, что прав. Спасти одному — лучше, чем ничего.

— Ты прямо вот так и оставишь нас?

— Именно так, Бет.

Его рука потянулась к рычагу включения скорости подъема. Он поставил ее на 6,6 футов. Полная готовность к подъему.

— Ты вот так прямо и сбежишь? — Он почувствовал презрение в ее голосе.

— Да, Бет.

— Ты, кто все время твердил, что мы должны держаться вместе, здесь, внизу?

— Прости, Бет.

— Должно быть, ты очень напуган, Норман.

— Вовсе я не напуган. — И в самом деле он чувствовал себя сильным и уверенным, сидя за приборной доской, готовый к подъему. Он чувствовал себя куда лучше, чем в предыдущие дни.

— Норман, — сказала она, — пожалуйста, помоги мне. Пожалуйста.

Ее слова повергли его в иное состояние, вызвав чувства заботливости, профессиональной компетентности, просто человеческой доброты и сочувствия. На мгновение он растворился, его сила и уверенность ослабли. Но тут же он подумал о себе и покачал головой.

— Прости, Бет. Уже поздно.

И он нажал кнопку «Подъем», услышав рев выпускающих воздух балластов, и «Звезда глубин III» стартовала.

Модуль DH-8 скользнул вниз, а сам он устремился к поверхности, отделенный от нее тысячей футов.

Черная вода, никакого ощущения движения, кроме меняющихся показателей на экране. Он принял мысленно прокручивать произошедшие события, как будто оправдываясь перед ВМС. Правильно ли он поступил, оставив других внизу?

Конечно, правильно, какие могут быть вопросы? Сфера оказалась предметом из иной галактики, дающим человеку силу воплощать свои мысли в действительность. И все было ничего, да только мысли человека словно разделены на две части, как будто у него два разных мозга. Пока человек

в сознании, он контролирует деятельность своего мозга, и он не представляет особых проблем. Но мозг бессознательного человека, дикий и неукротимый, опасен и разрушителен, когда его побуждения воплощаются в реальность.

Беда с Бет и Гарри произошла оттого, что они были совершенно неуравновешенными. Их сознательный мозг был сверхразвитым, но они никогда не затрудняли себя изучением собственного подсознания. Вот в чем состояла разница между Норманом и ними. Как психолог, он не раз сталкивался с подсознанием, и оно не сильно удивило его в своих проявлениях.

Вот почему Гарри и Бет воплощали чудовищ, а Норман — нет. Норман знал свое подсознание. Никаких чудовищ его не поджидало.

Нет. Неверно.

Он был поражен внезапностью мысли, ее неожиданностью. Неужели он и в самом деле был неправ? Он тщательно поразмышлял и опять решил, что все в конце концов правильно. Бет и Гарри подвергались риску из-за плодов собственного подсознания, а Норман — нет. Норман знал себя, а остальные — нет.

«Страхи, вызываемые контактом с неизвестными формами жизни, не поддаются пониманию. Наиболее частотным последствием подобного контакта является полнейший ужас».

Положения из его собственного доклада возникли вдруг в его голове. Почему они ему сейчас вспомнились? Годы прошли с тех пор, как он писал этот доклад.

«В обстоятельствах обостренного ужаса люди плохо принимают решения».

Но Норман-то не был напуган. Совсем нет. Он был самонадеян и уверен. У него был план, и он выполнял его. И почему ему вспомнился этот доклад? В то время он изумился над ним, подбирая каждое слово... Почему ему вдруг пришло это в голову? Это беспокоило его.

«Пожалуйста, внимание. Шестнадцать минут и начнайте отсчет».

Норман проверил измерительные приборы. Он был на глубине девятисот футов, медленно поднимаясь. Назад дороги теперь уже не было.

Но почему он вообще должен думать о возвращении назад?

Почему это пришло ему в голову?

Медленно поднимаясь в черной воде, он все больше

ощущал внутреннее раздвоение, почти шизофренический бред. Что-то было неправильно, думал он. Что-то было, чего он не учел.

Но что он мог просмотреть? Ничего, решил он, потому что, в отличие от Гарри и Бет, он был в полном сознании; он осознавал все, что с ним происходит.

Только на самом-то деле Норман не верил в это. Полная уверенность может быть философской целью, но в реальной жизни она недостижима. Сознательность — это как галька, скользящая по поверхности бессознательного. Чем больше расширяется сфера сознательного, тем больше область подсознания, и всегда остается что-то, чего просто нельзя обнаружить. Непостижимое даже для гуманного психолога.

Стайн, его старый профессор, предостерегал: «Ваша тень всегда следует за вами».

А что сейчас поделывала тень Нормана? Что происходило сейчас в его подсознании, в скрытых глубинах его мозга?

Ничего. Продолжай дальше.

Он растерянно поерзал в кресле пилота. Он так хотел подняться на поверхность, его убежденность была такой сильной...

Ненавижу Бет, ненавижу Гарри. Не желаю беспокоиться и заботиться о них. Не хочу больше ни о ком заботиться. Я за них не отвечаю. Я хочу спастись сам.

Он был шокирован. Шокирован собственными мыслями, их откровенным жестоким эгоизмом.

Я должен вернуться.

Если я вернусь, я погибну.

Но какая-то другая его часть сопротивлялась с каждым мгновением все сильнее. Бет ведь высказала правду: именно Норман твердил, что им нужно держаться вместе, работать вместе, как же мог он их теперь бросить? Он не мог. Это было противно всему, во что он верил, всему, что было важно и человечно.

Он должен вернуться.

Я боюсь возвращаться.

Наконец-то, подумал он. Вот оно. Страх такой сильный, что он отрицал его существование, страх, который вызвал в нем решение бросить остальных.

Он нажал кнопку, отменяя свой подъем. И, начав погружаться, он видел, как у него дрожат руки.

Субмарина мягко опустилась на дно рядом с модулем. Норман шагнул в шлюзовой отсек, открыл воду. Некоторое время спустя он влез по боковому трапу и вошел в модуль. Взрыватели, усеявшие красными огоньками дно, казались неуместно праздничными.

«Пожалуйста, внимание. Четырнадцать минут и начинайте отсчет».

Норман рассчитал, сколько ему понадобится времени: одна минута войти вовнутрь, пять, может быть, шесть минут — одеть Бет и Гарри в костюмы. Еще четыре минуты на возвращение вместе с ними на борт. Две, три минуты на подъем.

Люк был закрыт.

Он прошел под здоровенными стояками модуля.

— Так ты вернулся, Норман, — сказала Бет по радио.

— Да, Бет.

— Слава Богу, — произнесла она. И зарыдала. Он находился под цилиндром А и слушал ее рыдания. Он нашел люк, покрутил колесо. Люк был заперт изнутри.

— Бет, открой люк.

Она плакала и не отвечала.

— Бет, ты меня слышишь? Открой люк.

Плачущая, как ребенок, истерично вскрикивающая Бет проговорила:

— Норман, помоги мне, пожалуйста. *Пожалуйста*.

— Я и пытаюсь помочь тебе, Бет. Открой люк.

— Не могу.

— Как это — не можешь?

— Это не приведет ни к чему хорошему.

— Бет, — начал он, — иди сюда...

— Я не могу сделать этого, Норман.

— Ну, разумеется, можешь. Открой люк, Бет.

— Тебе не следовало возвращаться, Норман.

Времени на препирательство не было.

— Бет, соберись. Открой люк.

— Нет, Норман, не могу.

И снова зарыдала.

Он перепробовал все люки, один за другим. Цилиндр В, заперто. Цилиндр С, заперто. Цилиндр D, заперто. «Пожалуйста, внимание. Тринадцать минут и начинайте отсчет».

Он стоял у цилиндра Е, который затопило еще при первом нападении. Он заметил пробоину с неровными, рваными краями на внешней поверхности цилиндра. Дыра была достаточно велика, чтобы он мог пролезть через нее, но края были острыми, а если он порвёт свой костюм...

Нет, решил он, слишком рискованно. Он двигался под цилиндром Е в поисках люка.

Нашел, повернул легко поддавшееся колесо. Приподнял круглую крышку, услышал, как она клацнула о наружную стену.

— Норман! Это ты?

Он подтянулся и влез в цилиндр Е, с неимоверными усилиями вполз на четвереньках вовнутрь. Он вновь закрыл цилиндр и на мгновение перевел дыхание.

«Пожалуйста, внимание. Двенадцать минут и начнайте отсчет».

Господи, подумал он. Уже?

Что-то белое промелькнуло у его лица, он в ужасе отпрянул, но это оказалась коробка с кукурузными хлопьями. Когда он попытался схватить ее, картонная крышка слетела, и хлопья посыпались желтым снегом.

Он находился в кухне. За плитой он заметил еще один люк, ведущий в цилиндр D. Цилиндр D не был затоплен, а значит, ему надо было как-то изменить соотношение давлений.

Он поднял глаза к люку в потолке, ведущему в спальный отсек. Он быстро вскарабкался наверх. Ему нужен был газ в любой емкости. В спальне было темно, только в воде, затоплявшей ее, отражались наружные огни. Одеяла и подушки плавали в воде. Что-то прикоснулось к нему, он обернулся и увидел темные волосы, обвивавшие лицо. Волосы проплыли по воде, обнажая лицо, и Норман заметил, как оно страшно искажено.

Тина.

Норман содрогнулся, оттолкнул ее тело. Оно поплыло дальше.

«Пожалуйста, внимание. Одиннадцать минут и начнайте отсчет».

Время идет слишком быстро, подумал Норман, теперь его хватало едва-едва. Ему уже следовало быть в модуле.

В спальне не было емкостей с газом. Он вновь спустился в кухню, захлопнув люк над головой. Он осмотрел плиту, печи, открыл одну из створок, откуда, пузырясь, вырвался газ. Газ скопился в печах.

Но все же что-то тут было не совсем так, потому что газ все прибывал. Струйка пузырьков продолжала сочиться из открытой печи.

Ровная струйка.

Что там рассказывал Барнс о готовке пищи под давлением? Что-то необычное, но что, он не помнил точно. Не использовали ли они сжатый газ? Да, и к тому же им нужно было больше кислорода. То есть...

Он отодвинул плиту от стены, напрягая все силы, и тут же нашел, что искал. Плоскую бутыль с пропаном и две больших голубых канистры с кислородом.

Срывающимися пальцами в перчатках он стал отвинчивать клапаны. Газ с шипением вырывался наружу, пузырьки устремились к потолку, где стали собираться в один огромный воздушный пузырь.

Он открыл следующую канистру с кислородом. Уровень воды быстро понижался, до груди, до колен, потом остановился. Канистры были пусты. Ничего, уровень воды был вполне достаточным.

«Пожалуйста, внимание. Десять минут и начинайте отсчет».

Норман открыл дверь в потолке, ведущую в цилиндр D, и шагнул внутрь модуля.

Тусклый свет. Странноватая, липкая и зеленая пленка покрывала стены.

На кушетке по-прежнему без сознания лежал под капельницей Гарри. Норман вырвал иголку со сгустком крови, начал трясти Гарри, пытаясь привести его в чувство.

Гарри заморгал, но он все еще был в прострации. Норман приподнял его, взвалил на плечи и потащил по модулю.

В наушниках все еще рыдала Бет:

— Норман, тебе не надо было возвращаться.

— Где ты, Бет?

На мониторе он увидел надпись:

ГОТОВНОСТЬ К ДЕТОНАЦИИ 9 : 32.

Обратный отсчет. Цифры бежали слишком быстро.

— Бери Гарри и уходи, Норман. Уходите оба. Оставьте меня.

— Скажи, где ты, Бет.

Он шел через весь модуль, из цилиндра D в цилиндр C. Он нигде не видел ее. Гарри мертвым грузом висел у него на плечах, мешая пролезть через люк.

— Это не приведет ни к чему хорошему, Норман.

— Выходи, Бет.

— Я знаю, что я ужасна, Норман. Мне уже ничем не помочь.

— Бет... — он слышал ее через шлемофон, но не мог определить, где она находится. Но он не мог рисковать и снимать шлем. Не сейчас.

— Я заслуживаю смерти, Норман.

— Оставь эти глупости, Бет.

«Пожалуйста, внимание. Девять минут и начинайте отсчет».

Завыла тревога, ритмическое бибиканье показалось более громким, когда счет пошел на секунды.

Он был в цилиндре В, пещере из труб и оборудования. Когда-то чистенькая и ярко окрашенная, теперь она была покрыта склизкой плесенью. В иных местах с потолка свисали мшистые пряди. Цилиндр В выглядел, как болото в джунглях.

— Бет...

Теперь она молчала. Она должна быть в этой комнате, решил Норман, цилиндр В всегда был ее любимым прибежищем. Отсюда шло управление всем модулем. Он опустил на пол Гарри, приперев его к стене. Но стена была скользкой, и он сполз вниз, ударившись головой. Кашлянув, он открыл глаза.

— Господи, Норман?

Норман замахал рукой, показывая Гарри, чтобы он молчал.

— Бет? — произнес он.

Молчание. Норман двигался среди склизких труб.

— Бет.

— Оставь меня, Норман.

— Я не могу этого сделать, Бет. Я забираю тебя.

— Нет. Я останусь, Норман.

— Бет, — разразил он мягко, — некогда препираться.

— Я остаюсь, Норман. Я приговорена.

Он увидел ее. Бет валялась на спине, вклинившись среди труб, плача, как дитя. Она держала в руках гарпунно-разрывной пистолет.

— Ох, Норман, — подняла она полные слез глаза. — Ты хотел нас оставить.

— Прости меня. Я был неправ.

Он направился к ней, протягивая руки. Она крутила в руках пистолет.

— Нет, ты был прав. Ты был прав. Я хочу, чтобы ты теперь уходил.

Над ее головой он видел видеомонитор с неумолимо скачущими цифрами: 08 : 27... 08 : 26...

Он подумал: я могу изменить это. Я хочу, чтобы секунды прекратили отсчет.

Секунды не остановились.

— Ты не победишь меня, Норман,— сказала она, откатываясь в угол. Ее глаза блеснули яростью.

— Вижу.

— У тебя мало времени, Норман. Уходи.

Она направила пистолет прямо на него. Норман почувствовал абсурдность ситуации: явился спасать того, кто вовсе не хочет быть спасенным. Что он мог теперь поделать? Времени едва оставалось на то, чтобы убраться самому, захватив Гарри...

Гарри, вдруг вспомнил он. Где же Гарри?

Я хочу, чтобы он помог мне.

Но он чувствовал, что времени уже совсем не остается. Секунды бешено бежали назад, хорошо, если осталось минут восемь, теперь...

— Я вернулся за тобой, Бет.

— Иди,— повторила она.— Теперь уходи, Норман.

— Но Бет...

— Нет, Норман! Именно так! Уходи! Почему ты не уходишь? — Но тут она словно что-то заподозрила, начала оглядываться, и в этот момент подобравшийся к ней сзади Гарри с силой стукнул ее по голове, и от этого удара она упала.

— Я убил ее? — спросил Гарри.

А мужской голос произнес:

«Пожалуйста, внимание. Восемь минут и начинайте отсчет».

Норман сосредоточился на часах, отсчитывающих время в обратную сторону. Остановить. Остановить отсчет.

Но вновь взглянув на монитор, он увидел, что часы по-прежнему тикают. А тревога? Тревогу можно остановить с помощью мыслей? Он вновь попытался.

Остановитесь. Отсчет сейчас остановится. Отсчет времени остановился.

— Брось,— посоветовал Гарри.— Не сработает.

— Но должно же сработать,— сказал Норман.

— Нет,— пояснил Гарри,— потому что она не полностью лишилась сознания.

На полу у их ног стонала Бет. Нога ее слабо шевелилась.

— Она каким-то образом в состоянии контролировать это,— сказал Норман.— Она очень сильная.

— Может, сделать ей укол?

— Нет,— покачал Норман головой. У них не было времени возвращаться за шприцем. А если, к тому же, и после инъекции ничего не получится, это будет впустую потерянное время...

— Стукнуть еще раз? — предложил Гарри.— Помощнее? Убить ее?

— Нет,— сказал Норман, подумав: мы же не убили тебя, хотя у нас была такая возможность.

— Если не убивать ее, тогда с этим счетчиком ничего не поделаешь,— предупредил Гарри.— Так что лучше убиться отсюда.

Они ринулись к шлюзовому отсеку.

— Сколько осталось времени? — поинтересовался Гарри.

В шлюзовом отсеке цилиндра А они пытались напрямить на Бет костюм. Она стонала, из затылка у нее сочилась кровь. Бет слегка сопротивлялась, еще больше затрудняя их действия.

— Боже, Бет... Сколько там времени, Норман?

— Минут семь с половиной или меньше.

Они уже натянули костюм на ноги, быстро засунули в него руки, затолкали грудь. Подключили воздух для дыхания.

Норман помог одеться Гарри.

«Пожалуйста, внимание. Семь минут и начинайте отсчет».

Гарри спросил:

— Ты подсчитал, сколько понадобится времени, чтобы подняться наверх?

— Две с половиной минуты, после того, как мы погружимся в лодку,— ответил Норман.

— Красота,— отозвался Гарри.

Норман застегнул ему шлем.

— Пошли.

Гарри погрузился в воду, и Норман спустил тело Бет, оказавшееся в полном облачении довольно тяжелым.

— Иди сюда, Норман!

Норман прыгнул в воду.

Норман вскарабкался к входному люку субмарины, но незакрепленная лодка неожиданно нагнулась под его весом. Стоя на дне, Гарри старался продвинуть Бет к Норману, но она все время сгибалась в талии. Норман, подхватив ее, свалился с лодки на дно.

«Пожалуйста, внимание. Шесть минут и начинайте отсчет».

— Поторопись, Норман! Шесть минут!

— Я слышал, черт побери!

Норман поднялся, влез снова на лодку, но теперь его костюм был облеплен илом, перчатки были скользкими. Гарри отсчитывал: 5 : 29... 5 : 28... Норман поймал Бет за руку, но она опять выскользнула.

— Проклятье! Норман, держи же ее!

— А я что делаю?

— Вот. Вот она.

«Пожалуйста, внимание. Пять минут и начинайте отсчет».

Теперь тревога пищала на самой высокой ноте, невыносимо громко, так что им приходилось кричать.

— Гарри! Давай ее сюда...

— Ну, давай, подхватывай ее...

— Ушла...

— Вот...

Норман наконец поймал Бет за воздушный шланг на спине. Он боялся, что оторвет его, но пришлось рискнуть. Вцепившись в шланг, он тащил Бет, пока ее спина не распласталась наверху субмарины. Потом он стал проталкивать ее в люк.

— 4 : 29... 4 : 28...

Норман с трудом сохранял равновесие. Одну ногу он засунул в люк, но вторая была согнута и цеплялась за обод. Он не мог пропихнуть ее вовнутрь. Каждый раз, когда он наклонялся, чтобы разогнуть ее колено, субмарина клонилась на один бок, и ему вновь приходилось пытаться удержать равновесие.

— 4 : 16... 4 : 15...

— Прекрати считать и сделай что-нибудь!

Гарри навалился всем телом на противоположный борт, уравновешивая лодку. Норман смог наклониться вперед, выпрямить колено Бет, так что она легко проскользнула в открытый люк. Норман влез вслед за ней. Шлюзовой отсек был рассчитан на одного, но Бет была без сознания и не могла справиться сама.

Он должен был помочь ей.

«Пожалуйста, внимание. Четыре минуты и начинайте отсчет».

Он скрючился в шлюзовом отсеке, вдавившись в тело Бет, так что их шлемы стучали друг о друга. С трудом он опустил крышку люка за своей спиной, выкачал воду, пустив большой напор воздуха. Без поддержки воды тело Бет тяжело навалилось на него.

Он пролез к рукоятке внутреннего люка, но Бет заблокировала его. Он попытался сдвинуть ее в сторону. В ограниченном пространстве ему не за что было зацепиться, а тело Бет было мертвым грузом. Норман стал переворачивать ее, чтобы хоть как-то добраться до люка.

Субмарина закачалась: это Гарри карабкался наверх.

— Какого дьявола ты там застрял?

— Гарри, лучше заткнись!

— Ну, а в чем задержка-то?

Рука Нормана дотянулась до ручки внутреннего люка, он дернул ее вниз, но дверь не поддавалась — ее нужно было открывать на себя. Он не мог открыть ее, пока Бет была в отсеке. Он был переполнен, ее тело блокировало дверь.

— Гарри, у нас осложнения.

— Господи Боже... Три минуты тридцать.

Норман вспотел. Они оказались в настоящей беде.

— Гарри, мне придется опять передать ее тебе и попробовать одному...

— Боже, Норман...

Норман затопил шлюз, открыл снова нижний люк. Гарри держал непрочное равновесие наверху субмарины. Он перехватил Бет за воздушный шланг, подтянул ее.

Норман собрался закрыть люк.

— Гарри, ты не можешь убрать ее ноги?

— Я пытаюсь сохранить равновесие.

— Ты что, не видишь, ее ноги мешают... — Норман в раздражении выпихнул ее ноги; люк захлопнулся, отсек заполнился воздухом.

«Пожалуйста, внимание. Две минуты и начинайте отсчет».

Он был внутри лодки, приборы призывающе вспыхивали зеленым светом.

Он открыл внутренний люк.

— Норман?

— Постарайся опять опустить ее,— сказал Норман,— и сделай это как можно скорее.

Но подумал он о том, что беда не миновала: по крайней мере, тридцать секунд на то, чтобы пропихнуть в люк Бет, еще тридцать — на то, чтобы влез Гарри. Целая минута...

— Она внутри. Крути.

Норман подскочил к рычагу, пустил воду.

— Как тебе удалось сделать это так быстро, Гарри?

— Самым естественным способом,— отозвался Гарри,— каким людей протискивают в узкое пространство.— И прежде, чем Норман успел спросить, что он имеет в виду, он открыл люк и увидел, что Гарри просунул Бет через люк головой вперед. Он обхватил ее за плечи, уложил на пол, затем захлопнул люк. Мгновение спустя он услышал свист воздушного потока, когда Гарри зашлюзовался.

Захлопнулся люк подлодки. Появился Гарри.

— Боже,— одна минута сорок,— сказал он.— А ты знаешь, как она работает?

— Да.

Норман сел в кресло, положил руки на пульт.

Они услышали шлепанье лопастей, ощутили сотрясение. Лодка накренилась, двинулась по дну.

— Одна минута тридцать секунд. Сколько, ты сказал, нужно, чтобы подняться наверх?

— Две тридцать,— ответил Норман, меняя скорость подъема. Он перевел ее за 6 : 6 — до самого конца шкалы.

Они услышали высокий посвист воздуха, вырвавшегося из балластных танков. Субмарина с резким шумом стала медленно подниматься.

— Это самое быстрое, на что она способна?

— Да.

— Боже.

— Спокойно, Гарри.

Глядя вниз, они могли видеть огни модуля. И длинный ряд красных взрывателей вдоль всего космического корабля. Они поднялись над высоко вздымавшимся килем, оставив его позади и видя теперь только черную воду.

— Одна минута двадцать.

— Девятьсот футов,— сообщил Норман. Они почти не чувствовали движения, только изменения на приборной доске подтверждали, что они поднимаются.

— Не очень-то быстро,— посетовал Гарри.— Там, внизу, все же чертовски много взрывчатки.

Достаточно быстро, мысленно поправил его Норман.

— Взрывная волна расплющит нас, как банку сардинок,— покачал головой Гарри.

Взрывная волна не повредит нам.

Восемьсот футов.

— Сорок секунд,— сказал Гарри упавшим голосом.— Мы не успеем.

Они были на отметке 700 футов, быстро поднимаясь. Теперь у воды был приятный синий цвет: солнце проникало сюда.

— Тридцать секунд,— считал Гарри.— Где мы? Двадцать девять... восемь...

— 620 футов,— сказал Норман.— 620.

Они посмотрели вниз, теперь модуль лишь по точечкам огоньков угадывался далеко внизу.

Бет закашлялась.

— Слишком поздно,— сказал Гарри.— С самого начала я знал, что ничего не получится.

— Конечно, получится,— твердо произнес Норман.

— Десять секунд,— прошептал Гарри,— девять... восемь... Держись!

Норман прижал к себе Бет, когда взрывная волна взметнула субмарину, шутя подбрасывая и крутя, как игрушечную, перевернула вверх ногами, затем опять вниз дном и, наконец, выбросила ее вверх на гигантском фонтане.

— Мама! — закричал Гарри, но они по-прежнему поднимались, у них все было в порядке.— Получилось!

— 200 футов,— сообщил Норман. Вода теперь была голубой. Он нажал кнопки, замедляя подъем. Они двигались слишком быстро.

Гарри завопил, повалив Нормана на спину:

— Получилось! Ах ты, сукин сын, черт тебя дери, получилось! Мы спасены!

Норман плохо различал приборную доску — слезы застилали ему глаза.

И тут он зажмурился, потому что яркий солнечный свет ринулся на них из-под купола небес. Они увидели спокойное море и плывущие по нежной синеве небес кучевые облака.

— Ты видишь? — орал Гарри. Он вопил Норману в самое ухо.— Ты видишь? *Какой дьявольски прекрасный день!*

Норман проснулся, и первое, что он увидел, был сверкающий луч солнца, проникающий через единственный иллюминатор — химического туалета, расположенного в углу декомпрессорной камеры. Он лежал на койке и оглядывал камеру — горизонтальный цилиндр длиной в пятьдесят футов: койки, металлический стол и стулья в самом центре, за небольшой перегородкой — туалет. Гарри храл на соседней койке. Напротив, на другом конце камеры, спала Бет, прикрывая одной рукой лицо. Откуда-то издалека до него доносились мужские голоса.

Норман зевнул и слез с койки. Тело его ломило от усталости, но в целом с ним все было в порядке. Он подошел к сияющему иллюминатору и выглянул, сощурившись от яркого тихоокеанского солнца.

Он увидел кормовую палубу исследовательского судна «Джон Хэйвс»: белая посадочная дорожка для вертолетов, тяжелые скатанные канаты, цилиндрический металлический каркас подводного робота. Команда ВМС опускала на палубу второго робота, что-то крича и размахивая руками; но Норман не мог расслышать слова сквозь толстые стальные стены камеры.

Мимо камеры крепкий мускулистый моряк катил большой зеленый баллон с надписью «кислород»; целая батарея таких баллонов была уложена штабелями на палубе. Три медика, надзирающих за камерой декомпрессинга, играли в карты.

Глядя сквозь толстое, толщиной в дюйм, стекло иллюминатора, Норман чувствовал себя так, как будто он наблюдает за каким-то явившимся в миниатюре миром, к которому сам он вроде и не имеет отношения, что-то вроде террариума, населенного необычными, любопытными особями. Этот новый мир был столь же чужд ему, как и черный мир океана, видимый из иллюминатора модуля.

Он наблюдал, как медики сдавали карты на деревянном упаковочном ящике, наблюдал, как они смеются и жестикулируют во время игры. Они ни разу не взглянули в его сторону, вообще ни разу не посмотрели на декомпрессорную камеру. Норман не понимал этих парней. Разве им не было предписано следить за декомпрессингом? Они казались ему юными и неопытными. Увлеченные

своими картами, они казались Норману равнодушными к металлической камере рядом с ними, равнодушными к трем уцелевшим после катастрофы на дне морском людям — и равнодушными к самому событию, к тем вестям, которые выжившие принесли на поверхность. Эти веселые игроки из ВМС, похоже, не очень-то были обеспокоены тем, что там случилось с ним, Норманом. А может, они просто ничего не знали.

Он прошелся по комнате, сел за стол. Вокруг белой повязки, стягивающей его разбитое колено, распухла кожа. Врач ВМС осмотрел его, пока их переправляли с субмарины в декомпрессорную камеру. Сначала, из «Звезды глубин III» их поместили в водолазный колокол, с разреженным воздухом, и уже потом перевели в большую камеру на борту корабля, в камеру декомпрессинга, необходимого для восстановления нормального дыхания на поверхности. Им нужно было провести в ней четыре дня, но сейчас Норман не знал, сколько они уже в ней пробыли. Все они мгновенно заснули, а часов в камере не было. Стекло на его ручных часах было раздавлено, хотя он и не помнил, как это случилось.

На столе прямо напротив него, кто-то нацарапал: «Соски ВМС США». Норман потрогал пальцами насечки и вспомнил насечки на полированной сфере. А теперь и он, и Бет, и Гарри была в руках ВМС. И он подумал: что мы будем им рассказывать?

— А что мы будем им рассказывать? — спросила Бет.

Это было уже спустя несколько часов, Бет и Гарри проснулись, и теперь все вместе они сидели за поцарапанным столом. Никто из них не сделал и попытки поговорить с кем-то из команды. Как будто они заключили молчаливое соглашение, подумал Норман, оставаться в изоляции как можно дольше.

— Я думаю, им надо все рассказать, — заявил Гарри.

— Не думаю, что следует это делать, — возразил Норман, удивленный силой собственной убежденности и твердостью своего голоса.

— Согласна, — кивнула Бет. — Я не уверена, что мир готов к этой сфере. Уж я-то точно не была.

Она робко взглянула на Нормана. Он положил ей на плечо руку.

— Все это хорошо, — сказал Гарри, — но посмотрите на дело с точки зрения ВМС. ВМС организовали колос-

сально дорогую экспедицию, шесть человек погибли, а два модуля разрушены. Им захочется получить ответы — и они не отвяжутся, пока не получат их.

— Мы можем отказаться говорить, — сказала Бет.

— Это ни к чему не приведет, — возразил Гарри. — Вспомни, ведь у ВМС есть все записи.

— Ах да, записи, — спохватился Норман. Он и думать забыл о видеозаписях, которые они исправно переправляли на субмарину. Десятки записей, документально воспроизводящих все, что происходило в модуле во все время их пребывания под водой. Задокументировавших спрута, смерти, сферу.

— Нам следовало уничтожить записи, — сказала Бет.

— Возможно, и следовало, — пожал плечами Гарри, — но теперь уже все равно поздно. Никто не сможет воспрепятствовать ВМС получить интересующие их ответы.

Норман вздохнул. Гарри был прав. В этом случае было бессмысленно скрывать то, что произошло, или помешать докопаться до сферы и содержащейся в ней силы. Что за оружие: способно поражать врага, только стоит вообразить его поверженным. Ужасно, что они были замешаны в это и ничего не могли поделать.

— Думаю, мы можем помешать им узнать, — сказал Норман.

— Как? — спросил Гарри.

— У нас по-прежнему есть сила, ведь так?

— Кажется, да.

— И эта сила, — продолжал Норман, — состоит в способности заставлять вещи случаться, просто думая о них.

— Да...

— Значит, мы можем помешать ВМС узнать об этом. Мы должны решить все забыть.

Гарри нахмурился:

— Интересный вопрос — есть ли у нас сила, чтобы забыть силу.

— Думаю, что нам следует забыть, — заявила Бет. — Эта сфера слишком опасна.

Они посидели молча, обдумывая значение подобного забвения. Потому что забыть — значило не просто помешать ВМС узнать о сфере; это могло стереть всякое знание о ней, включая их собственное. Исключить ее из человеческого сознания, как будто ее никогда и не существовало. Удалить ее из сознания людей навсегда.

— Серьезный шаг, — констатировал Гарри. — Значит,

мы прошли через все это только за тем, чтобы все забыть...

— Именно потому, что мы прошли через это, Гарри,— сказала Бет.— Взгляни правде в глаза — мы вели себя не лучшим образом.— Норман заметил, что теперь она говорит беззлобно. Ее предыдущая воинственность прошла.

— Боюсь, что так и есть,— согласился Норман.— Сфера создана для проверки того, что может приобрести с ее помощью разумная жизнь, и мы с треском провалились.

— Ты думаешь, она была создана для этого? — спросил Гарри.— Сильно сомневаюсь.

— А для чего же? — поинтересовался Норман.

— Ну,— начал Гарри,— взгляни на дело иначе. Допустим, ты — мыслящая бактерия, носящаяся в космосе. И вдруг ты наткнулся на искусственный спутник Земли. Ты бы подумал: что за странный, чужеродный предмет, дай-ка я исследую его. Представь, что тебе удалось просочиться вовнутрь его. Ты бы нашел его весьма интересным, с различными приводящими тебя в изумление штуковинами. Но в конце концов ты бы забрался в топливный бак, и водород убил бы тебя. А твоей последней мыслью было бы: это устройство пришельцев, вероятно, создано, чтобы проверять мыслящих бактерий и убивать нас, если мы встанем на ложный путь.

Это было бы правильным с точки зрения погибшей бактерии. Но это совершенно не было бы правильно с точки зрения тех, кто создал спутник. С нашей точки зрения, искусственный спутник вовсе не должен иметь дела с какими-то мыслящими бактериями. Мы даже не знаем, существуют ли мыслящие бактерии, мы только нуждаемся в космической связи и создали для этого самую заурядную в нашем понимании вещь.

— Ты хочешь сказать, что сфера, возможно, не была ни посланием, ни ловушкой, ни добычей?

— Ну да,— согласился Гарри.— Может, сфера не имела ничего общего с поиском других форм жизни или с ее проверкой, как мы могли подумать, столкнувшись с ней. Возможно, это просто несчастный случай, что сфера вызвала в нас такие глубокие изменения.

— Но зачем-то был создан кем-то этот механизм?

— Тот же самый вопрос мыслящая бактерия могла бы задать относительно искусственного спутника: и зачем кто-то создал этот механизм?

— Кстати,— сказала Бет,— возможно, это и не ме-

низм. Может быть, это другая форма жизни. Может, она живая.

— Может быть,— кивнул Гарри.

Бет продолжала:

— Значит, если сфера живая, наш долг оставить ее в живых?

— Мы не знаем, живая ли она.

Норман откинулся на спинку стула.

— Все эти соображения интересны,— сказал он.—

Но если вдаваться в них, мы должны признать, что *ничего* не знаем об этой сфере. Впрочем, мы только так называем ее, но в сущности, знаем ли мы, что это на самом деле? Не знаем, откуда она прибыла. Не знаем, как она оказалась внутри космического корабля. Мы ничего не знаем о ней, кроме того, что сами придумали,— а то, что мы придумали, больше говорит о нас самих, чем об этой сфере.

— Верно,— согласился Гарри.

— Потому что это что-то вроде зеркала для нас,— добавил Норман.

— И если так, то есть другая возможность,— сказал Гарри.— Она, возможно, не из другой цивилизации, а сделана людьми.

Нормана это просто изумило. Но Гарри пояснил:

— Представь, что корабль из нашего будущего прошел через черную дыру в другую галактику или другую часть нашей галактики. Мы не можем даже вообразить, что произошло в результате этого. Но предположим, что произошло сильное искажение времени. Представьте, что корабль стартовал с экипажем людей в 2043 году, а в действительности находился в пути тысячи и тысячи лет. Не мог ли экипаж что-то приобрести за это время?

— Не думаю, что это так,— сказала Бет.

— Ну, предположим только на мгновение, Бет,— мягко сказал Гарри. Норман заметил, что и Гарри не был уже так заносчив, как прежде. Они прошли через все это вместе, подумал Норман, работали вместе, как никогда прежде. Все время под водой они впадали в крайности, но теперь они действовали согласованно, слаженной командой.

— Будущее вообще представляется серьезной проблемой,— продолжал Гарри,— а мы не осознаем этого. Нам кажется, что мы можем смотреть в будущее лучше, чем это происходит на самом деле. Леонардо да Винчи пытался построить вертолет пятьсот лет назад; а Жюль-

Верн предсказал подводную лодку сто лет назад. И вот исходя из этих примеров мы начинаем верить, что будущее можно предсказать, тогда как далеко не во всем это возможно. Потому что ни Леонардо, ни Жюль Верн даже предположить не могли, скажем, возникновение компьютера. Само понятие компьютера включает так много знаний, которых и в помине не было, когда жили эти люди. Эта информация появилась совсем недавно, если хотите, в наши дни.

Да и мы, сидящие за этим столом,— мы даже не догадывались, что люди могут послать корабль через черную дыру — мы даже не подозревали о существовании черных дыр несколько лет назад — и уж, конечно, мы не можем даже догадываться, чего могут достичь люди через тысячу лет.

— Принимая во внимание, что сфера сделана людьми.

— Да, принимая это во внимание.

— А если нет? Что, если эта сфера и впрямь из другой галактики? Вправе ли мы стереть знание о жизни пришельцев из памяти человечества?

— Не знаю,— покачал головой Гарри.— Если мы решим забыть сферу...

— Тогда она исчезнет,— сказал Норман.

Бет уставилась на крышку стола.

— Жаль, что нельзя ни с кем посоветоваться,— произнесла она наконец.

— Здесь не с кем посоветоваться,— напомнил Норман.

— Но сможем ли мы забыть ее? — спросила Бет.— Сработает ли это?

Они надолго замолчали.

— Да,— заявил наконец Гарри,— безо всяких сомнений. И мне кажется, у нас уже есть подтверждение тому, что мы забудем о ней. Это решает логическую загадку, которая не давала мне покоя с самого начала, когда мы первый раз исследовали корабль. Потому что кое-чего очень важного не хватало на корабле.

— Да? Чего?

— Ни знако, что создатели корабля уже знали о возможности полета через черную дыру. Мы ходили по нему, узнали, что такое возможно.

— Да...

— И все же через пятьдесят лет люди построят такой пробный, явно экспериментальный корабль, очевидно, не зная, что такой корабль уже нашли за пятьдесят лет

до них. Никакого знака, что строители корабля узнают о его существовании в прошлом.

— Может, это один из этих временных парадоксов,— предположила Бет.— Знаешь, что нельзя вернуться в прошлое и встретиться с самим собой.

Гарри покачал головой:

— Не думаю, чтобы это был такой парадокс,— сказал он.— Просто знание об этом корабле утрачено.

— Ты имеешь в виду, что мы забудем его?

— Да,— подтвердил Гарри.— И говоря откровенно, я считаю это наилучшим решением. Все то долгое время, что мы находились там, внизу, я понимал, что, может быть, никто из нас не вернется назад. Это было одним из объяснений, какое я мог дать. Вот почему я хотел сделать завещание.

— Но если мы решим забыть...

— Конечно,— подхватил Гарри,— если мы решим забыть, результат будет тот же самый.

— Знание исчезнет навсегда,— тихо произнес Норман. Он вдруг почувствовал, что колеблется. Теперь, когда они сошлись на этом, он почувствовал странное внутреннее сопротивление. Он уперся кончиками пальцев в столешницу, коснулся царапин, как будто надеясь получить ответ.

В сущности, думал он, все, из чего мы состоим,— это воспоминания. Наши личности составлены из воспоминаний, наши жизни организованы вокруг воспоминаний, наши культуры воздвигаются на основе разделенных всеми воспоминаний, которые мы называем историей и наукой. И вот теперь отказаться от воспоминаний, отказаться от знания, отказаться от прошлого?..

— Это нелегко,— покачал головой Гарри.

— Да,— сказал Норман,— нелегко.— На самом же деле он считал это столь трудным, как будто ему приходилось отказываться от чего-то очень важного и существенного, как, например, от любовного влечения. Он просто не мог отказаться от того, что он знал. Информация казалась ему столь важной, переживания столь пленительными... Все его существо восставало против идеи забвения.

— Ну,— сказал Гарри,— я думаю, мы все же должны это сделать.

— Я думаю о Теде,— призналась Бет.— И о Барнсе, и об остальных. Ведь только мы знаем, как они погибли и за что они отдали жизнь. А если мы забудем...

— Когда мы забудем,— произнес Норман твердо.

— В ее словах есть смысл,— возразил Гарри.— Если мы собираемся забыть, как мы сумеем свести подробности? Все потерянные концы?

— Не думаю, чтобы это было проблемой,— сказал Норман.— Подсознание обладает огромной созидающей силой, что мы и испытали на себе. Подсознание и позабочится о деталях. Это вроде того, как мы одеваемся по утрам. Когда мы одеваемся, мы же не задумываемся о каждой детали, о ремне, носках и так далее. Мы просто принимаем основное всеобъемлющее решение о том, как нам хочется выглядеть, и вот мы уже одеты.

— А если так,— кивнул Гарри,— тогда мы примем общее решение, поскольку мы обладаем силой, а если мы начнем воображать разные истории, то внесем путаницу.

— Отлично,— сказал Норман.— Давайте согласуем, что произошло. Зачем мы сюда прибыли?

— Я думала, что речь идет о крушении самолета.

— И я тоже.

— Хорошо. А что случилось?

— ВМС спустили группу людей вниз для изучения места катастрофы, но трудности нарастили...

— Подожди-ка. Какие трудности?

— Спрут?

— Нет. Лучше технические трудности.

— Что-нибудь связанное со штормом?

— Системы жизнеобеспечения вышли из строя во время шторма?

— Да, отлично. Системы жизнеобеспечения вырубились во время шторма.

— И в результате несколько человек погибли?

— Подожди, не так быстро. Что вывело из строя системы жизнеобеспечения?

— В модуле образовалась течь,— сказала Бет,— и морская вода проникла в газопромыватели в цилиндре В, выпустив ядовитый газ.

— А такое могло случиться? — поинтересовался Норман.

— Да, запросто.

— И несколько человек погибли в результате несчастного случая.

— О'кей.

— А мы уцелели.

— Почему? — спросил Норман.

— Мы были в другом модуле?

Норман покачал головой:

— Другой модуль был тоже уничтожен.

— Может, он был уничтожен потом, в результате взрыва?

— Слишком сложно, — вздохнул Норман. — Давайте все упростим. Это была авария, произошедшая внезапно, неожиданно. Модуль начал протекать, испортились газо-промыватели, а в результате погибло большинство людей, а мы нет, потому что...

— Мы были на субмарине?

— Ладно, — согласился Норман. — Мы были в лодке, когда полетели системы, поэтому мы выжили, а другие погибли.

— А почему мы были в лодке?

— Мы переносили видеозаписи согласно графику

— А что записи? — вспомнил Гарри. — Что они покажут?

— Записи подтверждают наш рассказ, — заверил Норман. — Все будет в соответствии с нашим рассказом, включая людей из ВМС, которые послали нас сюда, и включая также нас самих — мы не будем помнить ничего, кроме этой придуманной истории.

— И больше у нас не будет этой силы? — нахмурилась Бет.

— Нет, — ответил Норман. — Больше ее не будет.

— О'кей, — сказал Гарри.

Бет помедлила с ответом, покусывая губы, но наконец и она кивнула: «О'кей».

Норман глубоко вздохнул, внимательно посмотрел на Бет и Гарри.

— Готовы ли мы забыть сферу и то, что однажды мы обладали силой воплощать вещи в реальность силой воображения?

Они кивнули.

Вдруг Бет возбужденно качнулась на стуле.

— Но как мы исполним это?

— Мы просто сделаем это, — сказал Норман. — Закрой глаза и скажи сама себе, что ты все забыла.

Бет спросила:

— Но ты уверен, что у нас получится? *В самом деле* уверен? — Она была опять возбуждена, нервно подергивалась.

— Да, Бет. Ты просто... откажись от силы.

— Тогда мы должны сделать это все вместе,— потребовала она,— одновременно.

— О'кей,— согласился Гарри,— по счету «три».

Они закрыли глаза.

— Раз...

С закрытыми глазами Норман подумал: как бы то ни было, люди всегда забывают о том, что они обладали силой.

— Два,— считал Гарри.

Затем Норман сосредоточился. Без большого напряжения он опять увидел мерцающую, словно звезда, сферу, гладкую, полированную, совершенную сферу, и тут же подумал: я хочу забыть, что когда-либо видел эту сферу.

И перед его мысленным взором сфера пропала.

— Три,— произнес Гарри.

— Три чего? — спросил Норман. У него резало в глазах, он потер их пальцами, затем открыл: за столом декомпрессорной камеры сидели Бет и Гарри. Выглядели они усталыми и подавленными. Но этого и следовало ожидать, подумал он, учитывая то, через что они прошли.

— Три чего? — переспросил Норман.

— Ой,— сказал Гарри,— я просто подумал вслух. Только трое нас, оставшихся.

Бет вздохнула, и Норман заметил слезы у нее в глазах. Она вытащила из кармана платок, высморкалась.

— Не считайте себя виноватыми,— сказал Норман.— Произошла авария. Мы ничего не могли поделать.

— Знаю,— сказал Гарри.— Но остальные задохнулись, когда мы были на субмарине... Я до сих пор слышу стоны... Они постоянно со мной... Боже, и зачем это только случилось!

Они помолчали. Бет хлюпала носом.

Норман тоже дорого дал бы за то, чтобы ничего этого не было. Но ничего нельзя было поделать.

— Мы не могли изменить того, что случилось,— сказал Норман.— Мы должны просто смириться с этим.

— Знаю,— вздохнула Бет.

— Я часто имел дело с психологической травмой, вызванной аварией,— сказал Норман.— Тебе нужно просто все время говорить самой себе, что у тебя нет причин чувствовать себя виноватой. Что случилось — то случилось. Кто-то погиб, а мы спаслись. Здесь нет ничьей вины. Так бывает. Это авария.

— И это я знаю,— сказал Гарри,— но мне все равно не по себе.

— Тверди себе, что это несчастный случай,— повторил Норман.— Никто не виноват, постоянно напоминай себе об этом.— Он поднялся из-за стола. Им нужно поесть, подумал он, им нужна какая-то еда.— Пойду попрошу еды.

— Я не голодна,— возразила Бет.

— Знаю, но нам все равно необходимо поесть.

Норман подошел к иллюминатору. Внимательные медики тотчас заметили его, включили динамики:

— Что-нибудь нужно, д-р Джонсон?

— Да,— сказал Норман.— Чего-нибудь поесть.

— Одну минутку, сэр.

Норман заметил приветливость на лицах. Это не новички — они понимали, какой шок пережили Норман и его друзья.

— Д-р Джонсон? Вы готовы сейчас побеседовать с кем-нибудь?

— Побеседовать?

— Да, сэр. Эксперты просмотрели записи, извлеченные из субмарины, и у них возникли к вам некоторые вопросы.

— Какие? — спросил без большого интереса Норман.

— Ну, однажды, например, д-р Адамс упомянул о спруте.

— Неужели?

— Да, сэр. Но на видеокассетах нет никакого спрута.

— Я не помню никакого спрута,— изумился Норман.— Ты говорил что-то о каком-то спруте, Гарри?

Гарри нахмурился:

— Спрут? Ну, нет, не думаю.

Норман обернулся к представителям ВМС.

— А что демонстрируют записи?

— Ну, они доходят до того времени, когда воздух в модуле... вы знаете, авария...

— Да,— вздохнул Норман.— Я помню аварию.

— Мы узнали из видеозаписей, что случилось. Очевидно, в стене модуля образовалась течь, и газоочистители вышли из строя, постепенно отравив окружающую атмосферу.

— Ясно.

— Должно быть, это случилось внезапно, сэр.

— Да,— ответил Джонсон.— Да, это так.

— Итак, вы готовы с кем-нибудь побеседовать?

— Думаю, да.

Норман отошел от иллюминатора. Он сунул руки в карманы куртки и нащупал кусок бумаги. Он извлек фотографию и с любопытством взглянул на нее.

Это была фотография красного «Корветта». Хотел бы он знать, откуда она взялась. Вероятно, машина принадлежала тому, кто носил куртку до Нормана. Вероятно, это была куртка одного из людей ВМС, погибшего в подводной катастрофе.

Норман смял, скомкал карточку в руке, выбросил в мусорный ящик. Он не хотел ничего на память о катастрофе, которую слишком хорошо помнил. Он знал, что уже до конца жизни не забудет ее.

Он оглянулся на Гарри и Бет. Оба выглядели усталыми. Бет глядела в пространство, занятая собственными мыслями. Но выражение лица у нее было безмятежным; несмотря на тяжкие испытания, выглядела она почти прекрасно.

— Знаешь, Бет,— сказал он,— ты чудесно выглядишь.

Он подумал, что она не рассышала, но тут она медленно повернулась к нему.

— Что ж, спасибо, Норман,— сказала она.

И улыбнулась.

Содержание

Поверхность	9
Глубина	59
Чудовище	166
Сила	257

МИШЕЛЬ КРИЧТОН

С Ф Е Р А

Р о м а н

Литературно-художественное издание

Редактор *Т. Марченко*

Художник *А. Мохин*

Технический редактор *Н. Овчинникова*

Л. Р. № 030031 от 11.07.91.

Сдано в набор 03.09.93. Подписано в печать 18.10.93. Формат
84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 20,04. Тираж 100 000. Заказ № 304.

МП «Ада». 109028. Москва, ул. Яузская, 1/15, стр. 6.

Фирма «ДАС». Санкт-Петербург, Фонтанка, д. 70/72.

ИПП «Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

«Кричтон — превосходный рассказчик... Его повествование вызывает сердце-биение».

«Перелистываешь страницу за страницей на одном дыхании... Кричтон пишет настолько здраво, что словно смотришь кинофильм: сюжет непрерывно развивается и образы, как живые, проходят перед глазами».

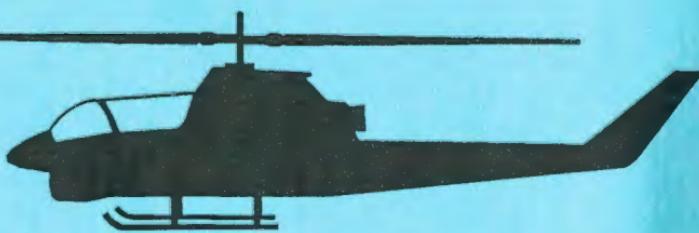
Ньюсик

«Подлинное сопереживание... Забываешь, с кем это все случилось — с вымышленными героями или с самим собой? Последние десять страниц — как раз то, что нужно, лучше не напишешь».

Нью-Йорк Таймс Бук Ревью

«Его лучшее произведение после «Приятияния Андromеды».

Лос Анжелес Таймс Бук Ревью

«В этом романе Мишель Кричтон вновь продемонстрировал свои лучшие качества: он держит нас в нетерпеливом ожидании и тем самым щекочет наши нервные окончания, и подбрасывает нам одно научное предположение за другим, заставляя в то же время наши мозги шевелиться».

Ньюсик

«Автор вскрывает пугающие глубины человеческой психологии в непредсказуемых обстоятельствах... Лишь немногим писателям удается представить науку столь увлекательной, как это делает Кричтон в своем романе. Замысел его весьма искусен, и в нем немало таинственных и запутанных кодов, чтобы заставить читателя затаить дыхание... Вдумчивая и волнующая попытка проникновения в мрачные глубины подсознания».

Бостон Гералд

